

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК**

**МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА
СОЦИАЛЬНЫХ и ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК**

**КУДА ИДЕТ
РОССИЯ?..**

*Ежегодный международный междисциплинарный
симпозиум*

**Под общей редакцией
академика РАН Т.И. Заславской**

**МОСКВА
1994-2003¹**

Том 1. 1994 г.

**АЛЬТЕРНАТИВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ**

СОДЕРЖАНИЕ

¹ Издание трудов симпозиума «Куда идет Россия?..» в разные годы осуществлялось разными московскими издательствами, а именно: 1994 г. – «Интерпракс», 1995 и 1996 г – «Аспект Пресс», 1998 – «Дело», 1999 – «Логос», 1997, 2000 – 2003 – «Московская школа социальных и экономических наук».

Т.И.Заславская. Открытие симпозиума
Панель 1. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ
В.В.Иванов. Теория и реальность осуществляемых реформ
Л.В.Никифоров. Смешанное общество—перспективный
вариант обновления
России
Г.И. Ханин. Эволюционный путь перехода к рынку в Россия
А.Р.Белоусов. Кризис индустриальной системы в России
Алек Ноув. Об опасности новых либеральных утопий
С.А.Хавина . Современные варианты смешанных обществ
Филипп Хенсон. О значении финансовой стабилизации в
России
В.В.Попов. Российская экономика как элемент мировой
И.Бирман. Взгляд на российскую экономику с Запада
О.Р.Лацис. Реплика
Теодор Шанин. Реплика
Ю.М.Голанд. Об ответственности реформаторов

Панель 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

В.Н.Дахин. Дуализм общественно-политической жизни
России (к вопросу
о влиянии исторической традиции)
В.Б.Пастухов. Посткоммунизм, как логическая фаза
развития евразийской
цивилизации
Г.Г.Дилигенский. Динамика и структурирование
политических ориентаций
в современной России
М.А.Мунтян. Россия в третьей цивилизационной
революции
В.В.Витюк. Авторитаризм и гражданское общество
А.Г.Здравомыслов. О соотношении экономической и
политической власти
в переходный период
Е.Н.Стариков. Реплика
А.Ю.Чепуренко. Малый бизнес и большая политика
Алексей Берелович. Об идее перехода к демократии через
авторитаризм
В.В.Петухов. Партии в современной политической
ситуации
И.Ю.Истошин. Позиции общественных организаций и пути
развития России
В.В.Иванов. Реплика о развитии культуры России

Панель 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
СТРУКТУРЫ:
НОВЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ГРУППЫ В РОССИИ
А.Г.Левинсон. Интеллигенция в условиях постсоветского
общества
И.Е. Дискин. Россия: социальная трансформация элиты и
мотивация
В.П.Данилов. Аграрная реформа в постсоветской России

(взгляд историка)

В.В.Радаев. Революция разночинцев

Н.Е. Тихонова. Зависимость взглядов и поведения от ценностных ориентаций

Г.И.Ханин. Реплика о социальной структуре общества

Т.И.Заславская. Об изменении критериев социальной стратификации российского общества

М.О.Шкаратан. Переживает ли Россия социальный кризис?

Н.С.Ершова. Трансформация правящей элиты России в условиях социального

перелома

Л.Г.Здравомыслов. К итогам дискуссии

Панель 4. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Э.Паин. Сепаратизм и федерализм в современной России

В..Л.Каганский. Реальности регионализации: основные аспекты процесса

Л.Д.Гудков. Русское национальное сознание: потенциал и типы консолидации

Л.М..Дробизева. Этницизм и проблемы национальной политики

В.И. Мукомель. О ликвидации последствий этнонациональных конфликтов

А.И.Гинзбург. Синдром национального меньшинства у русских

А.Г.Вишиневский. Потенциальная миграция русскоязычного населения

Панель 5. ВЕКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СДВИГОВ

Ю.А.Левада. Проблема интеллигенции в современной России

Алексей Берелович. Новые ценности в постсоветском обществе

А.С.Ахиезер. Динамика нравственности как основа прогноза

Б. В. Дубин. Культурная динамика и массовая культура сегодня

В.И.Борзенко. Религия в посткоммунистической России: новая евангелизация 1000 лет спустя

В.Н. Шубкин. Почему россияне проголосовали за Жириновского?

И.Е. Дискин. Об особенностях модернизации в России

В.В.Радаев. Реплика о роли интеллигенции

Тамаш Пал. О современной роли интеллигенции

Е.Н.Стариков. Реплика

Ю.Н.Давыдов. Уточнение понятия "интеллигенция"

Ю.М.Голанд. Нужна ли поддержка государства?

В.С.Магун. Ценностный реванш в современном российском обществе

Л.А.Гордон. Заключение ведущего

Панель 6. ТАК КУДА ЖЕ ИДЕТ РОССИЯ?

М.Я.Гефтер. Россия завтрашнего дня: прообраз Мира, какой может — в равной мере БЫТЬ и НЕ-БЫТЬ

Ю.Н.Давыдов. Современная российская ситуация в свете веберовской типологии капитализма

М. Л. Левин. Историческое познание и российский кризис

Ю.А. Левада. Заключение ведущего

А.С. Ахиезер. Возможность прогноза социокультурной динамики России

Л.А. Арутюнян. Куда идет Россия: взгляд из ближнего зарубежья

А.В.Полетаев. Развитие как продукт интеллектуальной деятельности

Л.А. Гордон. Ретроспективы и перспективы переходного времени

В. Л. Каганский. Спектр сценариев для Российской Федерации

Теодор Шанин. Заключительное слово

Открытие симпозиума

Уважаемые коллеги!

Прежде всего я хочу от лица Интерцентра искренне поблагодарить всех присутствующих за согласие и готовность принять участие в нашем международном симпозиуме. Для нас это очень большое событие. Ведь главная идея создания Интерцентра заключалась в том, чтобы содействовать выживанию и развитию в России фундаментальной социальной науки, ее творческому обновлению, интеграции социальных наук путем развития междисциплинарных исследований, а также углублению связей российского обществоведения с западным. Одним из путей достижения этих целей является проведение международных конференций по сложным и актуальным вопросам общественного развития России. Мы надеемся, что в дальнейшем оно станет постоянным элементом нашей деятельности. Международный симпозиум "Куда идет Россия: альтернативы общественного развития" представляет первый шаг в этом направлении. Состав участников и содержание материалов внушают уверенность, что он будет интересным, и что предстоящие нам дискуссии заметно обогатят наши представления о том, что происходит и будет в ближайшее время происходить в нашей стране. Главную цель этого симпозиума мы видим в глубоком и объективном анализе процесса трансформации российского общества, связанного со становлением новой государственности, преодолением наследия тоталитаризма, развитием политической демократии и рыночной экономики. Хотелось бы, чтобы, отбросив старые и новые мифы и минимизировав политические пристрастия, мы попытались выработать трезвую научную оценку современного состояния, тенденций развития и вероятных перспектив российского общества.

Согласно замыслу организаторов, данный симпозиум должен отличаться четырьмя основными чертами. Во-первых, стремлением к критической переоценке, переосмыслению современной общественной ситуации, в том числе расстановки, интересов и способов деятельности основных социальных сил. Во-вторых, особым интересом к альтернативным путям выхода России из кризиса, к спектру имеющихся здесь возможностей, к различным, в том числе и противостоящим друг другу, стратегиям и сценариям общественного развития. В-третьих, нацеленностью на междисциплинарное обсуждение сложных многокомпонентных проблем, на активное взаимодействие специалистов в области разных общественных дисциплин. И наконец, глубоким вниманием к особенностям и урокам российской истории, к

тем историческим тенденциям, без знания которых нельзя понять ни современную ситуацию, ни пути будущего развития России.

Первая особенность определяется тем, что преобразование российского общества осуществляется неэффективно. Конечно, в целом этот процесс углубляется, приобретая все более необратимый характер. Разрушены такие "несущие конструкции" тоталитарного общества, как КПСС и "рычаги" ее власти — Советы. Демократизируются формы политической власти. Принята новая Конституция. Постепенно развивается рынок. Однако экономическая реформа осуществляется в первую очередь за счет населения, уровень жизни которого, как известно, и прежде был весьма ограничен. В связи с этим проведение реформ наталкивается на растущее сопротивление тех общественных групп и слоев, которые несут на себе их тяжесть. Это сопротивление, выражающееся в забастовках, митингах, демонстрациях, выдвижении требований к правительству, замедляет осуществление дальнейших реформ. В результате во всех сферах жизни — от экономики и до нравственности — нарастают и обостряются противоречия, пути решения которых неясны, а последствия — непрогнозируемы. Накопление проблем, не находящихся радикальных решений, порождает у многих людей ощущение беспросветности, социальный пессимизм и фрустрацию, что создает благоприятную почву для развития правопатриотических и национал-социалистических движений. Сейчас, когда "первые в России подлинно демократические выборы" едва не кончились победой фашизма, потребность в глубоком научном осмыслении сложившейся ситуации и вероятных путей ее будущего развития становится особенно острой. Полагаю, что обсуждение этих вопросов большой группой квалифицированных, творчески мыслящих обществоведов нескольких стран может внести серьезную лепту в решение этой задачи.

Вторая черта нашего замысла связана с переломным характером современного этапа российской истории. В настоящее время Россия находится на развилке исторического пути, в "точке неопределенности", откуда могут быть проложены принципиально разные траектории. Эта мысль нередко высказывается учеными, политиками и журналистами. Но этого мало. Мне кажется, что ощущение переломности переживаемого момента, я бы сказала, "колебания весов истории" разлито в широких слоях общества. Люди чувствуют, что какой-то этап преобразования нашего общества ("перестройка"? "постперестройка"?) заканчивается, или даже закончен, что отведенные ему ресурсы исчерпываются и на смену ему идет новый этап. Но его новизна? Будет ли он разумным и эффективным или самоубийственным, разрушительным? Этого пока не знает никто, и было бы очень ценно выяснить те условия, при которых Россия имеет шансы выйти из кризиса или, напротив, уйти в него с головой.

Многие миллионы россиян задаются сегодня вопросом, что же все-таки происходит в обществе: кем, каким образом и в чьих интересах перераспределяются власть и собственность, как меняется социаль-

ная структура общества, положение разных групп и слоев, каких изменений можно ждать в ближайшем и более отдаленном будущем, чего и как следует добиваться для себя и своих детей, чтобы их жизнь была полноценной. Ученые разных специальностей пробуют ответить на эти вопросы. В научной литературе высказано немало соображений о возможных альтернативах развития России. Но большинство их относится не к обществу в целом, а лишь к его определенным сферам жизнедеятельности — экономике, политике, культуре и проч. — и недостаточно связаны друг с другом. Целостное же, обобщенное представление об альтернативных путях развития России, насколько я знаю, пока не выработано или, лучше сказать, не сложилось. Хотелось бы, чтобы в результате нашей дискуссии возникло более конкретное, многостороннее и глубокое представление о том, к какому именно "историческому перекрестку" подходит Россия, куда ведут разбегающиеся от него пути, что они означают и предвещают. Важно было бы оценить и сравнительную вероятность, объективные предпосылки и управленческие стратегии, требуемые для реализации каждого из путей. Думается, что даже частичные ответы на эти вопросы стали бы существенным вкладом в современную научную мысль.

Третья особенность замысла и программы симпозиума обусловлена теснейшей взаимосвязью экономических, политических, правовых, социальных, национальных, социокультурных, психологических и других компонентов трансформации общества. Можно привести бесчисленные примеры того, как проблемы, казалось бы, имеющие разную природу, но в действительности связанные друг с другом, сплетаются в столь сложные целостные "синдромы", изучение которых силами отдельных наук невозможно. Здесь требуется взаимопонимание нескольких дисциплин, объединение усилий специалистов разного профиля, особенно работающих "на стыке" разных наук. Поэтому междисциплинарный состав участников и "сквозной" для разных наук характер обсуждения вопросов — принципиальная черта этого симпозиума. Его структура включает шесть последовательных панелей, пять из которых посвящаются соответственно экономическим, политическим, социальным, этнополитическим и социокультурным проблемам. Симпозиум организован так, чтобы в работе каждой панели могли принять участие все приглашенные. Это обеспечит междисциплинарный характер не только симпозиума в целом, но и каждой из его панелей, на первый взгляд относящейся к специализированной науке.

Наконец, важной тенденцией научного осмысления происходящих в стране процессов является расширение, с одной стороны, временных, исторических, а с другой — пространственных, геополитических рамок анализа. В первые годы перестройки ее идейное — научное "обслуживание" осуществлялось преимущественно экономистами и социологами, временной диапазон исследований которых ограничивался, в лучшем случае, последним десятилетием, а процес-

транстивный — территорией СССР и стран Восточной Европы. Но по мере того, как процесс преобразований разворачивался и углублялся, по мере того, как все ясней обнаруживалась не только его сложность и многоплановость, но и прямая связь с предшествующей историей РОССИИ, вписанность в общемировую политический и экономический процесс, в развитие всей современной цивилизации, в исследование этого процесса стали включаться такие науки, как российская и всеобщая история, политическая философия и география, демография, культурология, социальная психология и другие. Мы хотели бы предоставить этим наукам серьезное место на этом симпозиуме и надеемся, что диалог между представителями "актуальных" и "фундаментальных" наук будет важен и плодотворен.

Скорее всего, местом такого диалога станет шестая панель "Так куда же идет Россия?". Она призвана, с одной стороны, обобщить и интегрировать представления, выработанные в ходе предыдущих дискуссий, а с другой — дополнить их историческими соображениями, определить сущность переживаемого нами этапа в контексте длительного развития России, обосновать альтернативные варианты будущего, определить объективные предпосылки и субъективные факторы выбора того или иного пути. На первое место здесь выйдут историки, но в дискуссии будут участвовать обществоведы разных специальностей. В целом мы хотели бы сконцентрировать обсуждение не столько на злобе сегодняшних дней (хотя без нее не обойтись), сколько на глубинных и долгосрочных процессах, коренящихся в истории и современном состоянии России и вместе с тем оказывающих решающее влияние на выбор ее будущего пути. Желаю всем вам, или, точнее, всем нам, успеха и обогащения новыми творческими идеями.

Панель 1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

*

Вопросы для обсуждения:

1. Суть и оценка осуществляемого варианта экономического развития: тупик или выход?
2. Альтернативные варианты экономического развития.
3. Политическая система и выбор экономического варианта.
4. Экономическая стратегия и социальные интересы разных слоев российского общества.

*В.В.Иванов,
кандидат экономических наук,
Институт экономики переходного периода*

Теория и реальность осуществляемых реформ

Прежде всего я хотел бы поблагодарить организаторов симпозиума за предоставленную возможность принять участие именно в таком интердисциплинарном собрании. Я тоже считаю чрезвычайно важной координацию деятельности представителей экономических и социальных наук, и многие недостатки и экономистов и социологов вижу как раз в отсутствии знания социологии и политологии у одних и знания экономики — у других. И свою задачу сегодняшнюю я вижу в том, чтобы представить наше видение происходящих реформ, может быть, расположенное на оптимистичном краю шкалы общественного мнения, хотя, как мне представляется, все это время, пока мы ведем наблюдение за ходом реформ, мы стремились быть объективными. Со стороны нередко слышатся упреки в том, что наш объективный анализ оказывается слишком оптимистичным, проправительственным и т.д. Но тем не менее, я считаю, что поскольку мы опирались на данные ежемесячной, ежеквартальной, еженедельной статистики, на богатый фактический материал и другие текущие материалы, постольку имеем некоторые основания для той точки зрения, которая будет мною представлена.

В посткоммунистической России, по нашему мнению, наложились друг на друга три важных процесса: процесс открытия экономики,

который свойствен достаточно широкому кругу стран в послевоенное время; переход от плановой социалистической экономики к рыночной, который переживает существенно меньший круг стран; и очень редкое явление во второй половине XX в. — распад, крушение последней империи. Это все предопределило, на наш взгляд, некоторое своеобразие названных процессов в России, поскольку она одновременно переживала три болезни — закрытой экономики, социалистической экономики и империалистического устройства — и должна была выздороветь от них.

Первое реформаторское правительство с колес начало проведение широкого круга либеральных реформ. Я бы выделил в них следующие ведущие принципы. Прежде всего это так называемая институциональная либерализация, уход государства из экономики, перераспределение властных полномочий сверху вниз. Следующая важная задача, которая решалась, — это создание рычагов денежной, валютной, кредитной, бюджетной политики, которые практически отсутствовали в предыдущее время, когда господствовала прямая командная система управления экономикой. Одновременно предпринимались попытки решить задачу финансовой стабилизации с помощью слабых рычагов, существовавших в начале реформ, и по мере возможности совершенствовать эти рычаги. Фундаментальной проблемой была борьба с инфляцией. Это была первоочередная задача, для того чтобы обеспечить решение каких-либо других проблем. Наконец (и это не самое последнее, перечень можно было бы продолжить), фундаментальным процессом была и остается системная реорганизация экономики, изменение структуры собственности, изменение субъектов экономики и т.д. Что же было сделано? Была подорвана система прямого вмешательства государства в экономику, либерализована внешняя торговля. (Хотя этот процесс очень неоднозначен, но принципиально ситуация в этой области, безусловно, отличается от того, что было пять лет назад.) Произошла либерализация внутренней торговли. (Этому процессу, также как и либерализации внешней торговли, конечно, препятствует существование остатков монополий, возникших в советское время.) Произошел полный отказ от прямых государственных инвестиций, этого, по чьему-то выражению, "наркотика для социалистической экономики". Сегодня прямых государственных инвестиций формально не существует. Они существуют в неявной форме льготного кредитования, но вот напрямую беспроцентных вложений государства в производство уже нет. На первом этапе реформ, по существу, была решена задача создания финансовых, кредитных, бюджетных инструментов, о которой я упоминал раньше, и сегодня все привыкли к существованию цены на кредит, валютного курса, бюджетных проблем, налогов. Анализ бюджета и прохождение бюджета в бывшем Верховном Совете и будущем парламенте становится средоточием политической борьбы и борьбы за распоряжение экономическими ресурсами и т.д. И это важный симптом изменения способов воздействия на экономику со стороны государства.

Самым внешне заметным шагом правительства Гайдара была либерализация цен. Она, правда, растянулась почти на два года. Можно объяснять, почему это произошло, но, во всяком случае, освобождение цен было одним из самых первых шагов реформы. К сожалению, на первых этапах первому правительству реформ не удалось добиться финансовой стабилизации, хотя в течение первого полугодия оно всеми правдами и неправдами стремилось к этому и темпы инфляции начали снижаться. Речь идет о первом полугодии 1992 г. Но потом эта политика не удалась, и сейчас задачи финансовой стабилизации приходится решать снова. Произошла такая важная вещь, как укрепление рубля. Наверное, все помнят, что к концу существования Советского Союза постоянно шла речь о денежной реформе, об изменении национальной единицы, то же самое было в начале 1992 г., после возникновения новой России. Но рубль возродился. Он стал меньше, но существенно прочнее, наполнился товарами, получил внутри страны хождение наравне с зарубежной валютой и превратился в валюту для бывших советских республик, новых независимых государств. Начал исчезать дефицит товаров. Появились глубокие системные изменения, под которыми я имею в виду прежде всего становление института собственности. Как мне представляется, проблема приватизации в России — не проблема передачи государственной собственности в частные руки. Это в первую очередь становление института собственности, как государственной, так и частной. До начала процесса приватизации было не очень понятно, что такое государственная собственность, как ею распоряжаться, кто представляет государственного собственника, кто может продавать ее. В процессе приватизации выяснилось, кто же представляет государственного собственника, как с ним можно обращаться, и в этом смысле это был и есть не только процесс продажи государственной собственности в частные руки, во и действительного возникновения государственной собственности.

Слабости, присущие периоду реформ. Одной из очевидных экономических слабостей является структурная политика, т. е. попытка регулировать развитие отдельных отраслей в народном хозяйстве. И эта политика, как было видно на протяжении последних полутора-двух лет, носит стихийный характер. Одно из объяснений состоит в том, что до правильного, грамотного проведения структурной политики не дошла очередь. Решать задачи структурной политики возможно в условиях, когда инфляция контролируема, когда бюджет находится под контролем, когда сложились эффективные кредитные, финансовые, денежные рычаги и достигнута финансовая стабилизация. Этим частично можно объяснить то, что грамотная структурная политика, как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства, в прошедшие два года была слабым местом. То же самое можно сказать о региональной политике, которая фактически также складывалась стихийно.

Назовем *основные препятствия реформам*. Прежде всего, это гигантский государственный сектор. Он создает огромную нагрузку на государственный бюджет и вместе с этим представляет огромные массы людей, организаций, экономических субъектов, плохо приспособленных к условиям рынка. Конечно, за это время происходили гигантские изменения как в менталитете людей в государственном секторе, так и в характере его организации, но тем не менее он еще продолжает оставаться огромным и составляет серьезное препятствие продвижению реформ. Следующим препятствием можно считать недостаток капиталов в стране: внутренний капитал сравнительно невелик, иностранный пока еще осторожен, по вполне понятным причинам, иностранные инвестиции плохо идут в страну. Далее — тяжесть бремени отношений с государствами бывшего СССР. Я должен сказать, что с самого начала своего существования как независимого государства Российская Федерация чувствовала историческую ответственность за судьбу соседей, эта ответственность вынуждала нередко действовать во взаимоотношениях с ними в ущерб экономической целесообразности. Наиболее очевидным примером является гигантский долг Украины России, накопившийся за полтора—два года. Важным фактором, деформировавшим решение вопросов экономической целесообразности, была также новая для России ответственность за русских, проживающих за границей. Советский Союз не знал такой ответственности. Эта ответственность возникла у России прежде всего по отношению к русским, живущим в ближнем зарубежье.

Препятствием для реформ служила и проблема кадров для рыночной экономики. Система образования не была приспособлена к формированию таких кадров, рыночная культура населения была невелика. Не было опыта функционирования политической демократии. Культура государственного управления не соответствовала новым условиям. В частности, можно отметить, что потенциально опасным оказалось сохранение ядра старого Госплана. Мы помним, как после кадровых перемещений в этом году из недр старого Госплана (ныне Министерство экономики) нависла серьезная профессионально-обеспеченная угроза реставрации прежнего экономического порядка. Конечно, можно говорить о том, что полная реставрация невозможна, но на этой основе возможна радикальная смена курса. Я отмечу также, что экономическая программа господина Жириновского также была подготовлена одним из сотрудников НИИ Госплана. Я думаю, это, в некотором плане, не случайное совпадение.

Институциональные проблемы реформ. В качестве центральной проблемы можно назвать недооформленность государственной власти в России. Многие и внутри страны, и зарубежом недооценивают тот факт, что сегодняшняя Россия — действительно новое государство. Государственная власть в России раньше была фрагментом тоталитарной машины Советского Союза. После распада, крушения Со-

ветского Союза на месте этого фрагмента должна была возникнуть полноценная государственная власть. Ее формирование можно будет считать завершенным только с первым заседанием Федерального собрания. Но еще октябрьские события показали, что сложилась странная ситуация, когда есть сомнения в том, подчиняется ли армия Верховному Главнокомандующему, Министерству безопасности, Министерству внутренних дел, президенту страны. Я думаю, что октябрьские события послужили очень важным толчком к кристаллизации, к окончательному оформлению исполнительной вертикали власти. Не завершено полноценное формирование национальной армии, не определено ее место в политическом пейзаже. Не завершено формирование законодательного фундамента. Принято что-то вроде окончательного варианта Конституции, но нет нового Уголовного кодекса, не обновлен Гражданский кодекс, и т.д. Сегодняшние экономические проблемы реформ кроются и в структурной, и в финансовой политике. Снова на первом плане задача обуздания инфляции, а остальные задачи имеют как бы второстепенное значение. Здесь есть положительный момент — появление возможного якоря, номинального ограничителя инфляции — валютного курса рубля, который удалось стабилизировать в течение ряда месяцев, и уже появились первые признаки того, что это служит стабилизации процессов, происходящих в финансовой сфере, готовит почву для снижения темпов инфляции в ближайшие несколько месяцев. Выборы показали те слабости, которые связаны с социальной политикой. Безусловно, здесь должны произойти некоторые изменения и, безусловно, будут и должны продолжаться системные изменения, связанные со структуризацией института собственности и экономических субъектов.

И заключительное замечание на переходе от экономики к социологии, культуре, политике и т.д. Мне представляется, для сегодняшней Россией продолжают оставаться принципиально возможными два пути развития. Один из них — это американский путь либерализованной экономики. Мне кажется, что к этому население готово в большой массе, оно уже привыкло надеяться не на государство, а на собственные силы, действовать самостоятельно. То же самое относится к экономическим субъектам. Второй путь — это путь японо-германский, за который стоит большая часть "обломков" старой системы, ныне интегрированных частично в новую систему государственного управления в виде крупных предприятий. Формирование финансово-промышленных групп мне представляется ведущим скорее по второму пути, и я думаю, что в условиях России пока еще этот путь является опасным, поскольку отсутствие тонких механизмов регулирования экономики, общества в условиях господства государственной машины в России может заставить нас скатиться в нечто похожее на прежнюю экономику. Но я надеюсь, что вокруг того, что я условно назвал американизированным путем развития, сосредоточено достаточное количество энергии, людей и новых экономических

субъектов. И этот путь будет пролагать себе дорогу более успешно, чем второй.

Вопрос: Как Вы относитесь к ваучерной приватизации?

Ответ: Ваучерная приватизация является компромиссом, поскольку это политический способ привлечения населения на сторону процессов перехода к рынку, создания культуры собственника. Но собственник здесь, при ваучерной приватизации, оказывается недостаточно эффективным с точки зрения экономики.

Вопрос: С чем связана неэффективность государственного сектора экономики?

Ответ: Государственный сектор был приспособлен к старой советской системе функционирования. В новых условиях многие его фрагменты оказались очень неэффективными. Несмотря на то что прямые государственные инвестиции сейчас отсутствуют, если существуют кредиты сельскому хозяйству под 10—20% в год, то это скрытая форма субсидирования сельского хозяйства. Политическая и социальная целесообразность заставляет в той или иной форме субсидировать государственный сектор.

Вопрос: Не кажется ли Вам, Вадим Викторович, что ценой макроэкономического урегулирования является гибель нашего российского хайтека, т. е. тех немногочисленных анклавов высоких технологий, которые у нас были, а сейчас уничтожаются? В свое время Е.Т.Гайдар сказал: "Что ж, погибает тот, кто достоин смерти". Но у нас ведь структурная перестройка оказалась, как бы сказать, извращенной. То есть сокращение производства в базовых отраслях оказалось минимальным, в то время как наукоемкое машиностроение пережило обвальное крушение. А с августа месяца с.г. это уже просто самовоспроизводящийся процесс, который не поддается воздействию никаких рычагов, тем более монетарных.

Ответ: Как я понимаю, смысл вопроса в том, хорошо ли, что в одних отраслях был просто большой спад, а в других — был очень большой спад? Или хорошо ли, что хорошие отрасли погибают? Я должен честно сказать, что, по моему мнению, если отрасль погибает — она плохая. Есть точка зрения, достаточно последовательная, согласно которой, если вы вынуждены из государственного бюджета поддерживать какую-то отрасль, то страдает потребитель. Если поддержание отрасли идет за счет более высоких цен, за счет протекционизма, защиты от импорта, то страдает потребитель. Я не знаю, что лучше. Готов поставить перед вами альтернативу. Что лучше: чтобы отрасль погибла или чтобы население, потребители, получало меньше доходов? Мне кажется, лучше — когда хорошо потребителям.

Вопрос: Вадим Викторович, в прессе и в научных дискуссиях приходится сталкиваться с различными, подчас противоположными суждениями об эффективности реформ, проводимых "командой Гайдара". Одни, в том числе и Вы, подчеркивают их успешность, другие говорят о полном провале. На основе каких критериев Вы и Ваши

единомышленники судите об успехе реформ? В каком случае, или при какой ситуации, Вы констатировали бы успехи реформ, а при какой согласились бы, что они провалились?

Ответ: Я не сталкивался с критериями оценки реформ. Какое-то время я занимался методологией оценок, в частности критерием оптимальности народного хозяйства, исследовал этот вопрос, и, на мой взгляд, не существует объективных критериев оценки реформ, существуют лишь некоторые субъективные критерии. Мне кажется, то, что осуществлялось, является, в некотором смысле, естественным развитием предшествующих процессов, естественным — в рамках максимально возможного мирного развития на территории России. Ваш вопрос я бы перевел в плоскость социальных издержек, социальных затрат реформ. Одной из важных особенностей проводимых реформ либерального типа является то, что всем предоставлена возможность найти любые другие источники существования. Для многих проблема состоит в том, что они не хотят менять образ жизни, не хотят менять профессию, не хотят менять предприятие, и т.д. То есть в этом смысле не хотят полагаться на себя, а продолжают считать, что они должны полагаться на государство, на то, что кто-то должен о них позаботиться.

*Л.В.Никифоров,
доктор экономических наук,
Институт экономики РАН, Интерцентр*

Смешанное общество — перспективный вариант обновления России

Кризис и крах существовавшей в стране огосударственной общественной системы, разрушение Советского Союза поставили Россию перед выбором путей дальнейшего развития. Ситуация, в которой оказалась страна, как и вообще ситуации переломного характера, примечательна тем, что из нее нет какого-либо одного predetermined выхода. Напротив, становится возможным выбрать, и реально осуществляется выбор варианта общественного обустройства, а с ним и судьбы России.

Практически выбор варианта преобразования общества в условиях глобальных социальных кризисов происходит (и это не раз доказывалось историей) под воздействием большого количества факторов. Среди последних особую роль играют: конкретная экономическая и социальная ситуация, соотношение различных социальных и политических сил и умение каждой из них использовать в своих интересах общественное недовольство ранее существовавшим порядком. Часто экономическое, социальное и политическое содержание

выбираемого или уже выбранного варианта камуфлируется различного рода социальной демагогией, прикрывается необходимостью решения первоочередных текущих задач, достижения стабилизации и т.п. способами сознательного или неосознанного социального обмана. Затем сделанный выбор начинает трактоваться или как вынужденный, или как наиболее рациональный, или как наиболее перспективный, но во всех случаях как якобы единственно возможный и необходимый вариант. При этом возможности иных вариантов начинают замалчиваться, отвергаться или просто подавляться различными способами.

К сожалению, процессы, связанные с выбором варианта общественных преобразований в России на нынешнем переломном этапе развития, осуществляются примерно по описанной схеме. Во-первых, непонимание политическим руководством страны второй половины 80-х годов необходимости действительно глобальных социально-экономических преобразований, смены общественной системы. Упорные попытки сохранить, упрочить старую систему, предпринимавшиеся под разными лозунгами, с использованием различных способов камуфляжа, затруднили осознанный выбор наиболее рациональных стратегических вариантов перемен. Во-вторых, углублявшийся экономический кризис, неудачные попытки достижения экономической стабилизации тоже препятствовали решению этой задачи. В-третьих, на начальных этапах кризиса и развала государственной олигархической системы возникшее единение демократических сил было направлено на слом старой системы, на создание условий, исключающих ее реанимацию. Эти преобладавшие общественные устремления отодвинули на задний план проблемы выработки, обсуждения, сравнения и отбора вариантов стратегии общественного развития.

Во всяком случае, мне думается, что, когда необходимо было поставить и решить задачу выбора стратегического варианта дальнейшего развития страны, эта задача вообще не была поставлена. На первых этапах кризиса и развала старой системы она решалась спонтанно. Анализ возможного спектра вариантов развития страны был заменен общими положениями о переходе к рынку. Однако сам по себе рынок содержит тенденцию экономической и социальной дифференциации и соответствующие им стимулы развития, но не содержит механизмов согласования интересов и социальных гарантий для всех групп населения. Поэтому движение к рынку вообще фактически означает выбор социально-экономической системы, существовавшей в ныне развитых странах в прошлом веке, т.е. системы классического капитализма.

Позднее необходимость разработки стратегии развития как первоочередной задачи отвергалась группировками, оказавшимися у реальной политической власти, под предлогом неотложности решения задач экономической стабилизации. Переход к решению этих задач методами шоковой терапии превратился в практическую

реализацию варианта возвращения России к классическому капитализму с резкой социальной дифференциацией, спекулятивными капиталами, подрывом развития социальной сферы и т.п. Этот вариант не дал ожидавшейся экономической и социальной стабилизации, но, безусловно, заложил социальную базу реставрации капитализма.

Мне думается, что фактический выбор варианта развития страны оказался неудачным и в экономическом, и в социальном, и в политическом, и в иных отношениях. Неудачным потому, что он не решил дилемму социализм — капитализм. Произошел резкий крен в сторону капитализации страны. В результате существовавшие проблемы обострились, дополнялись новыми, не менее сложными. Соединение старых и новых проблем создало угрозу самому существованию России как социально стабильного и целостного государства.

Происходившее в 1992—1993 гг. размежевание в рядах демократических сил, попытки выдвижения их разными течениями многочисленных вариантов социально-экономической стратегии развития страны натолкнулись на уже происходящую капитализацию страны. Фактически демократические основы развития экономики оказались подмененными экономическим либерализмом, знаменовавшим, с одной стороны, отход государства от регулирования экономики, а с другой — государственный протекционизм по отношению к становлению государством же отобранных способов и форм частного хозяйства. В политической сфере демократические начала стали уступать место политической диктатуре. Выбранный вариант был объявлен вынужденным и безальтернативным.

Между тем существовали и до сих пор существуют другие варианты стратегического развития и решения сложных текущих социально-экономических проблем России. Возможность их реализации связана с проведением преобразований, призванных ликвидировать старую систему.

Главной особенностью старой экономической системы было огосударствление всех сторон общественной и даже личной жизни — экономической, политической, социальной, духовно-нравственной и т.д. Соответственно программу преобразований в нашей стране целесообразно основывать на стратегии поэтапного и комплексного разгосударствления разных сторон и условий жизнедеятельности общества. Суть разгосударствления отнюдь не сводится к приватизации, хотя последняя является главным процессом изменения экономических отношений. Но даже в сфере экономики разгосударствление включает перевод государственных предприятий на рыночные условия, формирование муниципальной собственности, отработку новых форм государственного регулирования экономики. Кроме того, разгосударствление экономики должно увязываться с созданием подлинно демократической политической системы, с сочетанием государственных и негосударственных способов и форм социальных гарантий и

социальной защиты, и т.д. Осуществление комплексного и широко понимаемого разгосударствления исключило бы подмену экономической демократии либерализацией экономики, а в политике — упрощенной демократии тенденциями к диктатуре. Преобразования, основанные на поэтапном и разностороннем разгосударствлении, могли бы создать экономические и социальные предпосылки постепенного перехода России к общественной системе принципиально нового, современного типа. Такой новой системой является смешанное, или открытое, общество, различные типы которого формируются или практически уже сложились во многих развитых странах мира.

Становление смешанного общества знаменует изменение характера общественного развития, переход от формационных систем, основанных на преобладании классового противостояния, к системам, в которых преобладает социальное взаимодействие, а существующие социальные противоречия (принимающие иногда достаточно острые формы) разрешаются через выработанные механизмы социальных договоренностей, компромиссов и т.п. Возможности перехода России к обществу такого типа без ее предварительного возврата в дикий капитализм обычно ставятся под сомнение или отвергаются на том основании, что Россия по уровню своего экономического развития значительно отстает от развитых стран. Однако следует учитывать, что нынешний высокий уровень развития западных стран есть результат их движения по пути открытого общества, а не его исходный пункт. Если же сравнить стартовые условия постепенной трансформации капитализма в разные типы смешанного общества и современный уровень экономического, социального, культурного развития России, не говоря уже о ее ресурсном потенциале, то возможности движения России к смешанному обществу будут выглядеть даже предпочтительнее. Кроме того, для России исторически была характерна (и сохранилась даже в периоды максимального огосударствления) тенденция к развитию различных социальных секторов хозяйства, которая быстро проявилась уже в первые перестроечные годы.

Невозможность движения России к обществу смешанного типа обосновывается также сложившейся в ней ситуацией экономического развала. Однако следует иметь в виду, что поэтапный переход к обществу смешанного типа — это и есть путь выхода из развала, путь реальной экономической стабилизации. Конечно, этот путь принципиально отличается от проводимой в 1992—1993 гг. социально-экономической политики, но, как показывает опыт ряда стран, прежде всего Китая и Вьетнама, это путь экономического роста, а не падения, путь решения, а не накопления и усугубления структурных и социальных проблем.

Наконец, иногда само существование смешанного, или открытого, общества, как принципиально нового общества с иным устройством, ставится под сомнение на том основании, что в развитых странах сохраняются социальные противоречия, социальная борьба, существует социальная дифференциация и т.п. В этой связи следует

отметить, что социальные противоречия и дифференциация суть неизбежные спутники и черты человечества. Однако на современном этапе развития у различных социальных групп появляются возможности, потребности и интересы разрешать возникающие противоречия на основе: а) регулирования социальной дифференцированности, б) создания достаточно сложных и эффективных систем и механизмов социальной защиты и в) улучшения жизнеобеспеченности и жизнедеятельности. К тому же происходит изменение самих основ формирования социальной структуры, становление среднего слоя, объединяемого не по традиционным классовым признакам.

Возможности постепенного перехода России к обществу смешанного типа безусловно не были использованы ни во второй половине 80-х, ни тем более в начале 90-х годов. Вначале это было связано с непоследовательностью государственной политики по отношению к негосударственным (прежде всего частным) формам собственности и хозяйства, а также с запаздыванием реформирования государственного хозяйства. Затем возможности перехода к смешанному обществу предельно уменьшились под воздействием политики капитализации страны, методов и форм проведения приватизации, нарастания социальной напряженности и падения жизненного уровня большинства населения страны.

В настоящее время, по существу, возможности движения России к обществу смешанного типа приходится рассматривать уже не с позиций выбора того или иного варианта, а с позиций смены выбора, который был сделан определенными политическими и социальными группами.

Тем не менее было бы ошибкой считать вариант обновления России на основе ее движения к открытому обществу принадлежащим истории. Хотя такое движение стало крайне затрудненным, возможность его осуществления еще не исчезла.

Во-первых, дикая капитализация страны, несмотря на разгул спекулятивных отношений, еще не охватила основ экономики и не подчинила себе основную массу населения.

Во-вторых, процессы перемен в экономических и в целом в общественных отношениях неоднозначны и противоречивы. Даже установленные, жестко предписанные и ограниченные формы приватизации дают некоторые возможности для становления разных социальных типов хозяйства (акционерных, частных, коллективно-долевых, государственных).

В-третьих, неэффективность выбранного варианта реформирования экономики достаточно очевидна. Намерения осуществлять ранее выработанную политику могут привести к еще большему обострению экономических и социальных проблем. Результатом проводимого экономического курса стали непредсказуемость и неуправляемость экономического развития, невозможность преодоления крайне негативных тенденций в разных сферах производства. Об этом, в частности, свидетельствуют периодические провалы предска-

заний творцов нынешней экономической политики о начинающейся стабилизации производства, финансовой системы, о снижении темпов инфляции и т.п.

В-четвертых, все больше сказываются негативные результаты асоциальной сути проводимой политики, как с точки зрения подрыва социальной сферы, так и социального положения различных групп населения. Это неизбежно суживает социальную базу выбранного варианта реформ. Решить же возникающие социальные проблемы в рамках данной политики невозможно, ибо она не дает возможности найти экономические и социальные ниши для значительной части общества. В результате произошло самое опасное именно для нашей страны. Страна с уже существовавшими острыми социальными проблемами получила вдруг колоссальный блок новых социальных проблем, связанных с фантастически развивающейся социальной дифференциацией. Причем основанной не на экономическом росте, а на перераспределении имевшегося богатства, т.е. на обнищании большинства и на обогащении меньшинства. Это не путь формирования современного собственника-гражданина. Происходит становление слоя реальных собственников, как правило, занятых спекулятивным бизнесом. В то же время в ходе акционирования убыточных предприятий и ваучеризации идет процесс образования псевдособственников, ничего от своей "собственности" не имеющих.

Все это свидетельствует о реальных потребностях смены путей и способов проведения социально-экономических перемен, изменения их стратегических ориентиров. Сейчас крайне важно понять, что нельзя в конце XX в. переходить в тому типу общества, который был характерен для всего развитого мира и для нашей страны в начале XX в. Эта ступень пройдена, нет того капитализма, который был когда-то. Западное общество и сегодня называется капитализмом, но это уже другое общество, с другими основами, с другими тенденциями развития, хотя и с массой противоречий.

Решающим фактором не только обновления, но и выживания России является достижение в ней социального согласия. Процессы распада, дифференциации национального и регионального распада зашли столь далеко, что только реальное достижение социального согласия может поддержать и сделать более благоприятными перспективы сохранения и обновления России. Стратегия капитализации и связанная с ней текущая экономическая и социальная политика не могут стать базой достижения социального согласия.

Перспективы решения этой важнейшей и сложнейшей задачи открывает вариант движения к обществу открытого типа. В движении такого рода нет ничего утопического или не соответствующего специфике России, ибо оно означает свободное развитие форм собственности и типов хозяйства. Их динамика, возможность взаимопереходов и интеграции позволяют найти в такой системе место наибольшему количеству социальных групп и конкретных людей и обеспечить больший экономический эффект.

Основой становления и развития смешанного общества является развитие производства, т.е. приращение (а не только перераспределение) общественного богатства и соответственно рост жизненного уровня различных слоев и групп населения. А это главная экономическая задача, которую наконец, так или иначе, предстоит решить.

Становление смешанного общества предполагает отработку демократической политической системы и создание гарантий свободы личности, выражения и учета политических и социальных интересов различных слоев народа. Сейчас уже достаточно очевидно, что если не создать нормальные демократические механизмы выражения данных интересов, то последнее может принять весьма дестабилизирующие формы.

Иногда достижение социального согласия в такой социально и политически дифференцированной стране, как Россия, представляется некоей химерой. Однако социальное согласие есть ни что иное, как понимание необходимости и практическое осуществление социального взаимодействия между различными социальными группами и силами, признание и гарантирование прав и возможностей развития каждой из них. Подобные принципы заложены в основе прогресса всех современных обществ.

Реализация оставшихся возможностей становления в России общества смешанного типа, снимающего дилемму "капитализм — социализм" и вопрос "кто кого?", предполагает определенную смену экономических и политических вех. Основы экономической программы движения к обществу смешанного типа как минимум должны включать:

во-первых, поддержку производства как основную линию экономической политики. В целях перелома процессов падения производства целесообразно осуществление тактики экономических прорывов. В условиях экономического развала, инфляции, финансовых трудностей, разрыва прежних хозяйственных связей, с точки зрения поддержки производства особое значение приобретает обеспечение развития тех сфер хозяйства, в которых наиболее высок темп экономического оборота, есть возможность для использования местных ресурсов, продукция которых крайне необходима населению. С этих позиций особо велико значение развертывания малого бизнеса в промышленности и сферах услуг и ремесла, а также обеспечение нормальных экономических связей с сельским хозяйством, что являлось бы главным фактором его выхода из развала ;

во-вторых, изменение форм, способов политики приватизации, соединение процесса и каждого конкретного случая приватизации с получением экономического и социального эффекта. Процесс приватизации надо освободить от административного давления, навязывания сроков, заданий и т.п. Приватизация должна стать естественным, а не административно развивающимся процессом. Только в этом случае может быть изменено такое положение, когда приватизация растет, а экономика падает. Итак, первое, что необ-

ходимо сделать, — связать приватизацию с возможностями развития разных форм хозяйствования. А это значит, что надо отказаться от формализации приватизации. Она должна развиваться как процесс целесообразный — экономически и социально, т.е. в той мере, в которой она дает эффект. Приватизироваться предприятие должно только в том случае, если приватизация даст приращение экономическое и социальное, но если она дает не приращение, а, наоборот, усугубляет обвал, то теряется ее смысл и извращается, дискредитируется одна из основ преобразований в стране. Что же касается скорости приватизации, роста удельного веса приватизированных предприятий, то эти вопросы имеют производное, а не главное значение. Чем эффективнее будет приватизация, тем больше в ней будут заинтересованы люди, трудовые коллективы;

в-третьих, включение в процесс экономических преобразований первичных территориальных уровней, на которых организуется жизнедеятельность и жизнеобеспеченность людей. Это предполагает создание на этих уровнях новых экономических структур, создание равноправных условий становления разных форм собственности и хозяйства, в частности создание муниципальной собственности и муниципального хозяйства;

в-четвертых, создание системы гарантий с целью привлечения иностранного капитала в российское производство и взаимовыгодных форм сотрудничества национального и иностранного капитала;

в-пятых, осуществление политической реформы, обеспечивающей демократическое устройство государства: демократическую (парламентскую или интегрированную парламентско-президентскую) форму власти, исключающую возможность преступления закона любым должностным лицом, гарантирующую разделение и взаимодействие всех ветвей власти; федеративное устройство государства, создающее баланс центральной и региональной властей и гарантирующее целостность страны на договорной взаимовыгодной основе; создание системы местного самоуправления как негосударственной формы власти, отвечающей за обеспечение комплекса условий жизнеобеспечения населения и имеющей для этого необходимые полномочия.

Вопрос- Вы говорили о положении в сельском хозяйстве. Но новое ли это явление — потери урожая?

Ответ: Раньше гибло до 25% продукции сельского хозяйства в ходе уборки, транспортировки, хранения и т.д. Это хорошо известно. Но вот чтобы из-за нехватки горючего, из-за неотремонтированности техники, из-за отсутствия денег, наконец, просто потому что не заплатили за продукцию, уходило до половины урожая под снег, — такого не было. Это начало прямого развала сельского хозяйства.

Вопрос: Мне бы хотелось уточнить, что Вы имеете в виду под термином "разгосударствление"?

Ответ: Под разгосударствлением я имею в виду довольно обширный процесс, который не ограничивается приватизацией. Приватизация — лишь экономический стержень разгосударствления. Разгосударствление — это и трансформация, и сокращение экономических функций государства. Кстати, у нас государство отказывается от регулирующих функций, которые должно было бы сохранить за собой. В то же время оно активно стремится закрепить за собой то, от чего должно бы отказаться. Разгосударствление — это и перевод государственных предприятий на рыночные, коммерческие условия. Например, в Польше отказались от быстрой приватизации крупных государственных предприятий — поняли, что подобные действия принесут большие убытки. И мы могли бы двигаться постепенно, этапами, с учетом технологических и хозяйственных связей. Разгосударствление — это и создание рыночной инфраструктуры по мере развития приватизации и коммерческих основ деятельности. Разгосударствление — это изменение системы ценообразования, но опять-таки, увязанное со всеми остальными процессами перемен в экономике (приватизацией, демонополизацией и т.д.), и не просто уход государства из сферы ценообразования, а создание новых механизмов ценообразования, современных, уже выработанных в других странах. Разгосударствление — это изменение политической системы, которое тоже должно идти одновременно со всеми остальными переменами.

Вопрос: Вы говорили о Китае как о стране, осуществляющей переход к смешанному обществу. Каковы перспективы этой страны с учетом существующей там политической системы?

Ответ: Безусловно, это проблема. Проблема, прежде всего, для Китая и Вьетнама. Если они не смогут привести в соответствие свою политическую систему с меняющейся экономической системой, то их ждет крах. Это страшное дело не только для Китая, но и потрясение для всего мира. Будем надеяться, что они сумеют привести в соответствие политические и экономические механизмы, тем более что понимание необходимости этих процессов там есть. Другое дело, что их реализация происходит медленно, постепенно, но, наверное, иначе и быть не может. Что касается России, то, конечно, здесь ситуация другая. Она, с одной стороны, сложнее, с другой же — более благоприятна для движения к обществу открытого типа. У нас нет господства одной идеологии, старая политическая система рухнула. Это открывает возможность одновременного создания экономических и политических условий движения к обществу открытого типа. Но ересь и серьезные политические трудности, связанные с тем, что в стране не ликвидированы основы диктатуры. Для того чтобы их устранить, недостаточно освободиться от сращивания государства и компартии. Для этого необходимо изменить характер соотношения разных уровней и ветвей власти, исключить возможность концентрации последней одним из уровней или одной из ветвей, создать негосударственную власть (систему самоуправления) на первичных территориальных уровнях, и т.д.

Вопрос: Как, по-вашему, выбор варианта капиталистического развития России был стихийным или сознательным? Каким менталитетом должны обладать политические лидеры, осуществляющие выбор варианта развития страны?

Ответ: Здесь я боюсь ошибиться. Но, мне кажется, вначале этот выбор был стихийным процессом на этапах так называемой перестройки: просто предпринимались попытки сохранить старую систему, упрочить ее. Но позднее, начиная с 1992 г. или с конца 1991-го, выбор, видимо, был уже сделан, хотя определенным образом камуфлировался. Ну а потом о нем представители власти откровенно стали говорить как о сделанном сознательно. Что касается менталитета политических лидеров, то, мне думается, что они прежде всего должны отойти от старой идеологии. Я имею в виду не просто отход от марксистской или коммунистической идеологии — они должны избавиться от мировоззрения, предполагающего прогресс на путях противопоставления социализма и капитализма. Подход к пониманию перспектив общественного развития должен быть другим.

*Г.И. Ханин,
доктор экономических наук,
Сибирский независимый университет, Интерцентр*

Эволюционный путь перехода к рынку в России

Экономическое положение России характеризуется небывалым в мировой экономической истории в мирное время масштабами и продолжительностью экономического кризиса, катастрофическим падением уровня жизни основной части населения, стремительным разрушением всех источников экономического развития: производственных инвестиций, системы научных исследований и образования, наукоемких производств, геолого-разведочных работ, а также де-квалификацией трудовых ресурсов. Накануне краха находятся системы жизнеобеспечения населения: продовольственное обеспечение, жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт, здравоохранение. Глубочайший экономический кризис в ближайшее время может превратиться в экономический крах. Толчком к этому могут явиться неблагоприятные климатические условия, массовые социальные волнения, денежно-кредитный кризис и, конечно, осложнение международной обстановки.

Нынешние огромные экономические трудности частично являются наследием неэффективности командной экономики в 70—80-е годы и промедления с проведением экономических реформ в начале перестройки. Однако в большей степени они являются резуль-

татом ошибочности курса экономической политики, принятого российским руководством в 1990—1991 гг. И ориентированного на скорейший переход к рынку и частной собственности. В результате проведения в жизнь этой политики был разрушен государственный сектор экономики и традиционные методы экономического управления, но не создан эффективный частный сектор и жизнеспособные рыночные институты. Ныне частный сектор паразитирует на государственном секторе, а новые экономические институты являются псевдорыночными и крайне неэффективными. В нашей стране этот сектор в основном концентрируется в сфере посредничества, и в этом заключается его характерная особенность: в ходе возникновения современного капитализма частный сектор интенсивно развивался в сфере производства. Однако и в сфере посредничества он оказался крайне неэффективным. По моим примерным оценкам, основанным на сопоставлении объема товарооборота и численности занятых в сфере торговли, производительность труда здесь в 2,5—3 раза ниже, чем в старом государственном секторе. Впрочем, о том же свидетельствуют и примитивнейшие организационные формы и методы торговли в этом секторе ("челноки"), а также торговые наценки, во много раз превышающие старые. Существование и довольно длительное экономическое благополучие столь неэффективного частного торгового сектора оказывается возможным по двум причинам: он имеет возможность и паразитировать на государственном секторе, и уклоняться от налогов. В конечном счете он паразитирует в целом на благосостоянии всего населения. В сущности, это большой мыльный пузырь, который должен лопнуть при следующих условиях: а) при истощении ресурсов государственного сектора; б) при уменьшении возможностей уклонения от налогов.

Другая особенность постсоветского частного сектора состоит в том, что реализуемый в нем чистый продукт используется не в целях научно-технического прогресса, а потребляется в основном занятыми в нем. Поглощая большое количество трудоспособного населения и других ресурсов, нынешний российский частный сектор затрудняет развитие производственной сферы экономики.

В качестве примера неэффективности новых экономических структур можно указать на кредитную систему России. Она крайне неудовлетворительна и намного хуже, чем при командной экономике, выполняет свою традиционную задачу—осуществление расчетов и кассовое обслуживание населения и предприятий.

Основным источником ее кредитных вложений являются налично-денежная эмиссия и текущие валютные счета, а не срочные депозиты. Реализуемый в кредитной сфере чистый продукт намного превосходит ее капиталонакопление, что, в сущности, означает, что эта сфера работает сама на себя. Ресурсы Центрального и коммерческих банков, создаваемые во многом за счет государственных средств, вследствие бесконтрольности, мафиозности и некомпетентности их руководителей расхищаются частным сектором. Предоставляемые

кредиты слабо обосновываются, и слишком низка вероятность их возврата. Состояние экономики и характер деятельности кредитной системы делают весьма вероятным огромный денежно-кредитный кризис и банкротство подавляющего большинства кредитных учреждений (состояние небанковских кредитных учреждений еще хуже, чем банковских).

Таким образом, новые экономические структуры оказываются таким же мыльным пузырем, как и частный сектор. При столь низкой эффективности деятельности и бедности предоставляемых услуг кредитная система России поглощает намного больше ресурсов, чем кредитные системы развитых капиталистических стран. Так, банковская система России в 1-м полугодии 1993 г., по моим расчетам, реализовала более 10% валового национального продукта против 2,3% — в США и 0,5% — в дореформенном СССР. В силу своего промежуточного характера нынешняя экономическая система не в состоянии использовать в борьбе с экономическим кризисом ни методы рыночной, ни методы командной экономики.

Предотвращение экономического краха и продолжение экономических и политических реформ требует отказа от нынешней модели перехода к рынку и частной собственности и замены ее на более жизнеспособную и эффективную.

Главная ошибка при проведении экономических и политических реформ в 1990—1991 гг. состояла в выборе революционного пути их реализации. Он содержит большой разрушительный и малый созидательный потенциал. Экономические субъекты и население не в состоянии в короткие сроки перестроить свое поведение и освоить новые методы хозяйствования. Старое разрушается намного быстрее, чем создается новое. Эволюционный путь (и это доказывает опыт других стран), пусть более медленный, более эффективен. Именно благодаря эффективности он обеспечивает необратимость изменений. Переход от командной экономики к рыночной, от государственной собственности к частной — дело нескольких десятилетий. Для сравнения: переход от феодализма к капитализму потребовал столетий.

Эволюционный путь перехода к рынку и частной собственности предполагает:

— длительное сосуществование различных видов собственности и их свободное и равноправное соревнование. Частная собственность возникает и развивается в результате *предпринимательской деятельности* частных лиц, а не благодаря передаче им бесплатно или на льготных условиях государственной собственности;

— длительное сосуществование командной, регулируемой и рыночной экономики в тех сферах, где для каждой из них имеются наиболее благоприятные условия;

— в целях недопущения паразитирования на государственном секторе частного и создания жизнеспособного вида последнего для командной экономики, с одной стороны, и частной и регулируемой — с другой, создаются отдельные денежные и банковские системы, и

отношения между этими секторами строятся как отношения независимых государств;

— длительное сохранение государственного контроля за внешнеэкономическими связями, валютным курсом, за банковской деятельностью и сферами, наиболее подверженными воздействию внешнего окружения и паразитического капитализма.

Успех перехода к рынку во многом зависит от последовательности отдельных действий по реализации экономических реформ и созданию предпосылок их осуществления. Мировой и отечественный опыт позволяет установить их следующую последовательность: создание нацеленной на реформы политической системы, компетентной и честной администрации, необходимой законодательной базы; стабилизация кредитно-финансовой системы, малая приватизация, коренная перестройка кредитной системы и внешнеэкономических связей, большая приватизация. Каждый из этих этапов требует как минимум 1—2 года и, таким образом, переходный процесс занимает несколько десятилетий.

Кризис индустриальной системы в России

*Тезисы доклада**

Кризис постсоветской экономики имеет системный характер. В его основе лежат три группы долговременных тенденций.

Первая. Структурный кризис: исчерпание потенциала советской индустриальной модели, ее способности адаптироваться к изменяющимся целям и ресурсным условиям воспроизводства.

Вторая. Социальный кризис: размывание социального статуса работников, их ценностных ориентиров и трудовых мотиваций.

Третья. Институциональный кризис: дезинтеграция иерархической системы управления экономикой и формирование замкнутых ведомственных структур, подмена народнохозяйственных целей и приоритетов развития ведомственно-корпоративными целями.

1. Структурный кризис советской индустриальной системы

Становление советской индустриальной системы. Направления и пределы развития советской индустриальной системы (ИС), про-

* В связи с тем что устное выступление Л.Р.Белусова на симпозиуме не повторяло тезисы доклада, редакторы сочли нужным опубликовать как тезисы, так и выступление.

явившиеся во второй половине 70—80-х годов, во многом были предопределены условиями ее становления в 50—60-е годы: целями, ресурсными ограничениями и закрепляемыми в экономике технологиями.

Цели, в соответствии с которыми формировалась ИС: 1) возврат социального долга, насыщение первичных потребностей населения 2) сохранение военно-политического статуса сверхдержавы; 3) освоение нового экономического пространства, интеграция экономик стран Восточной Европы в единую мета-хозяйственную систему. Их одновременная, несмотря на широту и противоречивость, реализация стала возможной благодаря ресурсным возможностям, которыми обладал СССР в тот период: новому производственному аппарату тяжелой индустрии, опирающемуся на мощную топливно-сырьевую базу; избытку низкоквалифицированных трудовых ресурсов; приращению качественного промышленного потенциала за счет европейских стран.

Отмеченные факторы обусловили специфический режим функционирования ИС, сочетающий динамичный рост с энергетическими структурными сдвигами. Можно выделить три их направления, доминировавшие в 50—60-е годы (период формирования ИС).

Первое направление обеспечивало реализацию социальных целей. Оно охватывало развитие взаимосвязанных производств по цепочкам: легкая и пищевая промышленность — сельское хозяйство — химия и сельскохозяйственное машиностроение; строительство жилья — производство стройматериалов. Второе направление было связано с созданием новой энергетической базы экономики по оси: потребление энергии — электроэнергетика — производство топлива. Третье — с формированием машиностроительного комплекса и развитием сопряженных производств конструкционных материалов.

ИС, сформировавшаяся в 50—60-е годы, обладала высокой целостностью в двояком смысле. Во-первых, структурные сдвиги обеспечивали согласованность между целями экономического развития и его ресурсной базой. Во-вторых, благодаря масштабным инвестициям поддерживалось динамическое равновесие между основными секторами ИС. Однако эта целостность достигалась лишь в рамках "расширяющейся экономики". Структура ИС характеризовалась двумя взаимообуславливающими особенностями: а) жесткой зависимостью экономического роста от масштабов вовлечения первичных ресурсов и б) разбухшим инвестиционным сектором, технологическая отсталость которого создает избыточную потребность в топливе и сырье.

Пределы развития индустриальной модели. Сложившаяся индустриальная модель имела пределы саморазвития, проявившиеся в 70-е годы.

Ограниченность социальных целей, "под которые" сформировалась ИС. В 50—60-е годы произошла "революция первичных потребностей". К концу 70-х годов уровень потребления продуктов первой

необходимости стал сопоставим с западными стандартами начала 60-х годов. Возникли предпосылки и необходимость переориентации ИС на новые стандарты благосостояния, свойственные "обществу массового потребления". Этого, однако, не произошло.

Взаимосопряженность роста КП и производства энергосырьевых ресурсов (ЭСР). На одном фланге экономики, в конечных секторах, закреплялись ресурсоемкие технологии, на другом фланге — ускоренные и капиталоемкие технологии наращивания ЭСР.

Ориентация инвестиционной базы ИС на расширение (а не на обновление) производственного аппарата. Машиностроение развивалось по дополняющему принципу: его новые производственные звенья и соответствующие ресурсно-технологические цепи интегрировались в систему воспроизводства, не вытесняя, а достраивая ее старые элементы. Результатом стало быстрое разбухание "периферийных" секторов машиностроения, в ущерб тем звеньям, которые определяют качество машин и оборудования.

Сегментация экономики, деформировавшая взаимодействие технологических укладов. Обособились три группы производств: 1) замкнутый сегмент ВПК, ориентированный на технологическую гонку с Западом; 2) технологически стагнирующие инвестиционные и потребительские отрасли, функционирующие в режиме, задаваемом предложением ЭСР; 3) производство ЭСР, развитие которого определялось форсированным наращиванием выпуска первичных ресурсов. Качественные приращения концентрировались в 1-м и в 3-м сегментах (где они обесценивались избыточными затратами ЭСР в производствах 2-й группы).

Структурный кризис индустриальной системы. Во 2-й половине 70-х годов советская ИС вступила в качественно новый этап развития. Он характеризуется "ползущей" стагфляцией на фоне нарастающей деградации производственного аппарата, дестабилизации структурных связей между основными секторами. Резервы устойчивого роста экономики исчерпались. Снижение их темпов, маскируемое скрытой инфляцией, сопровождалось замедлением динамики эффективности производства и стагнации реальных доходов населения.

Обострилась несопряженность между потребностями экономики в энергоресурсах и возможностями расширения их производства за счет наращивания КВ. С одной стороны, ускоренное развитие энергетики с опорой на ресурсы Западной Сибири укрепило связь между масштабами их добычи и экономической динамикой. При этом "дешевизна" топлива сделала неактуальным превращение энергосбережения в движущий мотив структурной перестройки. С другой стороны, форсированный режим эксплуатации запасов топлива привел к быстрому росту капиталоемкости его добычи.

Фактором повышения инвестиционной нагрузки на экономику стало ухудшение положения в продовольственном комплексе. Сельское хозяйство одним из первых вышло на рубеж, за которым на-

рашивание ресурсных вложений не дает соответствующего эффекта. Все большая часть ресурсов шла на компенсацию выбывающего потенциала, одновременно стимулируя это выбытие.

Резко обострилась деформированность инвестиционного механизма поддержки экономического роста. Изменения в режиме воспроизводства ресурсов в топливной промышленности и в сельском хозяйстве обусловили быстрое возрастание спроса на инвестиционные ресурсы (увеличение инвестиций в эти отрасли в 75—85-е годы составило 43% прироста производственных КВ). Крупные инвестиционные программы завязывались либо на поддержание энергосырьевой базы и инфраструктуры (нефтедобыча, атомная энергетика, сельское хозяйство, транспорт), либо на развертывание новых систем вооружений. Инвестиционный комплекс стал испытывать усиливающиеся ограничения со стороны конструкционных материалов и строительных мощностей.

Со 2-й половины 70-х годов стала разрушаться прежняя согласованность между целями, технологической структурой и ресурсным обеспечением экономического роста. В индустриальной системе сложился замкнутый круг воспроизведения технологической отсталости. Высокая потребность в ЭСР, обусловленная утяжеленной структурой экономики, определяла перегрузку функционирования инвестиционных отраслей. Это исключало возможность их качественной модернизации и обновления продукции. В свою очередь, тиражирование морально устаревшей и материалоемкой техники, длительные сроки и низкое качество строительства, отсталая структура конструкционных материалов не только сами по себе были сопряжены с избыточным потреблением первичных ресурсов, но и стали основой расширенного воспроизводства устаревших технологий.

Обострение структурно-технологической напряженности советской экономики обусловило функциональное "перерождение" отдельных звеньев (зон) экономики, которые начали играть роль своеобразных компенсаторов структурно-технологического неравновесия: поддерживать соответствие между технологическими сдвигами, ресурсным обеспечением и динамикой непродовственного потребления. К таким зонам относятся прежде всего внешняя торговля (и сопряженные с ней ТЭК и инвестиционный комплекс) и атомная энергетика (и сопряженное с ней атомное машиностроение).

В конце 70-х — первой половине 80-х годов проявлением структурного кризиса стали многочисленные локальные спады производства: в добыче угля (1979—1981 — 2,7%) и нефти (1984—1985 — 3,4%), выпуске готового проката (1979—1982 — 2,9%) и добыче других ресурсов, в перевозках железнодорожного транспорта (1979 — 2,3%, 1982 — 1%), произошла стагнация в объемах строительно-монтажных работ (СМР) в 1978—1980 гг. "Взрыв" структурных противоречий отражал не только распад прежней модели индустриального развития, но и отставание в формировании нового "структурного ядра" экономики и новой потребительски-ориентированной ИС.

Период 1980—1990 гг. можно охарактеризовать как "десятилетие упущенных возможностей". Мягкий переход к новой модели ИС мог быть осуществлен с конца 70-х годов, когда благоприятная конъюнктура мирового рынка позволяла мобилизовать качественные ресурсы для формирования нового "структурного ядра" ИС. Однако поворот к "обществу благосостояния" не состоялся, и это во многом предопределило глобальный кризисный спад конца 80-х годов.

2. Экономический спад и современная стадия кризиса

Во 2-й половине 80-х годов, после кратковременного рывка, вызванного "политикой ускорения" (1986—1987 годов), кризис приобрел открытый характер. Стало невозможно поддерживать сбалансированный обмен ресурсами между энергосырьевым сектором, гражданскими конечными производствами и ВПК без наращивания внешней задолженности и сокращения непроизводственного потребления.

Макроэкономические тенденции накануне реформ. Перелом произошёл в 1988—1989 гг. Одним из проявлений новой фазы структурного кризиса ИС стала асинхронность в динамике отраслей промышленности, выпускающих продукцию производственного и потребительского назначения. Импульс "ускорения", вызвавший перенапряжение в производстве ЭСР, обусловил замедление роста, а затем и спад в первичных секторах. Экономика отреагировала на это свертыванием выпуска энерго- и металлоёмкой продукции производственного назначения, при сохранении роста производства потребительских товаров (по оценке, спад в группе "А" составил в 1987—1988 около 1% в год, в 1989 — 4—5%). Расширяющаяся "вилка" в динамике групп "А" и "Б" увеличила нагрузку на внешнюю торговлю. В условиях быстрого снижения экспортного потенциала это привело к дефициту торгового баланса (1989 — 5%, 1990 — 16% экспорта). В результате: а) возник валютный кризис, в который страна вступила в 90-е годы.; б) образовался мощный накопленный (кумулятивный) потенциал глобального спада, который стал практически неизбежен. Его черед наступил в 1991 г.

Резкое (10%) падение производства в 1991 г., свидетельствующее о серьёзном "сбое" индустриальной системы, было вызвано рядом причин. Однако в силу той особой роли "компенсатора", которую с середины 70-х годов стала играть внешняя торговля, решающую роль сыграл "внешнеторговый шок": двукратный сброс экспорта и импорта. По оценкам, действие этого фактора увеличило спад в машиностроении, химии и потребительских отраслях на 3—4 пункта, а в целом ресурсов конечного потребления (включая импорт) — на 8 пунктов.

Изменение механизма кризисного спада на первом этапе реформ. Шоковый скачок цен и ужесточение бюджетной и монетарной политики не только усилили кризисные тенденции, но и изменили их механизм. Экономика из "ресурсо-дефицитной" превратилась в "спросо-дефицитную". Если в 1991 г. ресурсные ограничения (сокра-

щение ЭСР) обусловили спад ВВП на 7 проц. пунктов (64 % его общего снижения), а спросовые факторы — на 1 проц. пункт (9%). то в 1992 г. на долю "ресурсных" факторов пришлось не более 1/3 общего спада ВВП (7 проц. пунктов, 32% спада). Вес "спросовых" факторов возрос до 55—59%, они обусловили сокращение ВВП на 13 проц. пунктов.

В конце 1992—1993 гг. произошла очередная смена механизма кризисного спада. Экономика из состояния "шокового спада" перешла к состоянию стагнации. В начале 1993 г. предложение сравнялось со спросом. Это резко усилило зависимость производства от динамики реальных доходов населения и предприятий. На микроуровне усилилась зависимость поведения предприятий от "рыночных регуляторов": неплатежей и рентабельности. Монетарные ограничения стали срабатывать как фактор увеличения неплатежей (при слабо-эластичной реакции цен), что усиливает спад производства.

Структурные сдвиги в производстве. На фоне устойчивого сокращения производства топлива (1993—1990 — 27%) обозначились зоны, где спад принял обвальный характер. К ним относятся: 1) производства, определяющие качественный уровень техники: электротехника и приборостроение (42%); 2) выпуск инвестиционного оборудования (42%); 3) выпуск продукции органической химии (40—48 %); 4) одежда и обувь (-44%); 5) производство белково-содержащих (мясо-молочных) продуктов питания (-43%). На другом "полосе" производства, которые смогли переориентироваться на мировой рынок: автомобилестроение (14%), основная химия (25%).

Наметившиеся в 1992—1993 гг. структурные сдвиги приобрели характер деиндустриализации экономики. Особенно это заметно по сокращению производственного потенциала секторов. Если в отраслях ТЭК и в металлургии сокращение основных фондов практически не происходит, то в конечных секторах оно оценивается в 6—7% (к 1990). Аналогичная картина с занятыми: в машиностроении их численность (с учетом скрытой безработицы) сократилась к 1990 г. на 19%, в легкой промышленности — на 15%.

3. Экономические угрозы и сценарии модернизации

Глобальные вопросы, на которые должны быть найдены ответы в ходе "реформ", — восстановление структурного равновесия экономики, создание новой модели ИС, гибко адаптирующейся к дефициту первичных ресурсов.

1. Снижение возможностей наращивания базовых ресурсов (топливо, металл, сельхозсырье) резко обострило проблему их избыточного потребления. Российская экономика в ее сложившемся виде неспособна адаптироваться к ресурсным ограничениям без масштабной реструктуризации хозяйства и сокращения производственного аппарата, позволивших на 20—30% сократить энерго- и металлоемкость.

2. Российская экономика была и остается дезориентированной, лишенной целей индустриального развития как в долгосрочном, так и в краткосрочном плане. Причем "реформы" усилили эту дезориентацию. Ценовые критерии мирового рынка недостижимы для подавляющего большинства производителей. Внутренние "свободные" цены отражают структурные диспропорции, запрограммированность избыточных издержек и способствуют утяжелению экономики.

3. В экономике отсутствуют хозяйственные субъекты (корпоративного типа), которые смогли бы соединить финансовый и промышленный капитал, концентрировать критическую массу ресурсов для системной адаптации к новым условиям функционирования.

4. Монополизм производителей проявился не только в сверхприбылях, он стал фактором инфляции издержек: низкой эластичности цен от денежной массы. В силу этого, меры "ортодоксальной стабилизации" оказывают депрессивное воздействие не на цены, а на производство (через механизм "денежная масса — неплатежи — выпуск").

Система "экономических угроз". Развертывание системного кризиса сопровождалось формированием системы "экономических угроз", представляющих в настоящее время наибольшую опасность для страны.

Глобальное отставание от стран Запада. Переход кризиса в фазу стагнации происходит на фоне достаточно динамичного развития западных стран (2—3% в год). С учетом того, что спад в России за 1991—1994 гг. составит не менее 42—45%, альтернативой безнадежного отставания России является выход ее к 1996—1997 гг. на траекторию устойчивого роста на уровне 4—5% в год. Драматизм положения связан еще и с тем, что Россия, в отличие от стран Запада, еще длительное время будет расходовать основную часть инвестиционных ресурсов не на техническое совершенствование продукции и рост качества жизни, а на количественное наращивание производства.

"Избыточный" потенциал. В условиях кризисного спада образовался гигантский "избыточный" (неиспользуемый) производственный потенциал, сосредоточенный главным образом в промежуточных и конечных отраслях. Его величина оценивается в 10—15%. Поскольку его загрузка в 1994 г. нереалистична (из-за ресурсных и спросовых ограничений), в ближайшее время экономика столкнется с его неизбежным сокращением.

Дефицит энергии. В ближайшей перспективе это станет ключевым фактором, определяющим падение производства. В 1994 г. ресурсы нефти для внутреннего потребления оцениваются на 9—13% меньше, чем в 1993 г. С учетом сложившихся тенденций энергоемкости (1992 — +16%, 1993 — +5%), нехватка энергии обусловит спад не ниже 8—10%.

Сокращение продовольственной базы приобретает критические масштабы. Темпы снижения плодородия почв (ежегодный дефицит питательных веществ почв из-за "недовнесения" минеральных удобрений и др.), по оценке, утроились, по сравнению с серединой 80—х годов. Продолжается устойчивое сокращение поголовья скота, не компенсируемое увеличением его продуктивности. Это происходит на фоне катастрофического снижения инвестиций в сельское хозяйство, достигшего в 1993 г., по сравнению с 1991 г., около 70%.

Недоинвестирование экономики уже вызвало сокращение основных фондов в конечных секторах экономики, сопровождаемое их деградацией. Одни отрасли, опирающиеся на импорт оборудования (потребительский сектор, химия), оказались отсечены от источников развития; в других, входящих в систему жизнеобеспечения страны (сельское хозяйство, транспорт, энергетика), нарастает опасность распада технологических систем; третьи (угольная и нефтяная промышленность) функционируют за счет "проедания" заделов.

Внешний долг России превзошел критический уровень, после которого его рост происходит автоматически и регулируется в основном кредиторами (в этом году отсрочка выплат по обслуживанию долга позволит сохранить его на уровне 80 млрд долл; в случае, если бы такая отсрочка не была получена, внешний долг России увеличился бы к концу года до 90 млрд долл).

Сценарии модернизации. Перестройка ИС может осуществляться в рамках одного из следующих базовых сценариев.

Либерально-адаптационный сценарий ("*открытая экономика*"). Акцент на первичные сектора. Поддержание экспорта за счет свертывания конечных производств. Ориентация на импорт конечных товаров и импорт капитала в сырьевые сектора.

Реиндустриализация. Концентрация инвестиционных ресурсов в вертикально-интегрированных структурах. Акцент на техническую реконструкцию производства. Ускоренное развитие "ядра машиностроения". Централизованный импорт технологий.

Экспортно-ориентированная экономика. Акцент на крупные экспортно-ориентированные структуры, опирающиеся на обрабатывающую промышленность.

Социально-ориентированная экономика. Формирование "среднего класса". Акцент на капитальные блага (жилье, автомобили, товары длительного пользования).

Устное выступление

Я работаю в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН, но представляю в данном случае только себя. Мною была заявлена для выступления тема "Кризис индустриальной системы", представлены соответствующие тезисы. Вынужден извиниться: выступление Вадима Иванова заставляет меня оперативно отреагировать на

то, что он говорил. Поэтому я не буду выступать, собственно, по тезисам. Вместо этого мне бы хотелось прокомментировать основные пункты выступления Вадима Иванова.

Я насчитал в нем пять ключевых пунктов. Первый состоит в том, что государство ушло из экономики. На мой взгляд, это чистый миф, государство из экономики никуда не ушло. Почему? Во-первых, если посмотреть масштабы бюджетного перераспределения финансовых ресурсов, они не только не сократились по сравнению с дореформенным периодом, но резко возросли. Доля добавленной стоимости, "прокачиваемой" через финансовую систему, составляет около 35%. Сейчас отношение налогов к прибыли составляет около 50%, а в отдельных отраслях, таких, — как, например, нефтедобыча, — до 70%. В 1991 г. доля налогов в прибыли не превышала 25%. Это что, государство ушло из экономики? Во-вторых, если взять, скажем, управление хозяйственными связями и ценами, то и здесь государство тоже не ушло из экономики. Просто центр тяжести регулирования переместился с центрального уровня на уровень регионов. А в регионах осуществляется то же регулирование цен, то же дотирование. В разных местах по-разному, но тем не менее эти явления присутствуют. Другое дело, что механизм государственного управления стал неэффективен и, я бы сказал, неадекватен тем проблемам и процессам, которые сейчас возникли. Но это уже другой вопрос.

Второе — по поводу отсутствия прямых инвестиций. Во-первых, прямые государственные инвестиции, конечно, сохранились. Они составляют сейчас примерно 3% ВВП, хотя, действительно, сократились по сравнению с дореформенным уровнем. Но необходимо говорить в более широком контексте вообще о ситуации, которая сейчас сложилась в инвестиционной сфере. Дело в том, что мы только за прошлый год потеряли более 50% производственных капвложений, и в этом году потери составят примерно 15%. Сброс инвестиций, по сравнению с дореформенным уровнем, безусловен, необходим, потому что наша экономика была переинвестирована, она не выдерживала инвестиционной нагрузки сырьевых секторов, сельского хозяйства и ТЭК. Но дело в том, что существовали достаточно жесткие пределы "сбрасывания" инвестиций, оцениваемые примерно в 10 — 12%. А двукратный сброс капвложений за год породил такие процессы в производственном аппарате, которые остановить в течение ближайших 5—6 лет практически невозможно. Эти процессы, в частности, характеризуются тем, что началось стихийное выбытие основных фондов, их абсолютное сокращение, причем не там, где это было нужно, а в конечных секторах. И это все на фоне того, что идет качественная деградация производственного аппарата: нарастает износ, превысивший уже 55%.

Третье — укрепление рубля. Здесь правительство отличилось в двух аспектах. Во-первых, в этом году удалось провести рафинированно чистый эксперимент. Было заключено трехстороннее соглашение между Международным валютным фондом, Центробанком и пра-

вительством о проведении конкретных, весьма жестких мер монетарной политики — в частности, установлены ежеквартальные лимиты кредитов Центробанка. И была зафиксирована цель — выйти к концу года примерно на 10%-ный уровень инфляции. Что же мы получили в результате?

Вопреки ожиданиям скептиков, два квартала — второй и третий — эти соглашения удавалось выдерживать. Центробанк уложился в лимиты кредитования, которые ему были отведены. Рост дефицита федерального бюджета сдерживался всеми мерами и составил во втором квартале — 2%, а в третьем — 7% ВВП. И каков результат? Инфляция осталась на уровне 20% в месяц. Спад увеличился — до 4—5% за квартал — отчасти в результате этих жестких монетарных мер. И во-вторых, у нас сложилась парадоксальная ситуация, когда финансовый капитал оказался полностью отрезан от промышленного. Промышленный капитал задыхается от недостатка оборотных средств, а в сфере банковского капитала наблюдается перенакопление, переполнение денежного рынка. Денежный капитал не может найти направления прибыльного вложения, потому что большинство ранее существовавших "ниш" оказались закрытыми.

Четвертое. Трансформация отношений собственности. Скажите, появился ли где-нибудь в результате нашей приватизации собственник? Или хотя бы намечается появление собственника?

У нас сейчас идет процесс акционирования, он процентов на 60 уже завершен. Остались неакционированными несколько крупных секторов (например, нефтедобыча), хотя и там уже созданы три независимых концерна. Акции предприятий на данный момент сосредоточены в основном в инвестиционных фондах. Сейчас хорошо видно, причем даже самим работникам инвестиционных фондов, что эти фонды, по существу, — ловушка, вещь бесперспективная. Не надо, уважаемый коллега Ханин, возвращаться к государственной собственности, организовывать какой-то передел собственности. Он и так произойдет, когда будут делить акции, принадлежащие обанкротившимся инвестиционным фондам. Это было зафиксировано еще два месяца назад. Неверов, руководитель "Гермеса", в одном из выступлений правильно заметил, что весной начнется процесс банкротств инвестиционных фондов, потому что разрыв между рентабельностью предприятий и дивидендами, которые обещают акционерам инвестиционные фонды, — совершенно огромный. Есть оценки, что до 80% инвестиционных фондов дивиденды выплачивать не смогут. И тогда начнется продажа акций самих фондов. А где фонды возьмут деньги для их выкупа, чтобы поддержать курс? Обозначен уже и механизм осуществления нового передела собственности. Это известный Указ о векселях.

Наконец, пятое. Это — структурная политика. Коллега Иванов сказал замечательную вещь, что сначала с финансовой стабилизацией справиться бы, а потом мы займемся структурной перестройкой. Но дело все в том, что структурная перестройка уже идет, причем

набирая темпы. Начался неожиданный для реформаторов процесс, когда вместо "облегчения" экономики началось ее быстрое "утяжеление". О самодской экономике говорили публицисты в начале и в середине перестройки. Сейчас наша экономика стала самодской в гораздо большей степени, чем была в годы застоя.

В прошлом году спад производства коснулся преимущественно конечных секторов (легкая и пищевая промышленность, машиностроение и строительство), энергоемкость которых относительно ниже, чем металлургии, химии и т.п. В результате подобного рода структурной перестройки резко упала эффективность: энергоемкость возросла в прошлом году на 14%, в этом — еще на 5. И следовательно, зависимость нашей экономики от производственных энергоресурсов, от которой собирались уйти, не только не ослабла, а сильно возросла.

Разрешите сделать короткое заключение.

В результате реформ, или, я бы сказал точнее, мер ортодоксальной стабилизации, которые выдавались за реформы, мы действительно решили ряд проблем. Например, ликвидировали вынужденные сбережения, неудовлетворенный спрос. Но дело в том, что, к сожалению, не удалось найти ответ на тот главный, ключевой вопрос, который стоял перед нашей экономикой еще в 80-х годах. Этот вопрос прежде всего связан со структурным кризисом, с исчерпанием потенциала развития нашей индустриальной системы. Адекватный ответ на него предполагает в первую очередь перестраивание ее материальной базы, ресурсной и технологической структур. В результате ортодоксальной стабилизации был сначала порожден ряд новых проблем, типа сжатия спроса, а потом запущены процессы адаптации экономики к этим проблемам, которые мы сами же создали. А ключевые, глобальные проблемы, связанные со структурным кризисом, остались как бы в стороне. Но они никуда не делись. И сейчас они снова "всплыли". Можно сказать, что на следующий год именно эти проблемы будут во многом определять динамику всех параметров воспроизводства. И именно контур таких угроз, как нехватка энергии, деградация производственной базы, упадок производственного аппарата и другие, будет задавать критерии для будущей стратегии реформ.

*Алек Ноув,
Университет Глазго, Шотландия*

Об опасности новых либеральных утопий

Разрешите мне начать с цитаты — заголовка из "Независимой газеты": "Кнут нищеты для большинства. С его помощью вряд ли можно достичь вершин цивилизации, но выборы проиграть можно". Как мне

кажется, есть совершенно серьезная опасность, что социальные и экономические последствия взятого курса Гайдара на радикальное реформирование экономики приведут к президенту Жириновскому — исход, которого следует, по возможности, избежать.

Проблем, конечно, много, но я остановлюсь на вопросе, уже затронутом предыдущим оратором, — это вопрос инвестиций. Если реальные чистые инвестиции негативны, если спад инвестиций продолжается, то странно высказывать удовлетворение тем, что государство отказывается от инвестиций, когда не видно, чем их заменить. А ведь структурная перестройка экономики до зарезу нужна! Сегодня при инфляционных ожиданиях и высокой процентной ставке частный сектор, частный капитал не в состоянии заполнить этот пробел. Иностранные инвестиции минимальны, они не связаны с какой-либо стратегией развития со стороны властей, а часть иностранной помощи лишь помогает форсировать бегство капиталов из России.

Когда я покинул Британскую армию в конце войны, я был в течение 10 лет чиновником в Лондоне, и помню план Маршалла. Тогда американская помощь странам Западной Европы была составной частью восстановительной стратегии после военных разрушений. Хотя здесь в последние годы войны не было, у вас тоже есть острейшая нужда в фундаментальных структурных переменах. Тут и конверсия, и инфраструктура, и экология. Список велик. Это требует больших средств. Все сделать одновременно невозможно, но при спаде инвестиций вообще ничего не получится, продолжение спада гарантировано.

Поддержка всех существующих предприятий дотациями и кредитными вливаниями никак не стимулирует нужные перемены, она приведет к опаснейшей гиперинфляции. С другой стороны, если никого не поддерживать, то при существующем искаженном рынке и кризисе платежей это может привести к остановке большей части промышленности, массовой безработице, социальному взрыву, дополнительной поддержке партий Жириновского и коммунистов. Необходимо сознательный выбор, кого спасать; какие отрасли, предприятия, регионы нуждаются в помощи, и что все-таки надо закрыть. При почти полном отсутствии настоящего рынка капиталов нельзя положиться на рыночные регуляторы. Если предприятие закрылось, прекратило работу, то с изменением конъюнктуры его не всегда возможно оживить. Например, почти все судостроительные верфи в Англии закрыты навсегда. А вот в Гданьске тоже было предложение закрыть, но, к счастью для Польши, с этим повременили, и сегодня судостроение — крупнейшая статья польского экспорта.

Конечно, я понимаю, что при отсутствии общепризнанных критериев выбор, кого спасать, — дело сложное и трудное. И необходимо сдерживать инфляцию. Но неужели невозможно хотя бы часть тех огромных средств, которые сейчас выдаются в виде кредитов и дотаций, сознательно направить в рамках восстановительной стратегии на развитие производства в ключевых отраслях? Неужели у

кого-то есть надежда, что это произойдет само собой, через чисто рыночные структуры?

Несколько слов о необходимости социального согласия, о чем говорил здесь г-н Никифоров. Когда я вижу в журнале "Коммерсант" рекламы о покупке вилл в Америке за 350 тыс. доля, я вспоминаю, что англичанам и французам в первые 30 лет после войны подобные покупки были запрещены. И валюта для туризма была ограничена, так как были другие приоритеты. Такие меры нужны и в России. Есть и другая опасность. Структурные решения могут быть приняты, но останутся на бумаге из-за слабости власти. Или правительство может следовать "чикагской" идеологии, считая, что государство вообще не должно иметь структурной политики. Мне кажется, что и то и другое может привести Россию и к краху, и к торжеству Жириновского.

Современные варианты смешанных обществ

Мне показался очень интересным доклад профессора Г.И.Ханина. Но я не могу согласиться с тем, что единственный выход из кризисной ситуации — это возврат назад, к командно-административной системе. И не потому, что назад идти всегда плохо и лучше идти вперед, а потому, что сейчас нет ни экономических, ни политических условий для такого возврата, для сколько-нибудь эффективного использования командно-административных методов управления.

Чтобы двигаться вперед, нужно выработать стратегию и тактику движения, определить модель экономического обновления страны. Я думаю, прав Л.В.Никифоров: такую модель надо искать среди обществ нового, смешанного типа, среди существующих разнообразных моделей, вариантов смешанной экономики.

Изучение мирового опыта показывает глобальный характер перехода к современной смешанной общественно-экономической системе. Во многих странах мира под воздействием электроники, открытий в биологии, информатике, робототехнике происходит радикальная трансформация экономических и социальных структур. Именно она служит основой процесса вступления человечества в новую постиндустриальную цивилизацию, перехода к смешанному обществу в его различных вариантах. Речь идет, по словам Генерального секретаря Римского клуба Бертрана Шнайдера, о планетарной революции, всеобщей и одновременно различной применительно к разным странам.

В передовых промышленных странах Запада и в Японии становление более или менее целостной смешанной посткапиталистической

системы относится к последней четверти XX в. В так называемых неоиндустриальных странах, в особенности Юго-Восточной Азии, где складывается одна из наиболее динамичных региональных моделей смешанного общества, быстрое прохождение стадии индустриального общества совмещается с элементами перехода к постиндустриальному информационному обществу.

С колоссальными трудностями закладываются предпосылки для становления обществ смешанного типа в ряде других развивающихся стран, еще не завершивших индустриализацию, в так называемых индустриальных обществах "второй волны" (например, в Индии, Бразилии). Реализация общемировых тенденций приватизации, дерегулирования, децентрализации, с одной стороны, и интеграции — с другой, опережая научно-техническую и социальную модернизацию, создает и здесь условия для формирования смешанных систем особого типа.

Для выбора варианта экономического обновления России особенно важным представляется именно это единство в многообразии, наличие целого спектра смешанных экономических систем, различающихся национальных и региональных моделей. Различия отдельных типов смешанной экономики и их многообразие определяются институциональным, макро- или общеэкономическим, национально-историческим, культурным и динамическим контекстами каждой страны. Отсюда, с одной стороны, сложность самой задачи выбора, перебора вариантов, который требует специального сравнительного анализа, а с другой, — широкий диапазон выбора варианта, адекватного контекстам России, и его адаптации к нынешнему этапу развития страны.

С укреплением общемировой тенденции к формированию обществ принципиально нового, смешанного типа все большее распространение получает термин "смешанная экономика". Так, у нас он фигурировал в предвыборных программах демократических движений и блоков (например, в программе "Российского движения демократических реформ", где ставится задача создания основ смешанной экономики). Большое количество монографий и статей, посвященных смешанной экономике, опубликовано на Западе. Однако можно с уверенностью сказать, что ни у нас, ни за рубежом не существует не только сколько-нибудь целостной общей теории смешанного общества и смешанной экономики, но и сколько-нибудь явного единства в понимании самих этих терминов. И здесь и там наиболее распространена трактовка термина "смешанная экономика" в соответствии с кейнсианской традицией — как сочетания государственного и частного секторов, государственного и рыночного механизмов регулирования. С другой стороны, смешанная экономика зачастую толкуется в духе обнаружившей свою несостоятельность теории конвергенции — как "смесь" элементов зрелого капитализма и, так называемого, реального социализма, либо же как гибрид так называемых чистого капитализма и чистого социализма.

Близки к этому и позиции социал-демократии, которая склонна рассматривать формирование смешанной экономики, смешанного общества как движение по некоему "третьему пути" — к современной разновидности социалистического общества — рыночному социализму.

Очевидно, настала пора договориться об уточнении этих основополагающих для осмысления происходящих в мире процессов понятий, выработать новый, адекватный им, и, насколько это возможно, единый понятийный аппарат, разработать общую фундаментальную теорию смешанного общества. Думаю, что отсутствие такой теории и отрицание ее необходимости не может быть оправдано ссылками на динамизм смешанного общества, многообразие его моделей и вариантов.

Мы рассматриваем смешанную экономику не как простое сочетание государственного и частного секторов, механизмов государственного и рыночного регулирования. И не как некую переходную систему, так или иначе комбинирующую элементы зрелого капитализма и "реального социализма", чистого капитализма и чистого социализма, старые и новые хозяйственные и социальные формы.

С нашей точки зрения, это новый тип общества и экономики. Его становление связано с переходом к высоким технологиям, диверсификацией производства, индивидуализацией труда и продукции, технологической и структурной перестройкой, прорыночными реформами, интернационализацией хозяйственных процессов и другими технико-технологическими, социально-экономическими и политическими процессами, происходящими в современном мире.

Смешанное общество — это социально ориентированная система политической и экономической демократии, которая ставит индивида, личность в центр общественного развития. Это — общество, характеризующее высоким уровнем развития и качеством трудящейся личности. Это — многосекторная и полиформическая экономика, в которой взаимодействуют, взаимопереплетаются и взаимно дополняют друг друга составляющие ее различные секторы и многообразные формы хозяйства, подвижные во времени и пространстве. Это — переход одних форм в другие, возникновение и развитие промежуточных зон между различными секторами и формами, а также переходных форм различного рода. Это современные диверсифицированные рыночные структуры, действие которых дополняется и корректируется диверсифицированными формами и методами государственного экономического регулирования.

Отметим и такие характерные черты смешанного общества, как высокая социальная мобильность и переход к личностным, индивидуализированным формам социальной дифференциации. Наконец, последняя по счету, но одна из первых по значению, — характеристика смешанного общества как общества социального согласия, отлаженных систем социального партнерства и механизмов социальной защиты различных групп и слоев населения.

Таковы наиболее коренные черты общества нового типа, которое можно назвать смешанным, полиформическим или открытым.

Думается, что формирование именно такого общества является наиболее предпочтительной альтернативой общественного развития России. Многовариантный характер смешанной экономики, разнообразие комбинаций государственных и общественных, коллективных и частных начал, соответствующих условиям отдельных стран, позволяют предположить возможность нахождения специфического варианта смешанной общественно-экономической системы, адекватного условиям и задачам современного этапа развития России. Движение по такому пути позволит, на наш взгляд, не только преодолеть нынешнюю кризисную ситуацию, но со временем и обеспечить гражданам России достаточные условия жизни, вывести страну на соответствующее ее природному научно-техническому, промышленному, культурному и духовному потенциалу место в мировом сообществе.

*Филипп Хенсон,
профессор,
Бирмингемский университет*

О значении финансовой стабилизации в России

Я хочу высказаться в защиту ортодоксального подхода теперешнего правительства (или, вернее, реформаторского крыла этого правительства) по двум моментам. Это, во-первых, положение в России в контексте положения в других посткоммунистических странах Восточной Европы, и, во-вторых, ключевое значение финансовой стабилизации. Говоря о переменах в других бывших коммунистических странах Европы, я думаю, важно помнить, что положение там очень разнообразно. Например, в Словении, в Чешской республике, в Польше и в Эстонии можно видеть особенно хорошие примеры успешной ортодоксальной экономической политики. Там уже есть относительная стабильность в монетарном, в финансовом смысле, и производство начинает расти. Но это достигнуто только после жестких мер по стабилизации в этих странах. В других странах — в Румынии, и, скажем, на Украине — положение очень плохое и не начался рост производства. И это без таких серьезных попыток реформ. Я считаю, что здесь, в Москве, важно учитывать опыт других стран. Насчет особого значения стабилизации — это, по-моему, самый серьезный вопрос. Вы, конечно, все это регулярно слышите от Егора Гайдара, Сергея Васильева, Бориса Федорова и других, но все-таки, мне кажется, есть основание считать, что после стабилизации будет подъем инвестиций. Во-первых, если рубль будет

стабилизирован, то бегство капиталов прекратится. Это уже имело место в Эстонии за счет стабилизации кроны и в Польше за счет стабилизации злотых. Начинается обратный поток капиталов с зарубежных банковских счетов, большой интерес со стороны западных инвесторов. Но поскольку нет доверия, нет уверенности в будущей стабильности рубля, и в будущей стабильности законодательства, иностранные инвестиции очень скромны по масштабам. Для финансовой стабилизации нужна очень банальная политика. Это просто уменьшение государственных расходов и уменьшение роста денежной массы. В первую очередь нужно уменьшить громадные дотации военно-промышленному, топливному и агропромышленному секторам. Гораздо дешевле таких субсидий будет выплата пособий людям. По-моему, уже существуют в стране новые коммерческие структуры, новые предприниматели, это уже не только маленький слой нуворишей. Есть новые банки, новые фирмы и есть фирмы на Западе, которые очень хотят вложить свои деньги в России. Для этого нужна только стабильность, стабилизация монетарная. И я хочу понять, почему это невозможно в России? Это возможно было в Польше, возможно было в Эстонии, и почему невозможно здесь?

*В.В.Попов,
доктор экономических наук,
Высшая школа международного бизнеса*

Российская экономика как элемент мировой

Я постараюсь быть предельно кратким. Выступление мое, в известной мере, созвучно выступлению Филиппа Хенсона, как, в общем, и другим выступающим. Я воспользуюсь этим представительным собранием специалистов для того, чтобы высказать несколько мыслей о российской макроэкономической политике и об инфляции. С нынешним раскладом сил в парламенте, похоже, что высокая инфляция на уровне 20% и более на ближайший год нам обеспечена. Инфляция обычно связывается с двумя причинами: есть инфляция спроса и есть инфляция предложения. Инфляция спроса зависит от того, сколько денег в обращении: больше денег — выше цены, меньше денег — цены опускаются. Инфляция предложения, инфляция издержек, как иногда ее называют, связана с несовершенством рынка. Это наиболее общая причина. Ее составляющие — и монополизация, и давление профсоюзов, и барьеры, мешающие конкуренции и переливу капиталов из одной отрасли в другую, из одного региона в другой. Так или иначе, это факторы, при которых изменение массы денег в обращении не сказывается на ценах, а сказывается только на производстве. У нас в России представлены обе точки зрения. Странники правительст-

венной линии, монетаристы, как их называют, считают, что у нас инфляции нет. Есть точка зрения, связывающая инфляцию со структурными причинами, сторонники ее полагают, что в отличие от Венгрии, Польши, Чехии, Словакии, стран Прибалтики и многих других стран, у нас есть какие-то специфические причины, которые не позволяют нам снизить темпы инфляции. Считается, что темпы инфляции можно снизить, но это отразится на производстве и потребует больших социальных издержек, что не приемлемо.

Первый мой тезис, который я хотел предложить для обсуждения, состоит в том, что в общетеоретическом плане все это правильно. Инфляция может быть и такой и такой. Но наша инфляция на 90% — монетарный феномен. Больше чем на 90% монетарный феномен, потому что технически организовать инфляцию издержек больше чем в несколько десятков процентов в год — невозможно. Это доказывает опыт Польши, Венгрии, Чехии, Словакии, даже Болгарии и Румынии. В Болгарии инфляция составляет 80% в год, в Румынии в этом году, наверное, будет 300%, в прошлом году было 200%. Значит, в принципе нет никаких особенностей у нас и в смысле монополизации, и в смысле несовершенства рынков, которые бы мешали нам снизить темпы инфляции до уровня нескольких десятков процентов в год. Но дальнейшее снижение инфляции скажется очень сильно на производстве. Можно спорить о том, будет ли это сказываться так сильно на производстве, или не будет?

Второй тезис касается финансовой политики. Естественно, говоря об экономической стабилизации, нужно говорить о финансовой политике и о монетарной политике. Тезис состоит в том, что без высоких налогов сбалансированного бюджета не будет. Вот обоснование. Среди западных стран есть страны с высоким уровнем государственных доходов и расходов. Здесь говорилось, что Россия перераспределяет очень большую часть добавленной стоимости или национального дохода, в нашей терминологии, через государственный бюджет. Это не так. Статистика свидетельствует как раз об обратном. Страны с высоким уровнем государственных доходов в ВВП — это Швеция, Норвегия, Нидерланды. Там уровень государственных расходов по отношению к ВВП составляет более 50%. В Швеции было одно время даже больше 60%. Среднеевропейский уровень — это 40—45%. Есть страны с низким уровнем государственных доходов в ВВП. Из стран ЕС это четыре страны: США, Австралия, Швейцария и Япония. Там доля государственных доходов в ВВП, подчеркиваю, доходов, составляет 30—35%. Это страны с самым низким уровнем государственных доходов. СССР традиционно был страной с высоким уровнем государственных доходов и расходов. В середине 80-х годов доходы и расходы были здесь сбалансированы, примерно на 45—50%. Значит, страны с низким уровнем государственных доходов в ВВП — они же и страны с низким уровнем государственных расходов, потому что у них бюджет более или менее сбалансирован. Эти страны могут себе такое позволить по двум

причинам: в США военные расходы высокие, т. е. это бремя для государственного бюджета порядка 4,5 — 5% ВВП, но социальные расходы — образование и здравоохранение — финансируются в значительной степени не из государственной казны, а из частного кошелька. В Швейцарии, Австралии, Японии военные расходы также очень небольшие. У нас традиционно и социальные расходы большие, и военные расходы велики. Значит, без высоких налогов нам бюджет не сбалансировать, потому что стратегия, основанная на сбалансировании бюджета путем сокращения расходов, неэффективна, по крайней мере, в долгосрочном плане. Можно говорить, что это хорошая или плохая вещь — бесплатное образование или бесплатная медицина, но в краткосрочном плане снизить расходы на предприятиях, которые производят вооружение, снизить расходы на здравоохранение и образование невозможно. В России уровень государственных доходов в ВВП с 1992 г. составляет 30% — это самый низкий показатель в мире. В первой половине 1992 г. удалось снизить расходы, но потом пришлось их увеличить. Значит, разница покрывается за счет дефицита. Значит, для того чтобы снизить дефицит, надо повышать налоги, которые у нас, в общем, невысокие. 32% — это невысокая налоговая ставка на прибыль. Эффективная налоговая ставка оказывается еще более низкой, так как значительная часть налогов не собирается.

И наконец, третий тезис. Касается монетарной политики. Почему монетарная политика оказалась неэффективной, почему она привела к неплатежам? С одной стороны, и закона о банкротстве не было, т. е. его приняли в октябре 1992 г., с марта 1993 г. он стал действовать, но все равно банкротств как не было, так и нет. С другой стороны, не было промышленной политики, т. е. государство в принципе не выбрало приоритетные сферы. Если оно не выбирает приоритетные сферы, то получается, что помощь оказывается всем. В принципе промышленная политика — это не антипод монетаристской точке зрения в том, что бюджет должен быть сбалансирован и денежная масса должна расти умеренно. Промышленная политика — это средство. В наших условиях, нельзя не определив приоритетные отрасли, сбалансировать бюджет и ограничить денежную массу. Только определив, кого именно государство будет поддерживать, а кого нет, можно такое осуществить. В странах Восточной Европы в такой же ситуации, когда не было законов о банкротстве, или законы были, но массовых банкротств не было, а в некоторых из них даже безработица не росла, в 1990—1992 гг. удалось снизить инфляцию путем жесткой монетаристской политики. У нас она почему-то привела к неплатежам. Вопрос состоит в том, почему там кредитные рестрикции, монетарные рестрикции в аналогичной с нами ситуации привели к снижению инфляции, до в общем, приемлемого уровня, а у нас они выразились в неплатежах? В принципе здесь есть две точки зрения. Одна говорит, что если бы правительство еще продержалось, если бы не было принято решения о взаимозачете в июне—августе 1992 г., то

вся эта проблема сама бы собой рассосалась. Неплатежи — это проблема предприятий, и правительство не должно брать на себя за них ответственность. Есть вторая точка зрения, в соответствии с которой нам грозил крах, развал всей платежной системы, и поэтому правительство не могло не вмешаться.

Взгляд на российскую экономику с Запада

Я хотел бы начать с того, что, наверное, лучше всех здесь (пусть на меня никто другой не обидится) выступал самый молодой человек, коллега Белоусов. Я с восторгом слушал его выступление, оно мне нравится как по форме, так и по существу. Завидовал. И чем он существенно отличался от многих других ораторов — тем, что он нас не забалтывал. Второе, что я хотел бы сказать, — это что я полностью согласен со своим старым другом — Гришей Ханиным в его характеристике положения, создавшегося в российской экономике. Оно действительно катастрофично, оно ужасно. И я согласен с ним в том, что в течение ближайших нескольких лет нельзя ожидать его более-менее существенного улучшения. Я согласен с ним также и в объяснении причины этого. Я думаю, что главная причина катастрофы заключается в том, что по политическим причинам, без сколько-нибудь широкого обсуждения руководителем экономической политики этого государства был назначен очень способный журналист, практически экономику знающий плохо. Он и его команда гордились тем, что они никогда не были ни на одном предприятии. А недавно люди, стоящие у власти, позволили себе сказать, что они никому не объясняли, что они делали, потому что их бы не поняли. Это заявление руководителя правительства. Для меня, уже много лет живущего на Западе, это ужасное заявление. После этого человеку надо немедленно уходить в отставку. И пожалуй, закончить характеристику этой команды можно, коснувшись только что сказанного здесь. Человек, который защищал здесь эту политику — коллега Иванов, специалист, как он сам нам объяснил, по критерию оптимальности, — отказался охарактеризовать меру эффективности этой реформы. Надо ли к этому что-либо добавлять?

Но все-таки надо сказать еще кое о чем, что, по-моему, иногда не принимается во внимание. Большинство критикуют сегодня политику Гайдара, и в том числе здесь, так сказать, справа. Я тоже не согласен с ним, но — слева. Я думаю, что главная ошибка, я бы даже сказал, "преступление" против российского народа, — в том, что не была осуществлена реальная приватизация. Как правильно

кто-то тут сказал — в России нет собственников. Вспомните: в многочисленных статьях и выступлениях начала периода реформ не говорилось о приватизации, слово "собственность" не употреблялось. Все упиралось только в монетарные финансовые меры. И результат, собственно говоря, стал виден, когда была поставлена безумная задача — добиться стабилизации экономики только финансовыми, монетарными мерами. Задача совершенно невыполнимая. Никакого другого результата нельзя было и нельзя добиться в ситуации, когда правительство отказалось руководить предприятиями, никому не принадлежавшими. Ликвидировали систему государственного управления, которая была совершенно ужасной, отвратительной, но она хоть как-то управляла. Изобрели странную теорию коммерциализации, которая в принципе даже хуже, чем то, что учинили с югославской экономикой, и теперь пожинают совершенно неизбежные, по-моему, результаты.

С огорчением должен сказать, что часть вины должны разделить мои коллеги — несостоявшиеся советологи. Филипп Хенсон — лучший из них, не делавший таких ужасных ошибок, которые сделали американские его коллеги. Тем не менее сегодня он, в общем-то, повторял "зады" гайдаровских уверений. Он привел два уже избитых и в корне неправильных аргумента: посмотрите на Эстонию, посмотрите на Украину. Господь с Вами! Эстония добилась успеха, потому что через нее идет поток украденных из России сырьевых материалов и, кроме того, Эстонии дали значительные средства другие Балтийские государства. Вот и все объяснение так называемого успеха Эстонии. Что касается Украины — то почему никто не хочет заметить, что на Украине просто нет нефти? Дело же не в Кучме, — а нефти у них нет. Ну вот представьте себе, что в России при Гайдаре, которого вы так любите, не было бы нефти. Представьте, каково было бы положение в России? Лучше, чем оно на Украине?

Вопрос: Что — их правительство не знает, что у них нет нефти? Что это за политика, которая игнорирует такой пустяк?

Ответ: Политика... ну хорошо, поезжайте на Украину и скажите, что им делать. Я лично считаю, что им нужно было проводить быструю приватизацию. Этим они не занялись. Вместо этого они болтали о финансовой стабилизации.

Что я еще хочу сказать? Сегодня мы здесь заняты печальными размышлениями о том, что случилось, куда идти, что делать и т. д. Я с сожалением должен сказать (и простите старика за то, что он называет вещи своими именами), сначала Гайдар потерпел фиаско в экономической сфере, а за последние три месяца — и в политической. Позвольте сказать: если страной и ее экономикой будут руководить на уровне Гайдара, то стабилизации, о которой говорил уважаемый мною Фил Хенсон, здесь не дождутся никогда. Второе, что я хочу сказать. Если в этой стране решительно, быстро и по-умному не будет проведена реальная приватизация... Болтают, понимаете

ли, о кооперативной собственности, об особенностях России и русского национального характера. Это же болтовня! Вы посмотрите, десятки миллионов российских граждан разных этнических групп, оказавшихся на Западе, не отличаются от других. Нет каких-то, понимаете ли, особенностей русских людей. Они такие же, как и все другие. Им просто не дают нормально жить, или они сами, и в этом позвольте им предъявить обвинение, не хотят заставить своих руководителей дать им разрешение. Так вот, я хочу сказать, что если в ближайшее время по испытанному уже пути, по доказанному уже пути, простите, по пути строительства, только не рыночной — это дурацкое слово, — а капиталистической экономики, с большими и маленькими капиталистами, с людьми, которые владеют своим жильем, своим предприятием, если по этому пути в ближайшее время не пойдут, то катастрофа будет совершенно ужасной.

Реплика

Уважаемые коллеги, я не готов предложить какие-то результаты конечного анализа, который бы позволил приблизиться к ответу на вопрос наш сегодняшний "Куда идет Россия?" Я хотел бы высказать некую гипотезу о том, как надо начинать приступать к этому анализу, но мне кажется очень неплодотворно, с точки зрения изучения этого вопроса, анализировать текущие, данного месяца, данного года, хозяйственные проблемы. Они несопоставимы с ответом, с поисками ответа на исторический вопрос, и они опираются, как правило, на случайные данные о мало известных нам процессах. Я в качестве иллюстрации могу привести пример рассуждения о сельском хозяйстве. Тут приводились данные о том, что плохо прошла уборка урожая в этом году, и я приведу данные, наверное, столь же случайные, но они будут доказывать блестящие успехи. Во-первых, сельское хозяйство является единственной сферой народного хозяйства, в которой на сегодня спад остановлен. Строго говоря, в растениеводстве спада не было вообще за 2 года реформ, поскольку среднегодовой урожай не ниже прежнего среднегодового по главным зерновым. (Я не буду говорить отдельно по картошке, отдельно по чему-то.) В животноводстве спад производства молока и мяса прекратился где-то весной этого года, а начался он до гайдаровских реформ. Он шел, наверно, лет 5 по причине легко понятной, поскольку значительная часть животноводства была "избушкой на курьих ножках" — индустриальным, скопированным с чужого

образца производством мяса и птицы на импортных кормах за счет вывоза самотлорской нефти. Не стало нефти, не стало валюты, не стало импорта и не стало этого животноводства. Процесс закончился, и сегодня мы имеем животноводство, основанное на отечественных кормах и развивающееся без подъема, но уже и без спада. И наконец, важнейший результат — впервые за 30 лет Россия приступает к экспорту зерна, радикальным образом сократив импорт зерна, одновременно сократив импорт мяса и некоторых других продовольственных продуктов, которые можно производить в России. Самым убедительным, наверное, примером, доказательством, что при таком подходе мы оперируем случайными фактами, является то, что самая страшная, по-моему, проблема, самая опасная политически и социально, — вообще не упоминалась. А самая тяжелая проблема заключается, конечно, в том, что по мере прогресса финансовой стабилизации нас ожидает безработица в таких масштабах, с которыми никто не знает, что делать. И никакой готовности правительства решить проблему эту не видно.

Еще менее плодотворно, мне кажется, рассуждение о том, надо ли нам строить капитализм или не надо. Я не согласен, что в западных странах сотни лет строили капитализм. Там не строили капитализм — никогда и никто. Там решали практические задачи. А такая вещь, как капитализм, выростала в ходе этого естественным путем. И, мне кажется, подход большевиков к Марксовой формационной схеме был ошибочным не потому, что они выбрали социализм, а потому, что простой метод исторического анализа того, что уже произошло, был превращен в плановую задачу, которую надо решать съездам, Госпланам, министерствам. А задача эта все-таки несколько иррациональная. На самом деле, по-моему, в начале XX в. под маской задачи построения социализма решалась задача модернизационная, задача на поиск приспособленного к российским условиям пути перехода от аграрной цивилизации к индустриальной, построения индустриальной цивилизации. Эта задача была решена худшим из всех возможных способов, самым жестоким и дорогостоящим, но она была решена. И пока эта задача решалась, строй был жизнеспособен. Мы можем говорить это с сожалением, но он был жизнеспособен. Строй рухнул тогда, когда встала следующая цивилизационная задача — перехода к постиндустриальной цивилизации, которую (это очень ясно стало где-то в 60-е годы, совершенно очевидно) этот строй решать не мог. И, мне кажется, что нам было бы полезно говорить о том, как мы можем или почему не можем решать эту задачу. Это не есть установка на построение или на непостроение капитализма. И я уж не говорю о том, что спор о том, переходим ли мы к дикому капитализму, предполагает, что мы переходим от чего-то, что было социализмом. Я не думаю, что кто-нибудь может доказать, исходя из строго научных марксистских критериев, что исходное состояние нашего общества было именно социализмом.

Реплика

— Я хочу высказаться в духе "взгляда со стороны", во-первых, потому, что я не экономист, а социолог и, в какой-то мере, историк. И, во-вторых, потому, что я — иностранец, хоть и знающий Россию, но все же остающийся иностранцем.

Первое мое замечание связано с теми фактами, которые используются как база и анализа и спора, который шел между экономистами в этом зале. Я думаю, что эти факты в чем-то важном неправильны или, по крайней мере, недостаточны, потому что не включают важную категорию фактов экономической жизни — факты, не учитываемые государственной статистикой. Я имею в виду те социально-экономические формы, которые не являются ни чисто государственными, ни чисто рыночными, т. е. семейные экономики, неформальные экономики, то, что я по разным причинам предпочитаю называть "эксполярными экономиками". Если не учитывать их существования, то картина спада в течение последних пяти лет ясна. Но если эта картина правильна, то люди должны голодать на улицах Москвы, а они не голодают. Я думаю, что есть вещи, которые нельзя спрятать, одна из них — голод. Потому что, когда проходишь по улицам города, ты понимаешь, голодают люди или не голодают. Лица детей это точно определяют, и те, кто работал в голодных странах, прекрасно это знают. И то, как одевают детей и в Москве, и в провинции, это тоже надежный признак. И в этом смысле что-то неправильно в расчетах. Я помню, как ко мне обратилась делегация американских экономистов в Москве, которая просила посоветовать, как бороться с голодом в России. Это было перед тем, как вам начали посылать посылки с гуманитарной помощью. Я ответил: "Кто вам сказал, что в России есть голод"? Они мне показали статистику. Я сказал: "А вы выйдите на улицу!" И мы начали спорить, — они утверждали, что я оптимист, и поставили вопрос по-другому: что нам надо будет делать, когда через два месяца, т. е. в пике зимы, начнется голод? Я сказал опять, что этого не будет. Мои коллеги работают в русских селах, и никаких знаков голода там нет.

Все это я говорю к тому, что надо выйти за пределы той информации и тех форм анализа, которые учитывают только государственные и крупнорыночные хозяйства, статистически оцениваемые сравнительно легко. Науке пора вовлечь в сферу внимания социальную экономику малых форм. Потому что только тогда можно будет определить более точно, что именно происходит в стране. Утверждают, что Россия движется в сторону капитализма. Но для начала — нет ведь классического капитализма. Формы развития капиталистичес-

кой экономики в большой мере разнятся. В частности, без исследований экономики "третьего мира" нельзя понять того, что происходит в России. Нельзя сравнивать то, что происходит в России, с тем, что происходит в Англии или в Америке, забывая о сравнении с происходящим в Индии или Бразилии, т.е. смещая тем самым тематику обсуждения и направление аналитического мышления. Сравнение с этими странами, как я думаю, было бы более точным.

И последнее замечание связано просто с формой. Я думаю, что в выступлениях ряда коллег звучала в какой-то мере старая нота. Не в смысле того, что у людей какая-то идейная заикленность. Но в советской действительности существовал обычай, когда делом экономиста было писать записки для Политбюро, где советовалось, что делать надо так, а не так. Теперь высшая власть не называется Политбюро, но выработанный подход остался. С моей точки зрения, дело ученого — заниматься накоплением знания, а не советами правительству, которые всегда даются "в воздух", а затем покрываются пылью времен, потому что политики чаще всего делают то, что им нужно, вне всякой связи с советами ученых.

Ю.Ж.Голанд,
кандидат экономических наук, Институт проблем физики,
Аналитический центр по социально-экономической политике
при администрации президента

Об ответственности реформаторов

Я замечал, еще когда занимался только историей, что люди очень быстро все забывают. Их память не удерживает даже того, что было год назад. Я получил подтверждение этого, когда слушал выступление Л.Никифорова. Он в принципе правильно говорил, что надо бы подготовить комплексную программу реформ, чтобы не было наблюдаемых на практике дисбалансов. Но ведь мы же, начиная с 1986—1987 гг., только этим и пытались заниматься, пытались сделать такую программу. И вот, если мы вспомним о предложениях разных ученых, о реакции на эти предложения властей, то увидим, что их попытки ни к чему в конце концов не привели, такая программа так и не была создана. Поэтому и начался курс Гайдара, который действительно не был продуман. Я с этим, конечно, не могу не согласиться (в конце 1991 г., когда стало известно, что они намеренно хотят делать, я не раз говорил с его автором).

Тем не менее это был процесс, видимо, связанный с положением нашей экономической науки. И я не могу согласиться с Т.Шаниным в том, что не дело ученых давать советы. В нормальной, стабильной ситуации действительно это и не нужно, там и так все идет нормаль-

но. А вот когда происходит перелом, когда надо вести страну к чему-то новому, то откуда правительство будет знать, как и куда надо идти, когда так все ломается?

И вот тогда-то, я думаю, выработка советов правительству была обязанностью экономической науки, с которой она не справилась. Поначалу мне казалось, что не беда, что реформаторы делают что-то не так — они поправят свою политику в ходе дела. И самое плохое, с чем я столкнулся, — это, что людям во главе с Гайдаром, которых я знаю очень хорошо, ничего никогда нельзя было доказать. Что ни говори, они "все знают сами".

Я смотрел обзор института Гайдара "Российская экономика в 1992 году", подготовленный, когда Гайдар вернулся в институт в феврале 1993 г. Казалось бы, это был очень удобный момент для того, чтобы проанализировать, что сделано так, а что — не так. Но нет. Ни слова о своих ошибках там нет. Виноваты Верховный Совет, виноваты какие-то другие антиреформистские силы. Но что они сами сделали неправильно — ничего в этом толстом обзоре не сказано.

То же самое продолжается и сейчас. А как раз самое важное заключается в том, видят ли реформаторы свои ошибки, готовы ли их исправить без давления извне, осознали ли их как ученые. Они же все-таки научными работниками были! Этой самокритичности у них нет, во всяком случае, я ее нигде не могу заметить, и это ведет к наблюдаемым нами последствиям.

Сейчас, когда прошли выборы, казалось бы, надо из них извлечь какие-то уроки — ведь они показали, как настроен народ. Тем не менее и сейчас слышатся голоса, что надо и дальше идти по тому же пути, только еще быстрее, не обращая внимания на реакцию населения.

С моей точки зрения, главным является вопрос о роли государства. И дело не в том, у кого какие права, а в том — кто за что отвечает, т.е. в вопросе ответственности. Была взята линия на то, что государство не должно нести ответственность за хозяйственную деятельность предприятий. Говорят, что предприятия в рыночной экономике сами должны за все отвечать. В какой-то сбалансированной экономике, может быть, это и правильный подход, но в наших условиях он ведет к уходу государственных органов от ответственности. А по-моему, главная особенность экономики, способной развиваться нормально, — это ясность в вопросе, кто за что отвечает. У нас же не с кого спросить ни о чем, потому что никто ни за что не отвечает. В частности, те, кто должны создавать общие условия для нормальной деятельности предприятий.

Сейчас вот Ханин говорил о том, что надо бы вернуться назад. Я вижу в этом лишь тот положительный смысл, что надо восстановить ответственность за экономическое положение. Но что касается конкретных шагов, которые он предлагает, и в частности введение двух денежных систем, то это вызывает серьезные возражения.

Но если говорить об общем подходе к делу, то я бы сделал упор на то, что государство, или, точнее, правительство, должно понять: за

все, что происходит в стране, оно обязано нести ответственность, оно не может ее не нести.

И поэтому там, где оно может реально вмешаться и принести пользу, оно должно это делать. Здесь было совершенно правильно сказано, что честных администраторов нет. Но правильно и другое — что и попытки отбора таких администраторов тоже не делались. Ведь все говорят о коррупции, но с ней не борются. В нашей стране это давняя традиция поведения государственного аппарата, но если нет явной и четкой линии на борьбу с коррупцией, то, значит, считайте, что все дозволено уже полностью и бесконтрольно.

И вот мне хотелось бы, чтобы в результате нашего заседания был сделан такой вывод: курс, который был взят командой Гайдара, нуждается в корректировке с осознанием того, что правительство и все государственные органы должны нести личную и ясно осознанную ответственность за состояние экономики. Без понимания этого, мне кажется, никаких позитивных изменений быть не может.

Панель 2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Вопросы для обсуждения:

1. Политическая власть в России: историческая традиция и современность.
2. Тенденции партийно-политического развития России и проблемы формирования гражданского общества.
3. Наиболее вероятные сценарии политического развития России.

*В.Н.Дахин,
доктор исторических наук, ИМЭМО, Интерцентр*

Дуализм общественно-политической жизни России (к вопросу о влиянии исторической традиции)

Сложнейший период, переживаемый современным российским обществом, требует тщательного изучения, поскольку несет в себе ряд особенностей, позволяющих говорить как о предельной хрупкости развивающихся процессов, так и об их резком несоответствии реальному положению. Налицо неадекватность возникающих механизмов партийно-политической системы тенденциям современного развития. Эти особенности настолько своеобразны, что применительно к ним нельзя использовать общепринятые при политическом анализе термины и критерии, не оговаривая каждый раз их конкретное содержание или условность применения.

В первую очередь это относится к основным составляющим политического процесса не только в России, но и во всем бывшем СССР, идет ли речь о "переходном" периоде или о конкретных формах становления "молодой" демократии, государственности, многопартийности. Но прежде, чем рассматривать эти основные составляющие, необходимо, на наш взгляд, ответить на три группы вопросов.

Во-первых, можно ли рассматривать события августа—декабря 1991 г. и сентября—декабря 1993 г. как этапы революционного перехода от вялотекущей эволюции 1985—1991 гг. к "молодой" демократии? То есть имела ли место смена отношений собственности и правящих классов или речь идет о смене старых правящих групп

новыми, ранее периферийными и маргинальными, но в рамках одного господствующего слоя? Иначе говоря, сменился ли деструктивный этап развития конструктивным или продолжается структурный распад тоталитарного общества и системы? От ответа на этот вопрос зависят: оценка политического кризиса в России; практически автоматический перенос всех кризисных процессов, развивавшихся в СССР, на Россию, включая и прогрессирующий распад Федерации, раскол общества; объяснение особенностей охватившей общество политической борьбы, которая фактически ведется за власть как самоцель.

Вторая группа вопросов касается российской государственности: состоялась ли Россия как новая великая держава или мы имеем дело с "несложившимся" государством, не только не определившим форму своего устройства (федерация, асимметричная федерация, унитарное государство), но и не осознавшим еще своих национальных интересов и соответственно не нашедшим своего места ни в пространстве бывшего СССР, ни в мировом сообществе? Третья группа вопросов вытекает из двух первых: адекватна ли намечающаяся форма государственно-политического устройства реальным процессам, развивающимся в России? Иначе говоря, утвердилась ли в сознании основной массы населения новая структура ценностей, связывающая понимание демократии с определенной политической системой?

Скорее всего, ответы на все эти вопросы будут отрицательными, и потому придется констатировать, что процесс распада тоталитарного общества и его политической системы продолжается. Только на этом фоне можно понять природу политического кризиса и его ход, положение страны и особенности становления партийно-политической системы. Продолжается процесс структурного распада с разрушением всех ее положительных элементов, отрицанием любого позитивного опыта, даже того незначительного, что был накоплен в ходе самого кризиса. Следовательно, мы имеем дело не с кризисом власти, а с властью кризиса, когда логика распада тоталитарной системы воспроизводится в самом течении политического кризиса "новой", еще не оформившейся системы, диктует форму ее развития. В первую очередь это относится к формирующейся новой государственно-политической системе, так называемой "молодой" демократии. Однако, на наш взгляд, эта "молодая" демократия унаследовала все родовые особенности традиционной русской государственности, которая уже не раз терпела историческое крушение (1905—1917, 1985—1991, 1991—1993 гг.). Объективной необходимостью выхода из тупика не только "советской модели", но и противоречий всего предшествующего периода развития, являлась модернизация. И в силу исторических традиций подход к ней принял привычные формы не эволюции и реформы, а революционного навязывания сверху моделей, чуждых даже для породивших их стран-эталонов, при сохранении старого взгляда на власть как самоцель этой модернизации.

Такой ход модернизации определен исторически привычным дуализмом общественно-политической жизни, фактическим отчуж-

дением общества от процесса формирования реальной политики. Отечественная политическая культура складывалась как синтез нескольких политических культур: автохтонной, западно-европейской, восточной (Степь), византийской. От всех них власть — российская государственность — унаследовала далеко не лучшие черты: авторитарность, надобщественный, а впоследствии надпартийный характер, исключая возможность либерально-демократической эволюции общества.

И в этой политической культуре, основывающейся на отчуждении общества от власти, не было места основным принципам демократии как пути общественного развития: принципу разделения властей, их сменяемости в условиях конкуренции политических интересов, правовым основам жизни. Именно политическая культура, породившая дуализм, дала новым правящим группам монополию на демократию, понимаемую как форма навязывания такой политической системы, которая сохранила бы надобщественный характер власти. С этой точки зрения понятны искаженное толкование принципа разделения властей и их взаимодействия, произвольная трактовка результатов голосований и референдумов, конфронтационный характер разрешения противоречий любого рода.

Автономная от общества власть не нуждается в широкой социальной базе — она развивается по собственной логике самосохранения: феодальная монархия эволюционировала в абсолютизм, пролетарская демократия — в тоталитаризм, "молодая" демократия — в авторитаризм. Общественно-политическая жизнь, возникающая на базе объективных изменений в социально-экономической жизни, всегда являлась периферийной и маргинальной по отношению к власти.

Власть апеллирует к обществу лишь в моменты утверждения новых правящих групп, а затем воспроизводит привычное отчуждение и действует автономно, следуя своему пониманию стратегии модернизации на базе данной, обычно умозрительной модели развития. Не нуждаясь в поддержке общества, власть фактически игнорирует его интересы и настроения. Векторы движения, совпадающие лишь в моменты утверждения нового режима, снова начинают расходиться: общество движется в никуда, в очередное мифотворчество, старые и новые группы правящего слоя делят власть. Вариантность развития перестает существовать. Так же как несколько десятилетий назад характер магической формулы имели слова "социализм" и "коммунизм", в конце 80-х — начале 90-х годов таким закливанием становится слово "рынок", в равной степени привлекательное, мифическое, загадочное и манящее способностью разрешить все проблемы общества.

Дуализм предопределяет тупики очередной модернизации и параллельность развития общества и власти, он обусловлен не только сущностью последней, но и своеобразием самого российского общества. Дело в том, что общество и личность в нем всегда были маргинальными по отношению к власти. Все предыдущие попытки мо-

дернизации не затрагивали социальную ткань общества, сохраняя ее на сословном (дореволюционная Россия) или маргинальном (советская Россия), но всегда социально однородном уровне. Этим правящие группы стремились обезопасить себя от общественного вмешательства и давления со стороны солидарных социальных групп, возникающих или могущих возникнуть. Их развитие сдерживалось либо сохранением сословной иерархии, либо физическим истреблением и политикой социального смещения, либо созданием политической системы, не допускающей их вмешательства во властные отношения.

В силу такой политики формируется закрытое безгражданское общество, которым легко управлять и манипулировать, а сохранение такого общества предопределяет тупик очередной модернизации прежде всего потому, что социально однородное общество управляемо лишь до определенного предела, оно имеет свою особую психологию, логику ценностей и поведения. В нем преобладают деструктивные настроения, и оно способно воспроизводить лишь традиционные политические стереотипы: тотальное отрицание прошлого, разрушение и анархию, восторженное мифотворчество при воссоздании исторически привычных авторитарных форм организации жизни. Обе эти тенденции, проявляющиеся в современной России, имеют общую социальную базу. А отсутствие субъектов перехода — безгражданское состояние общества — ведет к тому, что обе крайние тенденции действительно реальны, порождая раскол общества и до предела ослабляя его влияние на характер власти.

Потребность "быть кем-то", обостряющаяся в условиях социально-го распада и нарастающего экономического кризиса, используется утверждающимися у власти элитами. Власть легко может сохранять свой надобщественный характер, когда общество расколото и разобщено. Радикализация, в отличие от активности гражданского общества, является, как правило, признаком неблагополучия системы, симптомом ее кризиса. Но радикализацию можно поддерживать и искусственно, для чего борьба лидеров и группировок переводится в крайние формы национальных, межнациональных, клановых и региональных противоречий. При этом нетрудно подменить власть закона "революционным правом", зависящим от обстановки и (или) интересов какой-либо группы.

Все происходящее полностью укладывается в общественно-политические традиции нашего общества. Несколько столетий русская передовая мысль добивалась парламента и получила Думу, которая покорно давала себя распустить царским рескриптам. Год бушевала революция, добиваясь Учредительного собрания, но достаточно было матроса с винтовкой, чтобы завершились конституционные страсти Февраля. Несколько лет новая демократия совершенно искренне боролась за свободные выборы, но стоило новому парламенту по-своему оценить ситуацию, как власть, увидевшая в этом посягательство на свои prerogatives, начала сперва публичное обсу-

дение вопроса "зачем нам этот парламент?", а затем решила проблему новой Конституции и нового парламента "вне рамок конституционного пространства". И этот вопрос задавали именно добивавшиеся свободных выборов. Вторая Государственная дума была распущена из-за отказа отстранить 55 депутатов от работы и лишить 16 из них депутатской неприкосновенности. А радикальные демократы "образца 1993 г." горячо приветствовали силовое разрешение конфликта властей, разрушившее основы правового государства в современной России.

После силового решения конфликта властей началась вялая избирательная кампания, в которой "иллюзия победы" — выдуманной на референдуме в апреле 1993 г. и реальной 3—4 октября 1993 г. — продиктовала пассивность проправительственных групп. Правда, не приходилось и говорить о радикализации общества — в массе своей оно осталось инертным, пассивным и почти равнодушным к политическим баталиям в верхах, но не к политике правящей группы. Это четко зафиксировали результаты парламентских выборов 12 декабря 1993 г., хотя обстановка внешнего равнодушия позволяла агрессивному меньшинству либо по-прежнему выступать от имени всего общества, либо обвинять это общество, отказавшее ему в доверии.

Видимо, в этом и заключается особенность кризиса теперь уже российской государственности. Ложная идентификация личности, групп, народов, вылившаяся в искаженную политическую идентификацию, вела к постановке целей, достижение которых предлагаемыми методами в России нереально. В строгом соответствии с законами нового мифотворчества выдвигается задача скачкообразного перехода общества в качественно новое измерение, в другую систему ценностей. (Характерные примеры этого — программа "500 дней", программа финансовой стабилизации или споры о том, как строить СНГ — по принципам Общего рынка или Британского содружества.) Но эти ценности и идеалы существуют, как правило, лишь в воображении политиков, которые берут их из идеализируемого опыта других стран и времен.

Абстрактный конструктивизм новых правящих групп, попытки механического использования чужого опыта и, как следствие, тупики социально-экономической политики ведут к подмене реального политического процесса поиском всеобщей панацеи, способной в единый по историческим масштабам миг изменить ситуацию. Этот процесс развивается также в соответствии с законами маргинального сознания, убежденного в способности власти, независимой от общества и персонифицированной, осуществить реформы. Если же общество их отторгает, то власть должна заставить общество принять реформы. Так, подводя итоги последних парламентских выборов, Г. Якунин заявил: "Вероятно, в нынешней ситуации в России было бы целесообразно вводить прямое президентское правление, осуществлять реформы, и через год-полтора в случае, если бы экономическое положение улучшилось, демократы имели бы шанс победить на парламентских

выборах"* . Но это мнение радикального демократа. Гораздо опаснее, на наш взгляд, рассуждения интеллектуалов, своеобразно учитывающих русскую традицию "человека монопольного", сосредоточившего в своих руках необъятную власть: "И опыт показывает, что только соединение в одном лице носителя абсолютной власти и автора идей может породить действительно реформатора"***.

Эта убежденность в безальтернативности авторитаризма в России обусловила особенности так называемого конституционного процесса — возникновение тезиса, что во имя демократии можно использовать силу, жертвы на пути к ней неизбежны. Отсюда идеализация авторитарического и авторитарного пути Чили и Испании (человека можно заставить быть свободным). Преобразовать политическую систему тоталитарного общества эволюционным путем не удалось по многим причинам. Одной из них стали попытки найти выход в создании некоей "авторизованной" демократии — полуавторитарной системы, основанной на харизме личности Горбачева и построенной под эту личность правовой системе. Однако на роль авторитарного лидера претендовали несколько лиц и поддерживающих их групп. В результате возник межгрупповой конфликт, разрешенный силовыми методами (развалом государства), который был перенесен на ставшие суверенными части бывшего СССР после провозглашения суверенитета России и победы группы Ельцина***.

В России преодоление тупиков развития и государственного строительства шло по обычной схеме восстановления автономии власти: через монополию на демократию переход к авторитарной модели с опорой на узкую социальную группу или без нее (создание привычного образа надобщественной и надпартийной "народной власти"). Для этого культивировался миф об идеальности единственной модели развития, сначала предлагаемой, а затем и навязываемой, раскол общества на "мы" и "они". И наконец, после нескольких попыток было осуществлено закрепление авторитарной модели через разгром одной из ветвей власти и быстрое принятие новой Конституции, легитимизирующей модель личной власти.

Ради легитимизации этой новой модели были разрушены основы складывающегося правового государства, что создало угрозу перспективам сохранения самой Конституции: если дозволено отменить обычным актом одну, то почему нельзя этого сделать и со второй? Таким образом, процесс создания новой политической системы принял, с нашей точки зрения, искаженные формы: произошла подгонка основного закона под складывающийся режим личной власти. Более того, новая Конституция, создаваемая под определенную личность (персонифицированная демократия), ликвидировала разделение властей, подчинив законодательную и судебную власти

* Независимая газета. 1993.21 декабря.

** Мегapolis-Экспресс. 1993. 22 декабря.

*** Уже этот недавний опыт должен был бы насторожить создателей новой Конституции.

исполнительной (хотя именно нерешенность этой проблемы породила идею о непригодности Советов в демократической системе). При этом сам способ разработки проекта Конституции и форма ее принятия снова вышли за рамки правового государства.

Напомним, что для разработки проекта нового Основного закона исполнительной властью было создано Конституционное совещание — внезаконный полуофициальный орган с неопределенными полномочиями и неясными принципами формирования и представительства. Так, в разработке основного закона приняли участие Союз целителей России, творческие союзы, но был отстранен ряд влиятельных политических организаций коммунистической ориентации. Разработка Основного закона носила чисто аппаратный характер, а последние поправки в проект вносил лично глава государства.

Сама идея совершенного закона, способного спасти страну, сродни мифу о единственном выходе из социально-экономического кризиса и, как показывает исторический опыт, в основе своей бесплодна и опасна. Для того чтобы Основной закон был способен легитимизировать политический процесс, он должен фиксировать только основные принципы развития страны. Такой характер имеет американская Конституция, регламентирующая часть которой достаточно кратка и относится лишь к функциям государства. Это позволяет развивать конституционные принципы в текущем законодательстве государства и его составных частей — штатов. Универсализм общих положений обеспечил Основному закону долгую жизнь и возможность его пополнения без изменения генеральных принципов. Столь же декларативный характер обеспечил универсализм Декларации прав человека и гражданина, первых поправок к Конституции США, известных как Билль о правах, Декрет о мире и т.п.

Второй путь обеспечения универсальности Основного закона заключается во введении в него программных принципов, которые после их реализации становятся универсальными положениями или удаляются из Конституции без ее изменения. На достаточно длительный срок эти принципы определяют политику модернизации вне зависимости от соотношения политических сил в стране. Примером может служить Конституция Итальянской республики, программный характер которой обеспечивает ее стабильность и спустя полвека после принятия.

Новая Конституция Российской Федерации, принятая на референдуме 12 декабря 1993 г., отражает в основном властное понимание демократии, ее личностный характер, фиксирует и регулирует процессы и тенденции, развивающиеся в основном в воображении политиков. Прежде всего это касается права частной собственности на землю — положения этого права были развиты в отдельном Указе еще до принятия Основного закона. Предполагается, что таким образом будет создан класс земельных собственников, которых современные российские политики уже называют фермерством. В условиях реальной России такой закон, а тем более конституционная норма приве-

дут скорее к сосредоточению земли в руках немногочисленного слоя "новых русских" в качестве недвижимости, но не орудия и средства труда.

Персонифицированная российская демократия в принципах, закрепленных в Конституции, приобретает привычные авторитарные черты надобщественной власти с традиционным приматом политики над социально-экономической сферой. Принцип разделения властей нивелируется сведением исполнительно-законодательных и контрольных функций в единый центр, к одной личности — президенту*. И речь уже идет не только о принципах, но и о целенаправленной деятельности по концентрации власти.

Таково в общих чертах влияние исторического дуализма власти и общества на становление новой общественно-политической системы. Даже теперь, после выборов в Федеральное собрание, показавших предельное сужение социальной базы реформ, власть по-прежнему не только не ищет общественной поддержки, но, напротив, все более отчуждается от общества. Тем самым упускается возможность сгладить негативные последствия реформ при помощи социального согласия.

Однако дуализм общественно-политической жизни вряд ли мог бы иметь тенденцию к возрождению, если бы не существование безгражданского общества. Его распад позволяет выделить еще два элемента, определяющих становление новой государственности в России. Во-первых, отсутствие на современном этапе и в ближайшей перспективе гражданского общества как субъекта реальной политики, так как даже его зародыш — потенциальный средний класс — люмпенизирован реформами. Во-вторых, своеобразие социальной стратификации в форме распада моносоциального общества: образование компрадорской буржуазии и тесно связанной с ней новой бюрократии, государственной буржуазии, корпоративное обособление отдельных профессиональных групп, пролетаризация и, следовательно, новая маргинализация основной массы населения.

Никто из них в обозримом будущем не может стать реальным субъектом нормального гражданского общества. Это относится и к подавляющему числу нынешних партий, общественных движений, профсоюзов, предпринимательских организаций. Поэтому по-прежнему малоэффективными оказываются их попытки воздействовать на власть или на реальную политику. Борьба между этими организациями — пока еще потенциальными субъектами гражданского общества — происходит за близость их лидеров к власти или долю в ней, а сами организации, утрачивая массовость, становятся все более элитарными, клановыми, регионально-групповыми. Даже

* Эту роль нового парламента особо отмечают на Западе: "И г-н Ельцин вовсе не обязан по Конституции сменить хотя бы одного министра в своем правительстве, да и вообще принимать в расчет Федеральное собрание"//Нью-Йорк таймс. 1993. 21 декабря; 1994. 3 января.

в старом парламенте расстановка сил соответствовала скорее настроениям в обществе, чем сложившейся партийно-политической структуре. Именно поэтому партийная структура России была практически смыта при первых обострениях кризиса. Реальным политическим субъектом могла бы стать церковь, но в ней возобладала та же тенденция — стать частью властных структур, а не основой христианского общественного движения. "Церковь у нас, — отмечает исследователь, — находится в глубоком кризисе: она ушла от своего истинного назначения — работать в определенном срезе реальности — и ударилась в суету, пытаясь сегодня найти свою долю собственности, не упустить место под солнцем"*.

Отсутствие гражданского общества и, следовательно, субъектов и объектов модернизационного процесса, равно как и попытки их искусственного создания, делают абстрактными цели самой модернизации. В этом случае избранный и дважды подтвержденный (1991 и 1993 гг.) радикальный путь неизбежно ведет к изоляции реформаторских групп, дискредитации принципов демократии, эффекту "бегства от свободы". Более того, на этом пути вполне реальной и неизбежной становится тенденция перехода к авторитаризму во внешне демократических формах. Тенденция такого рода уже стала реальностью в сегодняшней политике. Таким образом, становится невозможным эволюционный путь утверждения либерально-демократических принципов.

Более или менее реально просматривается третий, синтетический путь — олигархического режима под прикрытием авторитарных или на первом этапе псевдodemократических форм политической системы. Успех этой тенденции напрямую зависит от того, сформировались ли интересы тех групп, которые смогут составить или уже составляют ядро олигархии: нарождающейся компрадорской и финансовой буржуазии, старой, т.е. партийно-хозяйственной, или новой политической элиты, охлократических групп, новой государственной буржуазии, интеллектуалов и т.д. Этот режим, в отличие от авторитаризма, имеющего тенденцию перерастания в тоталитаризм, открывает некоторую вариантность в развитии страны как в сторону укрепления авторитаризма (скажем, в форме режима личной власти), так и в сторону либерально-демократической эволюции (через полосу новых социально-политических потрясений).

В любом случае ни одна из указанных выше тенденций, кроме авторитарной, еще не обозначилась реально и четко, а путь силового решения социально-экономических и политических противоречий создал опасные прецеденты. Таким путем можно лишь снять остроту конфронтации, но не устранить ее причины. Впереди — новый этап структурного кризиса, диктующего обществу свои законы и логику развития.

* Мераполис-Экспресс. 1993. 22 декабря.

Посткоммунизм, как логическая фаза развития евразийской цивилизации

Я прошу прощения, что по уважительным причинам не смог представить тезисы своего выступления для ознакомления. Но в какой-то степени мое выступление будет основано на статье, посвященной будущему России, которая была опубликована в журнале "Полис" в № 5—6 за 1992 г., и которую любезно организаторы семинара обещали завтра размножить. Я же, со своей стороны, не хотел бы повторять изложенные в статье логику и аргументацию, а остановиться только на ряде ключевых моментов и каких-то вопросах, которые объясняют то, что вы можете прочесть в статье.

Несмотря на то что статья прямо называется "Будущее России", исследование будущего не было для меня самоцелью. Так получилось, что занимаясь вопросами формирования гражданского общества и политического государства в России, я столкнулся с тем, что невозможно дать адекватное представление о процессе формирования гражданского общества и политического государства в России, не дав предварительного ответа на ряд более общих методологических вопросов, и прежде всего на вопрос о специфике политического развития России, ее месте в мировом историческом процессе и на вопрос о векторе исторического развития страны.

Так получилось, что эти два вопроса вышли на первый план, и прежде чем приступить к тому исследованию, которое я предполагал провести по вопросу гражданского общества, мне пришлось попытаться дать ответы на эти вопросы.

Сложность заключалась в том, что состояние, в котором находятся общественные науки, в частности, сейчас в России, и главная методология этих наук, не дает возможности адекватно отвечать на подобные общие вопросы. Мне кажется, что методология нашей политической науки в какой-то степени получена стихийно в результате отрицания тех методологических установок, которые господствовали в науке до этого в течение нескольких десятилетий.

В чем суть проблемы? Суть проблемы состоит в том, что сегодня методологически у нас два момента являются ключевыми. Во-первых, это сосредоточенность на изучении общего, универсального, т.е. акцентирование внимания именно на том, что соединяет Россию с миром, на том, что Россия часть мира, что она развивается по общим законам; и второе, что присуще нашей политической науке сегодня, — подчеркнутый эмпиризм и такая своеобразная, я бы сказал, фрондерская, антитеоретичность.

Мне кажется, что и первое и второе не случайно, потому что они являются реакциями на прошлое состояние науки. С одной стороны, вот это подчеркнутое внимание ко всему универсальному, к общим ценностям, к общим путям развития, к аналогиям в развитии России и мира связано с подчеркиванием десятилетиями особого характера развития России, особого выбора, своего рода социалистическим изоляционизмом. Реакцией на такой социалистический изоляционизм, на такую социалистически-коммунистическую особость, которая культивировалась наукой прежнего СССР, и стало чрезмерное подчеркивание общего и универсального.

В том же, что касается такого же подчеркнутого эмпиризма, мне кажется, тоже есть черта отрицания господства исторического материализма и тех догматических схем, которые существовали в науке. Отсюда стремление уйти от всякого философствования, от каких-то более глубоких проблем.

Я полагаю, что методология, которую мы сейчас используем, во многом получена как побочный результат идеологического процесса, поэтому использовать ее для ответа на ключевые вопросы, стоящие перед исследователями России, нельзя.

С другой стороны, есть проблема и у западной науки, когда она подходит к решению вопроса о судьбе России, о ее будущем. Мне кажется, что Запад сталкивается с серьезной проблемой культурной идентификации России. Потому что, с одной стороны, происходит как бы отнесение России к Европе, когда она является частью западного мира, и от нее ожидается как бы вполне нормальное "западное" развитие, западное поведение. Естественно, я сейчас условно употребляю термин "западный", т.е., предполагается развитие демократических институтов, становление, так сказать, традиционной европейской демократии. Это одна сторона проблемы.

Вторая сторона проблемы в том, что в то же самое время Россия и не отождествляется с западной цивилизацией, т.е. больше относится к Востоку, в ней как бы отрицается возможность развития самоорганизации, самоуправленческих институтов и как бы подчеркивается, что развитие России в сторону европейских демократических рыночных ценностей может пойти только при наличии в стране сильного харизматического лидера, который будет подталкивать страну к этим ценностям, сможет стать единственным гарантом демократического развития в стране.

Отсюда очень интересное явление: западная общественная мысль и политические деятели до последнего момента поддерживают того или иного лидера государства, будь то Горбачев или Ельцин, даже тогда, когда становится очевидно, что их политические действия направлены в другую сторону от демократии в традиционно-европейском понимании этого слова. Тем не менее они продолжают парадоксально рассматриваться именно как гаранты демократического развития.

Все это приводит к применению двойного стандарта, демократического двойного стандарта в оценке России, т.е. существует один де-

мократический стандарт для того, что можно в Европе, и другой — что можно считать демократией в России.

Не вдаваясь в подробности, я хочу только подчеркнуть, что адекватной концепции политического развития России не существует на Западе. Этот двойной стандарт, особенно заметный в последние 3—4 месяца, в связи с обострением ситуации в России, подчеркивает отсутствие какого-то глубокого концептуального объяснения особенностей политического развития в нашей стране.

Подобные рассуждения все больше и больше подталкивали меня к мысли о том, что дать адекватную картину, адекватную модель политического развития в России вне вопроса о культурной идентификации страны, не через призму специфики ее культурного развития, специфики ее культуры невозможно.

Естественно, раз мы не будем начинать с этого вопроса, то адекватной концепции мы не получим. Двигаясь в этом направлении, я пришел к некоторым результатам, которые отличаются если не от общепринятых, то, по крайней мере, от популярных парадигм, объясняющих развитие современной России и ее место в мире.

На сегодняшний день, объясняя происходящее в нашей стране, прежде всего политические процессы, социально-экономические, мы исходим из двух парадигм.

Первая — революция большевистская 1917 г. и все последующее развитие рассматриваются как патология, отклонение от некой признанной нормы исторического развития и должны быть так или иначе исправлены. В связи с этим следует как бы естественно первый вывод: дальнейшее развитие России должно идти как преодоление этой патологии, этого исторического зигзага, и возвращение, как прямое или косвенное, к столбовой цивилизационной дороге, к некому нормальному европейскому пути, что предполагает признание универсальными европейских ценностей, европейских механизмов и их постепенное распространение в России.

Мне представляется, что:

— российский коммунизм выглядит аномалией лишь в рамках западной культурной ориентации; для России это была исторически *логическая* фаза развития;

— поскольку Россия представляет иной, чем Запад, тип культуры, то распад коммунистической системы означает начало новой фазы эволюции специфической евразийской цивилизации; в посткоммунистическом российском обществе западные ценности не могут быть прямо заимствованы и усвоены, но неизбежно будут *перерабатываться* чуждой для них культурной средой.

В основу этих выводов легла определенная методология. Поскольку саму логику аргументации можно найти в статье, я хотел бы отметить здесь только основные посылки, от которых я отталкивался, анализируя ситуацию. Каждая из этих посылок сама по себе не является чем-то новым, каким-то откровением. Но в совокупности они представляли для меня некий метод исследования.

Прежде всего я исходил из того, что *культура России — это специфический, особый вид культуры, который как бы стоит особняком по отношению и к европейской культуре, и к культуре Востока.* Естественно, что в самом этом выводе нет ничего особенного, потому что всякая культура уникальна. Но для меня это было важно потому, что я хотел подчеркнуть: невозможно понять происходящее в России, действительно определить вектор ее развития, исходя только из того, что она принадлежит миру и поэтому на ее территории должны действовать универсальные законы исторического развития. То есть принадлежность миру не избавляет от необходимости исследовать место в мире, занимаемое данной культурой, ее специфические признаки. И более того, именно в исследовании этой специфики в рамках мирового процесса, наверное, и кроется тайна нашего развития.

Вторая посылка состояла в том, что *Российская культура имеет гетерогенный характер, соединяя в себе европейское личностное и азиатское общинное начала.*

Евразийство понимается сегодня вполне односторонне. В построениях евразийцев (и современных "неоевразийцев") Россия обычно противопоставляется Европе как часть Востока. Но Россия не принадлежит до конца ни Востоку, ни Западу. Конечно, значение индивидуальности в ее истории не так велико и ярко выражено, как в европейской цивилизации. Вместе с тем общинный уклад и коллективистское сознание здесь никогда не поглощали личность столь всецело, как в типично азиатском обществе. Патриархальное по форме сознание россиян неизменно подвергалось разрушению изнутри именно вследствие развития ростков индивидуальной культуры. Активно действующая личность — участник российской истории в той же мере, что и консервативная община. Часто община отторгала личность от себя, видя в ней чуждое начало. Личность, в свою очередь, конфронтировала с общиной, стремясь освободиться от архаичных канонov бытия. В то же время взаимодействие личности и общины в российской культуре не исчерпывается противостоянием. Общинная, патриархальная среда формирует очень самобытный тип личности со специфической "неевропейской" ментальностью. Сама община постоянно развивается под влиянием индивидуальности и потому не создает традиционной для Востока замкнутой и кастовой структуры общества. Коллективистское и индивидуальное начала в российской культуре столь тесно переплетены между собой и глубоко проникают друг в друга, что на этой основе возникает особая цивилизация, *качественно* отличающаяся от "классического" западного или восточного типа.

Далее. *Культура России образуется как неорганическое (неоднородное) явление и движется к органичности через длительную эволюцию.*

Под органичностью здесь подразумевается гомогенность, т.е. такое состояние культуры, при котором от своих истоков она существует

как целое, а ее элементы возникают и развиваются только в системе целого. В истории российской культуры, напротив, составляющие ее первоэлементы — личный и общинный — длительное время были как бы сами по себе, изначальны и безотносительны, переплетались, не соединяясь. Российская культура как целое была лишь их производным. В критические моменты истории она постоянно раскалывалась, обнаруживая воочию свою неоднородность. В процессе исторической эволюции культура обретала все более цельный, универсальный характер. Именно в этом движении от неорганичности к органичности и заключена особость развития российской культуры.

История России — это прежде всего постоянная культурная трансформация.

В России (наряду с естественным развитием национальной культуры из своей основы) происходили не имеющие, по всей видимости, аналогов изменения ("подвижки") самой этой основы. Иными словами, неоднократно менялся тип культуры, определяющий облик российского общества. Благодаря такому уникальному процессу внутреннего культурного преобразования история России резко отличается от истории европейских и азиатских обществ.

Субстанциальным воплощением неорганичности российской культуры является государство. Многие века государство в России было важнейшим фактором этногенеза. Именно поэтому вопрос о судьбе государственности всегда был принципиальным для общества.

В России, в отличие от Европы, личностное начало, конкурировавшее с патриархально-общинным, так и не стало самостоятельным фактором, определяющим историческое развитие. Вместе с тем в обществе, скованном традициями, постоянно накапливалось избыточное количество индивидуальной энергии. Когда оно достигало "критической массы", общественное равновесие нарушалось. Обрести устойчивое состояние общество могло лишь на новом уровне, пройдя через внутреннюю культурную трансформацию. Такие трансформации стимулировались вмешательством извне. "Внешним" регулятором соотношения общинного и личностного начал, инициирующим в случае необходимости переход общества из одного качественного состояния в другое, и выступало государство. Особая миссия государственности заключалась в том, что именно власть была главным фактором, который обеспечивал культурное движение нации: это предопределило принадлежность российской цивилизации к числу мировых, продемонстрировавших способность к непрерывному историческому развитию. Эффективность власти оценивалась прежде всего по ее влиянию на культурный процесс. Государство попеременно являлось творческой, созидающей силой или причиной застоя, выступало акселератором или тормозом общественного развития. В связи с этим разрушение государственной формы каждый раз воспринималось российским сознанием особенно болезненно, почти апокалиптически. Такая реакция объяснима: утрата государствен-

ности для России означала потерю исторической перспективы, так как власть была ресурсом, который питал эволюцию культуры, не давая ей застыть, напоподобие многих культур Востока.

Неорганичность российской культуры проявляла себя во времени как неравномерность исторического развития. Движение российской империи идет через перерывы постепенности. Дело не в том, что развитие периодически прерывалось тяжелейшими кризисами. В этом еще нет ничего специфического. Важно, что после каждого из таких кризисов история России как бы начиналась заново, что на месте одной культурной общности возникала другая. Менялся не только экономический, социальный или политический строй, изменялся "культурный тип" нации. И якобы новым, посткризисным общественным сознанием сама мысль об исторической преемственности эпох воспринималась как кощунство.

Периодические общественные кризисы имманентны российскому развитию. Именно в такие моменты происходил переход от одного внутреннего "культурного типа" к другому.

Сегодня настроения в нашем обществе носят апокалиптический характер. Происходит разрыв сложившихся связей, распад привычных устоев. Сознание проникнуто ощущением ущербности по отношению к другим народам, растерянностью и неуверенностью в будущем. Многими все это воспринимается как крах России. Неким "средством психотерапии" им могло бы служить напоминание о том, что подобное состояние духа отмечено в российском обществе как минимум в четвертый раз лишь за последние три века. Конец XVII в., середина прошлого и начало нынешнего столетий — поворотные точки российской истории, прохождение через которые сопровождалось мощными всплесками национального пессимизма, хотя история ни разу в точности не повторялась. Из каждого кризиса Россия выходила качественно обновленной. Социально-политические перемены имели не главное значение. Главным было именно изменением "культурного типа" общества. Несмотря на внешнее сходство экономических и политических ситуаций, настроений, решаемых обществом задач и т.д., каждый новый кризис был уникальным: он происходил в иной историко-культурной среде и обладал собственным "культурным" наполнением. Кризисы в России имели двойственную мотивацию. Как и везде в мире, они свидетельствовали о том, что конкретная общественная система изжила себя. Но не только об этом. Крупнейшие кризисы, пережитые Россией, отражали также готовность общества встать на очередную ступень в культурной эволюции. Это движение к органичности всегда было дискретным. То, что на поверхности выглядело кризисом, могло быть изменением характера национальной культуры. Поэтому необходимо осторожно подходить к оценке общественных кризисов в российской истории. Они часто являются признаком не только упадка существующего строя, но и указывают на интенсивное внутреннее культурное обновление.

Российская революция есть прежде всего культурная революция.

Революция в России — явление чрезвычайно сложное и многоплановое. В своем суждении — "Революция — конец старой жизни, а не начало новой жизни, расплата за долгий путь. В революции искупаются грехи прошлого... К революциям ведут не созидательные, творческие процессы, а процессы гнилостные и разрушительные" — Н.Бердяев был прав лишь наполовину. Революция в России не была созидательной силой лишь в той части, в которой она может быть приравнена к любой другой социальной революции в Европе. Однако российские революции никогда не были типично европейскими. Они непосредственно вырастали из культурных противоречий, и их первым следствием было культурное преобразование, а лишь потом изменения в экономике и политике. Революции в России делят российскую историю на эпохи, различающиеся не столько социально-экономическим и политическим режимом, сколько напряженностью внутреннего культурного конфликта и (или) господствующим типом культуры.

В этой связи я хотел бы обратить внимание на ряд выводов, вытекающих из представленных посылок. Первое и главное состоит в том, что революция 1917 г. не есть тупик, обрыв русской истории, нечто, имеющее только отрицательный исторический эффект. Это в то же время и начало преодоления того культурного общественного раскола, который привел в тупик Российскую империю. Революция дала толчок к преодолению этого раскола.

Второе. На мой взгляд, надо иметь в виду, что в течение всего советского периода в России был создан новый культурный тип человека, о котором здесь сегодня уже говорили, — это всеми презираемый тип *homo soveticus*. При всех ужасных и отвратительных чертах этого культурного типа надо все-таки сказать, что впервые тем не менее в России возник культурный тип, который был универсален. А это значит, что исчезла ситуация, когда (как в дореволюционной России) существовало два совершенно разных культурных класса, и возникла культура, которую можно рассматривать как своего рода протобуржуазную культуру.

И последнее, что я хотел бы сказать. Для меня весь советский период выглядит как своеобразный подготовительный, промежуточный период, который подготавливал Россию к вступлению в свою эпоху модерна, в свое новое время. И с этой точки зрения я считаю, что этот период не был бессмысленным, он выполнил свою историческую миссию, он имеет свой позитив, как это ни кошунственно звучит. Никакого возврата назад, в прошлое, уже быть не может именно потому, что этот период оставил свой неизгладимый, частью позитивный, частью негативный след в истории российской культуры. Он подготовил то самое буржуазное развитие, о котором сейчас говорят, и без этого советского периода ни о каком буржуазном развитии, ни о какой эпохе модерна в России, наверное, невозможно было бы говорить. И то, что происходит сейчас, — скорее всего завершение

целого исторического цикла в истории России, который начался в XVII в. расколом, включая и петровскую империю, где этот раскол существовал в скрытой форме, придавленный имперским государством, включая и сложный период как бы преодоления этого культурного раскола в советское время, и подготовил сейчас общество к вступлению в эпоху индивидуализма.

Вопрос: Есть страны, где одна и та же культура и совершенно различные политические системы — Германия Западная и Восточная; Корея Северная и Южная. Что здесь можно сказать об особенности путей развития?

Ответ: Я думал, что достаточно подчеркнул в начале своего выступления, что когда я говорю об особенности пути, то я не говорю об уникальности. Видимо, это осталось не услышанным. Я просто подчеркиваю, что говоря здесь об изучении какого-то общества, его перспектив, мы не можем исходить только из глобальных мировых схем, из тезиса, что это общество является частью мира, должно развиваться по мировым цивилизационным схемам. Поэтому признание того отрадного факта, что Россия является частью мира, не освобождает исследователей от необходимости изучать, какой именно частью этого мира она является, и в чем же состоит ее специфика. Если же вы хотите сказать, что у России вообще нет никакой специфики, то я с вами в этом не соглашусь.

Что касается революции и контрреволюции, я тоже подчеркнул, что я не говорю о революции в европейском смысле, как социально-политической революции. Если бы я говорил в этом смысле, вы были бы абсолютно правы, что 1917 г. можно рассматривать как соединение революции и контрреволюции. Я же говорил о сложнейшей культурной революции, о своего рода культурном взрыве, который произошел по причине того, что силы империи были подточены двухвековым противостоянием друг другу своеобразных культурных классов, как вы знаете, сильно отличавшихся между собой не только бытом, ментальностью, но практически даже и языком: патриархального крестьянства, составлявшего огромную массу населения, и европеизированной элиты.

Поэтому, когда я говорю о революции начала века, я вовсе не имею в виду революцию большевистскую, буржуазную, какую угодно, я говорю о том, что произошел своего рода культурный взрыв, подготовленный предшествующим ходом истории.

Вопрос: Не кажется ли вам некоторым противоречием, что смысл советского периода заключается в подготовке условий для перехода к европейской буржуазности?

Ответ: Я с вами полностью соглашусь, если предположить, что когда мы говорим об обществе нового времени, об обществе эпохи модерна, то имеем в виду, что европейское общество есть одновременно и видовое и родовое понятие. Тогда, безусловно, вы правы, и действительно тогда можно предположить — когда я говорю о том, что Россия за последние семьдесят лет своеобразным и жестоким

путем готовилась к переходу к новому состоянию, она готовилась к переходу к европейскому состоянию.

Если предположить, что существует плюрализм культурного развития в мире, в том числе и внутри Европы и вне Европы, и есть нечто универсальное — и это универсальное есть некие принципы, на которых построено общество эпохи нового времени. Тогда ситуация выглядит иначе, универсальное — это, прежде всего, индивидуализм развития, то, что Гегель называл субъективным сознанием, в противовес субстанциональному сознанию. Если предположить, что разные культуры, разные народы идут разными путями к общей какой-то цели, то каждый создает общество эпохи нового времени по-своему. Я говорил, имея в виду только этот смысл. Естественно, более правильно будет сказать, что я рассматриваю этот семидесятилетний период как подготовительный период для входа России в *свое* новое время. Вопрос только в том, считать ли новое время и европейское новое время идентичным.

И еще один момент, я хочу обратиться к Вам, Герман Германович, потому что Вы сказали: что как это ни удивительно, но homo soveticus, вопреки всеобщему предубеждению, существо весьма индивидуалистическое. Но, собственно говоря, ведь развитие индивидуализма есть необходимая предпосылка развития общества эпохи модерна и развития капитализма. То есть, так или иначе, "через изнашивание", но мы развивали этот индивидуализм, без которого ни о каком капитализме говорить нельзя. В то же время нельзя забывать, что когда мы уничтожали вроде бы в семнадцатом году ростки индивидуализма в России, то мы уничтожали ростки индивидуализма, в лучшем случае, двадцати процентов России, в то время как у восьмидесяти процентов России никакого индивидуализма в принципе не было, это была патриархальная культура.

Теперь о кризисах. Безусловно, Вы правы. Я хотел этим подчеркнуть только, что кризисы в России всегда имеют двойственную природу. Кризис вообще может быть формой рационального сознания, как кто-то правильно отметил. Речь у меня идет о другом. В России кризис свидетельствовал всегда одновременно о двух вещах: и о том, что происходит упадок какой-то конкретной формы социально-экономической, политической, и одновременно о том, что назревают предпосылки для нового, своего рода этического, культурного скачка. То есть ведь недаром указывается, что Россия, по крайней мере, уникальна в том смысле, что в ее истории приблизительно пять раз менялся этический тип и личности, и общества. Русь Киевская, Русь эпохи феодальной раздробленности, Московское царство, имперская Россия и советская Россия — они, в отличие от той же Германии или Франции, различаются не просто социально-политическим устройством или экономическим устройством, они различаются прежде всего какими-то базовыми характеристиками культурного типа личности, который господствует в данный момент.

В Европе происходит на протяжении фактически всей ее истории плавное развитие индивидуализма, своего рода плавное движение двух процессов. Идет персонализация общества, т. е. распад традиционного общества и плавное нарастание индивидуалистических элементов. В России наблюдается гораздо более сложный процесс. Здесь идет скачкообразное, дискретное повышение уровня индивидуалистичности. При этом сохраняются все время как бы нетронутыми целые патриархальные пласты, не идет разложение русской общины. В любом случае — это моя позиция, я считаю, что особенности развития процесса индивидуализации и персонализации общества в России сильно отличаются от того, что мы наблюдаем в Европе. В общем, давайте остановимся на том, что это моя позиция.

Динамика и структурирование политических ориентаций в современной России

Традиционные для советского общества политические представления и ориентации подверглись размыванию в годы перестройки, были практически разрушены ходом событий в период после путча августа 1991 г. В эти годы ускоренными темпами шел процесс деинституционализации и делигитимизации основ советского политического сознания. Можно сказать, что его первой и главной жертвой стали ценности социализма.

Многие авторы утверждают, что социалистические ценности были дискредитированы еще в застойный период, ссылаясь при этом на охватившие общество еще в то время цинизм, деидеологизацию, неверие в какие бы то ни было идеалы. В значительной мере это так, однако при всей раздвоенности, свойственной советскому сознанию, социалистические ценности были достаточно живучи, ибо они продолжали выполнять специфические социально-психологические функции. Можно выделить, по меньшей мере, четыре таких функции. Во-первых, понятие "социализма" выступало как способ макросоциальной идентификации советских людей, соотнесения индивида с ценностно окрашенным "мы" — как национально-государственным (Советский Союз), так и глобальным (мировая социалистическая система). Для советского человека понятие "социализм" играло примерно ту же психологическую роль, что для граждан стран Запада понятие "свободное общество". Во-вторых, принадлежность к социалистическому обществу использовалась как способ социального самоутверждения, психологической компенсации униженности человека в условиях тоталитаризма, что было особенно

типично для низших, материально обделенных слоев. Н.Я.Мандельштам рассказывает в своих воспоминаниях о деревенской старушке, которая гордилась тем, что в деревенский магазин иногда завозят керосин и селедку: ведь за границей, считала она, трудящиеся и этого не видят. В-третьих, социалистические ценности создавали моральную основу столь характерных для советского образа жизни индивидуальных требований социальной справедливости (жалобы в инстанции, письма в газеты и т.д.). Наконец, в-четвертых, для привилегированных слоев общества социалистические ценности являлись оправданием их высокого социального и материального статуса.

Ввиду всех этих обстоятельств распад социалистических ценностей не был для большинства советских людей, как иногда казалось на поверхности, легким, относительно безболезненным процессом. Делигимизация ценностей создала весьма ощутимые психологические дефициты в личном и социальном самочувствии не только активных приверженцев этих ценностей, но и многих отвергавших их людей.

События конца 80-х — начала 90-х годов нанесли не менее сокрушительный удар по другому столпу советского сознания — великодержавному синдрому. Его психологические последствия были во многом не менее драматичными, чем последствия краха социалистической идеи.

Все эти разрушительные процессы образовали зияющий вакуум в социальных представлениях и политическом сознании российского общества. Перед ним объективно встала задача формирования новых ценностей. Эту функцию в принципе должна была бы выполнить интеллектуальная и политическая элита. Однако обе эти элиты оказались неподготовленными к ценностному творчеству. Здесь сыграли свою роль особенности российской политической культуры, не сформировавшей сколько-нибудь устойчивых традиций социального и ценностного творчества, издавна тяготевшей к противоположным полюсам: либо к сервелизму и оправданию деспотической власти, либо к ее революционному отрицанию.

Именно на этой биполярности основано традиционное политическое сознание российской интеллигенции. Обе главных тенденции интеллигентской культуры 60—70-х годов — героическое диссидентство и некоммунистический реформизм фрондирующего крыла партийного и научного истеблишмента — не несли в себе действительно творческого потенциала. Сказалась и объективная трудность: социальная практика просто не могла угнаться за проходившими с необычайной быстротой деструктивными процессами в сфере идеологии и политической системы.

Источником заполнения ценностного вакуума в годы перестройки стала нарастающая в предшествующий период оппозиционность режиму (точнее, воплощавшей его правящей номенклатуре), вылившаяся с крахом подавляющих ее тоталитарных структур в рез-

ко выраженный антикоммунизм. В качестве позитивных ценностей-идеалов на первый план выдвинулись вначале "социализм с человеческим лицом" (апеллировавший к позднему Ленину, подлинной власти Советов и т.п.), а затем западные "либеральные" ценности, приправленные популизмом.

Обе эти посттоталитарные идеологемы, в сущности, представляли собой формы ценностного импорта — либо из собственной истории, либо из западного общества. Однако импортировать всю разветвленную западную политическую культуру на неподготовленную социальную и социально-психологическую почву было невозможно. Поэтому импортируемые ценности не могли не приобрести абстрактно-стереотипного характера. Антикоммунистический вектор "требовал" их противопоставления реальному социализму, как абсолютного добра абсолютному злу. И новые идеологические стереотипы приобрели традиционный для русского общественного сознания романтически-утопический характер. Возник своеобразный парадокс: такая жестокая и прагматическая вещь, как рынок, стал предметом очередной утопии, романтизации и мифологизации. Исходя из того же противопоставления социализму, была произведена акцентированная и кичливая делигитимизация принципа социальной справедливости. Например, лидер вновь возникшей якобы социал-демократической партии заявлял, что проблемы социальной справедливости не имеют никакого отношения к социал-демократии! На той же основе возникла мифологема "среднего класса", который в ближайшем будущем якобы составит основную массу населения России.

Процесс формирования четких политических ориентаций, структурирования посттоталитарного политического пространства мог происходить на основе достаточно разработанной ценностной системы. Однако вновь возникавшая система либерально-рыночных ценностей была лишена необходимых для этого качеств. Реальное состояние развития рыночных отношений и гражданского общества затрудняло решение важнейшей, с этой точки зрения, задачи превращения ценностных абстракций в конкретные политические установки. Для активно принявшей и распространявшей новые ценности демократически настроенной интеллигенции все более острой проблемой становилось противоречие между романтизацией рынка и традиционной гуманистической культурой. Еще важнее, что "рыночно-либеральная", как и предшествующая ей "истинно социалистическая", утопия была быстро подорвана экономическим и политическим кризисом. После августа 1991 г. идейно-ценностный вакуум политического сознания еще более углубился из-за падения вдохновлявшего его антикоммунистическую направленность врага — номенклатурно-партийной власти.

Формирование новых, адекватных посттоталитарной реальности политических ориентаций тормозится рядом факторов: быстротой и в то же время незавершенностью сдвигов в социальной структуре, что

препятствует осознанию групповых интересов; несоответствием либерально-демократических идеологем реальным экономическим и социально-политическим отношениям; "кризисом сознания" интеллектуальной элиты, лишенной привычных для нее способов социального самоутверждения. Решающей же и наиболее общей причиной углубления вакуума является ситуация когнитивной неопределенности, предельно стохастический характер происходящих в обществе процессов. Этот вакуум крайне затрудняет осознание целей и средств политики, ее мотивационное обоснование, образующие необходимую основу политических ориентаций.

К этим объективным трудностям добавляются личностные характеристики новых политиков, вышедших из демократически-интеллигентской среды. Для многих из них характерен своего рода индивидуалистический синдром, сформированный всей общественной действительностью реального социализма. Отсутствие каких-либо возможностей коллективной общественной самодеятельности сформировало в советском человеке вообще, в представителях образованных слоев общества в частности, глубинную внутреннюю установку на чисто индивидуальное приспособление.

Для значительной части "нового политического класса" характерен также синдром неутоленного голода — как материально-потребительского, так и статусного. Он сформирован характерной для реального социализма ограниченностью возможностей самовыявления и вертикальной социальной мобильности представителей интеллигентных профессий, которая особенно давала о себе знать в российской провинции. Не случайно в политические лидеры, как правило, выдвигались отнюдь не крупные, преуспевающие представители этих профессий, но рядовые, испытывавшие наиболее острое чувство статусного голода. В свете этих социально-психологических факторов понятен тот "хватательный рефлекс", который общественное мнение, во многом справедливо, приписывает российскому "политическому классу". Ко всему этому можно добавить традиционную для российской интеллигенции неспособность к идейно-политической рефлексии, к ценностному и, вообще, социальному творчеству (о чем в свое время хорошо и убедительно писал социолог Л. Гудков).

В силу охарактеризованных обстоятельств, формирование соответствующих переходному периоду социальных представлений и политических ориентаций до сих пор находится в эмбриональной фазе. Этот процесс проходит по-разному в рамках "политического класса", а также связанных с ним групп, и на массовом уровне. Для политиков и идеологов главная проблема — поиск собственной идентичности в условиях, когда политический плюрализм еще не может быть основан на четкой дифференциации социальных интересов и на традициях политической культуры.

Потребность выхода из той тупиковой ситуации, в которую к концу 1991 г. зашли процессы реформирования и модернизации экономики,

вызвала к жизни выделение технократического крыла интеллектуальной элиты и попытки завоевания ею ведущей роли в системе власти. Для этой группы, представителем которой является "команда Гайдара", характерно реалистическое мышление, профессиональная квалификация, но и замкнутость в относительно узких рамках экономического прагматизма, отмежевание от всех проблем, выходящих за эти рамки. Для нее характерно также лишь формальное признание значения гуманистических и социальных приоритетов, реализация их считается делом более или менее отдаленного будущего — периода, который последует за экономическим оздоровлением. Сформированный в преддверии парламентских выборов 1993 г. блок "Выбор России" представляет собой весьма гетерогенный сплав этого технократического либерализма с унаследованным от предшествующего периода абстрактным демократизмом, а также с идеологически индифферентной и пекущейся главным образом о собственных корпоративных интересах бюрократией исполнительных органов.

Приход либералов-технократов к руководству усилил расслоение политической элиты и политически активной части интеллигенции. Факторами этого процесса явилось прежде всего соперничество в борьбе за дележ статусов и власти, озлобленность тех, кто оказался на вторых ролях или вообще отстраненным от властных структур. Сказалось также характерное для значительной части демократической интеллигенции психологическое ощущение бессмысленности собственной общественно-политической деятельности, связанное как с утратой твердой социальной почвы, так и со страхом перед дорогой в неизвестное будущее в условиях отсутствия необходимой интеллектуальной экипировки. Распад государства в его привычных геополитических рамках, нарастающий хаос в различных сферах экономической, социально-политической и обыденной жизни, разумеется, мог только усилить подобные тенденции.

Ситуация, в которой оказались реформистски ориентированные элитарные слои, вызвала в их среде острую потребность в новых, достаточно ясных и определенных политических целях. Наиболее очевидным результатом поиска таких целей стал дрейф к государственничеству и великодержавию, попытки выехать из ценностного вакуума на коне национальной идеи. Поскольку главный вектор посттоталитарного развития состоит в изменении роли и характера государства, его отношений с экономикой и обществом, проблема государства становится одной из важнейших детерминант структурирования политического спектра. Другой детерминантой является национальная проблема, обостренная в России резким сокращением геополитического пространства государства ("распад империи"), сепаратистскими реакциями на разрушающиеся централизм и унитаризм.

"Государственнические", националистские и великодержавные идеи утверждаются в жизни особенно легко и быстро потому, что во-первых, их формулирование не требует особой рефлексии (что

особенно важно в условиях когнитивного и обусловленного им интеллектуального дефицита). Во-вторых, они кажутся наиболее легким способом завоевания политического влияния, поскольку апеллируют к элементарным потребностям и эмоциям массовых слоев. В-третьих, социальные группы, готовые активно поддержать эти идеи (номенклатура, чиновничество, директорат ВПК и т.д.), были наиболее структурированными, организованными и осознающими свои интересы в тоталитарный период и сохранили эти качества в новых условиях. Все эти факторы объясняют происшедшее в послеавгустовский период сближение значительной части демократов с консервативным большинством хозяйственной и управленческой элиты, которая сохраняла верность национально-государственным ценностям и авторитарно-командным представлениям о политической деятельности.

В результате всех этих процессов в среде политической и управленческой элиты с достаточной определенностью сложились две главные политические ориентации. Во-первых, национал-государственная консервативная ориентация, сплавливающая "патриотические" идеи с остатками социалистических ценностей. Она составила основу "непримиримой оппозиции". Во-вторых, государственно-рыночная ориентация, нацеленная на соединение рынка, понимаемого прежде всего как право на неограниченную частную и корпоративную прибыль, с командной ролью государственного аппарата, всесторонней поддержкой со стороны государства монополистических экономических структур. "Гражданский союз" является одним из наиболее откровенных, но далеко не единственным политическим представителем этой ориентации. К ней примыкает и значительная часть новых предпринимателей, ориентирующихся на поддержку государства и тесные связи с государственным аппаратом, на протекционистскую внешнеэкономическую политику. Названные ориентации не отделены друг от друга китайской стеной, скорее, они представляют собой сообщающиеся сосуды, обе они в той или иной мере опираются на популистские методы политической пропаганды и политической мобилизации.

С гораздо большим трудом осуществляется воспроизводство и утверждение либерально-демократического крыла политического спектра. Не имея точки опоры в социально-экономических реалиях российской жизни, ориентируясь целиком на интенцию и перспективу, питаемую довольно смутными социальными ожиданиями масс, оно смогло предложить обществу в качестве ориентира личное поведение лишь индивидуальную адаптацию, лозунг "обогащайся, кто может", а в политике — технократический прагматизм. Гуманитарная интеллигенция не смогла внести весомого вклада в идейно-политическое освоение новой реальности, погрузившись в значительной своей части или в идеологическую "чернуху" и мазохизм, или в истерическое самоутверждение своей элитарности и независимости от власти и политики. Для значительной части

интеллигенции характерно неприятие бюрократически-авторитарной составляющей новой власти и жертв, которых потребовала от нее экономическая политика реформаторов. Но эти слои противопоставляют бюрократизму власти, ее политике опять же абстрактно-демократический идеал, не наполненный ни социальной конкретикой, ни социальной практикой. В результате возникает нечто вроде агрессивной маниловщины, маниловского бунта против жестких реалий переходного периода. Лишенная конструктивного содержания, эта оппозиция играет пока что лишь роль "материала поддержки" определенных личных и командных честолюбивых амбиций.

Преобладание в российском элитарном политическом климате этатистско-великодержавных и мазохистски-упадочнических тенденций явилось одним из факторов, облегчивших выход на широкую политическую арену ЛДПР Жириновского. С одной стороны, идеология этого политического аутсайдера, в сущности, родственна идеологии государственничества и национализма, разделяемой большей частью истеблишмента. С другой стороны, отчуждение значительной части демократически ориентированной интеллигенции от существующей власти и распространенные в ее среде настроения безысходности не позволяют ей стать реальной СИЛОЙ сопротивления фашизоидным политическим тенденциям. Вследствие социально-психологических особенностей "политического класса" и примыкающих к нему слоев борьба "команд" за власть и собственность часто выступает как гораздо более рельефное явление российской политической ЖИЗНИ, чем борьба идей и концепций.

Складывающиеся идейно-политические течения, несомненно, отражают реальные альтернативы общественного развития России. Однако они не выражают сколько-нибудь полно содержания этих альтернатив, слабо связывают их с многообразными социальными потребностями и интересами. Одномерный, "лозунговый" характер их идейных платформ, бедность интеллектуального и культурного содержания обуславливают слабость их проникновения в толщу общества. Политический кризис сентября-октября 1993 г. и ожесточенность последовавшей за ними предвыборной борьбы усилили примитивность и популистские тенденции политических деклараций. Отсутствие в платформах либерально-реформаторского течения характерной для современных идеологий проблематики социальной солидарности, трудовых отношений и т.п. способствует воспроизводству архаических "антибуржуазных" стереотипов в арсенале консервативного коммуно-националистического лагеря.

Сложившимся или складывающимся идейно-политическим течениям соответствуют некоторые существующие тенденции массовой психологии. На консервативную часть политического спектра "работает" массовый страх перед новизной, неприятие новизны. Этот общий психологический синдром по-разному проявляется в разных социальных средах. Многие пожилые люди, особенно участники войны, малообразованные слои населения испытывают острый

когнитивный диссонанс, вызываемый противоречием между современной реальностью и тоской о "славном прошлом". Для психологии широких социальных слоев характерен неизжитый авторитарно-патерналистский комплекс, дискомфорт, связанный с утратой социальной защиты и покровительства. Его испытывают относительно привилегированные в прошлом социальные группы: работники ВПК, средний и низший управленческий аппарат, работники торговли и значительная часть аграрного населения.

Гораздо меньший отклик в массах находит воинствующий национализм, который пытаются сделать своим основным козырем лидеры национал-патриотических и коммунистических течений. Тоталитарно-авторитарный национализм является идеологией лишь части номенклатуры, военных, сотрудников госбезопасности; шовинистические настроения в большей или меньшей мере распространены в наименее образованных и просто люмпенских слоях населения. Таковы психологические условия, сформировавшие довольно ограниченную массовую базу "непримиримой оппозиции", а также "раннего" (1991 г.) Жириновского.

Крах советской системы и развитие рыночных отношений вызвали к жизни сложный комплекс социально-психологических тенденций в массовом сознании. Первым и наиболее общим результатом этих процессов явилось "освобождение потребностей", взлет социальных ожиданий массовых слоев, особенно младшего поколения, появление так называемого "Раскованного сознания", освобожденного от барьеров и ограничений, накладываемых нормами социалистического образа жизни. Конкретные последствия этого общего явления достаточно многообразны. В их числе и скачок потребительских aspirations (ожиданий), стремление как можно скорее войти в "общество потребления". Как показывают эмпирические исследования, уже в годы перестройки приобретение импортного автомобиля и капитальной дачи входило в жизненные планы большинства вступающей в жизнь молодежи. Лозунг "обогащайтесь!" стал реальной жизненной установкой множества молодых и не очень молодых людей, спекулятивный бизнес превратился в престижный вид деятельности. Для многих "освобождение потребностей" стало освобождением от социальных норм, с чем связано развитие массовой преступности. Однако деструктивное асоциальное поведение отнюдь не единственное последствие социально-психологических сдвигов. Антикоммунистическая составляющая "перестроечного" сознания оживила старую архитипическую "мечту о воле" — возникла и укрепилась стихийная демократическая тенденция массового сознания. Эта тенденция стала одной из главных составляющих социально-психологической базы массового "ельцинизма" начала 90-х годов. Другая ее составляющая — ориентация на сильного национального лидера, который призван обеспечить быстрое удовлетворение возросших социальных ожиданий в обстановке стабильности и порядка. На то же течение "работал" широко распространившийся в массовых слоях "за-

паднический" идеал, выражавший стремление к свободному, демократическому, благоустроенному обществу.

Осуществлению реформаторской политики содействуют сдвиги в массовых социально-экономических представлениях: рост престижа предпринимательства, более терпимое отношение к личному богатству и т.д., а также численный рост слоев, связанных с негосударственными формами хозяйственной деятельности. На смену старому советскому приспособительно-боязливому индивидуализму стал приходиться новый, постсоветский индивидуализм, ориентирующийся на риск, предприимчивость, авантюрный стиль жизни.

Массовое сознание стало перерабатывать первоначально абстрактно-утопические рыночные идеологемы в духе здравого смысла. Эта тенденция выражается, в частности, в трезвой оценке преимуществ экономической свободы и в стремлении использовать эти преимущества, в развитии установки на "отложенное вознаграждение" и в ориентации на будущее, во взвешенном отношении к позитивным и негативным последствиям реформ.

Эта стихийно-рационалистическая тенденция функционирует как на рефлекторном, так и на бессознательном уровнях массовой психологии. В политическом плане она выражается в ориентации на такие приоритеты, как твердая политическая воля государственного руководства, его компетентность и квалифицированность, способность проводить последовательный политический курс, преодолеть стагнирующий межумочный характер общественно-политической ситуации, обеспечить ее динамизм, стабильность, порядок и мир как внутри страны, так и на ее границах. Носители этой тенденции готовы "дать шанс" президенту и команде реформаторов довести до конца начатое ими дело, даже если стратегия реформ не представляется достаточно ясной. Подобные приоритеты преобладают в массовом сознании над идейно-политическими парадигмами и ценностями (либеральными, "государственническими", националистическими), так как реальный смысл последних еще находится в основном поле когнитивной неопределенности. Дефицит социальных знаний объясняет персонификацию политических представлений: при неясности идей и программ приходится надеяться на конкретных деятелей. Вот почему в период между августом 1991 г. и предвыборной кампанией 1993 г. развитие стихийно-рационалистической тенденции обусловило относительный перевес сторонников реформ и сильной президентской власти.

В тот же период усилились дифференциация и поляризация массового политического сознания. Помимо отмеченных выше факторов, ее обуславливали особенности личностно-индивидуальной психологии: люди с сильным уровнем "я", рассчитывающие на свои собственные силы и способности, склонялись к поддержке реформ и ускоренному обновлению социально-экономических отношений; "слабые" же были больше предрасположены к традиционному социальному иждивенчеству и консервирующим его общественным порядкам.

Они более склонны воспринимать собственную ситуацию с точки зрения ее сиюминутных проявлений, верить мифам о разного рода заговорах, распространяемым консервативно-коммунистической и националистической пропагандой.

Последовательные сторонники как либерально-реформистской, так и коммунистическо-консервативной и националистической политических ориентаций составляют относительное меньшинство общества. Это, однако, не означает, что психологии большинства населения, не имеющего четкого политического мировоззрения, вообще чужды какие бы то ни было политические мотивы. Оно хочет прежде всего восстановления стабильности и порядка в стране, повышения жизненного уровня, но в то же время заинтересовано в получении возможностей отстаивания своих интересов, обновлении социально-экономических и политических порядков, сочетающемся с социальной защитой. Эти наиболее многочисленные социальные слои не находят в политическом спектре России течений, адекватно выражающих их настроения и предпочтения. Эту функцию не может выполнить ни технократический реформизм, ни коммунистический и националистический популизм. В результате наиболее массовые слои общества фактически являются "политически бездомными", невыраженными. В стране углубляется взаимное отчуждение между политической элитой и обществом, которое отвергает как пренебрегающий социальными приоритетами узко-экономический подход к реформам, так и великодержавный национализм, к которому сползает большая часть "политического класса". Так, во время разгара событий в Таджикистане большинство российского населения, судя по данным опросов, требовало отвода российских войск с территории этой республики, в то время как политики самых разных направлений отстаивали противоположную позицию.

Развивающиеся в массовом сознании стихийно-рационалистические и стихийно-реформистские тенденции столкнулись с суровыми реалиями посттоталитарной экономической и политической жизни. Удар по этим тенденциям нанес прежде всего крах питавших их потребительских ожиданий. Здравому смыслу массового сознания трудно примириться с иррациональными аспектами социально-экономической ситуации — такими, например, как остановка даже эффективно работающих производств, систематическая невыплата заработной платы, отсутствие финансирования полезных государству и обществу видов производственной и исследовательской деятельности, неспособность переходной экономики использовать наиболее квалифицированные производственные и научно-исследовательские кадры, разгул преступности и коррупции. Не менее трудно ему примириться и с антидемократической структурой властных отношений, в которой не произошло каких-либо улучшений по сравнению с прошлым. Массовое голосование за ЛДПР Жириновского выразило главным образом протест против всех этих явлений.

Результаты выборов отражают и более глубокий психологический сдвиг в обществе. Авторитарно-патерналистский синдром, присущий русскому и советскому менталитету, был в значительной мере оттеснен новыми идеологами перестроечного и постелевгустовского периодов, но не подавлен ими вовсе. Кризис реформирования и демократизации пробудил и оживил этот синдром. В условиях, когда массовое сознание в основном освободилось от коммунистического коллективистского лицемерия, его оживление может питать идеологию фашистского типа. В отличие от коммунистической, ее характеризует откровенный культ силы, свобод индивидуалистических вождельний, находящей отклик в "морально раскованных" слоях общества, особенно среди молодежи.

Важнейшим препятствием для укрепления реформаторских демократических тенденций массового сознания является сегодня отсутствие политических течений и ориентаций, способных органически сочетать либерально-"рыночные" принципы с социальными приоритетами, выражающими интересы основной части общества, прежде всего его большинства — наемных работников. Именно такое социально-либеральное течение могло бы заполнить то пустое пространство, которое представляет собой центр российского политического спектра.

*М.А.Мунтян,
доктор исторических наук,
Российская Академия управления*

Россия в третьей цивилизационной революции

Куда идет Россия? Вопрос этот сейчас в значительной степени риторичен, так как страна переживает еще нисходящую фазу жесточайшего структурного кризиса, и ее будущее непосредственно связано с тем, каким образом и в какие сроки она начнет выходить из этой критической ситуации. В то же время указанный вопрос достаточно схоластичен, ибо при всей "особости" культурно-исторического содержания российской действительности, при всей специфичности происходящих здесь событий не может быть никакого сомнения в том, что они — неотъемлемая часть глобальных процессов, характеризующих современный меняющийся мир и отражающих общие закономерности новой парадигмы цивилизованного развития. И вместе с тем этот вопрос чрезвычайно актуален и важен, так как, не задавшись им, трудно вырваться за рамки одномерных концепций (будь то "красные патриоты", предлагающие двигаться вперед, повернувшись к будущему спиной, или же "кока-кольные адепты", идентифицирующие будущее с бездумным, а потому безумным копированием форм и норм

западной жизни, считающих этот путь единственно верным и эффективным), не преодолев которые вряд ли можно рассчитывать на успех в сознательном, созидательном реформировании России.

Не считая нужным и возможным вступать в прямую дискуссию с подобными подходами к решению российских проблем, так или иначе отразившимися в некоторых выступлениях на нашем содержательном симпозиуме, хотел бы подчеркнуть лишь один момент методологического плана: в обществе со сложной национально-социальной структурой и накопившимися исторически нерешенными проблемами в принципе не может быть одного, будь оно даже гениальным, простого решения. Единственность здесь возможна лишь в неизбежности сложных ответов, многогранности проектов развития, в многоярусности программ, в широкой палитре реформ, в обязательности несовпадающих исходных позиций, в одновременности результатов. Только в таком случае можно избежать искушения вновь заняться тотальной социальной инженерией, лишить питательной среды особый тип мышления, при котором в сознании людей стираются границы между нормой, идеалом и действительностью.

В нижеследующих тезисах предпринята политологическая попытка рассмотреть проблемы современного переустройства России в контексте общемирового цивилизационного развития, что позволяет увидеть в новом свете многие дискуссионные вопросы стратегии российского реформирования.

I. Мятёжную историю XX столетия можно рассматривать, с одной стороны, как продолжение, инерционное воспроизводство, развитие процессов XIX в. и их завершение, как "конец" многих из них и как "начала без концов", т.е. возникновение, появление принципиально качественно новых явлений и моментов, направлений жизни, которые не являлись прямым продолжением и экстраполяцией прошлого в будущее через настоящее, а представляли собой элементы будущего в повседневности современного мира. Взятые в комплексе, в совокупности, эти явления во второй половине века начали создавать духовно-социальное поле такого вселенского напряжения, выход из которого обуславливал смену основ и жизнеустройства, и жизнедеятельности человечества. "Вызовы истории" в виде острейших глобальных проблем выступили одновременно и как индикаторы конечности, исчерпанности возможностей цивилизации индустриально-потребительского типа, и как провозвестники нового этапа цивилизационного развития, определяемого приоритетами третьей цивилизационной революции*:

— возникающим новым типом постиндустриального производства, в котором человек занимает позицию "носителя всеобщих производительных сил", где он во все большей мере перестает быть

* В начале 60-х годов Дж.Бернал в качестве первой из таковых назвал переход к сельскохозяйственному производству, вторую связывал с созданием индустрии и третью рассматривал как концентрацию производительных усилий в "третичной сфере", "обслуживающей" и развивающей самого человека.

агентом производственного процесса и встает рядом с ним в качестве организатора, контролера, регулировщика. Этот тип производства З.Бжезинский в конце 60-х годов назвал "технотронным", он же квалифицируется и как автоматизированно-компьютерный, компьютерно-коммуникативный и т.д.

— состоянием перманентного перехода экономики товара в экономику денег и через нее — в "экономику человеческих способностей";

— превращением постиндустриальной хозяйственной деятельности в экономику "дорогого человека", где главной формой накопления становится то, что эффективно потреблено для подготовки и развития человека-труженика;

—значительно большим, чем ранее, контролем человека над своей социальной и природной средой. Конфликтогенное общество индустриального типа с его классовой поляризацией уступает место обществам, где основная ось конфликтов смещается с уровня классов, стратов, групп в плоскость индивид — общность. Указанный тип конфликтов будет носить по преимуществу экзистенциальный, а не социальный или политический характер, особенно при перерастании современных постиндустриальных обществ в их следующую качественную форму — информационное общество.

П. В мировой науке практически достигнут консенсус относительно того, что на наших глазах происходит становление единого мира, единой человеческой цивилизации, что доминантной тенденцией мирового развития является интеграция как в экономическом, политическом, так и в культурологическом плане. В меньшей степени рассматриваются формы самореализации этой тенденции, тенденции, объективно проявляющейся не только в интеграционных, но и в дивергентных процессах, в регионализации социально-экономического и политического развития современного мира. С точки зрения постиндустриализма он, этот мир, предстает как тренд модернизирующихся пространств, соединенных одной и той же логикой, вектором развития, но стартующих к общему будущему из разного исторического времени, продвигающихся к единой цивилизации своим собственным, индивидуальным путем. Каждое из таких пространств состоит из "центра" или "центров" модернизации и "периферии", связанных, как правило, определенной социальной и культурной однородностью, единством или близостью подходов к внерегиональным проблемам, политической и экономической взаимозависимостью составляющих их стран. Примерами таких пространств могут быть США и Канада, Западная Европа, Япония и "индустриальные тигры" Юго-Восточной Азии. В такой логике рассуждений Россия выступает самостоятельным модернизационным центром, "периферией" которого является не только Содружество независимых государств, но, по всей видимости, и весь ареал стран бывшего "реального социализма".

Эта научная гипотеза позволяет, во-первых, "заземлить" тот очевидный факт, что монополярный, образовавшийся в XV в. "евроцентристский" мир вновь, но уже на новой, постиндустриальной основе, возвращается к цивилизационно мультиполярной парадигме развития. Она, во-вторых, снимает, по существу, извечный вопрос о синтезе западной (евро-атлантической) и восточной цивилизаций и переводит его в проблему складывания общемировой системы цивилизаций, сосуществование и соразвитие которых генерирует импульсы, раскрывает возможности дальнейшей глобализации их созидательных потенциалов, рождает ту жизненную энергию, которая должна обеспечить выживание человечества в целом. Тем самым отвергается теория унификации современного мира по западному образцу и вводится в свои естественные права концепция многоликого, плюралистичного мирового социума, обеспечивающего свое бессмертие мобилизацией всего культурно-национального генофонда человечества. Указанная гипотеза, в-третьих, корректирует, уточняет современное понимание "великого модернизационного процесса", если пользоваться определением С.П.Хантингтона, под которым подразумевается перестройка традиционных обществ в соответствии с ценностями индустриальной культуры. Один из основателей модернизационной теории Л.Снайдер даже определял этот процесс как "единственную исторически реальную революцию". Подобная абсолютизация и категоричность в оценке индустриальной модернизации скрывает под собой по крайней мере два важнейших обстоятельства: с одной стороны, она не была ни единственной, ни первой (в историческом плане переход от собирательства к освоению земледелия и скотоводства не менее радикально изменил основы и жизнедеятельности и жизнеустройства человечества), с другой стороны, третья цивилизационная революция в 60—70-е годы XX столетия родила собственный постиндустриальный модернизационный процесс, качественно отличающийся от существа и направленности своего предшественника. Так, если логика функционирования экономики индустриального типа ведет к упразднению многообразия, к гомогенизации общества, к тиражированию во всех его сферах и секторах единого образца производственной и социальной организации, то "человеко-центричность" постиндустриальной экономики проявляется в стимулировании многообразия, в неприятии навязывания каждому особому виду деятельности абстрактно-унифицированных мерок, находя для них оптимальные индивидуализированные формы саморазвития. Быть может, именно в этом таится разгадка "таинственности" Востока, активно отторгавшего модернизацию индустриального типа и сумевшего достаточно безболезненно в лице отдельных своих стран выйти на "пик" современного постиндустриального производства, сохранив традиционалистские черты общественной жизни?

III. "Человеко-центричность" постиндустриализма как нового типа производства и как стратегического направления развития че-

ловечества, когда индивидум впервые в истории развивается быстрее, чем создаваемые им орудия труда и системы машин, выдвигает на первый план общественной жизни проблемы демократии, демократического переустройства жизнедеятельности социума. Она, эта проблема, драматична для стран с достаточно высокой степенью индустриального развития, ибо именно демократия становится пропуском в фазу постиндустриализма (З.Бжезинский отмечал в этой связи, что общество "реального социализма", "деперсонифициров человека", не "смогло расшифровать современную экономику" и "тем самым лишило себя возможности вступить в эпоху постиндустриального развития"), но не менее актуальна и для обществ с ведущими признаками постиндустриализма, так как предъявляет к ним ряд собственных требований. Это обстоятельство лучше всего просматривается, если взять концепцию демократии в ее историческом развитии. Здесь представляется целесообразным выделить несколько моментов:

— демократия — это процесс, по-разному проявляющийся во времени и пространстве (неаутентичность рабовладельческих демократий в греческих полисах, доимператорском Риме, США, нетождественность буржуазных демократий XIX в. и после второй мировой войны), демонстрирующий свою плюралистичность, несмотря на единство ряда изначальных и основополагающих принципов;

— концепция современной демократии ведет свою "родословную" от "философской революции" XVII—XVIII вв., над которой возвышались фигуры Д.Локка и Ж.-Ж.Руссо. Первый из них выступил родоначальником доктрины либерализма, второй — демократической теории. Их различие хорошо видно в такой категориальной паре, как "власть и свобода". Если для Локка нет сомнений в отрицательной ценности власти и смыслообразующей ценности, положительности свободы, то для Руссо главное заключалось не в проблеме границ власти, а в ее распределении. Либеральные доктрины, как правило, рассматривают проблему свободы в функции изолированного индивида, в то время как демократическая теория — в функции индивида, находящегося в коллективе. Теоретически либеральное государство не обязательно должно быть демократическим, а демократическое — основываться на либеральных ценностях. Другое дело, что конкретно-исторические условия Западной Европы XIX столетия привели к синтезу элементов этих двух политических систем, обусловив возникновение либерально-демократических государств, так называемых либеральных демократий, где маятник политической жизни колеблется в основном между устремленностью к свободе (либерализм) и равенству (демократия). Нет сомнения в том, что попытки универсализации западных моделей либеральной демократии некорректны с научной точки зрения и антиисторичны по существу. Палитра реализации демократической идеи не может не быть гораздо разнообразней и многоценно-

— большинство исследователей демократии как общественного феномена склоняются к мнению, что она имеет смысл и в действительности существует только в национальной функции, в национальной форме. Если подлинный прогресс обязан опираться на скоррелированное развитие экономической, политической и духовно-культурной сфер жизни общества, то демократия как воплощение народного суверенитета может укорениться только на национально-культурной почве. В этой связи можно констатировать, что даже в случае развития "вдогонку" слепое копирование чужого опыта, демократической инфраструктуры достигших определенного успеха обществ является делом бессмысленным и безнадежным;

— демократия в ее евро-атлантических вариантах испытывала и взлеты, и поражения, когда казалось, что эта "очень сложная и чувствительная система" будет раздавлена монархиями, автократиями или тоталитарными режимами. Последняя такого рода "заминка" случилась в 50—70-е годы нашего столетия, когда развитые страны Запада оказались в полосе кризиса, затронувшего все структуры их организмов, включая и демократические институты. В эти годы появилась многочисленная "алармистская" литература, предсказывавшая закат демократии, так как демократические принципы не получили должного воплощения в общественной практике западных стран, в каждой из существующих либеральных демократий обнаруживались олигархия, "теневая" власть и т.д. Р.Арон, один из лучших знатоков западного общества, писал в 1977 г. в книге "В защиту Европы, приходящей в упадок" о "самоуничтожении либеральных демократий" в связи с тем, что "они склонны идти дальше того, что является допустимым для сплоченности наций", видя выход в возрождении морали гражданственности, ставящей "выше всего выживание, коллективную безопасность... заботу об общественном благе". Собственно, то же самое имел в виду И.Кристол, отмечая в 1979 г.: "В великой неисправности находится этос капитализма, а не его экономика, которая есть его поистине спасающая благодать". По мере того как постиндустриальная модернизация в этих странах стала определять строй общественной жизни, выяснилось, что ее главное воздействие на общество состояло в его дальнейшей демократизации. Появившаяся новая литература по проблемам демократии фиксирует в постиндустриальных обществах, с одной стороны, определенную "делиберализацию" основополагающих демократических принципов, с другой — "демократизацию" классических либеральных ценностей. Осью, вокруг которой начинает вращаться демократическая жизнь западных государств, становится права человека. Положение и учет мнений меньшинства превращаются в критерий демократичности общества. Либеральные демократии, демократизируясь, делают существенный шаг от мажоритаризма (диктатуры большинства) к консенсусной демократии, которая, по всей видимости, и является родовым признаком постиндустриализма,

здесь же возникают явные тенденции увеличения удельного веса партиципаторной* демократии за счет представительной.

IV. Россия полностью и целиком втянута в третью цивилизационную революцию, в постиндустриальный модернизационный процесс. Именно здесь и сейчас решается вопрос об универсальности этого процесса, о планетарном масштабе его преобразовательных возможностей. Объективные закономерности нового этапа цивилизационного развития предопределили крах "реального социализма", они исподволь, подспудно направляют и структурируют видимую "расхристанность" постсоветского, меняющего основы своей жизни общества, пробиваясь в нем новыми идеями и ценностями, стимулируя, нередко против человеческой воли и устоявшегося самосознания, радикальные реформы с кардинальными социальными последствиями. Проявляющиеся в публицистике попытки акцентировать тезисы об отсталости страны, ее "третьемировской" принадлежности, "выпадении из цивилизации" в недалеком прошлом чрезмерно идеологизированы, чтобы быть рациональными. Да, в современной России соседствуют и противоборствуют идеи и образы давно канувшей в Лету России традиционной (их активно внедряют в политическую жизнь патриотические силы правого толка), отвергнутой самой жизнью России коммунистической (ее сторонники значительно сократились количественно, но достаточно организованы и динамичны), и стартовавшей в будущее, делающей только первые шаги России демократической. Да, в нашей стране островки постиндустриального производства соседствуют с огромными регионами, в той или иной степени обойденными всеми тремя цивилизационными революциями. Индустриально развитые районы перемежаются зонами с малорентабельной сельскохозяйственной структурой, она нередко предстает "испытательным полем, на котором сконцентрированы все острее проблемы современности, все кризисы, все невзгоды". И все же не вызывает сомнения вывод академика Г.В.Осипова о том, что "предыдущими поколениями в России созданы материальные, технологические, социальные, организационные, духовные предпосылки вхождения в постиндустриальное информационное общество, и этим историческим шансом необходимо воспользоваться".

Реализация этого "исторического шанса" требует концентрации усилий всей страны на следующих решающих направлениях:

— полном технологическом перевооружении экономики с одновременной ее структурной перестройкой в соответствии со стандартами постиндустриального типа производства;

— диверсификации форм собственности и организации их производительного сотрудничества на базе рыночных отношений;

— постепенном вытеснении государства из сферы производства по мере складывания механизмов экономической саморегуляции;

* Партиципация (от лат. participo — участвую) — участие в чем-либо.

— демилитаризации всей жизни общества и государства, важнейшей частью которой, но только частью, является конверсия;

— всемерном развитии науки, народного просвещения и здравоохранения, постоянном повышении трудовой квалификации трудящихся, что позволит формировать и развивать умение людей жить и работать в новом укладе постиндустриализма, пользоваться достижениями современного компьютерно-коммуникативного мира, участвовать в его развитии и совершенствовании.

Первые реальные шаги по переустройству России свидетельствуют, что российское реформирование не может оставаться только "модернизацией сверху", что оно не должно превращаться в ту или другую форму "вестернизации" жизни страны, что избранная стратегия преобразований является далеко не оптимальной. Ее авторы, как представляется, прошли мимо того очевидного факта, что потребность мирового сообщества в новых идеалах прогресса "означает для передовых стран Запада потерю парадигмы их многовекового развития" и там "все яснее понимают, что либеральная абсолютизация частной собственности и рыночных отношений более недопустима, она становится убыточной"*⁴, и России нет смысла ориентироваться на их прошлое и терять силы на реализацию устаревших идей и моделей. Более верной с точки зрения стратегии развития следует считать ориентацию на такие принципы реформирования, когда освоение высших достижений постиндустриализма ведет не к разрушению, а к трансформации национальной самобытности страны и конструктивному синтезу этих достижений и цивилизационной "особости" России. В Японии подобный путь дал столь сильный толчок прогрессу общества и его производительных сил, что это позволило стране во многом опередить государства евро-атлантической цивилизации, модели постиндустриальной модернизации которых выступали в качестве парадигмальных.

В этой связи представляется, что российской интеллектуальной элите еще предстоит создать собственную, оригинальную модель экономической системы и социальных отношений, укорененную в богатом национально-историческом бытии и цивилизованной феноменальности страны. Для этой работы отведен предельно короткий срок. С одной стороны, "утечка мозгов", растущее разбазаривание природных ресурсов, прогрессирующий развал экономического потенциала, угроза деградации населения могут на каком-то этапе перечеркнуть саму перспективу подобного развития. С другой стороны, ускорившийся до предела исторический процесс не оставляет времени на метод "проб и ошибок", наказывая быстрой и бесповоротной маргинализацией. Хочется верить в то, что более или менее оптимальная стратегия российского постиндустриального развития будет в скором времени выработана, и народу, обществу придется заплатить за это минимальную цену.

* *Осинов Г.В.* Место и роль глобальных проблем в концепции безопасности Российской Федерации. // *Безопасность.* 1993. №8. С.31.

Россия может и должна, вернее, не может не удержаться на орбите демократического преобразования и постиндустриального преобразования, противные варианты противоречат ее объективным возможностям, национальным интересам и в конечном счете логике становления той геополитической картины мира, которая выстраивается постиндустриальным этапом развития человечества. В данном случае нельзя не согласиться с известным мнением, что "геополитическое положение России уникально. В нем заложена судьба и ее самой, и всего мира". Стратегия реформирования России должна быть скорректирована с прогрессом всего тяготеющего к ней евразийского модернизирующего пространства, ибо только в таком случае она может стать оптимальной по результатам и минимальной по издержкам. Отражая объективные интересы страны, она должна учитывать и интересы мирового сообщества народов, способствуя тем самым гармонизации отношений и сотрудничества между государствами, принадлежащими к разным модернизирующимся регионам. Россия нужна миру как цивилизованная самоценность, как лидер огромного евразийского пространства, обеспечивающего стабильные и плодотворные отношения между великими цивилизациями Запада и Востока. Мир нужен России как источник современного опыта социально-экономического и политического развития, как важнейший потенциал содействия в постиндустриальной модернизации, как благоприятная среда, в которой идет поиск ее новой идентичности. Общечеловеческие ориентиры развития, по всей видимости, едины, но каждый народ, каждая страна идет к ним своей дорогой, все более подчиняя свою жизнь цивилизованным, общепринятым нормам и формам мирового сожительства людей. Таков и путь России в третьей цивилизационной революции, такова ее дорога к "миру миров".

*В.В.Витюк,
доктор философских наук,
Институт социологии РАН*

Авторитаризм и гражданское общество

Проблема авторитаризма неминуемо встает перед нами, когда мы ищем объективный ответ на вопрос: "Куда идет Россия?", не подменяя его, как это часто делается, ответом на другой вопрос: "Куда мы хотим, чтобы шла Россия?" Когда лет пять—шесть тому назад некоторые политологи (Клямкин, Мигранян) призывали подумать, можно ли, переходя от тоталитаризма к демократии, миновать этап авторитаризма, энергичное отторжение самой этой постановки вопроса было, хотя и не очень разумно, но вполне естественно. Болезненная память о прошлом еще не потускнела, перестроечный романтизм был

в своем историческом праве, а мысль о том, что он является младшим братом традиционного революционного утопизма, мало кому приходила в голову.

Сегодня вопрос об авторитаризме превратился для нас из чисто теоретического и морально-психологического в насущный и практический. Как показали проведенные еще до сентябрьско-октябрьских событий исследования общественного мнения, огромная часть населения положительно отнеслась к перспективе установления режима "твердой руки", отождествляя его с наведением порядка.

В последние месяцы как реформаторы, так и антиреформаторы, эксплуатируя демократические лозунги, равно обнаруживали склонность к авторитарным методам правления и прямому насилию. Борьба Верховного Совета и президента увенчивается штурмом мэрии и Останкино, с одной стороны, и обстрелом Белого дома танками, — с другой. В Конституции, носящей в целом демократический характер, одновременно легализованы и некоторые механизмы авторитарной формы власти. Прибавим сюда и итоги выборов. Ясно, что хотим мы того или не хотим, вопрос об авторитаризме (в самых различных его ипостасях) сейчас реально поставлен на повестку дня. Между тем до сих пор еще существует страусиное стремление не замечать этого очевидного факта, а его честную констатацию рассматривать как проявление антидемократической ориентации. Хотя признание реальности вовсе не тождественно ее апологетике, а отрицание закономерного всегда ведет к его воплощению в наихудших, болезненных формах и к растерянности от неожиданности его явления.

Серьезный аналитический подход к проблеме авторитаризма, его места и значения в политической истории, его форм в современных условиях предполагает предварительное преодоление, во-первых, морализаторско-утопического подхода к социально-политическому процессу и, во-вторых, крепко въевшихся как в массовое сознание, так и в научную мысль узкотенденциозных и потому ложных представлений о самой природе авторитаризма.

В наших справочных изданиях (и соответственно в научной печати и средствах массовой информации) авторитаризм рассматривается исключительно под углом зрения его противоположности демократии, как "антидемократическая и антиправовая концепция и практика властвования. В условиях [авторитаризма] отсутствует правопорядок, игнорируются права и свободы граждан, общественных организаций и народа в целом". (Философский энциклопедический словарь. М., 1983.) Понятый таким образом, он ничем, по существу, не отличается или почти не отличается от тоталитаризма, который рассматривается как "одна из форм авторитарных государств". Естественно, что при такой трактовке авторитаризм не может не расцениваться как однозначно негативное социально-политическое явление.

Безусловно, авторитаризм как система власти, формируемая не путем свободных выборов, и как способ правления, не подверженный контролю со стороны народа, принципиально отличается от демократии, опирающейся на законы и механизмы, необходимые для воздействия широких слоев населения на власть. Но достаточно четкий водораздел отделяет его также и от тоталитаризма, несмотря на существенное сходство политических принципов и форм. Как подчеркивает, например, А.И.Ильин, авторитаризм распространяет свой диктат на сферу управления государством, но не вмешивается в чисто гражданскую жизнь. Тоталитаризм же характеризуется подавлением и исключением всей и всяческой самостоятельности граждан, их личной свободы, их корпоративной организации, их местного и профессионального самоуправления, их хозяйственной инициативы, культурной самостоятельности и т.д. Таким образом, принципиальная разница между тоталитаризмом и авторитаризмом состоит в характере взаимоотношений между государством и гражданским обществом. С точки зрения этого критерия, авторитаризм стоит ближе к демократии, нежели к тоталитаризму, хотя безусловно, что демократия, как политическая форма, адекватна потребностям гражданского общества, а авторитарный режим может давать ему лишь частичный, относительный простор. (Впрочем, не стоит идеализировать и демократию, чреватую угрозой того, что А. де Токвиль называл тиранией большинства.)

Естественно поэтому, что оценка авторитаризма не может быть безотносительной к исторической роли и судьбам конкретных авторитарных режимов, одни из которых способствовали развитию гражданского общества (абсолютные монархии ряда стран Европы в XVII—XVIII вв.), а другие препятствовали этому (русский царизм той же эпохи), одни находились с ним в отношениях более или менее равноправного партнерства, а другие осуществляли прямой диктат над ним или ставили ему серьезные ограничения. Соответственно и формы авторитарной власти могут быть более жесткими и более мягкими, а сама эта власть — проявлять себя в различном качестве: в качестве переходного этапа на пути от тоталитаризма к правовому государству, в качестве орудия подавления всех и всяких либеральных тенденций, в качестве диктатуры, возникшей в результате насильственного ниспровержения демократического строя. Кстати, именно на историческом повороте конца XVIII—начала XIX в., характеризовавшемся борьбой гражданского общества за высвобождение из-под диктата феодального авторитарного государства, и выдвинулась на первый план в американской и европейской политической мысли идея примата конфликтности, а не сотрудничества между государством и гражданским обществом, представление о последнем не столько как о сфере согласования и взаимной притирки разнонаправленных интересов и воле, посредничества между государством и личностью, сколько как о поле боя. Эти идеи возродились сегодня у нас в силу особенности судеб гражданского

общества в условиях господства и краха коммунистической идеологии и советского строя.

Отношения государства и гражданского общества не следует рассматривать односторонне — только через призму воздействия первого на второе. Здесь не менее (а в некоторых поворотах и более) важна обратная связь — влияние гражданского общества на эволюцию и судьбы государства вообще и авторитарного государства в частности. В этом смысле поучительны процессы, происходившие в Испании конца 30-х — середины 70-х годов, и в Чили конца 60-х — конца 80-х годов. В обеих странах после военной победы правых сил утвердились жесткие авторитарные режимы, лидеры которых были не прочь перевести их в ранг режимов тоталитарных и предпринимали серьезные шаги в этом направлении (особенно в Испании, где на долгие десятилетия воцарился фашизм). Это, однако, ни там ни там полностью не удалось. Тут сыграл свою роль в первую очередь сравнительно высокий (особенно в Чили) уровень предшествующего развития гражданского общества, наличие институтов гражданского общества, столь прочно вошедших в жизнь народа и в национальную традицию, что даже предельно репрессивные режимы вынуждены были с ними считаться. Сыграла свою роль и насущная потребность в модернизации производства, невозможной без развития и упрочения определенных форм гражданской самодеятельности. Наконец, сыграло роль стремление правящих кругов продлить свое пребывание у власти, понемногу передавая населению (или его отдельным группам) присвоенные государством чисто гражданские прерогативы и выпуская таким способом пар из котла. Но развитие и укрепление гражданского общества, в свою очередь, ведет к ограничению и сокращению авторитарной власти и приближает переход к демократическому политическому устройству, который был в итоге осуществлен в этих странах посредством реформ, проведенных сверху на базе консенсуса основных социальных сил.

Исторический опыт показывает, что состояние гражданского общества — уровень развития и масштаб распространения его важнейших элементов, степень его оформленности в целостную систему и структурированности — является главным из факторов, предопределяющих утверждение, стабилизацию и дальнейшую эволюцию как демократических сил, так и авторитарных режимов, их конкретные особенности, равно как и формы перехода от вторых к первым. Отсюда вывод, что для анализа этих режимов, для формирования объективных представлений об их социальных возможностях и исторической роли необходимо (не отказываясь, конечно, от учета иных, в том числе внешних факторов) прежде всего изучать реальное состояние и тенденции развития существующих и функционирующих в рамках данных режимов гражданских обществ. Это плодотворнее, чем исходить только из юридических норм, что доказывается, в частности, выразительным примером знаменитой сталинской Конституции. К тому же, если юридические нормы подда-

ются лишь сопоставлению, то элементы гражданского общества — еще и измерению.

Если с этих позиций посмотреть на ситуацию с гражданским обществом в современной России, то мы увидим, что, несмотря на происшедшие за последние годы сдвиги и появление различного рода общественных ассоциаций и движений, гражданское общество, как целостная сфера социума, всеобъемлющая в обусловленных ее природой пределах, обладающая прочными внутренними связями и реальной независимостью от государства, еще не сложилось. Расхожий (и используемый самыми разнонаправленными силами) тезис: "У нас нет гражданского общества", может быть, и чересчур категоричен, но по существу верен. Степень развития гражданского общества у нас именно такова, что оно еще не в состоянии служить достаточной базой для утверждения последовательно демократического режима. Однако эта степень уже такова, что предопределяет и знаменует крах тоталитаризма. Она соответствует возможностям и рамкам авторитарного государства и, пожалуй, нежестким его формам. Это следует учитывать тем политикам и идеологам, которые, не замечая вопиющего противоречия своей позиции, одновременно и упирают на отсутствие у нас гражданского общества, и требуют немедленного установления демократического строя. А также и тем, кто, высокомерно отбрасывая мысль о закономерности на современном этапе обращения к авторитаристским моделям и методам управления любого типа, облегчает формирование и продвижение в политическую жизнь авторитаризма, скроенного по моделям Жириновских, неофашистского, черносотенного, агрессивного-коммунистического толка.

Для России сегодня актуальны как угроза авторитаризма, так и потребность в нем. Практически вопрос состоит не в том, осуществится ли он, но в том, какие формы он примет, как будет соотноситься с уже наличествующими элементами демократии и широкой демократической перспективой. В этой связи пора перестать говорить об авторитаризме вообще: перед нами сегодня целый букет авторитаристских альтернатив разного характера и политического смысла. Здесь и неофашистские тенденции, и возможности, открывающиеся в условиях нынешнего разброда и слабости политической власти перед силовыми министерствами, и притязания бюрократического аппарата, и неугасшие надежды некоторых думских группировок на всевластие выборных органов, и получившая юридическую основу идея президентского режима (и вообще усиления исполнительной власти), который в различных руках и различных обстоятельствах может быть использован для диаметрально противоположных социальных целей. Здесь также и возможность различных вариантов сочетания и переплетения демократических и авторитарных тенденций в нашем социально-политическом процессе.

Задача, следовательно, заключается не в том, чтобы с фанатическим упорством отвергать нежелательное, но в том, чтобы, приняв реальность, сделать оптимальный исторический выбор в поль-

зу такой модели авторитаризма, которая способствовала бы становлению правового государства и противодействовала бы поползновениям обратного порядка. Не утопична ли, однако, такая постановка вопроса? Могут ли демократические силы опираться на авторитарные институты, а последние — поддерживать эти силы? Утопична, если исходить из неопределенной и сомнительной идеи "просвещенного авторитаризма", не имеющего иных опор, кроме добронамеренности правящей элиты. Не утопична, если понять органическую связь модернизации экономики с развитием гражданского общества и на основе этого понимания ввести в практику авторитарных государственных институтов, наряду с этой модернизацией, специальную заботу о создании необходимых условий для его (и его важнейших составных элементов) развития. То, к чему многочисленные правые диктатуры в Европе и Латинской Америке пришли вынужденно, в наших сегодняшних условиях могло бы осуществляться сознательно.

Впрочем, теоретически ясная эта задача практически далеко не проста, если учесть, что движение от тоталитаризма в направлении к демократии у нас не совершается плавно, путем постепенной либерализации режима и нарастающего высвобождения гражданского общества из-под гнета государства. Во-первых, в стране не имелось гражданского общества, обладающего исходно необходимым для такой подготовки реформ уровнем развитости, а также и соответствующей гражданской культуры. Во-вторых, сам трансформационный процесс в России сначала искусственно сдерживался, а затем сорвался с тормозов и пошел вразнос, приведя к экономическому хаосу и острым политическим конфронтациям, в силу чего нарождающиеся элементы гражданского общества в значительной мере обрели извращенный (политизированный или криминальный) характер. Поэтому трудности установления демократического режима предваряются в России трудностями утверждения даже того уровня авторитарности, который необходим любой исполнительной власти, чтобы осуществлять необходимые государственно-административные функции.

*А.Г.Здравомыслов,
доктор философских наук,
Российский независимый институт социальных
и национальных проблем*

О соотношении экономической и политической власти в переходный период

Как выясняется, вопрос о соотношении политической и экономической власти оказался одним из самых трудных вопросов для теоретического рассмотрения. Сейчас уже недостаточно

ограничиваться известными истинами на тему о том, что экономика определяет политику, а политика представляет собою концентрированное выражение экономики. Когда речь идет о власти, тем более о власти в переходном, трансформирующемся обществе, тогда привычные отношения разрушаются и создаются новые стереотипные пути взаимодействия. Сейчас парламент, министерства, президентские структуры, судебные инстанции, все органы местной власти находятся под мощным давлением экономических интересов.

Цель такого давления, если отвлечься от решения конкретных вопросов, связанных с отдельными операциями, состоит в том, чтобы добиться от законодательной и исполнительной власти создания наиболее благоприятных условий для накопления и функционирования капитала. Речь идет о гарантиях частной собственности, об участии предпринимателей в переделе государственного имущества, об условиях налогообложения, об отношении новых богатых к местным органам власти. Методы давления известны. Это лоббирование, организация финансовой или деловой заинтересованности чиновников, депутатов, членов правительства в доходах соответствующих фирм, кадровое проникновение бизнеса в административные структуры.

Поскольку законодательная деятельность и работа правоохранительных органов отстают от практики развития этих отношений, постольку создаются условия для криминализации общества. Капитал и прибыль функционируют в экономическом пространстве без жестких правил. Более того, сами эти правила создаются на вне-легитимной основе.

Несомненно, что экономическая власть сама по себе — это способность личности или некоторого объединения людей направлять и организовывать деятельность других людей с помощью механизмов экономического стимулирования.

Одна из задач выхода из социального и экономического кризиса заключается в нахождении некоторой меры взаимоотношений между экономической и политической властью. Тезис о полной коррумпированности общества (С.Говорухин, Ю.Щекочихин), управляемого мафией или бандитскими группировками, основан на предположении о том, что политика не обладает самостоятельной силой воздействия, что сами по себе политические интересы могут быть подчинены на любом уровне и на любых этапах управления интересам своекорыстным, меркантильным, интересам обогащения и наживы. Если это так, то перспективы выхода из кризиса остаются весьма туманными и неопределенными.

Дальнейший путь анализа этой проблемы заключается в более дифференцированном подходе к понятиям экономической и политической власти и к выяснению конкретных точек и узлов их взаимопересечения.

Власть — в том и другом случае — представляет собою способность и возможность направлять и организовывать деятельность других лю-

дей. Современная социология (П.Бурдьё) предлагает для анализа этого явления концепцию социального пространства. Оно представляет собою взаимодействие политического, экономического и культурного пространств, которые, в свою очередь, подразделяются на силовые поля. В рамках каждого из пространств действуют специфические формы капитала и прибыли, равно как и специфические нормы поведения — "правила игры".

Опираясь на эту концепцию, можно выделить четыре поля политического пространства, локализирующие главные направления политической борьбы и политического процесса: во-первых, это конституционный процесс; во-вторых, приватизация; в-третьих, соотношение локальных (региональных) и общероссийских интересов; в-четвертых, вхождение к мировую цивилизацию, сопряженное с соотношением интересов России с глобальными интересами.

Ни на одном из этих полей исход борьбы не был predetermined. После августа 1991 г. Россия вступила в зону повышенного риска, что означало возможность как выигрыша, так и проигрыша на каждом из обозначенных выше полей политического пространства.

Референдум по Конституции России, проведенный 12 декабря 1993 г., означал первый существенный шаг к стабилизации на первом поле. Выигрыш на нем означает создание предпосылок формирования правового государства и обеспечение более высокого уровня легитимности власти. Проигрыш на этом поле означал бы углубление раскола.

Второе поле борьбы связано с изменением форм собственности. Выигрыш на этом поле означает стимулирование производства, сращивание производства и потребления через рыночные отношения. Проигрыш на этом поле — быстрый рост безработицы, который почти с неизбежностью приведет к дальнейшему росту социальной напряженности и социальным потрясениям. Конкретные пункты полемики в рамках этого поля заключаются в способах приватизации государственной, "общенародной" собственности. Как будут перераспределены огромные материальные ресурсы бывшего Советского Союза с его военно-промышленным потенциалом, природными ресурсами, земельными и лесными угодьями, кто будет хозяином всех этих богатств и каким образом будет осуществляться распоряжение этими богатствами? Дискуссия по этим вопросам составляет сердцевину экономической реформы. Она не закончена, и в исходе реформы нет определенности.

На третьем поле — соотношение локальных и общероссийских интересов. Выигрыш означает формирование и упрочение общероссийской государственности, а проигрыш — распад государства, его регионализацию. В России уже сформировалась одна республика, на территории которой не действуют законы Российской Федерации. Речь идет о Чечне. Ослабление общероссийских экономических связей неизбежно усиливает центробежные тенденции.

Несомненно, вместе с тем то, что в условиях реформы возрастает роль региональных интересов, самостоятельных хозяйственных связей между регионами. Практически вопрос о взаимоотношении Центра и регионов аккумулируется в налоговом законодательстве и практической налоговой политике, которые определяют механизмы формирования федерального и региональных бюджетов. В идеологическом плане проблема регионализации фиксируется в интерпретации понятия суверенитета. Политический смысл этого понятия модифицируется. В период борьбы с центральной властью в масштабах СССР идея российского суверенитета включала в себя самостоятельность России как государственного образования. После распада СССР та же самая идея обернулась против российской государственности.

На четвертом поле политической борьбы сталкиваются между собой различные концепции соотношения общероссийских интересов и интересов мирового сообщества. Выигрыш на этом поле означает партнерство России с более развитыми в экономическом отношении странами и структурами, а проигрыш — превращение России в одну из стран "третьего мира", полное подчинение экономики России интересам зарубежного капитала, который не может функционировать на основе благотворительности и бескорыстной помощи. Как и на предыдущих полях, итог борьбы здесь не предопределен заранее. Нет таких фатальных сил, которые бы определяли исход экономического и социально-политического развития России в том или ином направлении. Однако обе позиции достаточно четко обозначены в политических декларациях, лозунгах, в ориентации средств массовой информации. Говорят, в частности, что Запад заинтересован в сохранении России как великой державы. Другие утверждают прямо противоположное: Запад стремится превратить Россию в сырьевой придаток своей уже модернизированной экономики, в свалку различного рода отходов современного научно-промышленного комплекса. Чтобы понять возможный исход борьбы на этом поле, необходимо отказаться от слишком общего понимания "Запада". В тех регионах мира, которые обозначаются данным понятием, имеются как те, так и другие силы, как те, так и другие концепции. Во многом исход борьбы на этом участке политического пространства будет зависеть от того, каков будет результат борьбы на предшествующих трех полях.

Изложенная точка зрения позволяет понять более основательно природу событий 21 сентября — 4 октября 1993 г. Роспуск Верховного Совета и Съезда народных депутатов Российской Федерации был осуществлен указом президента от 21 сентября № 1400. Это была третья попытка роспуска представительной власти, предпринятая в течение года (первая попытка — VII Съезд народных депутатов РФ, вторая попытка — Указ президента от 20 марта 1993 г.). На протяжении этого периода проходила поляризация позиций на всех четырех полях политического пространства. Эти позиции были аккумулированы в столкновении между исполнительной, или президентской, властью и

представительной властью. Концепция рефлексивной политики не нашла поддержки ни с той, ни с другой стороны. После мартовского указа и апрельского референдума о доверии к обеим ветвям власти над страной все в большей мере нависала угроза применения насилия. Проблема состояла в том, кто первым не выдержит накапливающейся политической и нервной напряженности и обратится к насильственным мерам. Тот, кто первым делал шаг в этом направлении, безусловно, проигрывал на всех четырех полях политической борьбы. Поэтому каждая из сторон была заинтересована в провоцировании насилия противоположной стороной. Проблема ответственности за жертвы 3—4 октября 1993 г. оказывается не такой простой, как она представляется на первый взгляд. Концепция конструирования политической реальности, борьбы за власть и за изменение правил политической игры раскрывает более сложный механизм конфликта. То или иное развитие этого конфликта движет страну в целом либо в направлении модернизации, либо в сторону восстановления архаических структур. Но движение это вовсе не однозначно, не прямолинейно, не имеет характера восхождения в соответствии с теоретически разработанной программой и заданным на этом основании курсом.

*Е.Н.Стариков,
кандидат философских наук,
Институт сравнительной политологии РАН, Интерцентр*

Реплика

Я попросил всего одну минуту для краткой реплики. Речь идет не о сообщении чего-то, а о постановке вопроса. Все мы, здесь присутствующие (может быть, за одним-двумя исключениями), сходимся в том, что авторитаризм на Руси неизбежен. Более того, многие средства массовой информации утверждают, что авторитаризм уже существует *de facto*, но авторитаризм "опереточный", вслед за которым последует нечто более жесткое и даже страшное. Но суть вопроса в том, что сам авторитаризм — лишь форма, а важно его содержание, вектор тех изменений, ради которых будет "работать" грядущий авторитарный режим.

И здесь-то как раз возникают альтернативные варианты. В качестве идеала или хотя бы наименьшего зла многие авторы (и ваш покорный слуга в том числе) хотели бы видеть авторитарный режим, являющийся переходной стадией от тоталитаризма к либеральной демократии — как в Чили или Южной Корее, где авторитарный режим "работал" не ради самосохранения и консервации самого себя на веки вечные, а на то, чтобы постепенно, эволюционно, по плану перейти к рыночно-демократическим структурам.

Не я первый ставлю этот вопрос. Его ставили раньше, особенно усиленно ставят сейчас, и все авторы как один утверждают: у нас не Чили и не Южная Корея, в России принципиально нет таких сил, которые были бы способны решить проблемы страны в указанном выше ключе. Наш генералитет отличается дубовитостью и в проблемах экономики разбирается как свинья в апельсинах, госбезопасность — не лучше, а МВД — это импотенция в действии плюс тотальная коррумпированность снизу доверху. И сам собой напрашивается скорбный вывод: нет в России политических групп, обладающих не только силой, но и интеллектом, и способных работать на то, чтобы Россия в будущем стала демократической и либеральной.

И все же... Проблема существует объективно, и готового ответа на нее я не имею: обречены ли мы фатально на авторитаризм, работающий лишь на консервацию себя самого, а, следовательно, и того энтропийного болота, в которое мы попали. Или у нас, вопреки всему, все же возможен просвещенный, патриотический авторитаризм, работающий не на самоконсервацию и всеобщее гниение, а на то, чтобы послужить переходной формой, а затем сознательно уйти, принеся, возможно, самого себя в жертву будущему либерально-демократическому режиму, который волен будет и спросить у бывших "автократоров" за "грехи молодости"?

*А.Ю. Чепуренко,
доктор экономических наук,
Российский независимый институт социальных
и национальных проблем*

Малый бизнес и большая политика

Сегодня здесь был поставлен вопрос о том, к какому типу авторитаризма может перейти российское общество и каковы могут быть предпосылки для того, чтобы этот период не оказался исторической эпохой, выходящей за рамки жизни нескольких поколений. Мне представляется, что опыт тех стран, на которые сегодня уже сыпались, говорит о том, что такой предпосылкой должно быть развитие среднего класса и, в частности, такой важнейшей его составляющей, как малое предпринимательство.

Это необходимое условие для России, но недостаточное для решения задач догоняющего развития, вхождения в контекст мировой цивилизации. Достаточным условием я бы считал развитие малого предпринимательства преимущественно инновационного типа. Вот если бы эти две задачи удалось каким-то образом решить, го, наверно, можно было бы тогда уже чисто академически вести

дискуссию о нашем будущем просвещенном российском авторитаризме. Но, к сожалению, эти задачи решить не удалось, не удастся, и, на мой взгляд» благоприятный момент для их решения был упущен.

Известно, что приоритетами экономической реформы в России были либерализация цен, оздоровление бюджета, приватизация и, в какой-то более-менее близкой перспективе, — земельная реформа. Летом этого года мы провели опрос двухсот представителей малого предпринимательства в четырех российских городах — Москве, Владимире, Волгограде, Сыктывкаре. Выяснилось, что эти задачи приоритетными считают примерно от 15 до 24% респондентов. Тогда как для 53% респондентов приоритетной была одна-единственная задача — это снижение налогового бремени.

Конечно, если бы здесь был О.РЛацис, он бы возразил, что это невозможно, что это не вписывается в контекст реформ и т.д. Но такова данность, таковы интересы этой группы. Таким образом, вот это уже первое поле, если пользоваться категориями А.Г.Здравомыслова, несогласия малого бизнеса с командой реформаторов.

Далее. Известно, что на протяжении последних примерно полутора лет довольно-таки жесткая критика шла в адрес Верховного Совета и Советов вообще, как той главной политической оковы, которая не дает развиваться реформам. Если мы посмотрим на мнение тех же малых предпринимателей, то такая точка зрения имеет место и среди них. Но этот ответ дали немногим более 18% опрошенных. Среди тех, кто главным образом препятствует реформе, в первую очередь были названы как раз аппарат местной — 54% — и московской — 39% — исполнительной власти. Таким образом, вот второе поле политического несогласия малого бизнеса и команды реформаторов.

Отсюда неудивительно, что в 1993 г. мы прослеживаем две отчетливые тенденции в сфере малого предпринимательства. Во-первых, растущее неверие в то, что государство способно и вообще склонно оказать какую-то поддержку малому бизнесу. И, во-вторых, как следствие отсюда, — снижение лояльности мелких хозяев правительству. За год, с середины 1992 г. до середины 1993 г., примерно вдвое (с 31 до 16%) сократилась доля малых предпринимателей, которые считали возможным, как вариант решения своих политических проблем, вхождение представителей малого предпринимательства в состав правительства. Не будем говорить, насколько это реалистично, но таковы настроения.

И соответственно ровно вдвое возросла доля респондентов, которые выступали за критику действий правительства. В середине этого года она составляла примерно 22% по сравнению с 11 % в середине 1992 г. Ну, и уж не надо было быть социологом, а достаточно было присутствовать летом на 2-м международном конгрессе "Малое предпринимательство в России" (а там был и весь первый ряд деятелей нашей команды реформ, и из президентского аппарата и из

правительства), чтобы понять, что малое предпринимательство (не чиновники, курирующие его, а само малое предпринимательство, которое там присутствовало), по существу, находится уже в критической, конструктивной оппозиции курсу либеральных реформ.

Тут можно было бы привести еще целый ряд данных о социально-политическом самочувствии малого предпринимательства, но я не буду занимать здесь ваше внимание. Я только хочу сказать, что все эти данные, конечно, еще не дают ответа на вопрос о том, почему случилось то, что случилось 12 декабря. Но они, мне кажется, дают один из вариантов ответа на то, что можно и что нужно было сделать этому правительству для того, чтобы такого провала на выборах не произошло.

Вопрос: Не могли бы Вы назвать нам цифры по малому производственному предпринимательству вообще и по его венчурному сектору в частности. Я днем с огнем искал эти цифры, не мог найти их.

Ответ: Точной статистики нет, да и та, что есть, отражает данные на конец 1991 г. Тогда малых предприятий производственного характера было около 48% от общей численности (примерно 11 тыс. из 23—25 тыс. МП), их удельный вес в выпуске промышленной продукции составлял, по данным Российского союза промышленников и предпринимателей, немногим более 5 %, численность занятых—около 0,9 млн человек. Более свежих данных у меня нет. Но исходя из того, что при значительном общем росте числа МП доля производственных МП сократилась за 1992—1993 гг. более чем в два раза, можно предположить, что показатели изменились лишь незначительно. По экспертным оценкам, сфера венчурного бизнеса за последние полтора года с 10% сократилась где-то примерно до 3,5% от общего числа малых предприятий. Большинство венчурных фирм либо прекращают свою деятельность, либо начинают торговать колготками и шоколадками.

*Алексей Берелович,
профессор, Сорбонна*

Об идее перехода к демократии через авторитаризм

Я буду развернуто выступать на пятой панели, поэтому прошу только несколько минут. Мне хотелось бы отреагировать на некоторые выступления — все-таки жаль было бы выступать в форме одних монологов и не отвечать друг другу.

Меня, как нормального западного человека с левыми взглядами, совершенно традиционно взволновал призыв к Пиночету и Франко

как инструменту перехода к демократии через авторитаризм. Меня смущает не вопрос нравственности или чего-то другого, меня волнует это с точки зрения методологии. Мне кажется, что сейчас опять ищут какой-то закон истории, какими раньше представлялись формации, которые нам де не позволяли активно участвовать в историческом процессе, это был один из компонентов марксизма-ленинизма, противоречащий другой его, волонтаристской, части. Мне кажется, что снова предполагается, что, дескать, все идет туда куда надо. Что все делается само собой, что на Западе нашлись люди, которые авторитарно нам построят демократию. Это снимает ответственность за борьбу за демократию, которая сейчас очень важна.

Хотелось бы напомнить все-таки, что и в Чили, и в Испании, и в других странах демократия появилась не благодаря Пиночету и Франко, а вопреки им. Что люди за это боролись. И чтобы демократия состоялась, надо, чтобы люди, пусть необязательно все, но большинство из них, боролись за нее. Я других примеров не припомню в истории. И поэтому мне кажется, что сегодняшний призыв к авторитаризму, как к естественному пути к демократии, — это уход в кусты. Я не нахожу другого выражения. Потому что не надо забывать, и не мне это вам напоминать, что ценностью, во имя которой начались преобразования здесь и во имя которой шла борьба против советской системы, была именно демократия. Была именно она, а не что-то другое. Потом шел рынок, модернизация, что-то другое, но первой ценностью была все-таки демократия.

Я бы добавил, что тут роль интеллигенции очень велика. Мне бы хотелось остановиться еще на одном выступлении, которое затронуло последние выборы и успех Жириновского. Речь идет вот о чем: ранее было наложено табу на критику народа, а вот теперь мы видим, какой он на самом деле. Мне кажется, все как раз наоборот. Что касается табу на критику народа, то, наоборот, все время считалось, что народ у нас такой, сякой, глупый, неразвитый, ничего не понимающий, темный, забитый и т.д. И 25% голосов за Жириновского воспринимаются просто как проявление глупости народа, а не как предупреждение политическим элитам о том, что, может быть, они что-то не учли.

Успехи нефашистов вообще-то сейчас наблюдаются, пусть не везде, но во многих странах, в том числе в той стране, откуда я приехал, во Франции. Я не помню политических деятелей или политологов, которые объясняли бы успех Ле Пэна глупостью французского народа, но все начали думать над тем, какие объективные и субъективные причины побудили часть населения голосовать за такого популиста-фашиста. Так что продолжать аристократически презрительно относиться к народу — это, мне кажется, самый опасный ответ сегодня на растущее недовольство населения, которое вот так выразилось в нынешних выборах.

Партии в современной политической ситуации

Мне хотелось бы остановиться на некоторых проблемах, связанных с итогами парламентских выборов 12 декабря. В предыдущем выступлении уже отмечалось, что выборы зафиксировали сдвиг вправо в настроениях значительной части российского электората. Имеется в виду "феномен" В.Жириновского. Но ведь объективные данные исследований фиксировали этот сдвиг на протяжении всего 1993 г. Идея авторитарной власти, способной установить стабильность и порядок в стране, активно эксплуатировалась еще задолго до вступления в предвыборную борьбу В.Жириновского. Именно ее эффективно использовал президент Б.Ельцин на апрельском референдуме. Однако многие аналитики тогда ошибочно интерпретировали причины успехов российского президента как проявление широкой поддержки большинством населения курса либеральных хозяйственных реформ. Дальнейшее ухудшение социально-экономической ситуации в стране после референдума, невыполнение большинства данных весной широкообещательных обещаний породили глубокие разочарования политической реформаторов у миллионов россиян и при нарастании правоавторитарных тенденций в массовом сознании создали благоприятные условия для перехвата идеи "сильной руки" другими, более удачливыми политиками.

То, что политический маятник так резко качнулся вправо, а не остановился в центре политического спектра, в равной мере обусловлено как действиями властей (которые, вместо того чтобы пестовать демократическую оппозицию самим себе, тут же окрашивали любое проявление инакомыслия или инакодействия в "красно-коричневые" тона), так и действиями самих центристских партий, которые постоянно играли с властями в поддавки. Большинство из них, вместо того, скажем, чтобы открыто идентифицировать себя с социал-демократическими ценностями, все время пытались мимикрировать под либерализм. А в результате избиратели их просто проигнорировали.

Серьезным просчетом организаторов избирательной кампании было также принятие на вооружение смешанной пропорционально-мажоритарной системы выборов. Главный замысел состоял в том, чтобы, благодаря новой выборной системе: а) сформировать компактный, структурированный в политическом отношении парламент; б) посредством партийных списков облегчить прохождение в парламент московской политической элите (в списках большинства партий в первых рядах — сплошь москвичи) и, одновременно минимизировать, хотя бы в нижней палате парламента, представительство региональных элит.

Это был рискованный эксперимент, так как хорошо известно, что пропорциональный механизм выборов заведомо заряжен на фрагментацию партийно-политической системы и соответственно законодательного органа, и используется поэтому лишь в некоторых странах с давно сложившейся и устойчивой партийной системой. Кроме того, пропорциональная система выборов ориентирована не столько на борьбу конкретных кандидатов, сколько на соперничество партийно-политических платформ.

У нас же получилось все наоборот. Большинство избирательных объединений были сформированы буквально накануне выборов. Никаких внятных программ они сформулировать не смогли и тем более довести их до избирателей. У большинства партий не было продуманной электоральной стратегии (за исключением ЛДПР), их организационный и мобилизационный потенциал оказался весьма ограниченным, несмотря на мощную финансовую поддержку некоторых из них. Поэтому выборы были персонифицированы, избиратели ориентированы на личности лидеров партий и движений. Отсюда непредсказуемость результатов голосования и тот факт, что Государственная дума окажется, скорее всего, еще менее структурированной, чем ее предшественник — Верховный Совет.

Видимо, для России более органичными были бы либо "французская" система выборов, т.е. мажоритарная система с голосованием в два тура, либо "немецкая" пропорциональная система, но проводимая по принципу "один человек — два голоса". То есть каждый избиратель голосует одновременно за конкретного кандидата и за ту партию, которую этот кандидат представляет.

Задача продвижения в парламент московской политической элиты также решена лишь частично. С одной стороны, действительно, за небольшим исключением, в парламент прошел весь "цвет" столичного политического истеблишмента. С этой точки зрения, можно констатировать, что процесс формирования политической элиты в России близок к завершению. Но, с другой стороны, выборы зафиксировали, во-первых, растущее неприязненное отношение к ней российской провинции (об этом свидетельствует успех, скажем, блока "Женщины России", ничем особо себя не проявившего в ходе избирательной кампании, не говоря уже о ЛДПР); во-вторых, симптомы формирования контрэлиты. Гуманитарную интеллигенцию "перестроенного" и "реформаторского" призыва начинают теснить предприниматели и технократы. В партийном списке той же ЛДПР доминируют не только юристы, но и технократы, связанные в прошлом или сейчас с ВПК, а также с армией и госбезопасностью.

Вообще, реальные интересы экономических группировок будут представлены в нынешнем Федеральном собрании гораздо рельефней, чем в Верховном Совете, и потому их лоббирование будет носить более мощный и организованный характер.

В последнее время среди аналитиков широкое распространение получила точка зрения о том, что поскольку принятая Конституция

дает широкие полномочия президенту и, наоборот, урезает права парламента, нет "особых оснований для волнения". В случае чего, мол, президент может действовать и без оглядки на парламент. Думается, что это заблуждение.

При сохранении нынешнего социально-экономического курса, по прогнозам ряда ведущих экспертов, уже весной 1994 г. политическая ситуация в стране может резко обостриться из-за массового закрытия промышленных предприятий, продовольственного кризиса (30% урожая 1993 г. погибло, а по ряду районов — до 45%). В этих условиях вполне вероятно возникновение вне парламента, из среды профсоюзного и забастовочного движения, политических требований проведения досрочных президентских выборов, как и было обещано ранее, летом 1994 г. Дума, по-видимому, в данной обстановке превратится лишь в транслятора этих требований, которые могут поддержать не только националисты, коммунисты, аграрии, но и часть центристов, независимых, региональных лидеров.

Что касается Жириновского и его фракции, то она займет в парламенте чрезвычайно выгодное для себя место — безответственной оппозиции. Любые попытки административного нажима на ЛДПР, по сложившейся российской традиции, лишь увеличат ее популярность.

Нельзя успокаивать себя утверждением, что у ЛДПР нет сильных организационных структур и сколько-нибудь авторитетных лидеров, помимо Жириновского (и в этом заключается кардинальное отличие современной России от Веймарской Германии, где нацистская партия опиралась на массовое, хорошо организованное движение). Дело в том, что в условиях широкого развития средств массовых коммуникаций наличие разветвленных оргструктур не является необходимым инструментом прихода к власти. Гораздо важнее в этом плане поддержка претендующего на власть лидера элитами — хозяйственной, финансовой, военной, бюрократической при морально-политических симпатиях значительной части населения. До сих пор президент Ельцин был единственным общенациональным лидером, пользующимся поддержкой элит, которая позволила ему выстоять и победить в схватках с бывшим Верховным Советом. Похоже, сейчас ситуация стала меняться. Поэтому можно предположить, что в борьбе с Жириновским будет задействован широкий набор методов политической нейтрализации — от попыток его "приручения" (что не представляется таким уж невозможным) до поисков компромата, главным образом в плане выявления источников финансирования ЛДПР. Одновременно с этим весьма вероятен перехват основных лозунгов В.Жириновского. Так, в одном из первых интервью после выборов пресс-секретарь президента В.Костиков заявил, что в преданборных программах и обещаниях этой партии есть ряд моментов, которые "вполне соответствуют социальному ракурсу президентской политики — социальной направленности государства, патриотизму, возвеличиванию России".

В этом плане заявление президента Ельцина о его намерении создать собственную партию может быть интерпретировано таким образом, что речь идет о создании не столько либерально-демократической партии (такая уже есть — "Выбор России"), сколько партии национально-либеральной ориентации.

В целом итоги выборов 12 декабря носят противоречивый характер. С одной стороны, с избранием нового парламента в определенной мере воспроизведена дооктябрьская ситуация. С другой, — принятие новой Конституции означает, что возможный конфликт законодательной и исполнительной власти уже не будет носить конституционно-правового характера. И потому есть основание полагать, что политическая борьба будет вестись в более цивилизованных, чем раньше, формах.

Это тем более важно, что уже весной 1994 г. во многих регионах страны предстоят выборы в местные органы представительной и исполнительной власти.

Позиции общественных организаций и пути развития России

Возникновение в России около двухсот партий, движений, блоков, фронтов, союзов с необходимостью заставляет разрабатывать схемы их соотнесения друг с другом. Стремление как-то осмыслить складывающийся политический спектр чаще всего приводит исследователей либо к построению набора не связанных между собой типов общественных политических организаций (в соответствии с призывами партий к социалистическим, либеральным, коммунистическим, националистическим и т.п. идеалам), либо к разработке тех или иных перечней аналитических переменных, позволяющих сравнивать между собой эти организации (тоталитарность — демократичность, религиозность — секулярность, сильное государство — правовое общество, за частную собственность — за общественную собственность и др.).

Попытки совместить, соединить оба способа описания многопартийности крайне редки, и совершенно отсутствует в политологических исследованиях демонстрация продуктивности используемых расчленений, возможности эффективно упорядочить с их помощью все множество позиций тех или иных партий. В результате теряют какую-либо доказательность "экспертные" оценки типа "наибольшую угрозу демократии представляют красно-коричневые силы" или "новый путч будет организован красными директорами".

Социологическая служба Восточного центра современной документации провела в 1993 г. серию исследований в рамках проекта "Многопартийность в российском обществе". В этом проекте партии рассматривались как естественные выразители и носители основных тенденций происходящих в обществе изменений. Предполагалось — основная гипотеза исследования, — что общество в настоящее время стоит перед необходимостью определенным образом сбалансировать следующие альтернативы:

а) сохранить отношения доминирования одних субъектов социальных интересов над другими *или* способствовать развитию отношений равноправия, социального партнерства;

б) включить в общественные отношения преимущественно традиционные *или* модернизированные ценности;

в) поддерживать естественно-исторические *или* искусственные, рациональные механизмы формирования ценностей.

Соответственно предполагалось, что и партии дифференцируются прежде всего по их направленности на утверждение этих логически полярных альтернатив общественного развития. Последовательное комбинирование всех значений (полусов) трех приведенных аналитических переменных приводит к восьми теоретически возможным типам направленности общественных политических организаций. Им присвоены следующие названия: национально-патриотический; коммунистический (социалистический); национально-реформаторский; государственно-патриотический; национально-демократический; социально-демократический; национально-либеральный; граждански-либеральный.

Эмпирическая трехмерная классификация партий, их отнесение к тому или иному "идеальному типу" направленности осуществлялась на основе данных о стратегических целях и основополагающих ценностях организаций ("возрождение России", "восстановление СССР", "утверждение прав личности", патриотизм, справедливость, свобода...); об их самоидентификации с основными идейно-политическими течениями (государственно-патриотическое, социал-демократическое, национально-патриотическое, коммунистическое, либеральное...); об их союзниках и противниках из числа других организаций. Таким образом, например, национально-патриотический фронт "Память" был, естественно, отнесен к организациям национально-патриотического типа со свойственными ему отношениями доминирования, борьбы одних субъектов с другими, предпочтениями естественно-исторически сформировавшихся и традиционных для России ценностей. В свою очередь, "Российский общенародный союз" (партия Бабурина) и, скажем, ЛДПР (партия Жириновского) также ориентируют общество на отношения доминирования, борьбы, но уже на основе модернизированных и рационально формируемых ценностей, и поэтому эти партии отнесены к государственно-патриотическому типу.

В ходе исследования российской многопартийности руководство пятидесяти наиболее активных организаций опрашивалось по четы-

рем темам: внешняя политика Российской Федерации, кризис власти (апрель), конституционный процесс и предвыборная кампания. Поскольку невозможно привести здесь все данные опросов, ограничусь обобщенной информацией о позициях партий, уже сведенных в типы, т.е. приведу наиболее часто встречающиеся ответы среди соответствующих организаций. Необходимо добавить, что партии государственно-патриотического типа регулярно занимали не одну, а две явно различающиеся позиции. Поэтому был введен еще один, менее идеологизированный, "центристский" тип — государственно-прагматический. Организации всех других типов демонстрировали высокую степень согласованности позиций внутри каждого типа, что позволяет рассматривать предложенную классификацию с ее основаниями анализа как адекватно отражающую глубинную основу направленности всех включенных в исследование общественных политических организаций.

На актуальнейший сегодня вопрос — по какому пути должна развиваться Россия — лидеры партий отвечали следующим образом. Подавляющее большинство "демократических" организаций, ориентирующихся на отношения равноправия между субъектами социальных интересов, в той или иной форме высказалось в пользу общецивилизационного пути. Ответы организаций "силовых" типов, ориентированных на отношения доминирования-подчинения, заметно отличаются друг от друга: национально-патриотические — за возврат к традиционным российским ценностям, коммунистические (социалистические) — за развитие социалистических отношений, национально-реформаторские и государственно-патриотические — преимущественно за реформирование традиционных для России общественных отношений и, наконец, государственно-прагматические — за конвергенционный путь. Интересно отметить, что лидер ЛДПР В.В.Жириновский также высказался за "лучшее из капитализма и социализма".

Резкую поляризацию продемонстрировали партии в ответах на вопрос о наиболее эффективной, с их точки зрения, стратегии в экономике. Среди организаций "силовых", державных типов наиболее часто встречающимся ответом был "стратегия государственного регулирования цен, зарплаты, увеличения госзаказов", а среди организаций "демократических" типов — "кредитно-налоговая политика". И только государственники-прагматики, "центристы" не выработали у себя достаточно согласованной позиции, проявили весьма широкий разброс подходов к решению экономических проблем.

В области внешней политики общий курс российского руководства поддержали все "демократы", и, наоборот, оценили его как неудовлетворительный все без исключения "силовые", державные организации. Демократическими организациями поддержана политика российского руководства в дальнем зарубежье, силовыми организациями — в ближнем.

По проблеме прав человека и контроля за их соблюдением практически все "демократы" высказались за единое универсальное понимание прав для всего человечества и беспрепятственный международный контроль. К ним присоединилось и большинство государственных-прагматиков. Подавляющее большинство представителей силовых типов организаций — сторонники невмешательства во внутренние дела государства, выбирающего свой путь в защите прав человека.

На основе анализа позиций общественных политических организаций по всему кругу обсуждавшихся в исследовании проблем можно сделать следующие выводы. Во-первых, поляризация позиций чаще всего проходит по линии державная—демократическая направленность организаций: на сильное государство — на правовое общество. Во-вторых, по внутренней последовательности, смысловой согласованности позиций организации рассмотренных типов упорядочились следующим образом (в порядке уменьшения однородности): граждански-либеральные, социально-демократические и коммунистические/социалистические, государственно-патриотические, государственно-прагматические ("центристские").

Реплика о развитии культуры России

Я попросил слова на две минуты для того, чтобы выразить удовольствие по поводу выступления Владимира Борисовича Пастухова, в котором я увидел некоторую культурологическую концепцию, отвечающую моим ощущениям сегодняшней России. Я думаю, что ее выход из Советского Союза был в значительно большей степени продиктован представлением о том, чего не хотят отдельные люди, организации и политические деятели, движения, чем пониманием того, куда они идут. Да, было ясно, откуда они уходят. И это создало некий стихийный плюрализм, с одной стороны, и, с другой, — лишило некой европейской целостности. В моем представлении, в Европе все-таки существует некоторая целостность общества, в большей степени связанная с государством, чем в американском обществе. И в этом смысле, уйдя из Советского Союза и оставаясь на месте, Россия как бы прошла тот путь, который в свое время прошли эмигранты в Америку, переместившись географически из одного места в другое. Здесь Россия, так сказать, оставаясь географически на месте, ушла из этой общественной системы. Что касается соотношения европейского и азиатского элемента, то, как мне представляется, благодаря страш-

ному 70-летнему периоду был уничтожен азиатский элемент на территории России, а европеоидная система образования в стране воспроизводила европейскую культуру. Можно говорить о том, что эта культура лучше, хуже, что она — европейский пасынок и т.д., но это европейская культура, в которой я не вижу общности с Востоком и вижу много общего с Европой или Соединенными Штатами. А уничтожение тонкой, элитарной культуры, присущей Европе, привело к тому, что основные массы населения столь же, зачастую, малокультурны, что и основные массы американского населения, являющиеся сборной культурной массой. И я думаю, что распространение американской культуры в сегодняшней России — совершенно не случайное явление. Это очень хорошая, очень эффективная массовая культура. И это дает надежду, дает основания считать, что большая часть населения будет скорее придерживаться пролиберальной идеологии, чем идеологии европейского типа.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ:
НОВЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ГРУППЫ В РОССИИ

Вопросы для обсуждения:

1. Формирование новых социальных групп.
2. Сдвиги в социально-экономическом положении, сознании и поведении основных общественных групп.
3. Изменение образов российского общества в сознании населения.

*А.Г. Левинсон,
кандидат искусствоведения, ВЦИОМ*

Интеллигенция в условиях постсоветского общества

За период 1985—1993 гг. среди всех социальных групп бывшего советского общества интеллигенция, быть может, подверглась наиболее сильным воздействиям. Ее, как основного производителя и потребителя информации, более других коснулось снятие цензуры ("гласность"), а ее представители неожиданно начали "хождение во власть". Однако затем именно те отрасли, именно те категории рабочих мест, где служит подавляющая часть этой группы, стали наиболее стремительно терять материальную поддержку государства. И призыв властей присоединиться к ним в борьбе с номенклатурой, и потеря поддержки со стороны власти, — все эти влияния действовали на разные части интеллигенции по-разному, и поэтому мы сегодня наблюдаем несколько типов ее реакций.

Наши наблюдения были собраны в ходе большого исследования, проведенного отделом качественных методов Всероссийского центра изучения общественного мнения. С помощью глубинных интервью были обследованы все слои стратификационной структуры постсоветского общества, в том числе интеллигенция. Собранный материал позволяет нам включить некоторые эмпирические свидетельства в ход обсуждения популярной ныне темы о конце или кризисе

Типологизировать реакции интеллигенции на "вызовы времени" можно следующим образом. Представим, что на одном краю шкалы

по

— такие действия и состояния этих людей, которые они сами и их окружение представляют как полный разрыв со своей ролью и статусом. На другом полюсе, напротив, действия, направленные на возможно более полную консервацию своего положения. Между ними оказывается все многообразие сочетаний "старого" и "нового" в поведении и самоощущении интеллигенции.

Итак, предельный случай — это уход со своего "социального места". Он относительно широко представлен отъездами, эмиграцией. В нашем исследовании мы иногда заставали, так сказать, следы этого процесса: ответ на вопрос о друзьях иной раз звучал так: "Все уехали".

Надо подчеркнуть, что в случае интеллигенции потеря (перемена) статуса и роли при эмиграции связана не столько с потерей гражданства, "разрывом" и проч., сколько с тем, что в социальной структуре тех обществ, куда вливаются эмигранты-интеллигенты из бывшего СССР, зачастую отсутствует упомянутое "социальное место". Иными словами, там просто нет интеллигенции в том понимании, которое приложимо к соответствующему слою нашего населения. А на роль так называемых intellectuals или professionals годятся отнюдь не все уехавшие.

Впрочем, и из оставшихся далеко не все готовы или способны самостоятельно вынести на рынок свои уникальные знания, умения и способности в сфере наук, искусств или свободных профессий. Те же, кто готовы, сегодня находят альтернативу отъезду в виде работы "по-западному" в многочисленных совместных предприятиях или немногочисленных отечественных, принявших этот стиль и уровень деятельности. В нашем исследовании фигурировали рассказы людей, по сути дела, "порвавших" с интеллигенцией, ее традициями, но оставшихся в сфере традиционных "интеллигентных занятий", например, таких, как работа с иностранными языками. Режим дня, привычки, отношение к деньгам и тратам, говорили они, приходится менять. "Не захочешь менять — не получишь эту работу. А заработки такие, что сразу отрывают тебя от привычного для тебя и друзей уровня потребления, возникают сложности в поддержании прежних связей". Значительная доля этих лиц работает ныне в учреждениях нового, прежде неизвестного нам типа — в "фирмах", в СП и т.п. Другая часть реформирует или участвует в трансформации собственных прежних мест работы. Примером могут служить редакции некоторых изданий, некоторые новые научные коллективы. Их работники усваивают новые нормы внешнего поведения и значительно меняют свой менталитет. Итак, второй тип ухода из интеллигенции — не в эмигранты, а в новые группы профессионалов интеллектуального труда.

Часть этих профессионалов оказывается предпринимателями в названной сфере. "Выходцы из интеллигенции" открывают, например, разнообразные учебные заведения, включая школы женской красоты, курсы духовного самосовершенствования и др. Для некоторой

части бывших ИТР, преподавателей вузов и сотрудников НИИ бизнес стал единственным и всепоглощающим занятием. Именно из интеллигенции рекрутирована та часть корпуса новых предпринимателей, чье поведение в наибольшей степени окрашено элементами "протестантской" этики и "духом капитализма". Здесь встречается и аскетический образ жизни, служение деньгам, обороту, самому капиталу, убежденность в наличии высоких оправданий и обоснований своей деятельности. Это третий вид полного "ухода из интеллигентов".

Впрочем, подобное перерождение случается не со всеми, занявшимися предпринимательством. Сказанное касается только некоторой доли крупных и крупнейших бизнесменов из среды интеллигентов. Более многочисленны случаи "сидения на двух стульях". Иногда бывшие научные сотрудники или инженеры начинают с приработков, с коммерциализации своих услуг в рамках собственной специальности. Потом логика предпринимательской деятельности ведет к расширению бизнеса на сферы, никак не связанные с традиционными интеллигентными занятиями. Но в отличие от тех, кто целиком отдается бизнесу, для некоторых эта деятельность, скажем торговля (пусть даже они в ней преуспевают), остается в ценностном отношении чем-то второстепенным.

Здесь возможны два варианта. Один, наиболее этически-комфортный, когда бизнес может служить источником средств для поддержания совсем другого, сугубо некоммерческого предприятия. В нашей выборке был учитель, открывший собственную школу с весьма оригинальной программой и с практически бесплатным обучением. Средства для своей школы он получал от торговли "всякой ерундой". При этом у подобных бизнесменов сохраняется типично интеллигентская этика, в том числе ее идеалы: бессеребренничества, неуважения к деньгам и проч., однако им удается сравнительно бесконфликтно совмещать две свои роли за счет выраженной инструментализации своей коммерческой деятельности и ее ценностного подчинения "главному делу в жизни". А это дело освящено традиционно-интеллигентскими ценностями служения другим, распространения просвещения, делания добра и т.п.

Другой вариант — занятия бизнесом (как правило — мелким) в поисках средств своего собственного пропитания, а иногда — и "скромного процветания". Но у этого типа моральное удовлетворение от собственной предпринимательской деятельности (даже успешной) не возникает. Напротив, формируется чувство вины за измену собственным ценностям, поскольку деятельность для собственной пользы осуществляется за счет, в ущерб своей общественно значимой прежней деятельности. Чувство вины за то, что приходится делать не то, что полагается, "не то, ради чего я пять лет в институте учился", иногда трансформируется в обвинения по адресу "властей (реформаторов, Ельцина, Гайдара и др.), вынудивших меня стоять на углу и торговать черт-те чем".

Хотелось бы обратить особое внимание на эту категорию лиц, пребывающих в состоянии серьезного внутреннего напряжения. Их характеризует внутренняя дезориентация, неустойчивость в политических предпочтениях, порой значительное рассогласование в вербальном и реальном поведении. Они рассматривают и собственное жизненное положение и всю ситуацию в обществе как временные, как "ненастоящую жизнь". Они остро нуждаются в аргументах, легитимирующих их собственное поведение, которое им представляется неподобающим "истинному" статусу интеллигента. А такими аргументами могут служить только ссылки на чрезвычайные обстоятельства в их личной жизни ("у меня дочь больная, где я еще возьму деньги?!") или в жизни общества ("вы же видите, какое время сейчас, все с ума ПОСХОДИЛИ"). Соответственно они склонны к аггравации собственных тягот, и в особенности к обобщенно-негативной оценке общественной ситуации. Чем более патологической она предстает, тем более оправдано их поведение. Это они являются наиболее благодарной аудиторией для тех СМК и для тех политиков, которые муссируют темы общественной катастрофы, нравственной гибели общества и т.п.

Следующий "отряд советской интеллигенции" представлен теми, кто в силу тех или иных обстоятельств остался или более всего хотел бы остаться на своем прежнем месте — месте работы, месте в жизни. При этом сохранение прежнего места работы, должности, объема и содержания труда работника, с одной стороны, и его социального статуса как члена общества, — с другой, все более проблематично в нынешних обстоятельствах существования "бюджетной сферы", учреждений науки и культуры, образования и других мест приложения труда интеллигенции, находящихся на государственном иждивении.

Для этой категории в значительной степени характерны такие же феномены "черного" сознания, склонность к катастрофическому видению реальности, либо депрессивность как черта социального характера. В социально-демографическом плане эта категория в значительной степени представлена женщинами в возрасте около 50 лет.

Для некоторой части интеллигенции выходом представляется не отказ от привычных воззрений, а активное их утверждение, распространение свои надежд и помыслов на новые сферы, представляющиеся, однако, расширением прежде знакомых. Одна из таких сфер — религиозность и область иррационального. На этих направлениях возникают новые, по сути, кажущиеся "традиционными", формы общности, например кружки, объединения, общины.

В заключение можно сказать, что советская интеллигенция в условиях постсоветского существования подверглась разложению на фракции, причем отдельные части ее претерпевают трансформацию, а другие — стагнацию.

Россия: социальная трансформация элиты и мотивация

1. Социальные трансформации: теоретико-методологические проблемы

В последнее время в научной среде вновь оживляется интерес к теоретическому анализу происходящих сегодня общественных процессов, сменяющему ранее преобладавшую публицистическую тональность. Однако такой переход выявил, что для анализа хода соответствующих процессов уже недостаточно чисто политических или экономических категорий.

Прояснение подлинного существа используемых категорий, их релевантности также требует перехода на этаж макросоциального фундамента объяснительных теоретических схем, лежащих в их основе, т. к. такой переход позволяет лучше осознать возможности использования соответствующих теоретических построений применительно к российской специфике. В качестве категории, обобщающей и покрывающей собой возможные альтернативные результаты исследований, возможно использовать понятие "трансформация" (от лат. *transformatio* — преобразование, превращение).

Необходимо различать трансформации, происходящие на институциональном и деятельностном уровнях. Возникает серьезная, по крайней мере для российского исследователя, проблема, связанная с возможностью серьезных противоречий между институциональной формой, с одной стороны, и характером социального функционирования, — с другой, тех или иных общественных установлений, преобразование которых является предметом исследования социальных трансформаций. Примеров подобных противоречий можно привести довольно много и в экономической, и в других сферах.

Необходимо найти подход, который позволяет соотнести между собой нормативно-институциональные преобразования, с одной стороны, и макросоциальные изменения в функционировании соответствующих институтов, — с другой. Представляется, что соответствовать требованиям такого соотнесения может социокультурный уровень, под которым будем понимать доминирующие в обществе ценности, мотивации и модели социального действия.

По существу, исследователь сталкивается с триадой предметов трансформационных процессов. Во-первых, трансформация социальных институтов в их нормативном, прежде всего, правовом описании. Во-вторых, макросоциальная трансформация, характеризующаяся сменой или изменениями доминирующих в обществе моделей и

мотивов социального действия. В-третьих, интегральная характеристика трансформационных процессов, которая связана с анализом взаимоотношений и противоречий между первыми двумя предметами исследования.

Наличие третьего предмета анализа предполагает, в свою очередь, введение оппозиции: "органичность" — "противоречивость" в функционировании социальных институтов. Под органичностью будем понимать возможно большее соответствие между формальной организацией и нормативным характером функционирования исследуемых социальных институтов, с одной стороны, и доминирующими моделями социального действия субъектов этого функционирования, — с другой.

Введение в предмет анализа социокультурных трансформаций ставит перед исследователем новую проблему: ориентации социальных трансформаций. Оставаясь на нормативно-институциональном уровне изучения, можно абстрагироваться от интенциональности социальных трансформаций, ограничиваясь ценностно нейтральным описанием характера происходящих изменений. При переходе на социокультурный или же интегральный уровень подобное абстрагирование уже невозможно, поскольку сами изменения ценностей, мотиваций и моделей социального действия довольно тесно связаны с интенциями в отношении всего процесса социальных трансформаций.

Введение типологии трансформационных ориентаций, как представляется, делает возможным осуществить переход от теоретически возможных типов к потенциально возможным. Такой переход может быть осуществлен на основе выявления тех ориентаций трансформации, которые обладают существенной социальной поддержкой. Становится возможным увидеть, какие реально существующие социокультурные механизмы прокладывают путь тем или иным макросоциальным ориентациям. Это, в свою очередь, открывает дорогу анализу фундаментальных трансформационных противоречий между сложившимися в результате всего предшествующего общественно-го развития социокультурными механизмами, с одной стороны, и формируемыми социальными институтами, функционирование которых предъявляет свои специфические требования к подобным механизмам, — с другой.

Сегодня обсуждение этого круга проблем в сильно суженном виде сведено в основном к социальной поддержке проводимых реформ. При этом основное внимание исследователей сконцентрировано на выработке нормативного теоретического представления о реформах, т. е., какими должны быть реформы. Гораздо меньше внимания уделяется проблеме — какие реформы возможны "здесь и сейчас", в конкретно-исторических условиях современной России.

Одновременно следует ввести и другое понятие — потенциально возможные направления трансформации, определяемые соотношением сил, наличием разного рода ресурсов (материальных, организационных, информационных, социальных и т. п.) у всех

участников трансформационного процесса. Вполне очевидно, что спектр потенциальных макросоциальных ориентаций существенно уже, чем все множество существующих в обществе нормативных представлений. Те нормативные представления, которые не обладают необходимыми социальными ресурсами, не имеют шанса оказать серьезное влияние на складывание макросоциальной ориентации.

2. Трансформация элиты: проблема субъекта

Сегодняшний анализ трансформационных процессов практически оставляет без внимания проблему того, какие социальные слои и группы играют ключевую роль в проведении реформ. Без серьезного теоретического осмысления осталась проблема социального субъекта общественных реформ в России. Социальные аспекты реформ могут быть проанализированы лишь на основе учета действий элит — основных субъектов этих реформ, через призму взаимодействий и конфликтов этих субъектов.

При этом под элитами, в смысле В. Парето и Дж. Хигли, мы в дальнейшем будем понимать те слои и группы, представители которых играют ключевую (позитивную или негативную) роль в выработке и реализации стратегических решений в ходе общественного функционирования, в том числе реформ и преобразований. Элиты относительно свободны в принятии решений до тех пор, пока они не затрагивают священных ценностей внеэлитных групп в традиционалистском обществе или интересов этих же групп в обществе модернизированном.

При таком подходе, который представляется правомерным как с теоретической, так и с чисто методологической точки зрения, необходимо исследовать проблему российских элит, их роли в проведении реформ, а также изменения, происходящие внутри этих ключевых групп российского общества.

В рамках предложенной позиции вполне очевидно, что важнейшие реформаторские преобразования и соответствующие им организационные и управленческие процедуры реализуются сегодня в довольно определенном социальном слое, который хотя и не вполне самоидентифицирует себя в качестве элит, но одновременно способен как это видно из общения с представителями соответствующих групп, анализа материалов их устных и печатных выступлений) достаточно четко отграничивать себя от внеэлитной среды.

В смысле Дж. Хигли, под элитами в дальнейшем будем понимать людей, принимающих стратегические решения, непосредственно влияющих на их принятие, включая сюда, естественно, и негативное влияние, противодействие принятию таких решений.

Используя категорию "элита" в качестве одного из инструментов анализа трансформационных процессов российского общества, следует сделать важную оговорку. Принимая функциональный подход к выделению российских элит, следует понимать, что здесь остается открытым вопрос о качестве исполнения соответствующих функций.

Это означает, что предстоит исследовать то, в какой мере складывающиеся российские элиты, выделяемые "по Хигли", уже являются элитами "по Парето и Моска".

3. Исходная диспозиция

Для того чтобы понять многое из современного хода реформ, следует в рамках прежних советских элит выделить три их крупных отряда: отраслевые, региональные и идеологические. Они различаются своим социальным положением, способом социально-экономического влияния, а также характеристиками доминирующего в этих отрядах элит менталитета и соответственно установок по отношению к проводимым преобразованиям. В рамках взаимоотношений между элитами важно указать на одну проблему — на тип общественного развития, живущий в сознании и поддерживаемый теми или иными элитами.

Основной моделью развития, на которую во все большей степени ориентировались элиты, стала "социалистически оформленная модернизация". То есть некоторая слабо рефлекслируемая, но все же рационализируемая на инструментальном уровне конструкция, ориентированная на модернизацию советского общества, прежде всего народного хозяйства, опирающаяся на сложную смесь идеологических и собственно научно-технических и социально-экономических представлений о путях развития страны в соответствии с "современными требованиями". При этом социалистические идеологемы выступали уже не несущими элементами этой конструкции, а лишь условием, при котором обеспечивалось относительное невмешательство со стороны идеологических элит. Многие ценности социализма (социальная справедливость, коллективизм, духовность и т. д.) вполне сопрягались с таким образом понимаемой модернизацией. Последующее добавление таких ценностей, как социалистическая законность, материальное стимулирование, ориентация на благосостояние, хозрасчет и прибыль также расширяли модернизационное пространство внутри социалистической ортодоксии, являлись своего рода перекодированными, хотя и сильно ослабленными эквивалентами либеральных ценностей экономической и политической демократии.

В переводе на язык макросоциальных ориентаций трансформации можно указать, что для предшествующего этапа нашего развития субъектом прежде всего выступало "государство", презентированное специфическими социальными группами, а критериями ориентации выступали "динамика развития" и "военная мощь". Когда к этим критериям стала добавляться "социальная стабильность" и трансформация стала все более ориентироваться на поддержание неизменности социальных механизмов, противоречие критериев стало разрушительным образом воздействовать на весь трансформационный процесс.

На уровне элит начал складываться социальный консенсус вокруг идеолого-генетической парадигмы общественного развития в ее конкретной форме "социалистически оформленной модернизации", исхо-

дящей из того, что определенное общественное устройство, отвечающее идеологическим требованиям и социальным установкам, может быть осуществлено путем постепенной модернизационной трансформации наличного общества, не требующей слома режима и других серьезных потрясений.

Но, наряду с этим процессом, начали пробивать дорогу другие тенденции. Прорвавшийся дух общественных перемен и неизбежный в этой ситуации подрыв идеологических устоев требовали диалога руководства страны и общества. Такой диалог в силу разрыва позиций верхов и низов, преимущественно ориентированных на прежние или смешанные ценности, предполагал использование наряду с введением новых понятий привычных стереотипов.

В результате резко активизировалось обсуждение целей общественного развития, упакованных преимущественно в социалистическую фразеологию. В обществе возросло влияние идеолого-телеологической концепции развития, и вновь главное внимание сосредоточилось вокруг выбора той модели общественного развития, которую необходимо воплотить в жизнь.

При активизации обсуждения проблем должного резко снизилась значимость границ возможного, прагматических путей решения назревших проблем. "Внеидеологизированная модернизация", не говоря уже о "социалистически оформленной модернизации", скомпрометированной своим родством с терявшими привлекательность идеологемами, теряла свою роль социального ориентира.

Общим результатом стало почти полное разрушение всех механизмов выработки реалистической стратегии на уровне России. В обществе на время как бы исчезли генетические ориентации. На поверхности осталось лишь противоборство между равно радикальными путями преобразования общества: силовая либерально-рыночная трансформация или насильственная социалистическая реставрация.

Важным результатом развития кризиса явилось установление новой сложной социальной диспозиции, в рамках которой произошел определенный фундаменталистский откат на "советские" ценности одних групп и закрепление на универсалистских ценностях рыночной экономики и демократии, пусть преимущественно на уровне идеологем, других.

4. Реформы: отражение в социальной диспозиции

Результаты проведенных социологических исследований, включавших опрос глав администраций областей России, членов бывшего Верховного Совета, директорского корпуса и работников ряда регионов страны, позволяют судить об отношении элит и населения к социально-экономическим изменениям, происходящим в обществе, о выборе населением тех или иных моделей социального поведения, о перспективах процесса адаптации.

Анализ эмоционального состояния населения свидетельствует о том, что увеличилось, продолжая оставаться незначительным, число

уверенных в завтрашнем дне. Вместе с тем сократилось число растерянных, а также тех, кто ощущает безнадежность и безразличие.

Субъективная оценка населением своего материального положения в целом улучшилась: вдвое возросло число людей, считающих себя богатыми; больше стало и тех, кому хватает на все, кроме предметов роскоши. Вместе с тем сократилась группа респондентов, негативно оценивающих свой уровень жизни, причисляющих себя к бедным. Однако существование значительной (более четверти) группы трудящегося населения, которое уже более года ощущает себя в бедственном положении, является крайне тревожным симптомом, так как это подрывает базисные мотивационные принципы, в соответствии с которыми люди, имеющие работу, должны иметь достойные материальные условия.

Наши данные говорят об угасании политической активности как сторонников, так и противников реформ. На смену ей идет стремление либо адаптироваться к новой ситуации, либо "уйти в семью". Первые результаты исследования свидетельствуют, таким образом, о сглаживании эмоционального климата, улучшении социального самочувствия и углублении адаптационного процесса в обществе.

В то же время собранная эмпирическая информация позволяет сравнить мнения и оценки, данные населением по некоторым вопросам, с позициями элит, составить представление о складывающихся взаимоотношениях элитных и неэлитных групп и таким образом выявить потенциально наиболее острые проблемы их взаимодействия, а также "пространство" социальной поддержки нарождающихся элит.

Так, директора демонстрируют большую, чем в целом население, информированность и понимание происходящих процессов (среди них отсутствуют затруднившиеся ответить) и, возможно, в силу этого больший пессимизм: среди них вовсе нет тех, кто видит признаки социально-экономической стабилизации, наибольшая же их доля (40%) рассматривает ситуацию как катастрофическую. Важно также и то, что треть директоров видит признаки ухудшения ситуации, хотя и не связывает это с социально-политическим взрывом. Примечательно, что и две трети работников не видят признаков улучшения экономической ситуации, хотя и в меньшей степени разделяют "предчувствия" катастрофы, распространенные в директорской среде. Обращает внимание, что и депутаты, и главы администраций согласны в том, что главной причиной трудностей является непродуманность концепции реформ.

Респонденты, представляющие директоров и население, не склонны видеть причины социально-экономического кризиса ни в инерции населения, ни в сопротивлении руководства аграрно-промышленного сектора. Сепаратистские тенденции, приведшие к разрыву хозяйственных связей, также не рассматриваются респондентами в качестве тормоза на пути реформ. Ни население, ни директора не видят препятствия на пути реформ в "номенклатуре". Мафия и коррупция

представляются причинами кризиса в большей степени населению, чем директорскому корпусу, который не видит в них большой угрозы.

Основной же причиной неуспеха реформ директора, так же, как представительная и исполнительная власти, считают их изначальную непродуманность и оторванность от социально-экономических реалий. Эта же причина является первой по значимости и для населения. Данная тенденция представляется крайне знаменательной, так как она подтверждает гипотезу о начавшемся процессе рационального осмысления реальности. Именно группы, разделяющие это мнение, могут стать опорой для проведения реалистической политики, апеллирующей к собственно процессу социальной трансформации российского общества, важнейшей частью которого как раз и является социальная адаптация населения к новым условиям.

Важной стороной социальной трансформации является формирование представлений о желательной модели социально-политического устройства. В качестве альтернатив респондентам были предложены три модели социально-экономического развития, различающиеся по роли государства в управлении экономикой. Данные свидетельствуют, что либеральная модель, на которую сегодня ориентируется верхний эшелон властей, не пользуется поддержкой ни в одной из ключевых групп общества, за исключением, возможно, идеологических элит. Поддержка социал-демократической модели законодателями и главами администраций выступает компромиссом между позицией "верхов" и "низов", представляемых директорским корпусом и населением. При этом следует обратить внимание, что позиции депутатского корпуса здесь оказываются ближе к "низам", чем администрация.

Среди директоров и населения также практически нет сторонников либеральной модели развития. Выбор идет между социал-демократической и патерналистской моделью и совершается в пользу последней в обеих группах респондентов. Соотношение сторонников этих моделей в обоих случаях 1:2. При этом следует иметь в виду, что "патерналистская" модель несет в себе отголоски прежних советских представлений о роли государства в экономике. Они способны сильно корректировать нормативные представления даже тех респондентов, которые заявляют о своей приверженности рыночной экономике.

Специального анализа заслуживает позиция как элитных групп, так и населения в целом относительно программы приватизации. Здесь, как представляется, довольно отчетливо видно соотношение идеологических и рациональных элементов в отношении преобразования отечественной экономики. Примечательно, что по этому вопросу впервые выявилось расхождение между позициями депутатов, глав администрации, с одной стороны, и директоров и населения, — с другой. Бросается в глаза то, что главы администраций ясно отмежевываются от мифологемы, что приватизация является легальным разграблением народного благосостояния, демонстрируя тем самым лояльность "верхам". Учитывая их ответы на другие вопросы, здесь воз-

можно проявление демонстративного поведения. Но в целом обращает внимание, что и депутаты, и главы согласны с тем, что приватизация создаст условия для эффективной экономики.

Также видно, например, что в сознании респондентов приватизация тесно связана с некоторыми широко распространенными идеологемами. Во-первых, это идея о том, что приватизация проводится в интересах мафии и "номенклатуры". Если эту идею в 1992 г. разделяло 22% населения, то сегодня на 14,5% больше. Среди директоров такого мнения придерживаются около половины опрошенных, а среди депутатов — каждый пятый. Это свидетельствует о том, что реальный ход приватизации укрепил это мнение, не принеся ни заметного экономического эффекта, ни ощутимых выгод населению.

Во-вторых, достаточно широко распространена надежда, что приватизация увенчается разделом собственности.

В-третьих, среди респондентов всех четырех групп представлены люди, которые связывают с переменой формы собственности свои опасения относительно распада привычного образа жизни, утраты духовных ценностей.

Примечательно, что среди директоров и населения все меньше находится людей, которые озабочены тем, что, собственно, является инструментальной основой приватизации: повышением эффективности экономики и ее идеологической основой — освобождением личности.

Наконец, каждый пятый работник предприятий опасается, что процесс приватизации приведет к развалу экономики. Среди директоров таких пессимистов в четыре раза меньше.

5. Формирование новых мотиваций

Проблемы мотивации представляют для нас интерес как сами по себе, так и в качестве предпосылки на микроуровне для складывания трансформационных ориентаций.

В этом смысле доминирующий в обществе характер мотивации является сильным индикатором наличия социальных предпосылок для проведения реформ. Первой соответствующей характеристикой является изменение соотношения "идеологизация" — "рационализация".

Представленные выше данные подтверждают тезис о том, что во всех группах начинается снижение влияния идеологических стереотипов, во многом блокирующих рациональный анализ возможностей использования собственных социально-экономических и других ресурсов.

Региональные элиты, в силу необходимости, в условиях начавшегося распада государственности и хозяйственных связей начали осваивать навыки осознания государственных интересов, выстраивания с этим учетом своей политики. Естественно, что здесь еще много ограниченности, провинциализма, но этот процесс определен-

но прокладывает себе дорогу. Его существенно усилили апелляции к региональным элитам со стороны обеих конфликтующих ветвей власти.

Региональные элиты начинают формировать свой собственный образ реформ, базисной характеристикой которых является социально-политическая стабильность. Даже относительно консервативные элементы региональных элит, вкусившие самостоятельности и накопившие опыт работы в условиях формально-демократических процедур, не являются сторонниками реставрации прежнего режима.

Несколько иная ситуация среди директорского корпуса, как интегрированного в региональную элиту, так и выделяющего себя из нее. Здесь можно проследить складывание либерально-капиталистических ориентаций, сдерживаемых в большей или меньшей степени необходимостью социального мира на своих предприятиях. Достаточно много и таких, которые вместе с внеэлитными группами демонстрируют дуализм собственного социально-экономического положения, достигнутого финансового успеха, с одной стороны, и отношения к реформам, — с другой.

Главными факторами, определяющими эволюцию отношений директорского корпуса к реформам, являются, во-первых, индустриальная политика правительства (слабая эффективность поддержки процессов адаптации к рыночным условиям) и, во-вторых, перспективы сохранения фактического контроля за деятельностью предприятий, предпочтительно легитимизированного в виде владения и распоряжения соответствующей собственностью.

Директорский корпус крайне неудовлетворен экономической политикой правительства в плане участия государства в организации перехода к рынку, слабого противостояния промышленному спаду, хаотически организованной приватизацией, прежде всего "ваучеризацией". Финансовые круги выражают крайнюю озабоченность непоследовательностью правительственного курса, медленным, с их точки зрения, ходом приватизации, слабой борьбой с инфляцией. Региональные элиты озабочены саботированием процесса перераспределения финансовых и распорядительных полномочий. Центр, с их точки зрения, стремится сохранить за собой чрезмерные и нереализуемые полномочия. Наиболее острым вопросом является централизация процесса приватизации, недопущение руководителей регионов к принятию решений о судьбах федеральной собственности, расположенной на их территории.

Представляется, что полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о том, что главным результатом проводимых реформ является изменение моделей социального сознания в самых широких кругах населения. Практически под вопросом оказались многие фундаментальные ценности, казавшиеся прежде незыблемыми. Явно разрушенными оказались идеологемы социализма.

В то же время можно утверждать, что практически сохранившейся в качестве фундаментальной сверхценности остается социальная

справедливость, задающая установку по отношению ко многим явлениям социальной жизни. В этом смысле можно констатировать фундаментальную преемственность в сложившейся за ряд столетий цивилизационной опоре российского общества, получившей подкрепление в идеологемах социализма и продолжающей влиять на модели социального действия до настоящего времени.

6. Складывание трансформационных ориентаций

Результаты исследования также показывают, что в современном российском обществе складываются реальные предпосылки для интеграции социальных сил вокруг относительно небольшого числа трансформационных альтернатив. В рассмотренных выше группах элит практически отсутствуют "реставраторские" или "традиционалистские" ориентации при согласии относительно необходимости проведения реформ. Эта позиция пользуется абсолютной поддержкой и у внеэлитных групп. Из этого следует вывод о беспрепятственности запугивания угрозой "реставрации тоталитаризма".

Также можно с уверенностью сказать, что все основные группы идентифицируют свои позиции с интересами государства. Это означает, что социальная ориентация трансформационных процессов, апеллирующая к государству как к субъекту, может получить реальную поддержку, и наоборот, выдвижение в качестве субъекта определенных корпоративных групп, явно дистанцирующихся от государства, столкнется с сильным противодействием. В этой связи можно отметить, что выдвижение "гражданского общества" в качестве субъекта также еще не может получить серьезной опоры.

Серьезной проблемой становится мера идеологичности и рациональности проводимых институциональных преобразований в рамках общего реформистско-трансформационного процесса. С одной стороны, как уже отмечалось выше, большинство представителей элитных групп высказывается за ориентацию на собственный опыт и традиции, что свидетельствует об их готовности отказаться от идеологически сформированных шаблонов, а с другой — следы этих шаблонов присутствуют на уровне предпочтений отдельных институтов или конкретных мер. Из этого можно сделать вывод, что в элитных группах еще не произошла интеграция собственных позиций на основе либо рационально-генетической либо идеолого-телеологической парадигмы.

Эта неорганичность создает серьезные проблемы для формирования устойчивой социальной ориентации трансформационных процессов, порождает метания по отношению к различным элементам реформ, но она же одновременно является предпосылкой для последующей рефлексии своих социально-экономических интересов, выстраивания на этой основе более органичной позиции по отношению к тому, какая ориентация трансформации наиболее отвечает интересам, с которыми идентифицируют себя соответствующие группы.

Другим выражением данной проблемы является все более обостряющееся противоречие между нормативно сформированной системой социальных институтов, с одной стороны, и реальными социокультурными механизмами, — с другой. Легко увидеть, что критерии формирования современных рыночных экономических и демократических политических институтов имеют прежде всего идеологическую природу. Подтверждением этого является как система аргументации авторами соответствующих новаций, основанная на постоянном соотношении с нормами "современного цивилизованного общества", так и способ подготовки конкретных регламентирующих документов и структур. В результате используются наиболее радикальные "рыночные" подходы, последовательно дистанцированные от "административно-командной" системы. Это ясно видно, например, из подходов к участию государства в регулировании экономики.

Как показали проведенные исследования, реальные социокультурные механизмы не претерпели еще трансформации, необходимой для сколько-нибудь адекватного функционирования в условиях нормативно сформированных институтов.

Подобная трансформационная дисфункция открывает дорогу двум альтернативам. Во-первых, последовательное преодоление сложившегося противоречия на основе приведения институциональных структур в возможно более полное соответствие с реальными социокультурными механизмами. Во-вторых, сохранение этой дисфункции, которое будет подрывать ориентацию наиболее активных хозяйственных групп на адаптацию к новым условиям и формировать асоциальные установки в хозяйственной деятельности, поскольку неуспешными будут усилия по законопослушному ведению хозяйства.

В рамках обсуждения данной проблемы следует хотя бы в общем виде охарактеризовать проблему "возможно более полного соответствия". Здесь речь не идет о тождестве между социокультурными механизмами и институциональными рамками. Такое статичное тождество возможно лишь при традиционалистской, но отнюдь не модернизационной ориентации, которая требует динамического соответствия. При этом важно учитывать сложившиеся социокультурные механизмы наиболее продвинутых, но уже относительно массовых групп, которые смогут демонстрировать успешные образцы деятельности по новым моделям и выступать базой социальной поддержки реформируемых институтов, гарантом защиты соответствующих институтов от дисфункции.

Одновременно важно оценивать возможности адаптации большинства участвующих в функционировании субъектов. Мало реалистичен тот путь, проходя которым, не добивается успеха большинство действующих в новых условиях. Их протест в явной форме или в виде скрытой деформации функционирования, безусловно, будет подрывать реформистские усилия.

В этом смысле темп реформ реально лимитируется скоростью адаптации основной части субъектов к новым условиям. Попытки ус-

корить преобразования без ускорения адаптации приведут лишь к неорганичности функционирования и в конечном итоге к разрушению новых институтов. Соответствие между социокультурными механизмами и институциональными рамками все равно будет достигнуто, но за счет деформации этих институтов.

Аграрная реформа в постсоветской России (взгляд историка)

Политические события, связанные с борьбой за власть в современной России, захлестнули, отодвинули в тень все остальное, особенно на страницах прессы и телевидении. Все же жизнь не позволяет забыть о себе. И среди ее реальностей в числе первых нужно назвать судьбу аграрной реформы, начатой в декабре 1991 — январе 1992 г.

Многое казалось достаточно ясным, особенно когда речь шла о прошлом. Процесс деколлективизации начался всюду, где имела место коллективизация, и какие бы нарекания ни вызывали намерения и практика реформаторов, слом коллективного земледелия казался неотвратимым, а сопротивление ему — обреченным на поражение. Немало говорилось о возрождении крестьянства и как социального слоя, и как образа жизни. На это была направлена и идеологическая подготовка реформы: коллективизация была раскрестьяниванием, деколлективизация будет окрестьяниванием деревни.

Прошло немного времени, и оказалось, что все невероятно усложнилось, ясное стало весьма туманным, ожидаемый ход событий прервался и, может быть, надолго. Общество в целом вдруг осознало, что начатая полтора года тому назад аграрная реформа провалилась. Крестьяне не только не воспользовались правом выхода из колхозов и совхозов с землей и хозяйственным имуществом, но, напротив, оказали открытое сопротивление разрушению крупного общественного производства, увидев в этом полное и окончательное раскрестьянивание. Возникшие в небольшом числе частные хозяйства совсем непохожи на фермерские и не стали реальной альтернативой колхозно-совхозному производству. Однако провал аграрной реформы отнюдь не означает, что ее результаты ограничиваются малым удельным весом частных форм производства. Разрушительным оказалось ее воздействие на сельское хозяйство в целом.

Новая аграрная реформа названа демократической, однако с самого начала ее практического осуществления она приняла характер бюрократической "революции сверху", призванной в течение одной

зимы сменить социальные формы сельскохозяйственного производства в огромной стране.

Можно было бы с горечью иронизировать по поводу тяготения над российским крестьянством злого рока зимних месяцев — от декабря до марта. В самом деле, в декабре 1918 г. Всероссийский съезд земельных работников провозгласил лозунг коллективизации крестьянских хозяйств. Энтузиасты коллективного земледелия попытались претворить его в жизнь, не останавливаясь перед "некоторым революционным принуждением". Ответом были крестьянские восстания. В марте 1919 г. прозвучало ленинское требование "Не смей командовать!". Насилие было осуждено. Пришло понимание, что лишь те изменения в жизни деревни ценны и правомерны, которые осуществляются самими крестьянами в собственных интересах.

Казалось, что уроки декабря 1918 — марта 1919 г. должны оградить деревню от нажимно-административных реформ в дальнейшем. Однако прошло каких-то десять лет — и 27 декабря 1929 г. провозглашается курс на сплошную коллективизацию и раскулачивание. Практика сплошной коллективизации в январе—феврале 1930 г. вызвала такую волну протеста (вплоть до восстаний), что в марте пришлось "пробить отбой", свалив всю вину за "перегибы" на местных чиновников. Правда, с января 1931 г. насильственная коллективизация вновь становится официальной политикой, осуществляемой как "революция сверху" уже до полного завершения.

Новая — антиколхозная — аграрная реформа также началась со взрыва бюрократического экстремизма, вновь предпринимающего одну за другой "зимние атаки" на мужика. 27 декабря 1991 г. появился президентский указ "О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР", которым предписывалось колхозам и совхозам до 1 марта 1992 г. принять решения о замене общественной собственности на землю на частную в любой ее форме — индивидуальной, кооперированной или акционерной... Волна крестьянских протестов (к счастью, не поднявшаяся до уровня восстаний) и на этот раз заставила пересмотреть отведенные сроки и даже разрешить (!) колхозам и совхозам сохранить по воле трудовых коллективов свой правовой статус до следующей зимы. Как видим, за случайным совпадением дат кроется нечто совсем не случайное.

Зима 1992—1993 гг. должна была стать решающим этапом аграрной реформы. 13 января 1993 г. газета "Известия" опубликовала короткую статью с длинным, но очень выразительным заголовком — "Последний месяц, когда крестьянин еще может сделать выбор: стать хозяином земли или отказаться от этого права". Статья объявляла начало новой зимней атаки на крестьянина. В ней напоминалось, что срок для "переоформления документов на землю" закончился в ноябре 1992 г., что продленный Верховным Советом срок истекает 1 февраля 1993 г. и, следовательно, у крестьянина "остаются считанные дни". Гамлетовский вопрос "быть или не быть" поставлен перед крестьянином с предельной остротой. Колхозные и совхозные коллективы,

отказавшиеся "принять от государства землю в собственность" и на этом прекратить свое существование, пожинают "последствия такого решения" — три удара и "еще один парадокс". "Первый и наиболее сильный удар — по пенсионерам" — они "навсегда лишаются права на земельную собственность", а могли бы стать "владельцами солидного капитала"; "второй удар — по работникам социальной сферы села" (учителям, врачам и др.), чей "отказ от раздела земли" означает потерю права "стать владельцами земельного капитала"; наконец, "третий удар — по самим работникам колхозов и совхозов", которые без "перерегистрации своего статуса" и выделения земельно-имущественных паев теряют все, ибо, "если пая нет, то его ни наследовать, ни арендовать, ни продать, естественно, нельзя". "Парадокс" же, оказывается, состоял в предупреждении: "Не придется ли в скором времени тем, кто отказывается ныне от собственности, выкупать ее у государства?" Парадоксальной глупостью колхозников объявлялось их непонимание главного смысла реформы: сохраняя "свой прежний статус, [они] обрекают себя на положение наемных работников". (Словно "земельный капитал" навязывается пенсионерам, учителям, врачам, работникам колхозов и совхозов не для того, чтобы они быстро его утратили и превратились в наемных работников, безработных, нищих и т.п.!) Статья завершалась грозным предостережением: "Идет последний месяц реорганизации. Еще не поздно одуматься (!!!) тем, кто принял ошибочное решение".

Открытое давление на работников сельского хозяйства, прямая угроза беспощадного обезземеливания тех, кто еще не "одумался", само по себе обнаруживало сущность развертывающейся в постсоветском обществе земельной реформы, подчиненной задачам первоначального капиталистического накопления и проводимой средствами традиционного бюрократического радикализма.

Оригинальной, пожалуй, является лишь перемена оценки роли местных руководящих работников: на этот раз их обвиняют не в "перегибах" правильной политики, а в организации "сопротивления" ее осуществлению.

Публицистическая атака на колхозно-совхозное руководство началась еще в 1989—1990 гг., когда их окрестили "новыми помещиками", всеми силами сопротивляющимися выходу крестьян "на свободу". Ниже мы еще остановимся на вопросе о действительной роли управленческого слоя деревни в современной аграрной реформе. Здесь же отметим, что поведение колхозно-совхозного руководства предопределялось их положением в административно-командной системе государственного управления. Колхозы, не говоря уже о совхозах, с самого начала 30-х годов не были самоуправляющимися, подлинно демократическими, хозрасчетными организациями, поскольку над ними всегда довлели государственные задания (как бы их ни называли: поставки или заказ) в сбыте продукции, "диктатура" промышленности в снабжении средствами производства и т.п., вплоть до указаний сверху "что, сколько и когда" сеять и убирать. Председатели

колхозов и директора совхозов были прежде всего государственными чиновниками, выполняющими государственные предписания. Однако среди них и тогда было немало людей, кровно связанных с деревней, осуществлявших и защищавших (насколько это было возможно) ее интересы. Не случайно, конечно, что с началом деколлективизации слой колхозно-совхозных руководителей стал быстро расслаиваться на "прихваторов", использующих служебное положение в корыстных целях, и тех, кто пытается спасти сельское хозяйство от полного развала.

Особого внимания заслуживают раздраженные инвективы по поводу инертности и консерватизма деревенских масс, противящихся новому, прогрессивному. Сердитый отклик "Одумайтесь!" лишь один из многих. Здесь мы сталкиваемся прежде всего с нежеланием понять состояние, интересы и возможности реформируемой социальной среды.

Неблагоприятные социально-демографические сдвиги, связанные с десятилетиями грубого подчинения сельского хозяйства интересам промышленности, привели к чрезмерной и уродливой урбанизации, к запустению и исчезновению сотен и тысяч деревень, к нарушению нормальной поло-возрастной структуры оставшегося сельского населения, прежде всего к его резкому постарению. Поэтому для всего Нечерноземья и многих других районов России одним из условий успеха аграрной реформы, направленной на возрождение и подъем сельского хозяйства, становится содействие обратной миграции из города в деревню той части населения, которая не утратила интереса к сельскохозяйственному труду и проявляет готовность возвратиться к нему.

Результаты первых социологических исследований хода аграрной реформы показали, что почти 2/3 первых индивидуальных хозяйств были созданы горожанами, однако среди них оказалось очень мало "идеалистов-возрожденцев", решивших вернуться к сельскохозяйственному труду и сельскому образу жизни. Основная их масса представлена "фермерами-коммерсантами" и "фермерами-предпринимателями". Для первых собственное сельское хозяйство — "лишь форма обретения высоких доходов за счет посреднической и другой неаграрной деятельности". Сельскохозяйственная деятельность вторых целиком ориентирована на наемный труд и чаще всего не связана с переездом на жительство в село. Обе эти группы отличаются быстрым обрастанием привилегиями, тесными связями с местной администрацией, нечистоплотными доходами, хищническим отношением к земле и т.п. Все это приводит, как правило, к острому конфликту их с местным населением*.

Судьбу аграрной реформы решают собственно сельские жители, прежде всего работающие в колхозах и совхозах. Именно их настроения и поведение решают судьбу аграрной реформы. На их плечи пали все трудности и неурядицы в развитии советского сельского хо-

* *Староверов В.И.* Современное российское крестьянство и фермерство. — В кн.: Крестьянское хозяйство: история и современность. Вологда, 1992. Ч. 1. С. 169—175.

зайства, все беды и проблемы деревни. Прежде всего их нужно понять.

За 60 лет абсолютного господства крупного колхозно-совхозного производства сменилось 2—3 поколения его работников. "Универсальный" крестьянин, осуществлявший своими руками весь производственный процесс и несущий ответственность за конечный результат хозяйственной деятельности в целом, успел превратиться в "частичного рабочего" крупного производства, который выполняет лишь те или иные виды работ. Знание этого производственного процесса на профессиональном уровне стало функцией образованных специалистов (агрономов и др.). Поэтому не следует объяснять пассивное отношение деревни к созданию хозяйств фермерского типа нежеланием по-настоящему трудиться или боязнью раскулачивания. Главное здесь — незнание на профессиональном уровне производственного процесса в целом и неспособность силами современной семьи (измельчавшей и усеченной) выполнить весь цикл необходимых работ. Конечно, есть и в современной деревне "мастера на все руки", которые уже сейчас могут вести хозяйство собственными силами. Но мы говорим об основной массе работников.

Неизмеримо более активный интерес к организации частных форм хозяйства в деревне проявили специалисты и руководящие работники колхозов и совхозов. Им и принадлежит главная роль в приватизации сельскохозяйственного производства. Два качества объясняют их роль: во-первых, относительно высокая профессиональная подготовка, наличие чаще всего сельскохозяйственного образования, знание общей экономической и производственной ситуации не только в колхозе и совхозе, но и в районе, области и т.д.; во-вторых, личная включенность в систему административно-хозяйственных связей, наличие личных контактов с работниками кредитных, снабженческих, ремонтных и других подобных организаций и учреждений. Ни теми, ни другими качествами не обладают рядовые колхозники и рабочие совхозов. В руках специалистов и руководящих работников оказалось 4/5 кредитов, выделенных в 1992 г. на организацию фермерских хозяйств.

Принципиально различны возможности незаконного присвоения земель и имущества у рядовых работников и у бюрократии. Журналистское расследование тамбовского скандала обнаружило, что весной 1992 г. областная администрация на уровне представителя российского президента и его ближайшего окружения, а вслед за ними и районные власти незаконно выделили и присвоили (оформив соответствующие постановления и акты) плодороднейшие участки из колхозных земель и принудили колхозы обрабатывать эти участки, а полученный с них доход перечислять на счета новых "фермеров" (речь идет о сотнях тысяч и миллионах рублей)*.

Нет никаких оснований полагать, что речь идет о "частном случае". Напротив, "случай" выплеснул на страницы газет сведения о

* *Кожсемяко В.* Номенклатурные фермеры // Правда. 1992. 26 декабря.

типичном поведении чиновников времен первоначального капиталистического накопления. Эта особенность современной аграрной реформы обнаружилась сразу же после президентского указа от 27 декабря 1991 г. Пресса негодовала по тому поводу, что в пригородах Оренбурга за несколько недель чиновники ликвидировали работавшие совхозы, поделив их земли на дачные и "фермерские" участки. В 1993 г. даже газета "Известия" оказалась вынужденной осуждающе высказаться о чрезмерных масштабах "перелива власти в собственность", когда некий районный администратор в Нижегородской области выступает как "разрушитель не только колхозов, но общественной морали", отождествляя своей деятельностью "рынок с беззаконием и безнравственностью"... Нижегородский губернатор Б.Немцов — прославленный в прессе реформатор — взял этого деятеля под защиту — ибо он "развивает фермерство... Конечно, участие в фермерских делах его родственников создает некоторую напряженность, хотя формально нарушений нет. Есть жизнь и есть законы. Для людей, оказывается (?!), нравственные принципы иногда более значимы, чем законы. Но... я не могу руководствоваться чисто нравственными соображениями. Не могу, и все". Фигуры этих администраторов стали типичными для современной России, и праворадикальная газета покритиковала их лишь постольку, поскольку на референдуме в апреле 1993 г. население управляемого таким образом района решительно высказалось против Ельцина и ельцинских реформ*.

Первые же шаги аграрной реформы показали ее использование аппаратом управления в собственных интересах. Аппарат с успехом реализует свою монополию на управление экономикой и на систему общественных связей в целом — ту монополию, которая была основой командно-административной системы и которая сохраняется ныне.

Из сказанного следует, что аграрная реформа, призванная создать условия для подъема сельскохозяйственного производства на основе свободного и эффективного труда, должна начинаться с предоставления *подлинного самоуправления* трудовым коллективам работников колхозов и совхозов и *подлинной свободы выбора* хозяйственных форм (без угрозы обезземеливания, если не поторопятся "одуматься"!)). До тех пор, пока труженики сельского хозяйства не вступят *в свои права* (признаваемые и советским правом) и не станут *сами решать*, что, как и когда делать, до тех пор реформа будет проводиться в порядке "революции сверху", а в ее осуществлении решающая роль будет принадлежать аппарату управления с его корыстным интересом и пристрастием к команде и нажиму.

Вопросы аграрной реформы, ее задач и способов проведения активно обсуждались и в широкой прессе, и в научных учреждениях, и в специальных комиссиях на протяжении 1990—1991 гг. При этом с достаточной убедительностью говорилось об отсутствии современной техники для индивидуально-семейных форм сельского хозяйства фермерского типа, об отсутствии необходимой инфраструктуры, осо-

* Максимова Э. Кость, которую хватает сильнейший // Известия. 1993. 7 августа.

бенно в Нечерноземной полосе России, где пустующие земли могли бы послужить основой для развертывания новых форм производства, о необходимости многообразия хозяйственных форм, создаваемых реформой в соответствии с местными условиями и волею тружеников деревни, о поэтапной перестройке отношений между государством и колхозно-совхозным производством как основе для включения последнего в рыночную экономику и последующую органическую, спонтанную, самостоятельную трансформацию. Наконец, хотя речь шла о будущей реформе, начался практический поиск новых форм сельскохозяйственного производства, в большей мере отвечающих требованиям рынка, прежде всего личной заинтересованности работников в результатах труда. Причем этот поиск охватывал как организацию труда внутри колхозов и совхозов, так и создание индивидуально-семейных хозяйств фермерского типа. Весьма перспективными были, например, проекты развития фермерских хозяйств с участием добросовестных зарубежных организаций — французских, голландских, американских и др. Некоторые из этих проектов уже начинали практически осуществляться.

Во всяком случае, как у сталинского руководства при проведении "сплошной коллективизации" не было права оправдываться ссылками на "новизну" хозяйственных форм, на "неизведанность путей", на "сопротивление классового врага" (= консервативных сил), так и у руководства постсоветской аграрной реформы нет никаких оснований для подобных оправданий. На самом же деле в обоих случаях с *самого начала все было известно*.

Правда, нельзя забывать, что уже в 1990—1991 гг. и в прессе, и на разных обсуждениях стала быстро нарастать демагогическая пропаганда "обвальной", т.е. катастрофической, перестройки сельского хозяйства на частнособственнической основе. Не была исключением и Комиссия по вопросам аграрной реформы, формальным руководителем которой считался М.С.Горбачев (фактическим был М.С.Строев). На единственной встрече с членами Комиссии, среди которых был и автор этих строк, Горбачев поделился лишь сожалением: нет у него такого орудия аграрной реформы, какими обладал Столыпин, — землеустроительных комиссий... Идеализированный, раскрашенный в светлые тона образ Столыпина витал и продолжает витать над аграрной реформой Горбачева — Ельцина, не предвещаая ей ничего хорошего.

Все же тогда говорилось и о реальном опыте истории, с достаточной убедительностью показывающем, что попытки форсированного проведения сверху аграрной реформы с неизбежностью приведут к результатам, сопоставимым с результатами "сплошной коллективизации". (Теперь многие говорят, что к еще худшим!) Столыпин, как известно, просил у истории для осуществления аграрной реформы 20 лет, а ведь он не останавливался перед силовыми приемами. К тому же столыпинская реформа вовсе не предполагала всеобщую унификацию форм сельскохозяйственного производства в масштабах огромной страны, отличающейся крайним разнообразием

природных, экономических и социокультурных условий. Правовые порядки отнюдь не демократической России не исключали возможность создания таких форм хозяйства и землепользования, которые реформой вовсе не предусматривались, например коллективных.

Столыпинская аграрная реформа — и это общепризнанно — была призвана произвести расчистку крестьянских земель от "слабых" в пользу "сильных" и ускорить таким образом капиталистическую перестройку сельского хозяйства России. Беднейшие слои сельского населения обрекались на массовое разорение, на безработицу и бездомность. Этот социальный результат реформы выявился очень скоро и стал предметом внимания и заботы не только социалистов.

В начале сентября 1913 г. в Киеве состоялся I Всероссийский сельскохозяйственный съезд, собравший агрономов, ученых-экономистов, земских деятелей, правительственных чиновников, предпринимателей и др. Программа съезда охватывала основные проблемы аграрного развития России, и тем не менее в ней нашлось место, причем в числе первоочередных, для доклада А.Н.Минина "Агрономия и землеустройство в их отношении к деревенской бедноте". Больше того, съезд принял по этому докладу решение, с которым полезно познакомить современников постсоветской реформы. Подчеркивая, что задачей агрономии является "обслуживание всех слоев земледельческого населения", съезд признавал сосредоточение ее сил на обслуживании "по преимуществу относительно обеспеченных земель слоев населения", поскольку они "являются наиболее способными к сельскохозяйственному прогрессу". Тем не менее съезд обращал внимание на необходимость решения проблем, возникших перед беднейшими слоями деревни: "Группы мельчайших хозяйств включают в себя главную по численности часть сельскохозяйственного населения... создание устойчивости в материальном положении этих групп составляет вопрос первой государственной важности, развитие же обрабатывающей промышленности не дает надежды на безболезненное поглощение обезземеливающегося населения". Поэтому съезд считал "настоятельно необходимым принятие ряда мер широкого социально-государственного характера, направленных к приданию хозяйственной устойчивости названным группам хозяйств". В качестве главнейших мер назывались расширение и упорядочение земельного обеспечения, организация широкого кредита, "специально приспособленное" к нуждам бедняцких хозяйств агрономическое обслуживание. Постановление Всероссийского сельскохозяйственного съезда заканчивалось следующим обращением к агрономическим и землеустроительным органам, к правительству: "Одно из первых мест должна занять организация товариществ для совместного использования земли как собственной, так и особенно арендной, путем коллективной обработки ее. Роль землеустройства в отношении этих товариществ должна заключаться в выделении при разверстывании земель маломерных участков к одному месту и возможно ближе к селениям, на что Съезд обращает внимание правительств-

ва. Роль же агрономии будет состоять в самой широкой пропаганде самой идеи товариществ и в проведении ее в жизнь"*.

Как актуально звучит призыв в наши дни (не только, конечно, в "колхозной" части) — не забывать о судьбе тех, кого аграрная реформа выбрасывает из жизни! ("Сплошная фермеризация" выбросит из современного сельского хозяйства очень большую часть занятого в нем населения и тем самым возвратит деревню к социальным проблемам начала XX в.)

Главным фактором провала современной аграрной реформы в России явилась сама политика реформаторов — бездумная, деструктивная. Открыто враждебное отношение к действующим формам сельскохозяйственного производства, требование их ускоренной ликвидации находили выражение в ограничении кредитов и материально-технического снабжения, усилении налогообложения, бесчисленных практических помехах, растаскивании земель и имущества... Это были удары не просто по колхозам и совхозам, а по сельскому хозяйству в целом, по населению страны, по самой реформе. Но и фермерские хозяйства — позитивная программа реформы — не нашли реальной поддержки у государства — ни материально-технической, ни организационной, ни агрономической. Если не говорить о "номенклатурных фермерах", которые умеют позаботиться о себе сами за чужой счет, то большая часть крестьян, пытающихся создать индивидуально-семейное хозяйство, оказалась брошенной на произвол судьбы и чувствуют себя на грани финансового краха. Выходцы из колхозов "держатся на плаву" благодаря производственным связям с ними, а подчас возвращаются в их состав. В условиях "всеобщей фермеризации" прекратились даже начатые перед этим опыты по созданию фермерских хозяйств с участием иностранных организаций**. Для реформаторов новые формы производства в сельском хозяйстве оказались глубоко безразличными***.

Приведем сведения и о перерегистрации старых форм производства. Из неполных 26 тыс. колхозов и совхозов около 2 тыс. до сих пор этого не сделали, 8 тыс. сохранили прежний статус (вместе они составляют около 40 %), 11 тыс. (около 43 %) объявили себя товариществами с ограниченной ответственностью, что считается лишь формальным переименованием, 2,3 тыс. (около 9%) стали сельскохозяйствен-

* Труды 1-го Всероссийского сельскохозяйственного съезда в Киеве 1—10 сентября 1913 г. Постановление съезда. Киев, 1913. Вып. 1. С. 4—5.

** См.: Коновалов В. Эксперимент показал: мы живем не в Голландии // Известия. 1993. 21 августа.

*** Мы сознательно отказались от использования в докладе каких-либо количественных показателей "перестройки" сельского хозяйства — настолько они неполны, условны, недостоверны. Статистические публикации отсутствуют. По разрозненным же соображениям прессы можно было бы привести следующие данные на осень 1993 г.: общее число индивидуальных хозяйств, называемых фермерскими, на территории Российской Федерации превысило 260 тыс., их земельная площадь — 11 млн. га, посевная — около 6 млн га. Средний размер такого хозяйства составляет 42 га всех земель, 22 га посева. Их удельный вес в производстве определяется разными величинами — 2%, 3% и более, но реальнее самые малые из этих величин.

ными кооперативами и акционерными обществами, которые представляют собой переходные формы. Лишь 972 колхоза и совхоза (меньше 4%) превратились в ассоциации фермерских хозяйств.

Однако судьба аграрной реформы лишь частный случай в отношении нынешнего руководства ко всему, что происходит в стране (кроме, разумеется, власти). "Обвальная" экономическая реформа, проводимая по рецептам "чикагской школы", означала катастрофический распад всех отраслей народного хозяйства, но тяжелее всего она ударила именно по сельскому хозяйству.

Освобождение цен на товары и услуги не только не устранило, но еще больше усилило неэквивалентность обмена между городом и деревней, поскольку государство продолжает назначать цены на сельскохозяйственную продукцию. Оглашенные Аграрным союзом России данные потрясают: за 1992—1993 гг. закупочные цены на мясо возросли в 45 раз, на молоко — в 63 раза... но на бензин — в 324 раза, на трактор К-700 — в 828 раз, на трактор Т-4 — в 1344 раза... Исторические оковы на сельском хозяйстве России не только не сняты, но неизмеримо потяжелели. Есть, конечно, и обратный результат: с осени 1993 г. стали останавливаться тракторные заводы и заводы сельскохозяйственного машиностроения. Под вопрос поставлены сельскохозяйственные работы будущего года. (Сокращавшееся за последние годы снабжение деревни новой техникой уже привело к тому, что, например, в составе используемых комбайнов 2/3 отработали по 7 и более лет.)

Не менее разрушительной для российского сельского хозяйства во всех его формах оказалась неоплата государством сданной ему сельскохозяйственной продукции. На 10 декабря 1993 г. долг государства крестьянам составил 1 триллион 800 миллиардов рублей*. Этих средств было бы достаточно, чтобы сохранить уровень производства, имевшийся на 1990—1991 гг., не допустить снижения оплаты труда в 2—3 раза, по сравнению с другими отраслями народного хозяйства и т.п.

Все формы сельского хозяйства стали убыточными. Начался катастрофический спад производства. По сравнению с 1990 г., в России ныне производится 40% зерна, 45% растительного масла, 50% мясопродуктов, 53% молокопродуктов...** Особенно резкое сокращение наблюдается в животноводстве: поголовье скота и его продуктивность упали до уровня 60-х — начала 70-х годов. На глазах беспомощных работников гибнут птицефабрики и животноводческие комплексы, строившиеся в 60—80-х годах. Дальнейший спад в растениеводстве рядом экспертов связывается с появлением нового фактора — с возникшим недостатком посевного материала. Многие хозяйства остались вообще без семян (1 110 из бывших колхозов и совхозов) или заготовили их в пределах 60% потребности (2 100)***.

Все это происходит в относительно благополучные в природном отношении годы, без стихийных бедствий и войны! Перед обществом

* См.: В Минсельхозе подготовлен доклад об очередной катастрофе в сельском хозяйстве // Новая ежедневная газета. 1993. 22 декабря.

** Финансовые известия. 1993. 20—26 августа.

*** Новая ежедневная газета. 1993. 22 декабря.

возникла *проблема выживания*, когда никакие реформы уже невозможны.

Иногда можно слышать, что положительным результатом аграрной реформы является рост мелкого индивидуального производства (личные подсобные хозяйства колхозников и работников совхозов, садово-огородные участки горожан и проч.), ставшего заметным источником снабжения населения картофелем и овощами. По данным за 1993 г., индивидуальный сектор в целом имеет примерно 20% пашни, производит до 80% картофеля, до 55% овощей, до 36% мяса, до 31% молока. В действительности распространение мелкого индивидуального производства на деле является результатом — и свидетельством! — разрушения крупного товарного производства и общего кризиса в сельском хозяйстве, откатывания его назад — к семейно-потребительскому уровню. Нет ничего хорошего для развития общества в том, что каждый его член должен выращивать для себя и своей семьи картофель, овощи... Аграрная реформа призвана обеспечить не возвращение к мелкому и мельчайшему натурально-потребительскому производству, а движение вперед — к современным формам крупного производства, способным к динамичному развитию в постоянно меняющихся производственно-технических условиях конца XX — начала XXI в.

Свидетельством провала не только первоначального замысла аграрной реформы, но и самой ее сущности является указ от 27 октября 1993 г. "О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России". Об этом говорит прежде всего признание "...многообразия форм собственности на землю, равноправного развития различных форм хозяйствования, самостоятельности сельских товаропроизводителей и усиления государственной поддержки агропромышленного комплекса". Об этом говорит и согласие с тем, что выделение земельных участков в натуре должно проводиться "с учетом требований рационального и компактного землепользования..." Можно было бы воскликнуть: "Наконец-то, реформа обретает "человеческое лицо!" Наконец-то, работники сельского хозяйства становятся творцами новых форм жизни!..." Однако в деревне указ не вызвал доверия, ибо скроен он по модели "троянского коня", ибо его сердцевина, его сверхзадача состоит именно в разрушении объявленных равноправными различных форм хозяйства. Указ объявляет: "Каждому члену коллектива... которому земля принадлежит на праве общей собственности... выдается свидетельство на право собственности на землю... с указанием площади земельной доли..." Этим свидетельством член коллектива может воспользоваться в любой момент "без согласия других собственников" для ведения индивидуального хозяйства, "сдачи в залог и аренду", обмена, получения "стоимостного выражения" (продажи?) и многого другого. На всех языках мира меры такого рода называются развязыванием "низменных страстей", а в нашем случае — еще и форсированием разрушения сельскохозяйственного производства.

Реформа в сфере сельского хозяйства необходима, однако речь должна идти о всеобъемлющей реформе аграрных отношений в стране, требующей огромной созидательной работы на протяжении достаточно продолжительного времени. Целеустремленная и опирающаяся на широкую поддержку со стороны государства (не только кредиты, но и обеспечение производства современной техникой, строительство инфраструктуры и т.п.) реформа даст положительный результат лишь при условии полной свободы выбора форм хозяйства (семейно-индивидуальных, мелкогрупповых, крупных коллективных и др.). Быстрых успехов не будет, поскольку потребуются годы только на восстановление потерь 1991—1993 гг.

Конечно, нельзя исключить и наихудший из возможных вариантов развития: установление режима диктатуры и радикализацию провалившихся реформ, в том числе аграрной, с помощью насильственных мер... Результатами этого будет резкое усиление социальных потрясений, полный распад сельскохозяйственного производства и моровой голод, от которого не спасут Россию ни фермеры штата Айова, ни ковбои Middle West'a.

*В.В.Радаев,
кандидат экономических наук,
Институт экономики РАН, Интерцентр*

Революция разночинцев

Мое первое, исходное утверждение звучит следующим образом: "Любые перестройки, радикальные реформы и революции в России, по крайней мере, нынешнего столетия, были и остаются, по преимуществу, делом разночинной интеллигенции". Это относилось к перевороту, начатому в 1917 г. и завершённому в середине 1930-х, относится и к перевороту середины 1980-х, еще пока незавершённому. И в том, и в другом случаях мы имеем дело с "революцией разночинцев".

О "разночинной интеллигенции" я говорю не в философском, а в социологическом смысле, рассматривая разночинцев как совокупность социальных групп — выходцев из разных социальных слоев, получивших специальное образование (в наше время, разумеется, речь идет о высшем образовании) и лишенных одновременно сколь-либо высоких властных позиций.

Как можно охарактеризовать положение основной массы разночинцев в социальной структуре российского общества? Какие общие черты несут они в себе на рубежах двадцатого и двадцать первого столетий? Разночинцы, чаще всего, заняты формально квалифицированным, но, по сути, рутинным трудом. Это в массе своей специалисты-полуобразованцы, не чуждые некоторым запад-

ным идеям (неважно, марксистским, либеральным или демократическим), усваиваемым довольно поверхностно и догматически (на это указывал еще Н.Бердяев). Это группы, имеющие относительно низкий материальный и социальный статусы, но обладающие при этом достаточно высокими aspirations. В результате постоянно обманываемых ожиданий проблемы декомпозиции (расхождения) статусов и самооценок стоят у них, как ни у кого более, остро.

К чему стремится разночинная интеллигенция? Наиболее активная ее часть мечтает о политической власти. Основная же масса внешне держится скромнее, но страстно желает вырваться — повысить свой материальный и социальный статус. И наконец, ничто так не влечет разночинцев как свобода. Причем, скорее не "свобода для", а "свобода от": от административно-бюрократической опеки, от цензуры и идеологического контроля в целом, от прикрепленности к месту работы и жительства. И еще: разночинцев обуревают зависть — зависть к элите, к тем, кто обладает положением, властью, богатством. Но при этом они, как правило, не выучены нести за свои действия сколь-либо серьезную ответственность. Подобные качества и делают разночинцев передовым революционным отрядом.

Я ни в коей мере не хочу сказать, что названные катаклизмы не затрагивали положение и интересы прочих социальных слоев. Речь идет о другом: именно разночинная интеллигенция, среди всех прочих массовых социальных сил, была главным источником социального давления. Ее интерес был основным инициирующим интересом. И сдвиги в обновляемой социальной структуре затрагивали ее в самую первую очередь.

Рабочая же и крестьянская массы, равно как и возрастающая армия низших клерков, раскачиваются группами радикально настроенных разночинцев и используются ими как таранное орудие. Если же раскачать не удастся, массы превращаются в объект демагогических отсылок типа: "Народ нищает!", "Народ не поймет!" Социальное и экономическое положение масс в результате всех последующих перемен изменяется не слишком сильно.

Возможность для прорыва на новые рубежи открывается самим процессом одряхления старой элиты, ее возрастающей алчностью и мягкотелостью. Подготовка прорыва начинается с впрыскивания новой радикальной идеологии, которая сегодня поможет оправдать выдвигаемые требования, а завтра поспособствует утверждению новой элиты, легитимации новой власти. А сигналом к штурму становится слабость, являемая старой правящей элитой в половинчатых реформах и неудачных войнах, будь то проигранная японская война начала века или проваленная афганская война конца столетия. В результате происходит по крайней мере частичная смена элит. (Понятие элиты в данном случае я буду употреблять в чисто позиционном смысле, понимая под нею группы, занимающие высшие должностные посты, и не рассуждая, являются ли эти группы элитой с социокультурной точки зрения.)

Серьезный переворот, разумеется, не сводится к штурму Зимнего дворца или к отстаиванию Белого дома. Это процесс, длящийся, как правило, не менее десятилетия. Принципиально важно, что в ходе этого процесса новая позиционная элита приходит не одной, но двумя волнами. И есть несколько простых, классических моделей, каждую из которых, со своими условностями и натяжками, можно использовать при интерпретации наблюдаемых сдвигов.

Первая волна выносит на властные позиции группы новых лидеров. Многих из них Никколо Макиавелли мог бы назвать "львами", Макс Вебер — "харизматиками", Лев Гумилев — "пассионариями" (по крайней мере, они активно претендуют на эти роли). Это люди, обладающие достаточно яркими личными качествами, являющиеся носителями неких идей (пусть даже "завиральных" и чуждых российской почве), склонные к радикализму, часто вполне самоотверженные, совершающие в силу этого множество неизбежных и дискредитирующих их впоследствии политических ошибок.

При наступлении первой волны новой элиты начинает казаться, что и для основной массы разночинных спецов наступают лучшие времена. На время снимаются цензура и бюрократический контроль, никакой ответственности за выдаваемую продукцию (говори и делай, что хочешь). Кажется, что появляются возможности для социального продвижения. Недоученный семинарист начинает командовать фронтом, молодой научный сотрудник усаживается в кресло министра, малоизвестный дотоле экономист завоевывает пером миллионную аудиторию — возникает иллюзия сказочного, но вполне возможного взлета. И действительно, одни попадают в частично обновляемые управленческие аппараты, красуются на телеэкране в очереди к микрофону; другие могут уехать за рубеж — подучиться, подработать, пожить; третьи — пойти в независимые предприниматели.

О предпринимателях скажу особо, ибо для меня и моих коллег это предмет специального интереса. Из кого состояли первые волны новых мелких и средних предпринимателей в России 1980-х годов? По данным одного из наших опросов, не менее восьми из десяти — это люди с высшим образованием и, вдобавок, каждый восьмой еще имеет ученую степень. При этом наши предприниматели — выходцы буквально из всех социальных типов семей (от рабочих до руководителей), т.е. типичные разночинцы. Можно порадоваться, какие у нас образованные предприниматели, а можно посмотреть на это дело с другой точки зрения. И тогда окажется, что вопрос о новом предпринимательстве на этапе его становления сразу встал как одна из оборотных сторон вопроса о судьбах нашей разночинной интеллигенции.

Почему эти люди уходят в предприниматели? Проведенный нами типологический анализ мотивов показывает, что потребности профессионального роста, профессиональной самореализации остаются на втором плане. Основная же притягательная сила сосредоточена в двух типах потребностей: в стремлении к выживанию (разумеется, не в физиологическом, а в социальном смысле), и к социальному

самоутверждению, повышению своего социального статуса. Можно заключить, что для множества новых предпринимателей (вчерашних разночинцев) это, во-первых, выход в другую роль и, во-вторых, выход, судя по всему, вынужденный. Это, по сути, способ сброса накопившейся-"излишней" социальной энергии.

Но вернемся к основной разночинной массе. Когда первая волна энтузиазма откатывается назад, выясняется, что в положении большинства разночинцев не произошло особо серьезных изменений, а для многих это положение даже и ухудшилось. Те, кто остался в бюджетном секторе, имеют мизерные доходы, съедаемые инфляцией. Они и сегодня невыездные и привязаны к месту, хотя уже не идеологическими, а финансовыми причинами. Те же, кто ушел в новые предприниматели, долавливаются налогами и чиновничьим произволом. Приватизация идет мимо. Ваучеры, разумеется, не более чем насмешка. В итоге основная масса разночинцев оказывается "не у дел". А ситуация, между тем, в корне изменилась. Пассионарная энергия уже сброшена, пар выпущен.

В это самое время и приходит вторая волна перемен. Кто-то, более эмоциональный, назовет ее Термидором, кто-то, более пессимистичный, скажет, что наступает Реставрация. Но это не Реставрация в собственном смысле слова. Просто места "львов" занимают "лисы", харизматиков — бюрократы, неформальных лидеров — профессионалы аппаратной работы. На места специалистов-выскачков приходят прирожденные чиновники. Я не собираюсь обсуждать достоинства и недостатки идей Е.Гайдара, но символически совершающуюся в наши дни перемену можно представить так: Гайдара-Идею замещает Черномырдин-Порядок. С известными натяжками можно сказать, что на места пассионариев приходят субпассионарии, или люди массы. Первые "горят" поодиночке. Вторые — более прагматичны, приземленны, дают инерционной массой.

Неожиданное для всех повышение акций В.Жириновского, пытающегося разыграть из себя нового вождя-харизматика, казалось бы, идет в разрез с рисуемой нами линией. Но Жириновский как раз и есть "гений второй волны", ее знамение.

Вторая волна может приходиться без всяких революционных взрывов, но последствия ее не менее важны. Изменения в структурах власти происходят здесь путем постепенного выдавливания одних групп другими — с помощью ли аппаратных игр или посредством демократических выборов. Заметим, что сталинский "великий перелом" ведь не был ни революцией, ни контрреволюцией. При всем варварстве применяемых методов, он произошел достаточно спокойно (точнее, тихо) и постепенно.

В настоящее время происходит, таким образом, рутинизация реформаторских процессов. В чем разительное отличие двух путей — августа 1991 г. и октября 1993 г.? В первом основном действующим лицом были энтузиасты. Во втором действии разыгрывалось профессионалами (с одной стороны, армия, с другой — набравшиеся

опыта в гражданских войнах боевики). Без энтузиастов тоже дело не обошлось. Но ход событий определялся уже не ими.

Первый путч обошелся малой (и, в общем, случайной) кровью. Во втором кровь полилась рекой. Зачем понадобилась кровь? Чтобы подогреть, возбудить уходящее, ослабевающее социальное напряжение. И все равно не сработало. Даже в Москве. А в других городах и вовсе никто не шелохнулся. И хотя события 1993 г. по характеру намного более серьезны, многих из нас, признаемся, бутафория августа 1991 г. взволновала больше. Что-то изменилось. И в настоящий момент развернуть серьезные конфронтационные действия, начать новую "революцию" слева или справа могут только профессионалы. Хочется надеяться, что у революционеров немного шансов на успех.

Итак, мы в объятиях второй реформационной волны. И мой заключительный вывод содержит попытку ответа на вопрос, вынесенный в название нашего симпозиума: "Так куда же все-таки идет Россия?" Мое заключение может показаться странным на фоне многократных заявлений о кризисах, катастрофах, надвигающейся угрозе фашизма и т.д. Оно выглядит так: "Россию ожидает социальная стабилизация — стабилизация через частичные антиреформы". Я не намерен говорить о том, хорошо это или плохо. Просто идет восстановление несколько нарушенного равновесия. Данный вывод о стабилизации через частичные антиреформы лежит для меня по ту сторону оптимизма и пессимизма.

*Н.Е.Тихонова,
кандидат философских наук,
Российский независимый институт социальных
и национальных проблем*

Зависимость взглядов и поведения от ценностных ориентаций

В связи с ограниченностью времени я буду говорить тезисно. Прежде всего, я хотела бы солидаризироваться с Вадимом Радаевым в том, что у нас не происходят какие-то катастрофические сдвиги. Они тяжелые, они кризисные, но это естественно, если мы меняем модель общественного развития. И в своих исследованиях социальной структуры, динамики ее изменений мы исходили именно из посылки, что не происходит маргинализации всего населения, а идет формирование другого типа социальной структуры. Нам хотелось просто посмотреть — какого.

Сегодня много говорилось о том, что у нас изменяются политические элиты, изменяется положение интеллигенции, мы же хотели понять, что происходит с той основной массой населения, которая не входит ни в политические элиты, ни в интеллигенцию, а

составляет большинство нашего народа. Ответить на этот вопрос мы попытались в рамках исследования динамики социальной структуры России и групповых интересов ее населения, проводившегося на средства гранта, полученного от Российского фонда фундаментальных исследований в конце июля 1993 г. в 10 городах России (Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Владимир, Воронеж, Екатеринбург, Нижний Новгород, Омск, Ростов-на-Дону, Сыктывкар), представляющих все основные типы российских регионов. Это исследование с объемом выборки 1 082 человека являлось третьим этапом работ по изучению экономического сознания, положения и поведения россиян, проводившихся РНИСиНП в 1992—1993 гг. На первом этапе исследования мы попытались выделить группы по социально-профессиональному признаку, по тем групповым интересам, которые, как нам казалось, должны быть у этих групп и отличать их друг от друга. Однако исследования показали, что групповые экономические интересы людьми не осознаются, и этот подход не работает. Тогда мы резко расширили методологию и выделили десять факторов, которые, на наш взгляд, могли влиять на позицию людей, на их взгляды и модели поведения.

Среди этих факторов — социально-профессиональная принадлежность, возраст, пол, уровень доходов, образование, местожительство, вовлеченность в занятия бизнесом как параллельной формой деятельности, связь с оборонными или конверсируемыми предприятиями, наличие побочных заработков, влияние реформ на уровень жизни, оценка ближайших перспектив, ощущение себя советским человеком (россиянином, представителем своей национальности), исповедуемые ценности, избираемая модель жизни.

Что показало наше исследование? Прежде всего, в основе избираемой сегодня каждым человеком модели поведения и оценок происходящего лежат не его интересы как представителя определенной социально-профессиональной или социально-демографической группы, а ценностные ориентации на определенную модель жизни (карьера, образ жизни, материальное благополучие и т.д.).

Второе. Для населения, и это естественно, если учесть исторические традиции России, характерен неэкономический тип мышления. А следовательно, и самоидентификация, т.е. отнесение себя к той или иной группе, проходит, прежде всего, не по линии экономических интересов, а через ценности и еще один очень важный срез, который мы, за неимением лучшего термина, назвали макросамоидентификацией — это ощущение себя россиянином или советским человеком.

Надо сразу сказать, что больше 35% респондентов не смогли вообще себя идентифицировать. Они написали, что сами не знают, кем они являются, а комментарии были: униженными, оскорбленными, и так далее.

Кстати, на мой взгляд, именно эта группа и составила питательную почву при голосовании за Жириновского, потому что вся предвыбор-

ная кампания шла в рамках экономических лозунгов: за реформы, против реформ, а жизнь людей на реформы далеко не замыкается. В конце концов, Жириновский тоже за реформы, как мы знаем. Его специфика лежит в другом, в неэкономической части его платформы.

И буквально два слова по динамике. В целом система ценностей очень стабильна, в последние годы она практически не изменилась. Мы использовали методологию изучения системы ценностей, примененную Ядовым в исследовании 1990 г. Так вот, и в их исследовании 1990 г., и в наших двух исследованиях оказалась в целом стабильной ранжировка ценностей населением.

Но было две пары ценностей, в которых произошли очень резкие сдвиги: 1) свобода или материальное благополучие, и 2) интересная или высокооплачиваемая работа. С 63 до 54% за последний год уменьшилась ценность свободы, и с 32 до 41 % возросла ценность материального благосостояния. С 64 до 55% уменьшилась ценность интересной работы и с 33 до 41% возросла ценность высокооплачиваемой работы. Тем не менее, как вы видите, эти экономические ценности по-прежнему не являются основными для большинства населения.

Последнее. Пессимистические, алармистские оценки, звучавшие сегодня, в общем-то отвечают психологическому состоянию нашего населения, которое действительно боится будущего. Но оно его боится прежде всего потому, что впервые оказалось в ситуации вероятностного мира, — нет гарантий, неизвестно, что будет, постоянные сдвиги. А не потому, что его материальное положение ухудшилось.

И страх перед преступностью в значительной степени идет отсюда же. Но криминализация общества — не только очень важный фактор нашей жизни, который должен нас пугать. Мы должны отдавать себе отчет, что в современном бизнесе, при нулевой роли государства как фактора регулятора хозяйственной деятельности, в частности хозяйственных споров, когда через Госарбитраж ничего невозможно взыскать, именно криминальные структуры взяли на себя функции придания этой новой хозяйственной деятельности определенной организованности, задания определенных правил игры. И они же обеспечивают соблюдение этих правил игры.

*Г.И.Ханин,
доктор экономических наук,
Сибирский независимый институт, Интерцентр*

Реплика о социальной структуре общества

Размышляя, читая прессу, думая о тех социальных слоях, которые сложились в нашем обществе, я пришел к выводу, что социальные структуры, обладающие большой экономической мощью и большим

влиянием в государственном аппарате, задают сейчас тон в нашем обществе. И именно эти деструктивные силы, огромные деструктивные силы, — и в этом наша трагическая особенность, помимо всех других особенностей, по сравнению с Восточной Европой, — оказывают разрушительное влияние на экономику и конечно же на мораль, на политическую жизнь и т.д.

Наша, как мы привыкли говорить, демократическая общественность, в действительности часто не заслуживающая этого названия, забыла, для чего и за что она боролась. Она почти не пишет или пишет лишь изредка о нависшей над обществом грозной опасности.

Дальше, я совершенно согласен с тем, что касается банков. Их роль деструктивна, многие из них — центры мафии, центры компрадорской буржуазии. Вы помните выступление Руцкого о коррупции, — в нем было примеров очень много. Самое главное было в том, что девятого января девяносто второго года было принято решение о валютном регулировании, и больше года оно не реализовано. Все остальное не имело такого значения. Тот основной канал, который позволяет этим деструктивным силам обогащаться, не давая ничего положительного, обеспечивался нашей государственной властью. Она четко знала, кого она должна охранять. Валютное регулирование так и не было проведено. И тогда все, что говорилось, — и десятки миллиардов долларов, и возможные манипуляции банков и фантастический доход — реализовалось.

Мы создали новое чудовище, но, наверное, из старого чудовища ничего другого, кроме нового чудовища появиться не могло. Это, наверное, легко объяснить.

Теперь дальше. Какие же выводы? Теперь эти структуры будут стремиться к политической власти. Мы говорили об опасности тоталитарной диктатуры со стороны фашистских сил, Жириновского. Это другая опасность, ничуть не меньшая. Им тоже нужна вся полнота власти: они ее имеют много, но чего-то им не хватает. Поэтому естественно, что они постарались обеспечить себе полное господство теми же самыми методами.

Теперь о криминале сравнения с Америкой, Европой. Я тоже думаю, что ничего похожего там не было, или, во всяком случае, очень мало похожего, насколько я знаю историю. Да, возможно, Латинская Америка, в какой-то степени... Думаю, что у нас хуже. И все-таки хоть как-то там государства борются. Наше государство совершенно не борется. Было сказано, что государства нет. Знаете, очень похоже, что это так, если государство не борется с преступностью, не борется с коррупцией, а покрывает их.

Теперь еще одно. Прозвучал термин термидор. Я смотрел эту литературу. Это очень интересный период. Действительно, здесь есть очень много общего. Спекулятивная буржуазия взяла власть и, как мне кажется, очень плохо ею воспользовалась. Ее правление закончилось тем, что Франция зашла в тупик, развалилась экономика, социальная жизнь, недовольство было всеобщим. Потом пришел На-

полеон и, собственно говоря, далее — пятнадцать наполеоновских лет, почти непрерывных войн, а затем крах.

Об изменении критериев социальной стратификации российского общества

В этом коротком выступлении мне бы хотелось вернуться к общим проблемам трансформации социальной структуры российского общества. Одним из важных моментов социоструктурной динамики является изменение сравнительной роли и конкретного содержания критериев стратификации общества. Основными критериями этой стратификации принято считать: *политический* потенциал общественных групп, выражающийся в объеме их властных и управленческих функций; *экономический*, проявляющийся в масштабах их собственности, а также *социокультурный* потенциал, отражающий уровень образования, квалификации и культуры, особенности образа и качества жизни. Названные критерии в известной степени связаны, но вместе с тем они образуют относительно самостоятельные "оси" стратификационного пространства. Понятия политического, экономического и социокультурного потенциалов общественных групп приложимы к большинству современных обществ, но их конкретное социальное содержание и относительный "вклад" в групповые социальные статусы в каждом обществе специфичны.

Россия находится в стадии перехода от посттоталитаризма к политической демократии и от огосударственной административно-распределительной — к приватизированной рыночной экономике. Соответственно, переходный характер носят и критерии социальной стратификации групп, процессы изменения которых достаточно сложны, поскольку слом старых общественных отношений опережает формирование новых. Чтобы понять происходящие в этой области сдвиги, полезно сравнить основные черты стратификации современного и доперестроечного общества, с которого начинался трансформационный процесс.

В стратификации советского общества решающую роль играл политический потенциал, определявшийся местом общественных групп в партийно-государственной иерархии. Место индивидов и групп в системе власти и управления предопределяло не только объем имевшихся у них прямых распорядительных прав, уровень принимаемых ими решений, но и круг социальных связей, а следовательно, масштаб неформальных возможностей. Стабильность политической системы СССР обуславливала устойчивость состава и положения

политической элиты — номенклатуры, ее замкнутость, отгороженность от остальных групп общества.

Современная политическая ситуация характеризуется резким ослаблением государственной власти. Напряженная борьба политических партий и группировок за власть, неразработанность их конструктивных программ, утрата доверия народа к большинству политических институтов и лидеров, невиданное распространение коррупции и беззакония обуславливают быструю сменяемость ведущих политиков и нестабильность политической системы в целом. Стратификация верхнего слоя общества по номенклатурному принципу находится "в состоянии полураспада" — ее остов еще сохраняется, но механизм воспроизводства разрушен. Перестроена система властных органов — ликвидированы одни, организованы другие, принципиально изменены функции третьих. В результате сегодня мы формально имеем другую систему руководящих должностей. Обновился и персональный состав высших должностных лиц, часть которых пришла из неуправленческих сфер деятельности. Тем самым ранее замкнутый верхний слой общества приоткрылся для выходцев из других групп. На первый взгляд прежней номенклатуры не стало, она исчезла, растворившись в других слоях общества. Но в действительности она продолжает существовать. Сохраняется подавляющая часть как должностей, ранее бывших номенклатурными (пусть и под другими названиями), так и связанных с ними властно-распорядительных функций. Более половины квазиноменклатурных должностей занимает прежняя политическая элита, в основном реализующая модели управленческой деятельности, характерные для советской системы. При этом между членами бывшей номенклатуры поддерживаются устойчивые деловые связи, способствующие сохранению ее сословно-классового сознания.

Тем не менее дестабилизация власти и личное "временничество" руководителей государства способствуют некоторому ослаблению политического компонента социальной стратификации. Объем власти и политических полномочий, безусловно, играет важную роль в формировании социального статуса групп. Но все же на первую роль выдвигается скорее политико-экономический фактор, т.е. место в управлении экономикой и приватизации общественной собственности. Перераспределение накопленного богатства (прежде всего, путем приватизации государственной собственности) — едва ли не единственная сфера управленческой деятельности, где роль политической власти усилилась. Прямая или косвенная причастность к перераспределению собственности служит сегодня важнейшим фактором, определяющим социальный статус работников.

В СССР *экономический потенциал* общественных групп измерялся не масштабами частной собственности, а мерой участия во владении, распределении и использовании общественного богатства. Названный критерий позволял выделить такие группы, как чиновники, распределявшие дефицитные социальные блага; руководители производств, распоряжавшиеся финансами и продукцией своих

предприятий и к тому же причастные к теневой экономике; работники материально-технического снабжения, оптовой и розничной торговли, сферы обслуживания и проч. Однако доля граждан, в той или иной мере причастных к распределительно-обменным процессам, не превышала 15—20%, массовые же слои общества не имели никаких прав в этой области. Их экономическая стратификация строилась в зависимости от уровня заработков и семейных доходов, определявшихся множеством факторов, начиная с характера и содержания труда, сфер и отраслей его приложения, ведомственной принадлежности предприятий и кончая численностью и составом семей. Взаимодействие экономических, социальных, региональных, демографических и прочих факторов создавало весьма причудливую картину экономической стратификации населения.

В настоящее время *экономический потенциал* общественных групп, как мне представляется, включает три компонента: а) владение капиталом, производящим доход, б) причастность к процессам распределения, перемещения и обмена общественного продукта и в) уровень личного дохода и потребления. Активно формируются разнообразные формы частной и, шире, негосударственной собственности (индивидуальная, групповая, кооперативная, акционерная, корпоративная и др.), возникают разные типы капитала (финансовый, торговый, промышленный и др.). В социальном плане более или менее отчетливо выделилась группа собственников частного капитала. Она включает и очень крупных, и средних, и мелких предпринимателей, в принципе относящихся к разным социальным слоям. Особое место здесь занимают крестьяне, владеющие личным хозяйством и становящиеся собственниками земли. Однако подавляющая часть россиян никакой производительной собственности не имеет.

Второй компонент *экономического потенциала* в доперестроечном обществе доминировал, а сейчас как будто бы начинает сдавать позиции первому. Во-первых, экономический статус среднего собственника выше, чем самого лучшего менеджера. Во-вторых, по мере приватизации экономики общественный продукт приобретает хозяина, что оставляет меньше возможностей его растаскивания. Но на практике этот процесс, ведущий к оздоровлению экономики, пробивает себе дорогу лишь как тенденция, так как в сложившейся неразберихе близость к "общественному пирогу", а по пути, к любым государственным материально-финансовым благам, играет большую роль, чем когда-либо. К сожалению, операционализировать критерий, а тем более измерить степень причастности экономических, профессиональных и должностных групп к распределительным механизмам непросто. Скорее всего, по этому признаку выделяются почти те же группы, что и раньше: руководители государственных и полугосударственных предприятий, в том числе акционерных обществ, ответственные работники и специалисты торговли: служащие материально-технического снабжения (коммерсанты, маклеры, дилеры и т.п.).

Хотя доля россиян, не имеющих ни собственного капитала (дела, бизнеса), ни доступа к перераспределению (в т.ч. присвоению) государственных благ за последние годы уменьшилась, они по-прежнему составляют самую многочисленную часть общества. *Экономический потенциал* формирующих ее групп определяется, как и прежде, уровнем зарплаток и доходов, получаемых за работу по найму. Главные же особенности современного положения, его отличия от состояния до перестройки заключаются, во-первых, в невиданно резкой имущественной поляризации общества, во-вторых, в почти полной и окончательной утере зависимости между трудом и доходом. Формирование многосекторной экономики, прекращение государственного регулирования зарплаты, отсутствие развитого и нормально функционирующего национального рынка труда, распространение явной и особенно скрытой безработицы обусловили хаос и беспредел в сфере оплаты труда и личных доходов. В результате большая часть массовых групп вытеснена за линию бедности, а значительная часть — и за линию нищеты.

Социокультурный потенциал играл в стратификации советского общества весьма ограниченную роль. Международные социологические исследования выявляли уникальную высокую в СССР, по сравнению с другими странами, независимость политического и экономического статусов групп от их культурного потенциала. Верхние слои советского общества были представлены в основном малообразованными людьми, враждебно настроенными к интеллигенции и культуре. Труд специалистов, особенно гуманитарного профиля, оплачивался ниже труда рабочих, творчески одаренные личности скорее преследовались, чем поощрялись. Разумеется, культурный уровень, образованность, развитые духовные интересы сказывались на образе жизни людей, а соответственно и на их социальном статусе. Но культурный потенциал стратифицировал не общество в целом, не всю его глубину, а преимущественно слои, не обладавшие заметным *политическим яла экономическим* потенциалом. Так, квалифицированные рабочие и служащие занимали более высокое положение, чем люди без образования и профессии, то же самое относилось к специалистам.

В настоящее время интенсивный распад старых и формирование новых общественных институтов вызывает значительное усиление как трудовой, так и социальной мобильности. В связи с этим повышается роль таких индивидуальных характеристик людей, как качество базового образования, способность к овладению новыми знаниями, уровень квалификации, широта кругозора, богатство профессионального опыта и проч. Возрастает общественная ценность профессионализма, а соответственно и роль *социокультурного* компонента стратификации. Но это тоже только тенденция, поскольку восходящей социальной мобильности способствует и широкий круг качеств, не связанных с культурным потенциалом.

Это — молодость, энергия, воля, организационные способности, готовность к риску, а нередко и моральная неразборчивость и др. К тому же современное российское общество затребует лишь ту часть культурного потенциала своих членов, которую можно использовать "здесь и сейчас". Отсюда — достаточно высокий спрос на квалифицированных и опытных инженеров, агрономов, врачей, учителей при растущей невостребованности ученых, работников культуры и искусства.

В настоящее время в России сосуществуют две относительно обособленные системы оценки и использования *социокультурного потенциала* работников. Первая действует в частном и полугосударственном секторах, испытывающих актуальную потребность в специалистах высокого уровня и потому высоко оплачивающих их работу. Вторая система, традиционно сохраняющаяся в госсекторе, по-прежнему несет на себе отпечаток нигилистического отношения к умственному труду. Результатом является разделение российской интеллигенции на три слоя: а) хорошо обеспеченные специалисты технического и экономико-правового профиля, занятые в частном и полугосударственном секторах экономики, б) более или менее поддерживаемые "на плаву" специалисты научно-технического профиля в производственных отраслях госсектора и в) занятые в бюджетных отраслях госсектора специалисты социально-гуманитарного профиля, в основном предоставленные самим себе.

Обобщая, можно сказать, что социальная структура российского общества, претерпев определенные изменения по сравнению с доперестроечным временем, тем не менее сохранила свои основные черты. Для существенной трансформации этой структуры необходимо глубокое преобразование систем собственности и власти, которое займет десятилетия. Тем временем стратификация общества будет терять свою жесткость и однозначность: границы между группами и слоями станут и далее "размываться", возникнет множество маргинальных групп, характеризующихся неопределенным и (или) противоречивым статусом. На первый взгляд это напоминает тенденцию к размыванию социально-классовой структуры современных западных обществ. Но", с моей точки зрения, такое сходство формально. Возникновение относительно однородных "обществ среднего класса" — черта постиндустриализма, Россия же находится лишь на индустриальной стадии и к тому же переживает глубокий кризис. В этих условиях социально-классовые различия в условиях жизнедеятельности (общественных групп, их функций в разделении труда, в роли в управлении госсобственностью, владении частной собственностью, доле присваиваемого и потребляемого общественного продукта и проч.) приобретают особую значимость. Они прорисовываются даже резче, чем прежде, определяя едва ли не все остальные стороны их социального статуса.

Переживает ли Россия социальный кризис?

Во многих докладах симпозиума звучал часто встречающийся в научной и публицистической литературе тезис, который вызывает у меня возражения. Он косвенным образом связан с темой сегодняшней панели — "Трансформация социальной структуры: новые социальные группы в России". Я имею в виду утверждение о том, что современное российское общество находится в состоянии социального кризиса, поскольку разрушены привычные социальные связи, произошла атомизация общества, и что для преодоления этого кризиса необходима консолидация общества, которая может произойти только на основе его структурирования. При этом подразумевается, что базой консолидации должно быть прежде всего восстановление структуры групп в обновленном виде, т.е. включение в социальную систему новых социальных групп.

Соглашаясь с исходной посылкой об атомизации современного российского общества, я не могу принять оценку этого социального состояния как кризисного (т.е. как требующего преодоления). Наверное, в России есть экономический, политический кризис, но социального кризиса нет, поскольку именно нынешняя атомизация общества является предпосылкой решения социальных проблем. Из этого следует, что попытки понять трансформацию социальной системы России путем изучения так называемых новых социальных групп могут оказаться не очень плодотворными.

Попытаюсь проиллюстрировать это утверждение. Бывают крайне важны слова, которые мы используем для понимания происходящего вокруг. Они бывают особенно важны, когда за ними стоят системы мировоззрения, логика понимания происходящего. Я бы не стала употреблять слово "кризис" в применении к социальным отношениям современного российского общества не только потому, что в нем явно присутствует алармистский оттенок. С моей точки зрения, словосочетание "социальный кризис" имеет смысл использовать по отношению к обществам, в которых нет условий для социальной активности людей, для того чтобы люди были мотивированы действовать. Это понятие относится скорее к нашему прежнему обществу, к стабильной советской системе.

В советском обществе, которое справедливо характеризуется как закрытое, маломобильное, с жесткими границами между группами, принадлежность к группе, к некоторому коллективу была необходимой предпосылкой социального выживания индивидов. Для того чтобы не упасть на социальное "дно", не стать маргиналом, советский человек должен был пожертвовать своей индивидуальностью, собственными целями, убеждениями, ценностями, нормами и принять

нормы социальных групп. Только так можно было чувствовать себя защищенным. И именно поэтому человек советский был прежде всего человеком коллективным, что подтверждается результатами многих эмпирических исследований.

В социологии есть концепция социальной группы как тирана, который трансформирует цели индивида в цели всех, в цели коллектива. По этой концепции групповая культура — это культура жесткой тождественности членов группы друг другу. Индивиды, принадлежащие к группам, живут в условиях тотального запрета.

То, что происходит в современном российском обществе, на мой взгляд, разрушает этот запрет. Поэтому я предложила бы вместо терминов "кризис", "катастрофа" и подобных им употреблять термин "аномия". В своем классическом смысле он означает разрушение норм, управляющих социальным взаимодействием. Аномия, дезинтеграция общества обычно воспринимается как явление отрицательное. Ее признаком является рост уровня социальных отклонений — преступности, самоубийств. Но такое состояние общества имеет и положительную сторону: разрушая социальные связи, аномия тем самым ликвидирует тотальный запрет закрытого общества, увеличивает возможность индивидуального развития и тем самым создает перспективу развития общества.

Аномия — это неизбежное состояние любого открытого общества. Такое общество меньше верит в свои правила, и индивиды реже ориентируются на них в своих действиях, каждый раз их переосмысливая, разрушая тем самым групповую тождественность. Идея тождественности противоречит идее индивидуальной свободы, базовой для открытого общества, мешает его развитию. Но еще больше она мешает развитию открывающегося общества, в котором индивидуалистические ценности требуют гораздо более серьезной защиты, поскольку они еще не институционализированы.

В современной социологии существует представление о динамике открытых обществ как о движении от социальных структур к культурно-ценностным. Если в прежних обществах социальные акторы действовали как члены социальных групп, подчинялись в своем поведении групповым нормам, то в современных обществах они становятся рефлексивными социальными агентами, действуют строго индивидуально, ориентируясь на ценности своей культуры.

Мне кажется, главное, что происходит в социальной системе нашего общества в последние годы — это смена источника общественного развития: раньше он был в динамике социальной структуры, а сейчас он заключен в действиях рефлексизирующего социального агента. Этот переход происходит слишком быстро для того, чтобы быть безболезненным. Он вызывает множество социальных проблем. Но только продолжение движения общества в этом направлении может разрешить социальный кризис, существовавший в закрытом советском обществе, последствия которого видны и сейчас.

Из сказанного следует, что для понимания процессов, происходящих в современном российском обществе, требуется перенос внимания исследователей с социальной структуры на культурно-ценностные системы, т.е. с индивида — члена группы, чьи действия определяются его социальными позициями, — на рефлексирующего социального агента, осознающего ценности своей культуры, который ориентирует действия на свои ценности и основывает их на индивидуальном осмыслении своих социальных ролей.

Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома

Мне хотелось бы еще раз вернуться к теме элиты и остановиться на том, кто же сегодня составляет высший слой российского общества, является ли эта социальная группа действительно абсолютно новой, либо же "хорошо забытой старой". Произошла ли в обществе смена элит, и если да, то откуда пришла новая элита? Излишне говорить, что вопрос смены элиты представляет не только и столько теоретический, но и практический интерес.

Получить ответы на эти вопросы стало возможно в результате проведения ВЦИОМом очень крупного исследования, включающего более чем часовое стандартизированное интервью почти с 1 812 респондентами, примерно половина которых представляет советскую элиту конца 80-х годов, а другая половина — новую российскую правящую элиту. В ходе интервью мы старались выяснить практически все важнейшие моменты жизненного пути представителей элиты: их образование, трудовую деятельность, членство в партии. Фиксировалось любое изменение статуса. В результате был получен поистине богатейший материал, серьезный анализ которого еще предстоит сделать. Сегодня я хотела бы представить самые первые результаты, очень общие, но все же позволяющие выявить некоторые тенденции.

Вначале отмечу, что наше определение элиты наиболее близко определению Р.Милза: это люди, занимающие командные, ключевые позиции, принимающие важные решения и оказывающие влияние (признаваемое обществом) в различных сферах общественной жизни.

Прежде чем говорить о конкретных результатах, несколько слов о теоретических подходах, которые, с нашей точки зрения, возможны при изучении формирования элит в период социальной трансформации, и которыми мы в значительной мере руководствуемся в данном исследовании. В основе нашего подхода лежит теория многомерного "социального пространства" П.Бурдьё, в рамках которого

функционируют индивиды, обладающие различными типами капиталов и имеющие, соответственно, различные траектории развития. П.Бурдьё различает несколько типов капиталов — экономический, культурный, социальный, символический. Этот подход несколько пересекается с тем, что говорила Т.И.Заславская о критериях (потенциалах) стратификации. С определенной долей упрощения, мы операционализировали эти понятия, полагая, что экономический капитал может измеряться в терминах собственности и дохода, культурный — уровнем образования, социальный — социальными связями и, наконец, символический — способностью индивидов конвертировать социальный или культурный капитал в экономический. При анализе социальной структуры бывших социалистических стран социальный капитал может быть определен как политический, институционализированный в категориях членства в партии. На разных периодах нашей 70-летней истории соотношение между этими капиталами менялось, хотя, совершенно очевидно, что с точки зрения социальной мобильности приоритет до недавнего времени оставался за капиталом политическим. В условиях рыночной экономики происходит девальвация политического капитала. Все большее значение приобретают экономический капитал и социальные связи с деловыми кругами. Не исключено, что в будущем экономический капитал будет либо трансформироваться в новый политический, либо сращиваться с ним. По мере развития рыночной экономики интересы руководителей крупного бизнеса и политиков будут в большей степени пересекаться и взаимопереплетаться. Весьма вероятно проникновение в политическую элиту представителей крупного капитала, равно как и превращение политиков в выразителей интересов крупного бизнеса. Нельзя исключать также того, что к последним постепенно будут переходить от государственных политиков функции общественного управления.

Выделение различных типов капитала позволяет по-новому рассматривать процесс формирования элит. Вопрос, насколько старая элита смогла удержаться у власти, является предметом особого внимания и интереса в публицистике, в общественном мнении, в научных кругах. Многие исследователи социальной трансформации в бывших странах Восточной Европы (Е.Ханкисс, Е.Шалаи, Я.Штанишкис) защищают теорию воспроизводства элит, подчеркивая, что, несмотря на кардинальные институциональные и социально-экономические изменения, наиболее привилегированные позиции в обществе все равно продолжают занимать те же люди; меняется лишь принцип легитимации их власти и привилегий. Сторонники этой теории говорят о становлении "политического капитализма", при котором бывшая номенклатура использует свой политический капитал для приобретения экономического, выигрывает от приватизации и перехода к рыночной экономике, сохраняя властные командные позиции теперь уже в качестве собственников.

Другая возможность заключается в том, что в процессе перехода от одного типа общества к другому имеет место циркуляция элит. Причем в центре этот процесс идет интенсивнее, чем на местах (об этом уже говорил Е.Дискин).

В России в последнее время смена элит происходит весьма интенсивно. Правда, есть все основания полагать, что большинство акторов не меняется. Не исключено, что ход нашей политической жизни, в конце концов, просто зафиксирует полный цикл циркуляции элит, и те представители номенклатуры, которые на первых порах были отлучены от элитного круга, вновь вернутся в него.

И тогда встает вопрос, насколько надежной оказывается политическая база дальнейших преобразований, если их проводники (что еще раз ясно показали выборы в декабре 1993 г.) имеют корни в той старой системе, которую предполагается ломать?

Теперь несколько подробнее о первых результатах исследования. Один из них был столь же неожиданным, сколь и очевидным: советская правящая элита и российская современная элита оказались весьма сходными социальными группами во многих отношениях. Обе они представлены прежде всего мужчинами. В номенклатуре женщин было не более 7%, в сегодняшних же эшелонах высшей власти их 6%. Если говорить об объективных характеристиках, то основные различия состоят, во-первых, в том, что среди представителей нынешней элиты реже встречаются бывшие члены КПСС (хотя их не так уж и мало — почти 80%), и, во-вторых, нынешняя элита все же моложе номенклатуры. Более 80% номенклатуры старше 50 лет, из них половина старше 60 (приводится их возраст на сегодняшни день, а не на 1988 г.!). В современной же элите больше половины моложе 50, а каждый пятый моложе 40 лет.

К нашему удивлению, не оказалось особых различий в образовательном уровне старой и новой элит: 97% номенклатуры имеет высшее образование (!), причем парадоксально высокой оказалась доля тех, кто либо имеет научную степень, либо продолжал учебу и после окончания высшего учебного заведения. Прежде всего, это характерно для партийных работников и для представителей высшего эшелона государственного управления. Доля высокообразованных людей в этих группах даже выше, чем среди представителей культурной и научной элиты. Здесь, конечно, надо иметь в виду, что большинство этих научных степеней было получено в таких партийных институтах, как Академия общественных наук и ей подобных, где защита диссертации являлась лишь формальным шагом для продолжения партийной или государственной карьеры, и зачастую диссертации писались не соискателями, а их научными руководителями. Более углубленный анализ условий получения образования представителями старой элиты позволит точнее оценить их образовательный и культурный уровни.

94 % новой элиты также имеют высшее образование, причем каждый пятый получил научную степень или обучался еще где-нибудь

после окончания вуза. Высокообразованной оказалась и российская бизнес-элита (в частности, значительно более образованной, чем их коллеги в Польше и Венгрии). Последнее является отчасти радостным результатом: вопреки ожидаемому, ценность образования все же достаточно высока и пока окончательно не девальвировалась в условиях российского рынка.

Около половины представителей и номенклатуры, и новой элиты вышли из семей достаточно высокого профессионального и образовательного статуса. Более того, немалая часть представителей как новой, так и старой элит (более четверти) — сами дети номенклатурных работников (видимо, подтверждается расхожий тезис о том, что номенклатура представляла собой закрытую (кастовую) группу, способную воспроизводиться на собственной основе). Таким образом, те же социальные группы, которые имели больше шансов для продвижения вверх в советское время, в равной мере сохраняют их и сегодня. Высокий социальный статус родителей оказывается важным фактором продвижения вверх. Отмечу, что Россия в этом отличается и от Венгрии, и от Польши, где значительно большая часть и старой, и новой элит вышла из рабочих и крестьян.

Одна из основных задач, которую ставили перед собой авторы данного проекта, состояла в том, чтобы выяснить, что же произошло с советской правящей элитой, где она сегодня, в какой мере ее представители "перетекали" в новые правящие структуры. Исследование показало, что всего лишь 11% бывших аппаратчиков сегодня оказались на пенсии. Столь низкая цифра позволяет говорить о том, что в основном номенклатура смогла адаптироваться к произошедшим изменениям и не испытывает явной нисходящей мобильности. Более 60% представителей бывшей номенклатуры и сегодня занимают элитные позиции, сравнимые с номенклатурными должностями советского времени. Если же мы немного раздвинем границы нынешней элиты, включив в анализ не только непосредственно элитные, но и примыкающие к ним должности, то увидим, что еще 15% старой элиты оказались лишь на одну ступеньку ниже узко определенного элитного уровня. Таким образом, лишь 13% советской правящей элиты конца 80-х годов оказалось сегодня за пределами круга руководящих работников. А 15% из них владеют сегодня собственным бизнесом.

Что же касается чисто партийной номенклатуры, то, несмотря на ликвидацию КПСС, многие ее члены сохранили элитный статус. Треть партийной номенклатуры сегодня находится на высшем уровне государственного управления, а еще треть занимает командные позиции в экономике. Если же опять чуть-чуть расширить границы элитарных должностей за счет "предэлитных" позиций или "второго эшелона элиты", то мы найдем в этом кругу более 80% партийной номенклатуры. Более трети представителей советской государственной элиты продолжают и сегодня занимать руководящие посты в государственном аппарате. Уже на основании этих первых результатов

видно, что значительной части бывшей советской номенклатуры удалось удержаться на плаву и что в России находит свое подтверждение скорее теория воспроизводства элит, нежели теория их циркуляции. Уровень воспроизводства элит в России значительно выше, чем в Польше и Венгрии.

Посмотрим теперь с другой стороны: откуда пришла новая российская элита, какая часть ее является аутсайдером на советской политической сцене? Исследование показало, что почти половина этой группы вступила в элитный круг в 80-е годы и ранее. Лидируют здесь представители государственной экономики — две трети из них и раньше занимали командные посты в экономике. Если же мы опять расширим элитный круг до его "второго эшелона", то увидим, что около половины "новичков" российской правящей элиты на деле вошли в нее из "второго эшелона" старой элиты — они были руководителями предприятий и крупных отделов и лишь ждали своего часа. Группа руководителей высшего и среднего уровня представляется весьма интересной для дальнейшего анализа, поскольку для нее характерна наибольшая вертикальная мобильность, и именно ее представители пополнили сегодня ряды новой российской элиты. И наконец, только 22% новой российской элиты действительно являются новичками на этом празднике власти. Таким образом, около 80% нынешних ее представителей занимали элитные и "предэлитные" позиции в конце 80-х годов.

Наибольшую восходящую мобильность демонстрируют представители российского бизнеса: 2/3 этой группы в конце 80-х не были в кругу властей предрежущих.

Таким образом, мы зафиксировали весьма высокий уровень воспроизводства элит в России. Полученные данные также подтверждают теорию "политического капитализма". Можно, видимо, утверждать, что изменение социального порядка, переход к рыночной экономике не столько открывают новые возможности для вертикальной мобильности и вхождения в элиту аутсайдеров, сколько предоставляют бывшей советской правящей элите альтернативные возможности для сохранения своего статуса, престижа и привилегий в обществе.

*А. Г. Здравомыслов,
доктор философских наук,
Российский независимый институт социальных
и национальных проблем*

К итогам дискуссии

Состоявшееся обсуждение темы "Трансформация социальной структуры: новые общественные группы в России" показывает необ-

ходимость обратиться к наиболее важным результатам теоретического анализа данной проблемы в мировой социологической литературе.

Как известно, обозначенная проблема разворачивается в двух главных направлениях, различающихся самим пониманием того, что есть социальная структура. Первое направление рассматривает социальную структуру общества как более или менее устойчивое соотношение социальных слоев и групп. Наиболее последовательно эта точка зрения представлена теориями социальной дифференциации и классовой структуры общества. В рамках нашей панели эта точки зрения наиболее обстоятельно представлена в докладах Н.Е.Тихоновой, Т.И.Заславской, которая показала возможности дальнейшей разработки этого направления с использованием материалов экономической социологии. Ключевыми понятиями в рамках этого направления оказываются социальное положение, социальные интересы, мотивация экономического и социального поведения. Одна из наиболее существенных методологических проблем заключается в поиске той социальной группы или класса, который способен к представительству интересов других групп и который в определенном отношении цементирует весь общественный организм. С позиций классического марксизма в качестве такой социальной группы рассматривался пролетариат, теперь большие надежды возлагаются на новые общественные группы, возникающие в качестве активной силы преобразования общества в сторону рыночных отношений.

Несколько иное понимание социальной структуры заключается в том, что она рассматривается в качестве своего рода каркаса всей системы общественных связей. Это — совокупность экономических, социальных и политических институтов, организующих общественную жизнь. С одной стороны, эти институты задают некоторую сеть ролевых позиций и нормативных требований по отношению к конкретным членам общества. С другой стороны, эти институты представляют собою определенные достаточно устойчивые пути социализации индивидов.

Трансформация социальной структуры, понимаемой именно в этом смысле, представляет собою, как мне кажется, более существенный и фундаментальный процесс в сравнении с возникновением и отмиранием тех или иных социальных групп в обществе. К сожалению, в ходе нашей работы эта сторона вопроса оказалась непроанализированной.

Когда мы говорим о трансформации социальной структуры, то имеем в виду способы и характер изменения несущей конструкции общественной системы. В результате этой трансформации меняются сами способы организации общественной жизни, смещаются и трансформируются главные линии социальной дифференциации. Если в обществе получает признание и поддержку институт частной собственности, то, естественно, он становится одним из основных механизмов дифференциации членов общества. Приватизация и есть тот социальный процесс, который меняет радикальным образом ранее

сложившиеся линии социальной дифференциации. В результате меняется отношение к политической власти и к участию в политической власти, меняется соотношение производства и образования, иное социальное содержание приобретают дифференциация и социализирующие функции семьи как социального института. В этих условиях важнейшая исследовательская задача заключается в изучении новых отношений между собственностью, властью, образованием и культурой.

Один из центральных вопросов теории социальной структуры заключается в соотношении социальной структуры и действия (agency). Современная социологическая теория отрицает прямую связь между социальным положением и мотивами социальных действий. В этой связи А. Гидденс предлагает теорему "двойственности" социальной структуры в качестве решающей идеи, призванной объяснить процесс структурализации общественных отношений. Согласно этой точке зрения, "структурные свойства социальных систем являются одновременно и средой, и результатом той деятельности, которую они постоянно воспроизводят и организуют. Структура — не есть нечто внешнее по отношению к индивидуумам. В определенном смысле она оказывается более внутренней, чем внешней по отношению к различным формам деятельности. Структуру нельзя отождествлять с препятствиями, она всегда имеет как ограничивающие, так и побуждающие свойства... Согласно теории структурализации, момент действия является также и моментом воспроизводства структуры в контексте повседневной социальной жизни. И это справедливо не только для периодов стабильного развития общества, но и для периода насильственных переворотов и наиболее радикальных форм социальных изменений"*.

Теорема "двойственности" структуры перекликается с хорошо известными в нашей литературе попытками проанализировать проблему осознания собственных интересов той или иной социальной группой. Разрушение структурных компонентов общества и трансформация институтов социализации резко меняют композицию социальных ориентиров и ставят по-новому вопросы самоопределения личности, понимания индивидуумом его собственных интересов. Человек оказывается в состоянии хаоса и неопределенности, выход из которого предполагает нахождение новых ориентиров. И здесь огромную роль приобретает самосознание, самоопределение, нахождение своего "я" в перевернутом мире. Процесс трансформации социальной структуры, следовательно, нельзя понимать только как изменение внешнего каркаса социальных отношений. Он представляет собою и изменение внутреннего мира человека, его психологии. Если в стабильной обстановке детерминация социального действия идет от потребностей, социального положения к интересам и ценностям, то в условиях кризисного развития происходит переворачивание факторов детерминации: от ценностей к интересам и пот-

* Giddens A. The Constitution of Society. Polity Press. 1984. P.25—26.

ребностям. Это, разумеется, гипотеза, которая подлежит проверке, но ряд представленных на данной панели выступлений (М.Шкаратан, Н.Тихонова) подтверждают правомерность выдвижения этой гипотезы.

Нельзя обойти вниманием проблему остроты форм социального поведения, поднятую в ходе нашей дискуссии. Мне хотелось бы обратить внимание на то, что дифференциация мнений исследователей по этому вопросу на нашей панели очень сильно перекликается с характером дискуссии на первой и второй панелях. По сути дела, при анализе социальной ситуации, так же как и при анализе экономической и политической ситуации, противостоят друг другу два подхода. Один из них может быть назван алармистским, другой — более или менее оптимистическим. В ходе нашей дискуссии представителем первой точки зрения выступил Е.Н.Стариков, прогнозирующий неизбежное обострение социального конфликта и углубление экономического и политического кризиса в этой связи, а представителем оптимистической ориентации был В.В.Радаев, который провел, как мне представляется, достаточно обоснованно, различие между переструктурированием общественных связей и их распадом.

Складывающаяся в России ситуация подчеркивает значение меняющейся социальной идентичности. Это значит, что интересы индивидуума не определяются раз и навсегда вместе с приобретением того или иного социального статуса или совокупности социальных и профессиональных ролей. Открываются гораздо большие, чем раньше, возможности переформулирования собственных интересов. Гораздо большее значение в этой связи приобретают не столько дифференциация социальных связей на макроуровне, сколько реальные жизненные конфликты, развертывающиеся в ближайшем окружении личности, на микроуровне.

Для социологического анализа это означает необходимость перехода к методологии символического интеракционизма и этносоциологии. Следует признать, что эти подходы в нашей литературе пока еще недостаточно развиты. Мы в большей мере опираемся на позитивистскую трактовку социологии и на те методы анализа, которые не выходят за пределы статистики. Вместе с тем центром структурных изменений в обществе является, по-видимому, изменение властных структур и всей системы взаимоотношений между человеком и этими структурами. Огромную роль в преобразовании действительности, как показывают изменения российского менталитета, играет все то, что относится к подсознанию и вытеснению из области рационального и сознательного самой проблематики властных отношений.

Панель 4

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Вопросы для обсуждения:

1. Этнонациональные конфликты в современной России.
2. Русские, самосознание, национализм, положение за пределами России.
3. Перспективы этнополитических отношений в России.

*Э.Паин,
кандидат исторических наук, Президентский совет*

Сепаратизм и федерализм в современной России

После распада СССР вопрос о том, повторит ли Россия путь Советского Союза, стал едва ли не риторическим. Мрачные сценарии дезинтеграции Российской Федерации, сопровождающейся этническими и региональными конфликтами, в изобилии стали появляться на страницах как массовых газет и журналов, так и научных изданий. Некоторые из таких прогнозов не имеют ничего общего с научным анализом и используются коммунистической оппозицией для запугивания россиян бедами, вызванными правлением "антинародной", "продажной", "мафиозной клики Ельцина". Однако большинство прогнозов дезинтеграции России основаны на учете реальных опасностей для судьбы Федерации дальнейшего развития кризисных процессов в экономике и социально-политической жизни России начала 90-х годов.

Чего хотят регионы? Российская Федерация (РФ), охватывавшая к моменту провозглашения своего государственного суверенитета (1991 г.) 3/4 территории СССР и 2/3 его населения, была таким же унитарным государством, как и весь Советский Союз. Огромная Россия управлялась из одного центра, при этом Москва мелочно контролировала каждый шаг региональных властей. Средства, заработанные наиболее развитыми областями Центрального региона, Урала и Поволжья, а также сверхдоходы нефтедобывающей Тюменской области, расположенной в Западной Сибири, уходили в союзную казну, и назад в регионы возвращалась только малая часть, величина которой не имела связи с результатами производственной деятельности региона. Реально крупнейшими получателями государствен-

ных субсидий были парадные витрины социализма — столичные города Москва и Ленинград.

Неэффективность такого управления проявилась задолго до горбачевской перестройки, а после распада Союза она превратилась в анахронизм. Старые экономические связи между территориями разрушились, централизованная система управления ослабла, вся сфера хозяйственной деятельности фактически сосредоточилась в руках местных властей, хотя юридически они по-прежнему были лишены властных полномочий. Центральная власть еще способна была собирать налоги с территории, но все меньше могла помогать им. Нарастало недовольство регионов.

Первоначально требования регионов к федеральной власти носили форму конструктивных местных инициатив. Так, в начале 1991 г. свыше 150 российских административных единиц (областей, административных районов и даже отдельных городов) обратились к федеральным властям с просьбой об образовании на их территории так называемых "свободных экономических зон". Местные власти полагали, что за счет создания в таких зонах льготных условий налогообложения они смогут стимулировать приток инвестиций на данную территорию.

Затея эта быстро провалилась, поскольку лишь небольшая часть городов и регионов объективно могла быть привлекательна для инвесторов, но "зонная лихорадка" показала, что регионы ищут и будут искать различные формы обретения экономической самостоятельности.

Федеральная власть должна была как-то отреагировать на эти процессы, и в октябре 1993 г. президент Ельцин выступил с заявлением о необходимости пересмотра концепции осуществления экономической реформы и переноса центра тяжести экономических преобразований в регионы России. В это время была увеличена доля региональных бюджетов в консолидированном бюджете РФ (с 28 % в 1992 г. до 40% в 1993 г.) и несколько расширены права всех регионов во внешнеэкономической деятельности. Однако эти половинчатые и непоследовательные меры несколько не охладили недовольство регионов федеральной властью. Да они и не могли это сделать хотя бы потому, что разные регионы и от властей хотели разного. Богатые сырьевые регионы (в основном связанные с добычей нефти, газа, цветных металлов) добивались большей самостоятельности, особенно во внешнеэкономической деятельности, тогда как бедные аграрные — большего протекционизма: повышения государственных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, льготных кредитов на приобретение химических удобрений, сельхозтехники и на оплату энергоносителей, ограничений импорта. Интересы разных регионов стали представлять различные партии. Защиту индустриальных регионов взял на себя "Гражданский союз", аграрных — аграрная фракция Верховного Совета РФ, а с 1993 г. — Аграрная партия.

Как бы ни обострялись противоречия между "богатыми" и "бедными", аграрными и индустриальными регионами, они не шли ни в какое сравнение с нарастающим противоборством между национально-территориальными образованиями (автономными республиками, автономными областями и округами) и территориально-административными (краями и областями).

Конфликт национальных автономий и российских регионов во многом явился следствием централизованной системы управления. При социализме существовал принцип перераспределения национального дохода в пользу наиболее отсталых национальных регионов, которые получали дотации на развитие производства и социальной сферы. Однако все эти льготы погашались неэффективной экономикой, поэтому жители автономий реально не имели каких-либо преимуществ по сравнению с российскими регионами, зато в российских регионах нарастало ощущение обездоленности. Кроме того, так называемая помощь союзного государства национальным автономиям во многом носила лицемерный характер, прикрывая, например, насильственную русификацию национальных окраин России. Так, за исключением Северного Кавказа, только в двух республиках — Якутии и Татарии — существовали средние школы с преподаванием на национальных языках, постоянно сокращалось количество и тираж периодических изданий и книг на родном языке. В период социалистической индустриализации быстро растущие города пополнялись в основном переселенцами из русских областей, в результате города национальных регионов стали преимущественно русскими, доля коренного населения в них в два—четыре раза ниже, чем в сельской местности.

Потенциальный конфликт между автономиями и русскими регионами закладывался также сталинской Конституцией 1936 г. Она соединила два противоположных принципа государственного устройства — этнический и территориальный, разделивший народы на "титულные нации", давшие название соответствующим национально-государственным образованиям, и "нетитулные", не имеющие своих особых территорий. А, главное, Конституция предоставила неравные права различным типам регионов, следовательно, и проживающему в них населению. Так, национальные автономии республиканского уровня имели свои конституции, свой парламент и даже право свободного выхода из Федерации, тогда как края и области не обладали ни одним из этих прав. Вся эта немислимо сложная и противоречивая конструкция, построенная на иерархии регионов, как национальных, так и территориальных, не могла бы просуществовать 70 лет, если бы не была заведомо декларативной. Вне зависимости от того, как назывался регион — республикой или областью, — управлялся он руководителем местного отделения коммунистической партии, напрямую подчиненным Москве. Автономные республики не имели ни малейшей самостоятельности точно так же, как и края, и области. Однако, когда коммунистический режим

рухнул, республики "вспомнили" о своих правах и попытались наполнить декларативные нормы сталинско-брежневской Конституции реальным содержанием.

В 1990—1992 гг. все республики приняли декларации о суверенитете. Первыми это сделали еще в горбачевское время "пионеры" борьбы за суверенитет — Татарстан, Якутия и Чечено-Ингушетия.

Так, Конституция Татарстана (РТ) определяет республику как "суверенное государство, субъект международного права". В отношениях с федеральной властью Татарстан настаивает на установлении "конституционно-договорных отношений" с Россией и придании РТ статуса ассоциированного члена РФ, что создает прецедент для выхода из единого политического пространства. О серьезности намерений Татарстана обрести полную независимость свидетельствуют и принятые им конституционные законы: "Закон о недрах", отнесший всю государственную собственность на территории Татарстана, его недра с их содержимым к исключительной собственности республики, и постановление "О воинской обязанности и воинской службе граждан РТ", в соответствии с которым граждане республики обязаны проходить военную службу только в границах Татарстана.

Российские власти, помня уроки не слишком удачной национальной политики Горбачева, поначалу крайне лояльно отнеслись к принятию республиками деклараций о суверенитете. Федеральный центр не препятствовал и изменению статуса национальных регионов, созданию в некоторых из них института президентства. Повышению реального политического веса национальных регионов способствовало создание Совета глав республик под председательством Ельцина, на котором решались важнейшие вопросы федеральной политики.

Нужно отметить, что подобная лояльность дала свои положительные результаты — Российская Федерация оказалась едва ли не единственным многонациональным государством, сумевшим избежать на своей территории кровавых этнических конфликтов. Однако после того, как российские республики продемонстрировали "парад суверенитетов", у краев и областей тоже возникло непреодолимое желание повысить свой статус. Вначале Вологодская и Свердловская области, а затем и ряд других русских регионов объявили о своем намерении провозгласить себя республиками. В октябре 1993 г. Свердловская область осуществила свою угрозу и приняла Конституцию Уральской республики.

На мой взгляд, концепция этой республики никакой опасности для России не представляла. Основы государственного строя закрепляли на ее территории суверенитет России. Уральская республика не имела права выхода из России, не предполагала иметь армию, свою денежную единицу, да и вообще какие-либо признаки суверенного государства. Конституция Уральской "республики" отличается от конституций национальных республик в составе России тем, что безоговорочно признает верховенство российского права и федеральной

государственной власти на своей территории. Да и тот факт, что высшее должностное лицо в этой "республике" именуется не президентом, а губернатором, свидетельствует о полной совместимости уральского новообразования с концепцией единого федеративного государства. Самое же главное, что население области, т.е. республики, было абсолютно равнодушно к возне, затеянной местными властями. Людей можно было настроить в пользу республики, разве лишь начав против нее репрессии. Тогда из простого чувства протеста уральцы могли консолидироваться вокруг идеи местной республики.

Куда более реальна угроза дезинтеграции России вследствие роста политических appetитов руководителей национальных республик в составе Федерации, именно они имеют возможность "привлечь на свою сторону большие массы людей, разыгрывая национальную карту" в политической борьбе. При этом возможны два варианта негативного развития событий.

Первый вариант — существующая в ряде республик коммуно-советская элита запугивает общественность республики растущей "диктатурой" Москвы, взвинчивая при этом национальные чувства, а чем заканчивается политическая борьба, замешанная на национализме и сепаратизме, хорошо известно на примере Карабаха, Южной Осетии и Абхазии.

Второй вариант — радикальная националистическая оппозиция использует те же "антиимперские" настроения для того, чтобы прийти к власти. Примерно так было в Чечне после провала августовского путча, когда группа Дудаева свергла председателя ВС Чечено-Ингушской республики. Теперь мы знаем, что прежний коммунистический лидер Завгаев был куда меньшим националистом и сепаратистом, чем декларирующий антикоммунистические взгляды нынешний президент Чеченской республики.

Итак, у российских регионов, как национальных, так и территориальных, накопилось немало объективных причин для недовольства жестко централизованной системой государственного управления. Постоянно усиливались и требования расширения административной и экономической самостоятельности регионов. Вместе с тем в русских краях и областях эти требования, во-первых, не выходили за рамки сугубо экономических, во-вторых, были направлены на превращение унитарного государства в подлинно федеративное. К иным политическим требованиям привело накопление недовольства унитарным государством в национальных автономиях: здесь экономическая и административная самостоятельность рассматривалась местной политической элитой всего лишь как переходная ступень к полной независимости — к выходу из федерации. Можно сказать, что в русских краях и областях развивалась идея федерализма, тогда как в национальных автономиях формировался сепаратизм. На волне обоих течений складывалась и региональная элита, которой суждено было сыграть важную роль во внутрироссийской политической борьбе.

Региональные лидеры оказались "третьей силой" в войне центральных властей. Речь идет об углублении противоборства двух ветвей федеральной власти — законодательной (Съезд народных депутатов и Верховный Совет) и исполнительной (президент и Совет министров). Это противоборство, весьма характерное для большинства новых независимых государств на территории бывшего СССР, достигло в Российской Федерации своего апогея, когда на состоявшемся в марте 1993 г. IX Съезде народных депутатов была предпринята попытка отстранения президента Ельцина от власти. Попытка не удалась, однако она продемонстрировала невозможность достижения компромисса между противоборствующими политическими силами, а, следовательно, обозначила перспективу дальнейшего кризиса федеральной власти в России.

Каждая из сторон нуждалась в союзниках, поэтому началось "перетягивание каната" с целью привлечения в свой лагерь региональных властей. Спикер Верховного Совета Руслан Хасбулатов сделал ставку на русские регионы. Во время своих поездок по русским областям он неоднократно заявлял о необходимости повышения их статуса. Политика президента Бориса Ельцина была ориентирована на более тесные контакты с лидерами автономий, которых он регулярно собирал перед каждым "решительным боем", будь то очередной съезд или референдум. Разумеется, и речи не может быть о том, что президент испытывал к республикам некие более теплые чувства, чем к краям и областям. Он лишь полагал, что в русских территориальных образованиях главы исполнительной власти, которых назначает президент (в обыденной речи их иногда называют губернаторами), во всех случаях будут ему верны, поэтому основные усилия следует сосредоточить на привлечении на свою сторону наиболее независимых политических актеров — лидеров национальных автономий.

Таким образом, региональные руководители оказались той "третьей силой", которая получала наибольшую выгоду от борьбы двух ветвей федеральной власти, поскольку каждая из них старалась расположить к себе региональную элиту. Тактика последней состояла в том, чтобы не дать усилиться какой-либо стороне этого конфликта и как можно дольше затянуть кризис федеральной власти.

И все же до апрельского (1993 г.) референдума перевес в борьбе за регионы был на стороне представительной власти. Подавляющее большинство региональных Советов поддерживали Верховный Совет, к ним присоединилась и некоторая часть глав исполнительной власти регионов — по положению их назначение или снятие утверждалось Советом, и они были защищены от "кары" президента. Кроме того, чтобы избавиться от про-ельцински настроенных губернаторов, попавших в это кресло после ликвидации путча 1991 г., в ряде областей южной и центральной России по решению местных Советов были проведены новые выборы глав исполнительной власти. Ими стали представители старой партноменклатуры, позиции которой

традиционно сильны среди консервативно настроенного населения аграрных областей России.

Конфликт в высшем эшелоне власти таил в себе многочисленные угрозы для целостности России. Назову лишь две из них: во-первых, опасность расползания "конфликта властей" вширь, т.е. усиление противостояния между представительной и исполнительной властями в республиках, краях и областях Российской Федерации; во-вторых, опасность активизации игры на противоречиях между президентом и парламентом со стороны сепаратистских сил в субъектах федерации, получающих от каждой из ветвей власти все новые политические привилегии.

Угроза этого стала особенно реальной в условиях проведения так называемой "поэтапной конституционной реформы". Суть ее в том, что в силу невозможности получить утверждение своего варианта Конституции на Съезде Ельцин надеялся легитимировать его на основе ратификации основного закона России руководителями субъектов федерации. Однако региональная политическая элита, особенно руководители национальных автономий, попытались использовать эту заинтересованность президента в своих целях. Трудно было даже придумать для них лучшую ситуацию, чем та, когда в них нуждались и президент, и парламент. Понимая свою значимость, руководители бывших российских автономий стали запрашивать все большую цену за свою благосклонность к различным вариантам новой Конституции, при этом все яснее становилось, что они не заинтересованы ни в одном из них. Еще в декабре 1992 г. главы республик решительно отвергли парламентский вариант, а в мае 1993 г. выдвинули целый ряд возражений против президентского. В числе основных были следующие замечания: 1. Право на самоопределение наций не нашло отражения в этом проекте. 2. Текст основной части не во всем соответствует принципам Федеративного договора. 3. Недостатком проекта является резкое изменение баланса властей: утверждение президента России в качестве высшего носителя государственной власти. 4. Неприемлем для республик и принцип абсолютного верховенства федеральной Конституции и законов, по сравнению с законами республик в составе России.

Однако главным поводом для нападков на президентский проект стали так называемые "неконституционные принципы" его принятия. Разумеется, региональные лидеры вовсе не являются большими, чем российский президент ревнителями законности, просто они нащупали наиболее уязвимое место в предложенной Ельциным схеме конституционной реформы — отсутствие легитимных способов ее принятия в случае политического саботажа депутатского корпуса.

Еще 12 мая в "Независимой газете" было опубликовано письмо глав 11 республик, в котором содержался протест по поводу предлагаемой президентом процедуры принятия Конституции РФ, минуя Съезд народных депутатов. А 27 мая та же газета опубликовала письмо от 25 мая за подписью 16 руководителей республик (не подписали его толь-

ко руководители Татарстана, Удмуртии, Чувашии и Карачаево-Черкесской республики). Письмо публиковалось под броской шапкой: "Главы республик предъявили конституционный ультиматум президенту". Ультиматум состоял в требовании в месячный срок принять закон о процедуре подготовки, обсуждения и принятия новой Конституции.

Накануне начала работы Конституционного совещания (в мае 1993 г.) Ельцин во что бы то ни стало хотел заручиться поддержкой региональных лидеров. Именно на этом совещании предполагалось ратифицировать новую Конституцию и тем самым вынудить депутатский корпус России пойти на досрочные парламентские выборы. Для этого Ельцин готов был пойти на серьезные уступки наиболее строптивой категории региональной элиты — лидерам национальных автономий.

Пользуясь слабостью федеральной власти, четыре республики — Чечня, Татарстан, Башкортостан и Якутия — фактически прекратили выплату федеральных налогов. В итоге, основная тяжесть уплаты федеральных налогов легла на плечи наиболее развитых русских регионов. За 1992 г. разница между суммой федеральных налогов и поступлением средств из федерального бюджета в расчете на одного жителя Москвы, Самарской, Нижегородской и других областей Центральной России, Поволжья и Урала составила 15—25 тыс. руб., а в крупнейшем нефтегазодобывающем регионе — Тюменской области — 60 тыс. руб. Эти суммы более чем вдвое превышали среднюю месячную заработную плату жителей регионов-"доноров".

Показательным примером вопиющего экономического неравенства могут служить два субъекта Федерации, расположенные в одной географической зоне — на Дальнем Востоке: Приморский край и республика Якутия. Сумма поступлений в местный бюджет в расчете на одного жителя различалась в них в шесть раз, причем в худшем положении оказались жители русского региона, который исправно перечислял налоги в федеральную казну, а не жители дотируемой из Центра республики.

Президент Якутии Михаил Николаев, известный своей проельцинской ориентацией, добился разрешения оставлять в распоряжении республики 25% добываемых в ней алмазов, а также значительного увеличения доли республики в доходах от продажи добываемого на ее территории золота.

Однако, если экономические льготы республики получали незаконно, как бы выпрашивая их у правительства, то их политические привилегии могли получить закрепление в новой Конституции РФ.

В одном из первых вариантов президентского проекта Конституции предусматривались беспрецедентные политические льготы национальным образованиям: в верхней палате будущего парламента им предоставлялось такое же количество мест, как и вдвое большему числу российских краев и областей.

26 мая на совещании глав республик президент одобрил заявление, в котором отмечалось, что помимо федеративного договора, отно-

шения республик с федеральной властью могут регулироваться двухсторонними договорами, а для республик, не подписавших Федеративный договор (Татарстан, Башкортостан и Чечня), допускается возможность регулирования отношений с Москвой только на основе двухсторонних договоров, т.е. так же, как и с иностранными государствами.

Наконец, в июне на Конституционном совещании президент согласился с предложенной главами республик формулировкой 5-й статьи Конституции: "Республика — суверенное государство в составе Российской Федерации". Подобная формулировка сразу была использована политическими противниками президента как повод для обвинений в том, что, стремясь "протащить" свой проект Конституции, он готов жертвовать целостностью России. Главная же опасность подобных формулировок состоит в том, что использование понятия "суверенное государство" без пояснений того, что скрывается за этой формулировкой, открывало простор для произвольных трактовок полномочий республик и для возникновения острейших конфликтов между республиками и Москвой, а также провоцировало рост сепаратизма в русских регионах.

В свое время Михаил Горбачев пытался остановить процесс распада СССР, идя на уступки республикам, однако уступки Центра приводили лишь к эскалации требований со стороны республиканских политических элит. Руководство России во многом повторило ошибки союзного правительства, но, к счастью россиян, новые политические условия, с одной стороны, смягчили негативные последствия допущенных ошибок, с другой — позволили российским лидерам вовремя их исправить.

После того как Конституционное совещание, на которое исполнительная власть возлагала столько надежд, не выполнило своей задачи и не дало президенту Ельцину возможности покончить с двоевластием с помощью субъектов Федерации, президент сместил акценты в своих отношениях с региональными элитами. Эти перемены проявились в следующем: во-первых, президент перестал делать ставку преимущественно на лидеров республик — возросшее влияние русских территорий стало очевидным; во-вторых, не добившись результатов в поиске легитимных путей выхода из ситуации двоевластия и конституционного кризиса, президент Ельцин предпринял силовые шаги, объявив о роспуске Верховного Совета и назначении новых парламентских выборов.

Подписанный им 21 сентября 1993 г. указ вызвал новый всплеск противостояния представительной и исполнительной властей в русских регионах. Большинство местных Советов приняло решение о неконституционности действий президента и о приостановке исполнения указа на своей территории. Особенно негативной была реакция властей в республиках. Единственным лидером, поддержавшим Ельцина, стал президент Якутии Михаил Николаев.

Следует отметить, что в критических условиях, сложившихся накануне октябрьского мятежа, "третья сила" самоорганизовалась

удивительно быстро: по инициативе председателя Конституционного суда Валерия Зорькина и президента Калмыкии Кирсана Илюмжинова был создан Совет субъектов Федерации. Решение этого Совета одновременно отменить президентский указ и последующие решения непокорившегося съезда о лишении Ельцина президентских полномочий, возвращении к состоянию дел до выхода указа было крайне выгодно парламентской стороне и абсолютно неприемлемо для президента. Мотивируя свои действия стремлением избежать кровопролития, "третья сила" объективно способствовала решению парламента бороться до конца и в какой-то мере провоцировала его на вооруженные действия.

Как известно, августовский путч 1991 г. ускорил распад СССР. Не приведет ли к аналогичным последствиям в Российской Федерации октябрьский мятеж? Грозит ли России судьба СССР?

Итак, политические процессы в России во многом напоминают те, что происходили в СССР накануне его распада. Вместе с тем нельзя не заметить и те особенности политического развития России, которые отличают ее от СССР и определяют собой большую вероятность сохранения территориальной целостности нового государства, отметившего 12 июня 1993 г. третью годовщину своей независимости. Начать с того, что против власти бывшего Союзного Центра выступали единым фронтом все республики бывшего СССР. Совершенно иная ситуация сложилась в России. Здесь края и области выражают *все* большее недовольство политическими привилегиями, которые имеют национальные образования. Кроме того, после распада СССР они уже успели ощутить те огромные трудности, которые возникают вследствие разрыва традиционных экономических связей, установления таможенных и политических барьеров, резкого увеличения транспортных тарифов при переезде из одного "независимого" государства в другое.

Некоторые проблемы, связанные с растущим сепаратизмом национальных автономий, проявились и в Российской Федерации. Так, некоторые из них — Калмыкия, Дагестан, Чеченская республика — стали предъявлять территориальные претензии соседним российским областям. К вооруженному столкновению (правда, быстро локализованному) привели территориальные споры между Северо-Осетинской и Ингушской республиками. Поэтому руководители русских краев и областей выступают за равенство всех субъектов Федерации и за сохранение ее территориальной целостности. На Конституционном совещании они дали настоящий бой республикам. Так, именно представители русских регионов буквально вынудили лидеров республик согласиться на включение в текст Конституции положения о равенстве всех субъектов Федерации. Края и области добились и того, что целым рядом статей окончательного текста Конституции фактически запрещается сецессия государства.

Натиск лидеров русских регионов оказался куда более эффективным, чем если бы аналогичную попытку предприняли феде-

ральные власти. Впрочем, и у федеральной власти достаточно экономических рычагов для того, чтобы оказать эффективное воздействие на антиреформаторские, сепаратистские силы в составе региональной элиты. В ее руках весь железнодорожный и воздушный транспорт, трубопроводы, энергосистемы, не говоря уже о силах охраны порядка. Например, в случае отказа республики выплачивать налоги может быть наложен арест на все ее счета в банках на территории РФ, запрет на вывоз товаров за рубеж и т.д.

Москва не использовала эти рычаги во многом потому, что этому препятствовало двоевластие. Если бы одна из ветвей власти решилась на применение экономических санкций, например против неплательщиков налогов, то другая немедленно пресекла бы их исполнение, пытаясь одновременно нажать на этом политический капитал и привлечь на свою сторону новых союзников.

После подавления мятежа ситуация радикально изменилась, не случайно все республиканские органы власти, признавшие неконституционным Указ президента России о роспуске Верховного Совета РФ и досрочных выборах, отменили эти свои решения сразу же после провала путча. Если накануне апрельского референдума обозреватели гадали, разрешат или не разрешат республики его проведение на своей территории, то в отношении декабрьского референдума и досрочных парламентских выборов таких вопросов даже не возникало — всем было очевидно, что республики не осмелятся сделать столь грубый выпад против федеральной власти. И дело здесь не только и не столько в страхе, сколько в кардинальных изменениях политической ситуации в России.

Еще год назад заявить о выходе из России считалось чуть ли не доблестью. Сегодня даже Татарстан, самая богатая республика, дальше других продвинувшаяся по пути суверенизации, устами своего президента Минтимера Шаймиева заявляет, что она не только не стремится к выходу из Федерации, но и ставит своей целью сохранение ее целостности. Разумеется, есть разница между декларациями и реальными действиями, но в данном случае важны именно декларации. Сам факт, что они публично произносятся, свидетельствует о непопулярности идеи развала Российского государства.

Лишь Чеченская республика еще в 1991 г. фактически вышла из состава Российской Федерации. Но ее примеру вряд ли захотят последовать другие республики России. Сегодня Чечня буквально надывается под бременем своей независимости. Национальной консолидации чеченскому обществу хватило ненадолго. Как только исчез страх перед внешним врагом — Россией, тут же стали проявляться и усиливаться противоречия между различными регионально-клановыми и этническими общностями внутри республики. Дошло до того, что три района Чечни сегодня отказываются подчиняться чеченскому руководству. В других национальных автономиях в случае их выхода из России могут возникнуть еще большие внутренние противоречия. Например, в Кабардино-Бал-

карии существуют непримиримые территориальные споры между двумя народами — кабардинцами и балкарцами, а в Дагестане территориальные претензии предъявляют друг другу целая дюжина народов. И нужно сказать, что большинство руководителей национальных республик в составе России достаточно хорошо осознают опасность усиления внутренних противоречий в случае выхода их автономий из состава Федерации.

Российская Федерация, в отличие от СССР, в целом достаточно однородна в этническом отношении: 82,6% ее населения составляют русские, они же численно преобладают и в большинстве автономий. Лишь в шести из них народ, давший название республике, численно преобладает над русскими. Четыре таких республики на Северном Кавказе (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия), одна в Поволжье (Чувашия) и одна в Сибири (Тува), и если есть некоторая вероятность отделения от России каких-то республик, то прежде всего именно этих. Правда, из числа потенциальных претендентов на выход следует сразу же исключить Северную Осетию, как единственную христианскую автономию на мусульманском Северном Кавказе. Эта республика в сложившейся ситуации не захочет выйти из России.

По иным причинам из названного списка следует исключить и Чувашию. Сегодня здесь нет политических сил, которые бы заявляли о стремлении бороться за независимость этой республики. Но даже если бы в Чувашии такие силы и проявились, все равно вероятность выхода этой республики из Российской Федерации была бы очень незначительной. Чувашия относится к числу тех республик (а их в России большинство), которые не имеют самостоятельных внешних границ с иными государствами, следовательно, могут быть полностью блокированы Россией. Легче выйти из состава России тем республикам, которые находятся на ее окраине, а это значит, что Россия, в худшем случае, может лишь "обкрошиться" с краев, но не распасться на части.

Когда говорят, что преобладание русских в Российской Федерации служит фактором, укрепляющим целостность Российской Федерации, в качестве возражения приводят иногда примеры того, как русское население национальных республик не раз поддерживало процессы их автономизации. Что ж, действительно, сегодня республики находятся в относительно привилегированном экономическом положении, они, например, платят меньше налогов в федеральную казну и, обеспечивая за счет этого более высокий жизненный уровень на своей территории, формируют настроения в пользу большей автономизации. Любопытный факт: за сохранение еврейской автономной области, где почти не осталось евреев, выступает именно русское население. Но благополучные "автономные острова" в море нынешнего российского неблагополучия — явление временное, рано или поздно уровень жизни выровняется. Кроме того, поддержка русскими расширения региональной самостоятельности не означает

их поддержки сецессии: слишком зрима для них негативная последствия "ухода" из России.

Удерживает российские регионы от выхода из Федерации и угроза внешней экспансии. Например, в Сибири и на Дальнем Востоке растут опасения населения по поводу территориальных притязаний Китая и Японии. Жители этих регионов понимают, что защиту от внешней угрозы они могут получить только в составе единого сильного государства. И только оно же может дать защиту и во внешнеэкономической деятельности.

Еще год назад во многих публикациях распад России рассматривался как неизбежность и чуть ли не благо. Сейчас ничего этого нет. Прошло время, и опыт пролитой крови, а также миллионов беженцев подействовал отрезвляюще. Повлияли на изменение взглядов либеральной интеллигенции и другие перемены в политическом климате постсоветского общества. Когда большинство жителей Москвы и Ленинграда на референдуме 1991 г. проголосовали против сохранения Советского Союза, то, естественно, они выступали не против сохранения целостности страны, а против политического режима, который тогда в ней господствовал. Считалось, и не без оснований, что нельзя ликвидировать коммунизм, не разрушив империю. Сегодня ни у кого не возникает мысли, что, лишь развалив российскую государственность, мы сможем не опасаться реставрации коммунизма. Наоборот, сегодня все чаще коммунисты блокируются с националистами и сепаратистами всех мастей, и поэтому борьба за сохранение целостности России — это одновременно и борьба с национал-коммунизмом.

*В.Л.Каганский,
Институт национальной модели экономики*

Реальности регионализации: основные аспекты процесса

Мое выступление представляет собой резюме довольно большого исследования, которое я провожу. Оно посвящено структуре и регионализации советского пространства, поэтому некоторая часть подробной аргументации будет опущена. Вначале два замечания методологического характера.

Во-первых, когда нечто становится политическим символом, оно может обесценить свое содержание. Распад СССР стал как раз таким символом, содержание которого начало обесцениваться. В частности, об этом сложном и долгом процессе говорят как о событии, вдобавок как о событии завершившемся. С какой бы стороны мы ни описывали процесс распада СССР — со стороны структурной, геополитической, экономической, этнической, он еще не завершился, и в определенном смысле не завершится очень долго. А в совсем жестком смысле Со-

ветский Союз, если понимать его не как государственное образование, а как определенную территорию, не распадется никогда. Для таких территорий в географии есть понятие "проблемный регион". Как проблемный суперрегион, Советский Союз, может быть, слегка меняясь в своих границах, может быть, и расширяя свои границы, существовать будет достаточно долго.

Замечание второе, полемическое: сейчас я не хочу вдаваться в различия между реальностью и действительностью, но хочу подчеркнуть, что существует несколько слоев реальности. И тот из них, который находит выражение в политике и публицистике, — это только один аспект, или слой, безусловно, очень существенный, но не единственный, не исчерпывающий. И что, по-моему, самое существенное, это тот слой, который не может быть единственной базой и позицией для исследования. Исследователь обязан считаться с таким феноменом, как политика, но если он целиком погружен в этот слой, то рамка его видения сужается. В той концепции, которая излагается ниже, политика — лишь один из многих феноменов, причем не он объясняет другие, но сам должен объясняться, исходя из большого массива реальности.

Теперь по поводу процесса *регионализации*, частным случаем которого является так называемый распад СССР. (Я использую этот термин за неимением более точного определения, для меня он стоит в смысловых кавычках.) В действительности это, по крайней мере, четыре разных, хотя и взаимосвязанных процесса. 1) Суверенизация структурных, в том числе пространственных компонентов; 2) демонтаж, деструкция вышестоящего уровня; 3) "сборка" компонентов суверенизирующихся регионов, реинтеграция их пространства; 4) перестройка пространственных отношений, как между регионами, так и регионов с Центром.

Наиболее известный из этих процессов — суверенизация структурных компонентов. Структурными компонентами на уровне СССР были союзные республики и структуры центральной власти. Но надо иметь в виду, что структурные компоненты бывают, по крайней мере, двух типов: пространственные и функциональные. Пример второго — военно-промышленный комплекс, вооруженные силы и т.д. В какой-то степени суверенными (их суверенность по-разному оформляется) становятся компоненты обоих типов. Тезис о том, что вооруженные силы бывшего СССР — это шестнадцатая республика — метафора, но она выражает определенную суть дела. Говоря всерьез, СССР распался на еще неопределившееся, неопределенное количество частей. Неопределенное потому, что статус таких частей, как Абхазия, Приднестровье, Крым и т.д., неясен, противоречив и двусмыслен. На сколько и на какие даже чисто пространственные части распался Советский Союз — это довольно сложный вопрос. В частности, поэтому, я думаю, пока не сложились новые политические карты, которые показывали бы, какие реальные части обособились. Характерно, что практические шаги суверенизирующихся регионов практически не

зависят от того, политические силы какой ориентации стоят у власти. Коммунисты, националисты, демократы, оказавшиеся у власти в тех или иных регионах, ведут себя практически неразлично. Особая проблема — взаимосвязь суверенизации пространственно-территориальных компонентов (т.е. собственно регионов) и других компонентов и их частей, особенно предприятий, которые обнаруживают структурное сходство с регионами. (Есть основания утверждать даже, что предприятия и ему подобные структуры — регионы, но не территориального, а базового, социально-экономического пространства.)

Второй процесс — это некоторый демонтаж вышестоящего уровня, его распад в узком смысле. Советский Союз был как бы демонтирован как уровень. Совершенно понятно, что для Советского Союза этот процесс не завершился, остались целостные структуры этого уровня. Например, существующая транспортная сеть. Ее можно, конечно, делить, как все остальное, но совершенно понятно, что транспортная сеть или контроль безопасности воздушного пространства относятся к одному типу централизованных компонентов, а вооруженные силы, атомное оружие — к другому. Демонтаж вышестоящих уровней или демонтаж полномочий сейчас происходит на уровне Советского Союза и на уровне больших республик, прежде всего Российской Федерации, Казахстана и Украины. (По Российской Федерации больше всего информации, по Украине ее меньше, по Казахстану еще меньше, но это отнюдь не значит, что процесс там не идет.) Страны Балтии образуют особый, казусный случай, который надо обсуждать отдельно. Там нет дальнейшей регионализации, идет обычная политическая жизнь. Между тем регионализация как геополитика и одновременно квазиполитика и собственно политика — альтернативны.

Третий компонент, третий аспект — сугубо созидательный и сугубо конструктивный. Я даже готов утверждать, что сейчас на него пришлась основная тяжесть и основная "энергетика" процессов регионализации — это "сборка" компонентов. Понятно, что когда существуют вооруженные силы, система жизнеобеспечения или здравоохранения, или технических стандартов одного государства, а потом все это делится, насколько это возможно, то затем возникает неизбежная проблема интеграции возникших фрагментов. Вот на территориях республик и идет сейчас сборка таких компонентов, причем компонентов разных. Скажем, на Украине в этой сборке участвуют и военно-промышленный комплекс, который оказался на ее территории, а в значительной степени и вооруженные силы. А страны Балтии, наоборот, элементы этого комплекса удаляют. На этом текущем этапе видно, что эффективность сборки предопределяет интеграционное движение регионов, независимо от того, какого рода политические силы стоят у власти. Если удастся осуществить эффективную сборку компонентов, т.е. интегрировать пространство региона территориально и функционально, то регион продолжает су-

веренизацию. Республики, области, края — все это, разумеется, регионы. Если же региону не удастся выстроить и (или) достроить свою функциональную структуру до полной, то начинаются разного рода интеграционные потуги — то, что мы наблюдаем, все эти метания с национальными валютами и новым рублевым пространством. Это доказывает, что очень многое зависит от возможности собрать минимально необходимый набор компонентов. В том числе и вооруженные силы. Но существенно подчеркнуть, что регионализация предстает распадом и дезинтеграцией только на одном уровне — на уровне бывшего СССР. На уровне же собственно регионов происходят прямо противоположные процессы.

Четвертое — это перестройка пространственных отношений, в том числе между регионами и Центром как некий резюмирующий аспект. Здесь существенно отметить, что регионы, по крайней мере, трех больших государств (Россия, Казахстан и Украина) проводят свою собственную внешнюю политику, вступая в союзы с иностранными государствами. Регионы областного ранга обладают своим обычным правом, в частности регламентирующим ношение и использование огнестрельного оружия, проведение этнических чисток, фактическое налогообложение, и т.д. Отсюда вывод, что применимость традиционной, стандартной концепции государства к тому, что происходит на территории бывшего СССР, — проблематична и требует особых обсуждений. Россия — это государство или не государство? Таджикистан — это государство или не государство? Свердловская область — это государство или не государство? Классическая концепция государства ни к одному из регионов на территории бывшего СССР не приложима.

Сказанное — вывод из концепции советского пространства, каким оно существовало до начала перемен. Происходящая геополитическая событийность структурно детерминирована, т.е. возможно и необходимо объяснять происходящие процессы, исходя из той структуры пространства, в которой регионы уже существовали. При всей важности этнических, собственно политических и пр. аспектов, без них можно обойтись при макрообъяснении ситуации.

Согласно концепции, которую я развиваю, если процессы распада Российской Федерации и имеют место, т.е. их можно однозначно описать, то дело не в том, что Россия такая большая и разная (это совершенно очевидно), а в том, что это огромное пространство организовано единообразным образом. В этом смысле сама Россия устроена точно так же, как и ее регионы, что и предопределяет ожесточенность, конфликты, как между разными уровнями региональной иерархии, так и между разными регионами. Ожесточенность конфликта объясняется структурным изоморфизмом конфликтующих регионов разных уровней — они борются ровно за одни и те же ресурсы, прежде всего — ресурсы институциональные. И в этом смысле Советский Союз, Российская Федерация, Грузия, Москва, Свердловская область, Татария как регионы проводят структурно очень сходные

политики. Они проводят их с очень разной эффективностью, с очень разной степенью жесточенности, но они проводят совершенно одинаковые политики, и это можно достаточно корректно описать. И политики эти фундированы самой тотальной структурой пространства.

Регионы потому оказались частями, на которые стало распадаться государственное советское пространство, что они совершенно реальны. Другой такой системы частей, которые совмещали бы в себе признаки институтов государства, притом тотальных по действующей в них программе и реально-жизненной целостности, просто не было. Страна распалась ровно на те части, из которых она состояла. И дальнейшие процессы идут по той же закономерности. В этом смысле советское пространство — *пространство саморасчленяющееся!* Концепция советского пространства и его регионализации, развиваемая сейчас в ходе работы над проектом Интерцентра, и позволяет фиксировать геополитическую феноменологию, обращаясь к фундаментальным структурам устройства пространства. В частности, именно и только из теоретико-географически "отпрепарированной" структуры этого пространства удается дедуцировать весь набор стратегий, который используют регионы во взаимодействии с надрегиональными структурами, а последние — в борьбе с регионами.

Несмотря на распад СССР и аналогичные процессы, все еще остается огромный проблемный багаж. Этот проблемный багаж надо распаковать. Пока распаковывается проблемная верхушка — то, что имеет статус конфликтов политических, этнополитических и т.д. Далее пойдут конфликты другого рода, в частности экономические конфликты. Даже краткий очерк регионализации останется неполным, если не указать на возможности более содержательных, нежели структурно-пространственных, интерпретаций. Многое в том, что происходит с регионами как институциональными единицами, станет яснее, если представить себе буржуазную революцию регионов, в которой они под лозунгами "свобода—равенство—собственность" выступают против надрегионального Центра, присваивая и захватывая его властно-правовые, силовые и собственнические прерогативы.

*Л.Д.Гудков,
кандидат философских наук, ВЦИОМ*

**Русское национальное сознание: потенциал
и типы консолидации**

Последние события (я имею в виду успех на выборах радикальной национал-популистской партии Жириновского) показывают крайнюю важность, более того, практическую необходимость изучения русского национального сознания — его структуры, динамики, сте-

пени консолидированности. Необходим своего рода мониторинг, который бы отслеживал ранние фазы и перспективу развития русского национализма, типы его носителей. В нашем распоряжении есть исследования ВЦИОМа, ведущиеся с середины 1989 г. и содержащие характеристики этнических установок, уровня массовой ксенофобии, некоторых особенностей национального сознания русских, а также данные о динамике различных сантиментов, связанных с национальной проблематикой.

Если очень кратко характеризовать русский национализм, то я бы сказал (пользуясь различием Г.Кона), что это "открытый национализм". В отличие от "закрытого" (консолидации, основанной на представлениях об аскриптивной общности происхождения, часто биологически, т.е. генетически или расово подчеркнутой, а также общности судьбы, истории, языка, культуры, локальности территории заселения), "открытый национализм" предполагает интегрированность людей вокруг общности социально-политических форм при относительной слабости единства культуры, культурных символов, языка или веры в общее происхождение. "Нация" здесь будет мыслиться как социально-государственная система политических институтов. Разумеется, это еще ничего не говорит о степени демократичности данной системы, поскольку она может включать достаточно разные режимы (например, США и СССР). Однако в данном случае я хотел бы подчеркнуть некоторые общие черты: тенденцию к надэтническому образованию и соответствующие структуры национальной идентичности.

Действительно, при анализе глубины исторического самосознания русских и особенностей их символического героического пантеона, и даже в самоописаниях и этностереотипах у русских доминирует одна тема — идентификация с властью, властными структурами. Распад СССР и последующие процессы дезинтеграции вызвали сильнейший кризис русского самосознания. Оказались смазанными (возможно, на время) существовавшие ранее барьеры — границы, территориально-политические символы, расстановка основных фигур и ролей внутри этого пространства, правила и нормы социального взаимодействия (например, характер господства, в том числе и языкового или культурного). Подверглись эрозии или разрушились прежние факторы национальной консолидации — такие, как представления о врагах. Скажем, такой важнейший фактор советской национальной консолидации, как военная угроза со стороны стран Запада, представление о США, Германии, Японии и др. как о потенциальных противниках сегодня практически исчез — его разделяют лишь около 13% опрошенных в России, главным образом люди пожилые или малообразованные, провинциалы в любом из значений этого слова.

Кризис идентификации вызвал состояние сильнейшей депрессии, фрустрации, астении и т.п. комплексы негативных психологических состояний. Речь идет, разумеется, о коллективных представлениях, а не о самочувствии людей в их частной повседневной жизни (где ха-

рактик эмоций может быть самым разным в зависимости от событий в жизни, возраста, удач или семейных отношений). Я имею в виду разрушение верхнего слоя коллективной лояльности — осознания себя в качестве "государственных жителей", подданных сверхдержавы, патерналистской власти. Нарастающий внутренний кризис идентификации сопровождался чувством исторического поражения и тупика, мазохистским переживанием своей ущербности и нецивилизованности, отброшенности от современности, своей "ненормальности", "дефектности". Показатели депрессивно-астенических состояний у русских были самыми высокими в сравнении с другими национальными группами, а позитивные эмоции и настроения характерны лишь для сравнительно небольшой части общества (менее 20%). (См. рис. 1 и 2. Динамика социальных эмоций за 1990—1993 г. Данные получены в массовых опросах "Новый год: итоги года, 1991—1992" и "Факт 1993—12".)

В России об усилении национального самосознания, национальной консолидации можно говорить лишь с большой натяжкой — кривая роста за 1990—1993 гг. поднимается всего на несколько пунктов. Для сравнения — наибольший рост этот показатель дал у узбеков (на 90 пунктов), киргизов (на 82 пункта), таджиков (на 75 пунктов).

Пик национальной консолидации русских (как и других этнических групп в СССР) приходится на 1991 г. — год распада советской империи, или великой державы. Такие чувства, которые образуют психологическую основу консолидации — уверенность в себе и в завтрашнем дне, чувство свободы или освобождения от лжи, гордость за свой народ, ответственность за происходящее в стране — у русских находятся на самом низком уровне среди всех народов СССР (выборка репрезентативная, но мы приводим данные только по пяти национальным группам). Напротив, динамика фрустрации (а это доминирующий тон в самоощущении русских, часто указывающих на рост агрессии у окружающих людей, отчаяния, безнадежности) точно повторяет кривую консолидации, но только в обратном порядке — самые низкие значения (как и астении) приходится здесь опять-таки на 1991 г. Чем выше уровень консолидации, тем ниже фрустрационный комплекс. То же самое можно сказать и об астенических состояниях (сюда входят ответы людей, указавших, что у окружающих усилились чувства усталости, беспомощности, одиночества, растерянности). Иначе говоря, финальные моменты существования СССР окрасились в тона политического бессилия, сознания невозможности что-либо сделать, обиды, растерянности перед будущим и ощущения собственной неадекватности. При всей распространенности подобных эмоциональных состояний все же есть некоторая дифференциация их по группам и социальным категориям — для пожилых малообразованных респондентов, жителей села и малых городов, причем чаще: для женщин — характерно скорее соединение одиночества, страха, обиды и растерянности, для мужчин — астенические проявления и аффекты (усталости, безразличия), а также

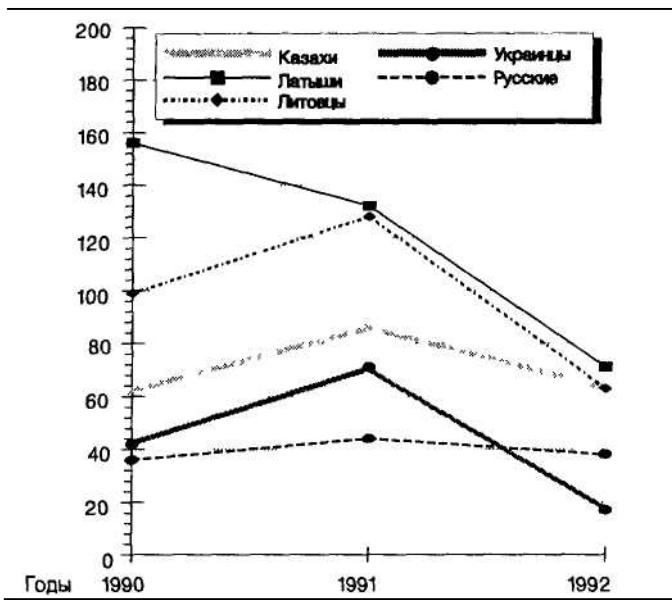

Рис. 1. Динамика индексов консолидации в различных этнических группах

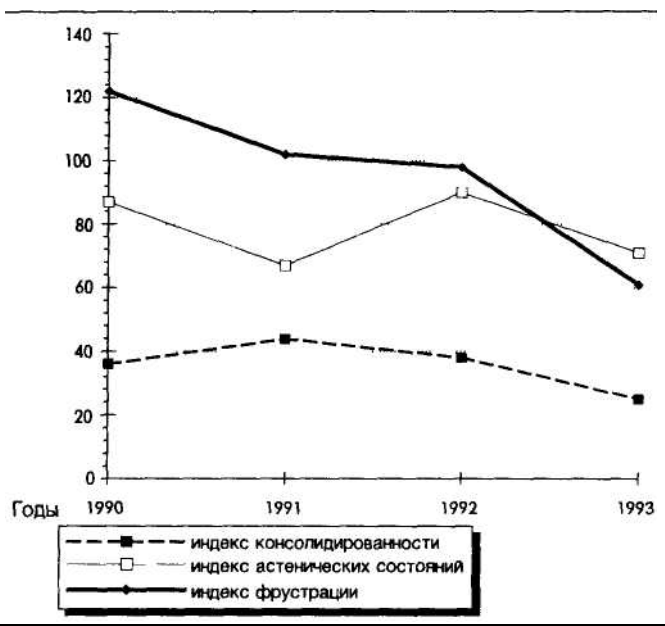

Рис. 2. Динамика социальных чувств в России

подчеркивание агрессивности окружающих. Астенией "больны" группы, характеризующиеся более высоким образовательным потенциалом и политически более информированные, среди них преобладают жители крупных городов.

Кризис не разрешился появлением новых образцов идентификации, новых национальных программ и идеологий. Более того, он практически упразднил и идею русского национального государства или, если быть более корректным, отодвинул ее в неопределенное будущее. Понимание необходимости реформ и консервация прежних символов национальной идентичности, прежнего самопонимания русских оказались в саморазрушающем и взаимно парализующем противоречии.

Затянувшееся начало реформ подорвало доверие к новому руководству России, его способности обеспечить ожидаемое повышение уровня жизни. В свою очередь, это девальвировало цели политического развития целого, что привело к эрозии сознания национальной общности. Разотождествление россиян с СССР (если в 1991 г. гражданами СССР считали себя 78 % опрошенных, то в 1993 г. — лишь 20 %) не привело, однако, к их идентификации в качестве граждан новой России: таковыми считают себя лишь 41 % опрошенных. Иначе говоря, снижение надежд на руководство государства или лидеров ведущих партийных группировок имело следствием ослабление национального мобилизационного потенциала, кризис системы коммуникаций, обеспечивавших консолидацию массы (тиражи центральных массовых изданий, как поддерживающих курс реформ, так и их оппонентов, упали в 10 и более раз).

Но наибольшее политическое значение имело разочарование в "демократах". Политический и управленческий дилетантизм, осложненный быстрым разложением интеллигенции, оказавшейся неспособной к рационализации ситуации и профессиональной работе в условиях социального слома и перехода, утратившей основные социальные и политические критерии оценки, усугубили состояние массовой дезориентации и неуверенности. (Попутно отмечу, что одной из причин этого были первоначально сверхвысокие ожидания от власти — патерналистский комплекс у интеллигенции был выражен, может быть, в наибольшей степени. Соответственно и неизбежное разочарование в том, что эта власть "не своя", что она "чужая", а стало быть "мы не советники царям", усилило общую дезориентированность и недееспособность интеллигенции, первоначально игравшей очень большую роль в процессах политической мобилизации 1988—1990 гг.)

Проиллюстрирую эти обстоятельства кризиса доверия на отношении населения к различным институтам. (Индекс представляет собой соотношение "доверяющих" и "недоверяющих" тому или иному институту, данные лета 1993 г., которые на протяжении нескольких месяцев практически не менялись): церковь — 2,7 ; армия — 1,7 (с марта 1992 г. индекс доверия вырос в 1,5 раза); СМК — 0,76 (упал в

1,5—2 раза); президент и его окружение — 0,73; директора государственных предприятий — 0,57; правительство — 0,51; местная исполнительная власть — 0,41; милиция и правоохранительные органы — 0,38 (с мая 1990 г. упал в 1,5—2 раза); профсоюзы — 0,37; городские советы — 0,32; частный бизнес, предприниматели — 0,28; иностранный бизнес — 0,23; Верховный Совет РФ — 0,18; политические партии — 0,10.

Таким образом, только два института — церковь и армия сохраняют сравнительно высокий уровень доверия населения. Причем армия — единственный институт, по отношению к которому оно с мая 1992 г. усиливается (после некоторых колебаний, связанных с падением его престижа из-за афганского синдрома, дедовщины, участия в тбилисских и вильнюсских побоищах). Вряд ли надо специально подчеркивать особое значение армии как мужского символического комплекса для национальной идентификации и готовности к политической консолидации. Напротив, собственно политические структуры, в первую очередь партии и Верховный Совет, не пользуются доверием общества.

Вместе с тем нельзя сказать, что прежние матрицы — патерналистская властная ось, персонификация авторитета и др. — исчезают. Они меняют знак и содержание, но сами структуры идентичности остаются. Остаются значимыми прежние ожидания: государственно-уравнительное регулирование цен, доходов, снятие дифференциации в потреблении и образах жизни, требование "наведения" порядка и обеспечения минимума потребительских и социальных благ, являющиеся потенциалом сопротивления реформам. В результате общей дезориентированности (на что существенно повлияли процессы разложения интеллигенции и дискредитации власти), роста неуверенности, невозможности адаптироваться (особенно там, где и так невелики социальные возможности смены занятий, приложения сил и проч. — в малых и средних городах, отличающихся наиболее низким уровнем жизни, обостренным экономическим, социальным кризисом) в некоторых группах резко усиливается потребность в упрощении интерпретации происходящего. Причем зоны этих настроений, размеры подобной среды быстро увеличиваются. Респонденты подобного типа настаивают на том, что лидеры мнений или СМК придают избыточную сложность происходящего: "не надо усложнять, в жизни все проще" (так считали почти половина опрошенных по российской выборке летом 1993 г., а несогласных с этим мнением было менее трети). Отсюда возникает тяга к "сильному лидеру, принимающему решения, которые были бы обязательны для всех" (ее разделяет практически каждый второй из респондентов, причем потенциал сопротивления авторитету такого типа обнаруживается лишь у тех же 30%, не склонных упрощать характер происходящего в стране). Но для нас в данном случае интересны именно настроения массы, т.е. тех людей, по мнению которых, "от того, что говорят простые люди, мало что зависит"; "такие люди, как они, не оказывают

существенного влияния на происходящее, не имеет смысла участвовать в политической деятельности, поскольку все решения принимаются политиками, а не простыми людьми" (так полагали примерно $\frac{2}{3}$ опрошенных, несогласных же с подобным суждением было всего 13-14%).

Подобные реакции характерны для ситуации спада политической мобилизации. Во-первых, можно говорить о последовательном падении интереса к политической сфере. Доли ответов "не разбираюсь или не интересуюсь политикой" и "затрудняюсь ответить" за четыре года выросли в 2—2,5 раза (соответственно 12, 32, 28 и 30%). В отношении будущего государственного устройства России уровень индифферентности респондентов (или их некомпетентности, что в определенном смысле одно и то же) был еще выше: в 1990—1991 гг., на пике консолидированности, он составлял 46%; в 1992 г. — уже 53%. Во-вторых, при всех колебаниях шло медленное и устойчивое сужение базы пассивной готовности к национальной мобилизации ("политика меня не интересует, но в случае необходимости всегда готов выступить на защиту своего народа") — с 39% до 27% за это же время.

В-третьих, фиксируются снижение претензий к ограничению доступа к политическому участию, отказ от надежд на более полное представительство своих интересов в структурах принятия политических решений (т.е. именно те моменты политического поведения, которое характеризовали усиление демократии) с 38 до 18—21%. Чрезвычайно характерно, что одновременно упало почти до нуля ощущение новых возможностей участия в политической жизни, эйфорически переживавшееся в 1989—1990 гг. (с 13 до 1%).

Такая высокая доля некомпетентных или индифферентных граждан не является выражением стабильности политической системы и равнодушия к сфере политического, характерных для западной демократии. Неучастие в политической борьбе значительной части общества было, во-первых, важнейшим элементом политической культуры тоталитаризма. Во-вторых, оно следует из самой неопределенности общих политических контуров коллективной жизни, стертости и словесной близости программ разных политических партий и движений (все выступают за рынок, порядок, демократию, национальные интересы России). И наконец, в-третьих, оно является результатом падения доверия и поддержки, раздражения или даже агрессии в отношении действующих политиков и их программ, никак не отражающих интересы массы населения. Собственно националистические партии или их блоки (такие, как ФНС, Национально-республиканская партия России, "Русский собор" и др.) привлекают в целом не более 3—5% населения, а вместе с национал-коммунистами — около 8—12%. Однако если учесть привычную дисциплинированность старшего поколения, сельского населения и жителей малых городов, то потенциальная среда их признания будет значительно шире — до 20%. Тем не менее влияние этих сил в обществе в целом весьма

ограничено, поскольку их поддержка строится на популистской эксплуатации страхов и фобий пассивной в социальном и политическом плане части населения. Неспособность этих партий и движений представить позитивную программу национального развития вызывает резко негативное отношение большей части общества, хотя, разумеется, определенная часть их деклараций встречается с известным сочувствием массой, в которой оживают рутинные ксенофобические предрассудки.

Кризис выбора сказывается также и в невозможности для значительной массы населения России и Украины решительной поддержки той или иной стороны в политическом процессе (прямо противоположная картина в тех республиках, где шло усиление национальной солидарности, — в Балтии или Казахстане). В России и, в особенности, на Украине, резкое падение поддержки руководства не привело к усилению политических конкурентов. За два последних года число деполитизированных, отказывающихся по самым разным причинам от политического участия в России увеличилось с 65 до 67%, на Украине — с 47 до 67%, в Латвии — с 48 до 62%, а в Литве и Казахстане, напротив, уменьшилось соответственно с 48 до 33 и с 51 до 48%.

Не вызвала особого доверия и перспектива новых выборов в законодательные органы России в декабре 1993 г. Лишь 29% горожан считали, что новые депутаты будут отражать интересы общества, напротив, 32% придерживались противоположного мнения ("Экспресс" 1993—21, №1597, ноябрь 1993). Примечательно, что наибольший скептицизм относительно нового парламента (45%) был высказан молодыми и образованными мужчинами, т.е. самой дееспособной частью общества.

Отстраненность от сферы политики ("политика не интересует" или "интересует мало") особенно быстро нарастала осенью 1993 г.: в сентябре так отвечали 52% опрошенных, в ноябре — уже 60%; соответственно уменьшалось число активных сторонников различных партий и политических движений (с 15 до 11%). Росли настроения отчуждения: "политических лидеров совершенно не заботит, что думают или хотят обычные люди" — 79% (не согласны с этим — 14%), увеличилась доля ответов "все равно за кого голосовать, от этого ничего не изменится" (согласны — 56, не согласны — 37%). Перед октябрьскими событиями подавляющее большинство опрошенных (51 %) отказывало в доверии и центральным, и местным властям (доверяли им лишь 19 и 16% соответственно).

Вместе с тем функция врага в структурах и механизмах национальной идентификации сохранила свое конститутивное значение (хотя роль противника, "чужого" играют новые персонажи). От внешнего оппонента внимание обратилось к внутренним — вначале к радикальным националистам в бывших союзных и автономных республиках, потом к самим республикам, а затем (в массовом варианте) к представителям этнических меньшинств в самой России. В 1989—1990 гг. список национальностей, вызывавших негативные уста-

новки, в массе отражал оценки сепаратистских и эмансипационных тенденций в Союзе (рассматриваемых отчасти и как фактор усиления межнациональной розни, грозящей захватить и прочие республики; таковым было, в частности, массовое отношение к армяно-азербайджанскому конфликту из-за Нагорного Карабаха и резне в Сумгаите и Баку). Иерархия негативных установок была тогда следующей: армяне (их назвали 23% опрошенных), литовцы (21%), азербайджанцы (19%), эстонцы (17%), латыши (16%), молдаване (10%) и т.п. Однако это недовольство или недоброжелательство не сопровождалось агрессией или одобрением силовой политики (51 % респондентов были категорически против подобных акций по самым разным резонам и причинам). Кроме того, существовал довольно значительный, позднее исчезнувший потенциал сопротивления навязыванию коллективной этнической ответственности (28% опрошенных были не согласны с самой постановкой такого рода вопросов).

Осенью 1993 г. индексы этнического негативизма (соотношение долей респондентов, "позитивно" и "негативно" относящихся к той или иной этнической группе) выглядели следующим образом: украинцы — 11,5; татары — 5,9; евреи — 4,0; эстонцы — 4,0; узбеки — 2,2; армяне — 1,1; азербайджанцы — 1,0; цыгане — 0,81; чеченцы — 0,73. Как видим, наиболее неприязненные установки преобладают в отношении "жителей Кавказа" и цыган. Помимо чисто культурного разрыва, значение которого усиливалось в последние годы в связи с ростом миграции этих этнических групп в города России, особенно в крупные, враждебность или недоброжелательство вызваны комплексом ущемленности и зависти к преуспевающим торговцам и предпринимателям. Демонстративно-потребительское поведение одних и собственная неспособность к изменению, к предприимчивости и активности в сочетании с коллективной фрустрацией других рождают в средних и низших слоях общества опасную смесь ксенофобии и агрессивного изоляционизма. На "инородцев" начинают проецироваться собственные недостатки и табуированные, вытесняемые желания и мотивы, им приписываются наиболее рутинные характеристики, позитивно оцениваемые русскими в собственной истории, — стремление к власти, к этнократии и проч. Так, около трети опрошенных убеждены в том, что в социальных бедствиях России повинны живущие в стране нерусские, или что люди нерусских национальностей пользуются в России чрезмерным влиянием (так считают уже 56% респондентов, а несогласных с этим суждением только 41%). Существенных различий в ответах людей из разных социально-демографических категорий нет. А это значит, что нет и моральных или культурных сдерживающих норм, носителем которых всегда считала себя интеллигенция. Призрак военной угрозы сменился устойчивым мотивом коллективно-невротической политической риторики — навязчивыми опасениями распродажи России.

В 1990 г. мнения в обществе на этот счет разделились почти поровну: "Согласны ли Вы с тем, что русским угрожает распродажа

национальных богатств зарубежным дельцам?" — "да" — 48%, "нет" — 49%. Причем максимум утвердительных ответов — примерно на треть больше средних показателей — пришелся на группы среднего начальства, ИТР и провинцию — сельских и малгородских жителей, а по возрастам — на молодежь до 25 лет и лиц старше 40 лет. В 1993 г. согласных с высказанным суждением было уже 74 % (не согласных — 25%). Хотя распределения в этом опросе имеют примерно те же характеристики, что и в 1990 г., среди тех, кто дал утвердительный ответ, заметно больше стало, с одной стороны, низкообразованных, служащих и пенсионеров, а с другой, — специалистов с высшим образованием. Увеличилась не только рутинная и социально-пассивная среда ксенофобии и ущемленного национального сознания, но подобные настроения социальных низов как бы были санкционированы авторитетом высокообразованных групп.

За последние два-три года (точнее, после начала спада национальной консолидированности) общие индексы ксенофобии увеличились в среднем в 1,5 раза. Можно утверждать, что в новом подъеме ксенофобии, имеющем уже не государственно-политический, а массовый и спонтанный характер, различия связаны скорее с отношением к реформам и политическим партиям, чем с иными индикаторами и признаками. Уровень ксенофобии и этнического превосходства у русских существенно различается в группах сторонников коммунистов или демократов. Так, хотя в среднем 53% опрошенных считают, что русские в России должны обладать большими правами, чем люди других национальностей (возражают против этого лишь 19% респондентов), среди собиравшихся голосовать на декабрьских выборах за тех или иных кандидатов сторонники этих точек зрения распределялись весьма неравномерно*.

Политический консерватизм, ксенофобия и сопротивление реформам тесно связаны друг с другом, хотя область ксенофобических реакций шире, чем можно было предполагать ранее. Сохранение старых или рутинных норм идентификации в нынешних условиях возможно лишь ценой существенного роста ксенофобии и этнического негативизма, враждебности к нерусским, живущим в России.

При остром кризисе власти (от 48 до 56% опрошенных в разных месяцах прошлого года полагали, что "дела зашли в тупик", что "нарастает хаос, анархия", "нет порядка"), дискредитации политического руководства в связи с неоправдавшимися надеждами на реформы (мы отвлекаемся от того, в какой степени оправданы и сообразны были эти надежды) можно было предполагать два возможных способа развития событий (поскольку структура идентичности остается крайне жесткой и инвариантной). Либо ценой фрустрации и длительной депрессии осуществляется ломка и смена матрицы идентичности, сопровождающаяся отказом от национальной определенности (по крайней мере, в нынешнем поколении). Либо быстро растут значения

* Подробнее см. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения 1994. № 1. С. 16.

функции "врага" (не важно, кто именно "враг", под эту функцию подбираются те или иные социально-мифологические представители). Иначе говоря, в сознании этого типа граждан "власть" и "враги" образуют коррелятивную пару. В отличие от западной демократии, где поражение на выборах одной партии не меняет всей политической системы, в России переходного периода падение доверия к власти, ее дискредитация сопровождается ростом представлений о том, что данная власть нелегитимна, что она "узурпирована", что в руководстве — "агенты влияния" чужих и враждебных сил. "Власть" в этом смысле — средство противодействия "врагам". Эрозия "власти" или изменение образа "врага" — взаимосвязанные процессы. "Внешний враг" соотносится со своей "властью", слабая "власть" становится "чужой" и зависимой от внутренних врагов или злокозненных сил. Сама "власть" меняет знак, ее поддержка сменяется более или менее определенным ее отрицанием, а вся картина реальности обретает относительную, пусть и негативную, определенность и устойчивость. Иными словами, функция "врага" обеспечивает поддержку "своей", "признанной" власти и, следовательно, чувство стабильности, уверенности, нормальности жизни.

Что это за среда, в которой растут подобные чувства? Среди тех, кто утверждает, что "Россию распродают", что "ей грозит утрата национальной самобытности" и т.п., респондентов, считающих, что "их материальное положение стало хуже", на 1/4, или 22 процентных пункта (п.п.) больше, чем в среднем; что "жизнь, которую они ведут, их не устраивает" — на 1/3 или 1/4, т.е. на 17—24 п.п. больше средних величин; что "реформы следует прекратить" — на 22 п.п. больше; что "тяжелые времена впереди" — на 32 п.п.; что "спасти страну могут только простые люди", что они "будут голосовать только за тех, кто защищает простых людей", "русский народ" — на 17—19 п.п. больше. Среди них, понятно, чаще можно встретить сторонников плановой экономики (на 16 п.п.), воссоздания СССР и жесткой силовой политики России по отношению к другим республикам (на 10 п.п.), людей, опасющихся вероятных вооруженных столкновений с другими республиками (на 16—17 п.п.), а также тех, кто считает, что "лучше бы все оставалось, как было до 1991 г." — на 16 п.п.

Таким образом, российское общество крайне неоднородно в отношении к проблемам национального развития. После недолгого и слабого подъема национальной мобилизации имело место разложение различных течений и сил, консолидированных вокруг национальных идей и символов. При этом отчетливо выделяются ретроориентированные и ностальгические по тональности консервативные группы старшего поколения, и новые, более молодые, среди которых, в свою очередь, можно выделить национал-популистов (с вполне ощутимым ядром русского нацизма), с одной стороны, и, с другой стороны, группу прозападно, либерально ориентированной молодежи, сравнительно разгруженной от традиций великой державы, имперского миссионерства, индифферентную к символике

национального прошлого, отказывающейся от необходимости жертвовать частными интересами ради величия и мощи государства.

Типологически можно выделить четыре разновидности отношения к национальным проблемам России:

А. Странники национально-идеологической утопии — идеи "Великой России" (ФНС, "Русский собор", "Память" и др.). Объем поддержки, оказываемой им в обществе, относительно невелик 1—2% максимум (хотя для организованного движения это было бы, конечно, очень много). Среда распространения — крупные города и столицы, люди со средним или высшим образованием, больше ИТР, гуманитариев, работников аппарата и органов.

Б. Носители либерально-прозападных ориентаций (нейтральные к собственно национальной тематике). Состав их примерно соответствует электорату Гайдара и Явлинского; среда — крупные города и столицы, среди них преобладают люди с высшим образованием, специалисты высокого класса, люди зрелого или молодого возраста, отличающиеся готовностью к реформам и переменам, полагающиеся в первую очередь на себя, а не на государство.

В. Советский (прокоммунистический) уходящий тип сознания с соответствующим набором политико-национальных аффектов и сантиментов — сопротивление реформам, ориентация на прежнюю систему плановой экономики, реставрация старых порядков. Его сфера распространения — пожилые или низкообразованные люди социальной и территориальной периферии (село, ПГТ, малые города).

Г. Наконец, совершенно новый, впервые вышедший на общественную сцену или, по крайней мере, до того никак не обнаруживавшийся средствами массовых опросов, ксенофобический, ущемленно-агрессивный популизм, соединяющий радикализм имперского сознания с русским изоляционизмом. Как правило, в большинстве своем люди, относимые к этому типу, — цветущего возраста (25-40 лет), жители средних и малых городов, в меньшей степени сельские жители, среди которых преобладают категории со средним уровнем образования и квалификации, хотя несколько больше людей со средним специальным образованием. Эта среда чрезвычайно остро, часто болезненно реагирует на процесс дифференциации образов жизни, распространение демонстративного характера потребления, резкие изменения социальной среды, имевшие место в последнее время. Эти люди соединяют в себе, с одной стороны, новые настроения и ценности, и потребительские ориентации, даже ориентации на богатство, на благополучие, а с другой — явное сознание невозможности, собственной неспособности достичь новых потребительских и жизненных стандартов. Иначе говоря, — сильнейшую амбициозность "полуобразованцев" и рутинную патерналистскую зависимость от власти, давние ожидания и настойчивые требования "отдай наше, обещанное". Хотя уровень благосостояния здесь не ниже, чем у других категорий, но сильнее недовольство вновь возникающим неравенством,

завистливый синдром, проекции собственных установок и вытесняемых мотивов недоброжелательства в отношении других групп, в том числе и этнических. Поэтому здесь, именно в этом типе сознания сталкиваются два совершенно разных типа запросов или настроений. С одной стороны, желание включиться в новые структуры, приобщиться к новым формам поведения, а с другой страх перед неудачей, заставляющий хвататься за старые модели идентификации. Нынешняя жизнь, которую ведут эти люди, их совершенно не устраивает. Поэтому среди них особенно много тех, кто считает, что государство должно обеспечивать гражданам известный уровень благосостояния, контролировать доходы, уменьшать различия между заработками и потреблением, т. е., что государство обязано вести сильную патерналистскую политику. Их надежды связаны не с новыми моделями социального устройства или порядка, а с новым лидером, сильным вождем.

Совершенно неважно, будет ли он русский или нет, мужчина или женщина, коммунист или нет, православный или атеист, не важно из какой среды, военный или кто-то другой. Важно, что он не включен в старые властные системы, что он "не из их колоды", что он декларирует защиту и превосходство русских, демонстрирует себя решительным и сильным политиком, т. е. готов компенсировать внутреннюю неуверенность и дезориентированность этого контингента. Именно этот контингент вместе с наименее образованными и малоквалифицированными слоями рабочих, низших категорий служащих, в наибольшей степени переживающих снижение жизненного уровня в ходе последних лет, голосовал за Жириновского.

Для этих контингентов все советское и большую часть перестроечного времени было характерно политическое неучастие, отказ от выражения своих мнений и взглядов (вполне возможно, что их просто не было как таковых). В выборах и референдумах последних лет они в большинстве случаев не принимали участия. Это была форма пассивного следования за другими. То, что они вышли на политическую сцену в декабрьских выборах, означает, что процесс социального возбуждения дошел до них в форме демонстративного пренебрежения всеми бывшими до того политическими силами и организациями. Иными словами, мобилизационный импульс, уже разрушившийся в самых активных группах, коснулся теперь наиболее косных слоев и вызвал внешне парадоксальную, но весьма характерную реакцию демонстративного и агрессивного этнократизма и ксенофобии. Вместе с тем мы можем говорить, что этот процесс имеет множество признаков адаптационного процесса, в ходе которого, пусть в таких малоприятных формах, усваиваются массовым сознанием резкие изменения в обществе. Это не политическая консолидация, не национальный подъем — время его давно прошло. Это специфическая реакция консервативного и посттоталитарного сознания на парадоксальный (и слишком медленный, и слишком быстрый) темп изменений, связанный с характером проводимых реформ.

Этнизм и проблемы национальной политики

В современной политологической литературе сформировались как бы два подхода к этническому феномену: один рассматривает его как элемент консервативный, мешающий трансформации в политической и экономической сфере. Другой же подход опирается на анализ довольно значительного мирового опыта и четко выражен в книге Э.Геллера "Нации и национализм". Здесь к этнизму относятся как к явлению неизбежному, формирующемуся под влиянием образования и средств массовой информации. XX в. связывают именно с процессами движения к национальной независимости и политическому оформлению этнических государств.

Естественно, этот путь не может быть безграничным, и важно не только определить направление развития, но и показать многообразие тех этнических явлений и этнических мобилизаций, с которыми сталкивается наша политическая практика и вообще жизнь людей. Поэтому целесообразно определить типы национализма.

Нужно сказать, что и в марксистской литературе тоже не было однозначного понимания национализма. Например, антиколониальные движения не оценивались как движения негативного характера. И теперь, например, Джон Холл различает несколько типов национализма, которые в значительной мере стадийны. В нашей практике мы должны фиксировать прежде всего тот национализм, который состоит в движении от культурной мобилизации к политической мобилизации и независимости. Но он не единственный — есть и такой национализм, связанный с идеей этнического выживания или выживания группы, который является движением к обеспечению самосохранения и развития.

Одним из направлений национальной, или этнической, мобилизации может быть такое, когда народ или политические (этнические) лидеры национальных образований полагают, что могут двигаться к модернизации быстрее, чем метрополия. Такой тип мы могли наблюдать, например, в Эстонии. И тогда национализм может рассматриваться как явление, отнюдь не связанное с консерватизмом в отношении к реформации. (Другой вопрос, как даже такой национализм оборачивается злом для меньшинств в новых государствах.)

Наконец, может быть и такой национализм, который мы сейчас фиксируем в Российской Федерации, т.е. связанный с экономическими приоритетами. В Европе называют его "торговым национализмом". Якутия не выбирает путь откола от Российской Федерации, но активно ищет пути мобилизации международного обще-

ственного мнения для того, чтобы получить самостоятельный выход для реализации своего экономического потенциала — войти в международные соглашения, получить международное признание.

Рациональное во втором подходе я вижу в том, что мы не красим все одной краской, а пытаемся подойти более конкретно и посмотреть на исследуемое явление с более разносторонних, реальных позиций.

К сожалению, сейчас у нас в политике, в среде общественности и литературе, в кругах, имеющих большой доступ к власти, доминирует не такой разносторонний подход. Под влиянием распада Союза и межэтнических конфликтов стало преобладать отношение к этническим движениям лишь как к архаическим формам, тормозящим реформацию.

В значительной мере такому подходу способствовали существенные изменения этно-демографической ситуации в нашем государстве. Пока русские составляли 51 % населения СССР, национальные проблемы были одними из главных, особенно в 1991—1992 гг. А сейчас, когда в Российской Федерации 82% русских, а инонациональное население не составляет и 20%, очень легко пройти мимо этничности. Политологи, в кризисные моменты обращавшиеся к этнической тематике (Миграян, Бразаускас и др.), защищая идеи свободы и самоопределения применительно к народам Прибалтики и не только Прибалтики, хотя не все народы союзных республик требовали такой независимости, теперь говорят, что государство Российское — русское, и поэтому оно должно называться русским, а не многонациональной Российской Федерацией.

Мы наблюдаем, определенную конвергенцию идей. То что раньше говорили лидеры "Памяти", Фронта национального спасения, теперь иногда слышим от политиков, претендующих на выработку национальной политики правительства.

Поэтому мне кажется очень важным более трезво и реалистически посмотреть на сложившуюся в Российской Федерации этническую ситуацию, чтобы выявить те тенденции развития, которые помогут составить прогноз дальнейшего развития России.

Нерусское население страны очень разнообразно. Прежде всего, это 12% населения, которое составляют народы, имеющие свои республики в России, в том числе 7 % живут на территориях своих национальных республик, а остальные 5% — за их пределами. Например, на территории Татарстана живут всего 26% татар, все остальные — за его пределами. Но все-таки, с точки зрения возможной этнической мобилизации, нужно учитывать весь этот массив. Значит, дело идет о миллионах людей. Скажем, тех же татар на территории России — 5 млн. Это уже сам по себе фактор, который нельзя не принимать во внимание, если мы хотим продолжать идти курсом реформ.

С другой стороны, обращает на себя внимание, что именно в республиках, где значительный этнический массив составляет титульная национальность, сейчас просматриваются наиболее конфликтные ситуации конституционного порядка. Принятые в таких республиках

документы позволяют говорить о том, что в ряде зон имеет место конституционный кризис. Например, в Туве, Татарстане, Якутии приняты конституции, которые не соответствуют ни прежней Конституции РСФСР, ни новой Конституции РФ. Причем в новой Конституции Российской Федерации нет прямого положения о пересмотре конституций республик, нет и путей, механизмов решения спорных вопросов в таких случаях.

Этнический фактор заставит концентрировать на себе внимание не только в силу конституционных расхождений, имеющих принципиальный характер, с точки зрения статуса республик в Российской Федерации. Немаловажное значение имеет то, что национальные республики, концентрируя не столь высокий процент населения России, представляют 53% ее территории. Одни только автономные округа (их имеется 10), где проживают незначительные по численности этнические общности, составляют 23% территории России. Причем важно, что именно на этих территориях сосредоточена большая часть ресурсов, за счет которых живет страна: нефть, золото, алмазы, цветные металлы. Этницизм здесь часто соединяется с этно-регионализмом — то, что мы сейчас наблюдаем в Саха-Якутии, Карелии, Хакасии. Это становится явлением, пройти мимо которого мы уже просто не можем.

Вместе с тем в этнической жизни есть явления, которые относительно легко инструментально регулировать. Они связаны с необходимостью реализации гуманистического подхода к группе национального населения, которая государственности в Российской Федерации не имеет. Мы часто справедливо говорим о судьбе 25 млн русских в ближнем зарубежье, но забываем о том, что в самой России осталось 4 млн украинцев, 1,5 млн белоруссов, много казахов и значительная группа народов, которые имеют свои государственные образования за пределами бывшего СССР: немцы, греки, евреи, болгары, поляки и др. Наконец, репрессированные народы, которые не смогли реализовать свои интересы уже за время существования новой власти. Пока ни в какой мере не удовлетворены ни их экономические, ни их политические потребности, например, в представительстве в органах власти. Только психологическое самочувствие улучшено, поскольку есть закон о реабилитации народов.

Кроме того, есть группа проблем, которые связаны с глобальной военно-политической ситуацией, поскольку ряд этносов находятся в межгрупповых отношениях с этническими движениями за пределами нашей страны. Типичный пример — Абхазия и Конфедерация горских народов. Речь здесь идет о том, что действия народов на территории наших республик Северного Кавказа связаны с изменением политической ситуации вообще на Кавказе. Та же самая ситуация с Южной и Северной Осетией.

Есть и другой аспект подобных проблем. Так, во время выборов президента Финляндии имели место инциденты дебатов о включении Карельской республики в состав Финляндии. С другой стороны, наши

лезгины дебатировать вопрос о прозрачной границе с Азербайджаном. Таким образом, этнические интересы могут быть связаны в той или иной мере с проблемами геополитического характера.

Есть несколько возможных вариантов и подходов к решению этнических проблем. Один из них, к сожалению, уже продемонстрирован в некоторых наших новых государствах — это подход этнической чистки или альтернативной ассимиляции. Он включает элементы насилия, которые иногда связаны, надо сказать, и с концепцией "пройдем мимо", такие модели программ существуют. Другие подходы связаны с реализацией идеи культурного плюрализма, главным образом, через национально-культурную автономию. Однако у нас в России есть свой опыт, в результате которого государственность во многих республиках приобрела высокую легитимность у населения. Лидеры же республик получили дополнительный опыт сначала от М.С.Горбачева, который посадил их за равный с союзными республиками стол переговоров о судьбе Союза, а потом от Б.Н.Ельцина, который, обращаясь к ним за поддержкой в условиях борьбы с Верховным Советом, несомненно повысил их значимость в собственных глазах и в общественном мнении жителей республик.

К сожалению, наша правительственная команда пока не продемонстрировала определенного подхода к решению национальных, этнических проблем. Вы помните заявления Б.Н.Ельцина в Татарстане, когда он говорил: "Возьмите столько суверенитета, сколько сможете реализовать". Кончилось же все тем, что само слово "суверенитет" исключили из Конституции республики. Такие колебания в политике сами по себе не могут способствовать тому, чтобы "качели", раскачиваемые с такой амплитудой, обеспечили "мягкое приземление" политикам.

Наиболее рациональна в российских условиях концепция консенсусной демократии. Она достаточно широко представлена в мире и связана с использованием тактики включения представителей этнических групп во властные структуры, с распределением власти, участием этих групп в принятии важнейших решений.

У нас же с представительством этнических групп во властных структурах в Центре и на местах есть существенные несообразности. Среди министров и председателей государственных комитетов представителей инонациональных народов мы практически не находим. В ряде же республик наблюдаются прямо противоположные тенденции. На новых выборах в органы законодательной власти, проходящих без былых директив "сверху", ситуация будет еще менее предсказуемой. Особенно трудно будет представить интересы малочисленных народов. Концепция консенсусной демократии предусматривает соответствующие приемы, обеспечивающие представительство интересов народов. Например, места предоставляются так, чтобы эти народы могли иметь голос, хотя бы объединившись друг с другом.

В государстве, где 82% составляет этническое большинство, Дискуссионен принцип решения национальных вопросов путем рефе-

рендума. Важные для судеб народов вопросы правильнее решать на согласительных форумах. Эта же концепция предусматривает обеспечение интересов народов через их участие в средствах массовой информации — то, чего у нас совершенно нет в учреждениях культуры. Подобная практика мне представляется более лояльной, справедливой, она обеспечивает возможность более спокойных и рациональных решений.

Есть еще и модели, которые предлагал Фронт национального спасения, — установка на "единое и неделимое" унитарное государство.

Каковы последствия уже осуществленной этнической политики? Растет политико-психологическая дистанционированность республик. 10 из них не проголосовали за принятие Конституции Российской Федерации. Это нежелание вообще контактировать с Россией, а неприятие тех форм, которые не соответствуют волеизъявлениям народов.

Снова загнать этнические чувства в большой котел с закрытой крышкой не удастся. Силы федеральных органов власти сейчас достаточно, чтобы осуществить конституционные решения. Но в ряде республик они в единой конституционной норме не будут приняты. В ближайшей перспективе конституционные осложнения будут иметь место. С демократизацией многими связывалась идея децентрализации власти и управления. Этническое недовольство, загнанное снова под крышку котла, будет приводить к деструктивным решениям со стороны отдельных групп. В частности, можно ожидать и террористических актов, причем не только от "кавказских" народов.

Высокую этническую мобилизацию будут демонстрировать народы, от которых мы еще недавно ее не ожидали, например чувашаи, хакасы. Пика ее мы еще не прошли.

Учитывая социально-структурные изменения, связанные с реформой, экономический спад и притеснение республик, нестабильность власти, следует ожидать повышения этнической солидарности. Оно будет иметь место не только применительно к народам России, но и к русским. Рост же национально-патриотических настроений среди русских одновременно будет стимулировать этническую мобилизацию в республиках. Одним из ее последствий будет обращение к этнической мобилизации групп исторически связанных народов (Кавказская федерация, Поволжская федерация). Пока только внутренние противоречия не дают этому осуществиться.

Возможна и мобилизация северных народов. Эти идеи очень активно прорабатываются, и Николаев — лидер Саха-Якутии — готов объединить северные народы в Ассоциацию народов Арктики.

Следующая возможная мобилизация — обращение в международные организации, поскольку право наций на самоопределение зафиксировано в уставе Организации объединенных наций. Сложнейшая ситуация межэтнических взаимодействий сложится в зонах, пограничных с северокавказскими республиками, принимающих много беженцев или недавних переселенцев.

Альтернативой осложнения ситуации может стать реализация концепции консенсусного демократического государства. В этом варианте мы тоже не сразу решим все проблемы — это путь более длительных, но лояльных решений, позволяющих избегать насилия. Отношения с республиками, народами не должны напоминать игру в бокс — это скорее шахматная игра.

*В.И.Мукомель,
кандидат экономических наук,
Президентский совет*

О ликвидации последствий этнонациональных конфликтов

Мне хотелось бы посвятить свое выступление проблеме, скорее, завтрашнего дня — ликвидации последствий этнонациональных и региональных конфликтов в постСССР. Нужно сказать, что эскалация межнациональных и региональных конфликтов принесла не только значительные человеческие жертвы, но и ощутимый материальный ущерб. Лишь прямые материальные потери от разрушения жилых строений, производственных инженерных сооружений, выведения из севооборота плодородных земель составляют около 4 млрд долл. В наибольшей степени пострадали территории Таджикистана, где убытки от гражданской войны составили порядка 700 млн долл; Азербайджана — около 1 млрд долл; Грузии и Молдовы. На рис. 1 приведены данные о материальном ущербе в основных регионах этнополитических и региональных конфликтов. Соответственно официальные и неофициальные оценки. К сожалению, полностью отсутствуют данные по наиболее интенсивно идущему сейчас конфликту в Грузии. Причем, нужно сказать, что с каждым годом потери от этнополитических и региональных конфликтов увеличиваются. На рис. 2 приведены официальные данные по прямому материальному ущербу в 90-х годах.

Это только прямой материальный ущерб, но следует учитывать и косвенный ущерб — затраты на содержание армии, затраты на содержание миротворческих сил. В 1992—1993 гг., скажем, затраты на содержание миротворческих сил составили несколько десятков миллиардов рублей. Кроме того, это разрыв производственных связей между территориями, ну и, конечно, огромные людские потери. Скажем, вот данные по численности убитых в зонах этнополитических и региональных конфликтов (рисунок 3).

Вопрос: Какие это территории?

Ответ: Это соответственно Карабах, Северная Осетия, Абхазия, Молдова, Таджикистан, Азербайджан. К сожалению, данные по численности погибших в Грузии (в Абхазии) противоречивы.

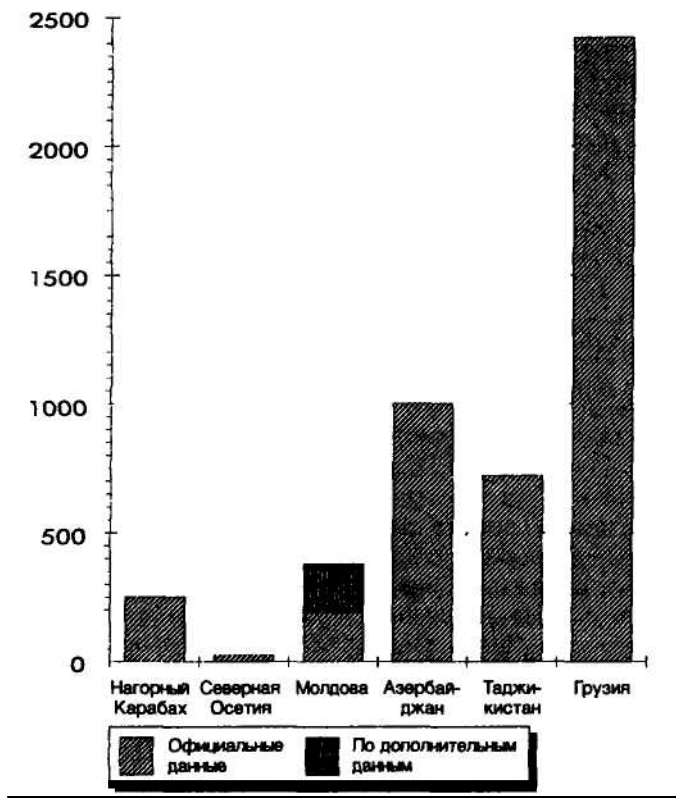

Рис. 1. Материальный ущерб в зонах этнополитических и региональных конфликтов постСССР (млн.долл)

Причем, опять же, с каждым годом численность погибших увеличивается (см.рис. 4). В 1993 г., судя по всему, численность погибших во всех конфликтах на территории постСССР будет сопоставима с численностью погибших в 1992 г.

С учетом косвенных потерь общий материальный ущерб в зонах этнополитических и региональных конфликтов составляет порядка 15 млрд долларов. Россия вынуждена будет как-то, в какой-то форме помогать государствам, пострадавшим от межнациональной розни или от гражданских войн, как в случае с Таджикистаном. Ясно, что разрушение народно-хозяйственных потенциалов этих государств является истинной катастрофой для них. В Молдове материальный ущерб только по правобережной зоне составляет половину годового валового внутреннего продукта. В то же время для Азербайджана только прямой материальный ущерб превышает двухлетний, а для Таджикистана — четырехлетний валовый внутренний продукт.

Достаточно очевидно, что ни одно из названных государств не может самостоятельно ликвидировать последствия конфликтов. Так же

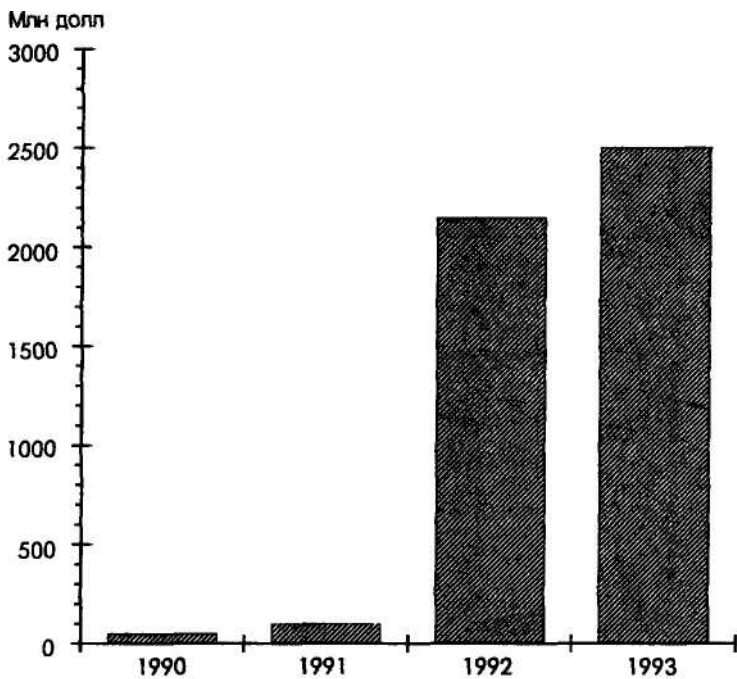

Рис. 2. Материальный ущерб в зонах конфликтов, 1990—1993 гг.

мало вероятно, что международное сообщество сможет оказать помощь в каких-то существенных размерах, хотя заинтересованность в восстановлении нормальной жизни в зонах конфликтов проявляют ближайшие соседи, которые, с одной стороны, опасаются импорта нестабильности, а с другой — стремятся расширить свое присутствие в данном регионе. В отношении Молдовы — это Румыния, Украина, в Закавказье и Средней Азии — Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, Китай.

Мне кажется, что Россия, заинтересованная в прочности соседских отношений с бывшими союзными республиками и в стабильности, озабоченная судьбой соотечественников, проживающих в независимых государствах, просто обречена на помощь ближнему зарубежью в ликвидации последствий конфликтов. И, может быть, не только из гуманистических и геополитических, но и из меркантильных соображений.

Россия в принципе не выдержит наплыва эмигрантов из бывших союзных республик (в основном, из Средней Азии), численность которых к 2000 г. может составить до 2 млн человек (хотя, по пессимистическим оценкам федерально-эмиграционной службы, она может составить уже в ближайшие два года до 6—8 млн человек). На рисунке 5 приведены оценки численности эмигрантов из бывших союзных республик. Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что

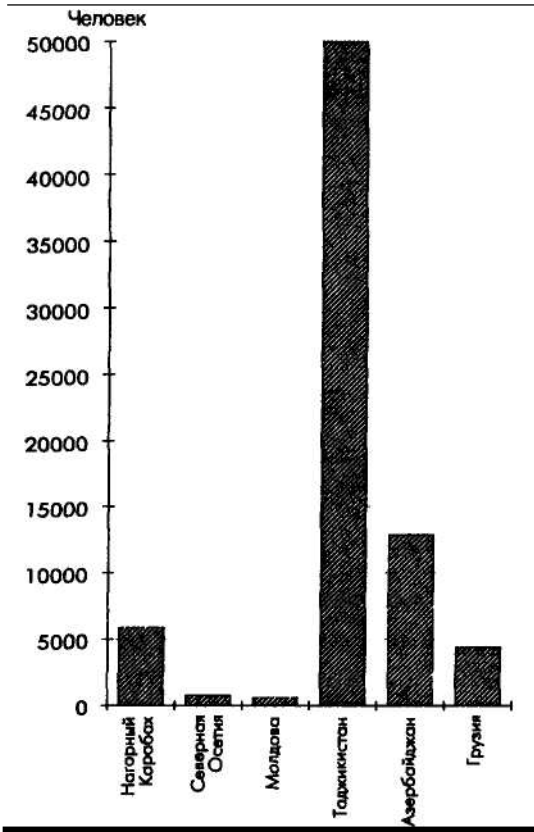

Рис. 3. Погибшие в зонах этнополитических и региональных конфликтов в постСССР

шкала логарифмическая. Левый столбик — это прогнозные оценки до 2000 г., правый — численность беженцев из данных республик в 1993 г., по данным на конец III квартала в тыс. человек. В настоящее время, по данным Федеральной миграционной службы, в России насчитывается около 370 тыс. беженцев, но реальные цифры, видимо, существенно выше.

Нужно сказать, что очень слабо прослеживаются перспективы прибытия в Россию экономических эмигрантов, численность которых будет существенно зависеть от экономической и социально-политической стабильности в бывших союзных республиках. В то же время пример Армении, экономическая ситуация в которой в настоящее время наиболее катастрофична, видимо, свидетельствует о том, что есть какой-то предел терпению, и в настоящем году, например, зафиксирован очень значительный приток армян в Россию.

Беженцы не только усугубляют ситуацию на рынках труда и жилья. Они формируют достаточно сложную социально-психо-

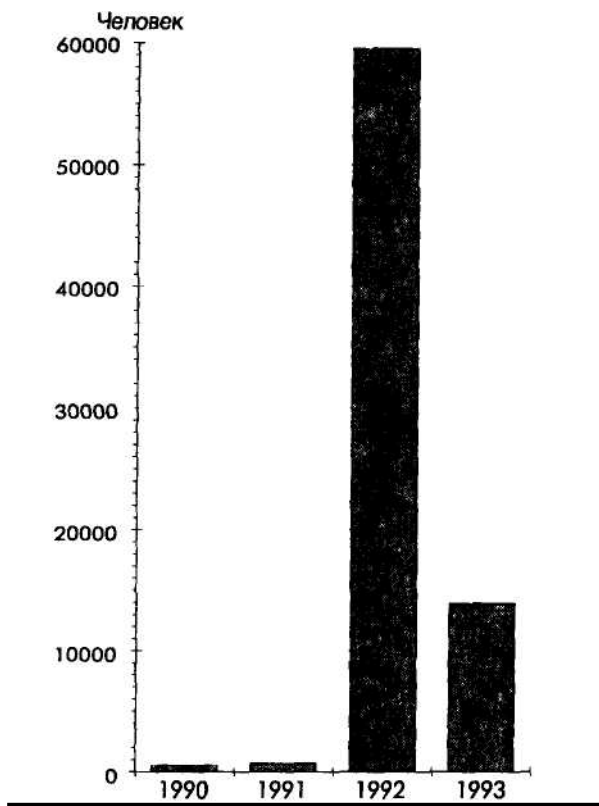

Рис. 4. Погибшие в зонах конфликтов

логическую обстановку в районах их массового притока, и эта ситуация чревата социальными взрывами. Э.А.Паин вспомнил ситуацию в Алжире. Мне хотелось бы вернуться в Алжир тремя десятилетиями ранее — мы помним, что существенную роль в дестабилизации внутренней обстановки во Франции сыграли именно эмигранты из Алжира, и сама организация ОАС базировалась на французах, ранее проживавших в Алжире. И, кстати, результаты выборов свидетельствуют, что русскоязычное население в союзных республиках более активно голосовало за Жириновского, нежели россияне.

Учитывая состояние российской экономики, говорить о каких-то существенных, соразмерных с потребностями инвестициях в бывшие союзные республики конечно же не приходится. Однако Россия имеет неоспоримое преимущество перед потенциальными конкурентами в том отношении, что в ней сохраняется общность технологического менталитета, общность технологий, отсутствие языковых проблем и т.д., и т.д. В связи с этим случаем Россия может прийти с помощью в ближнее зарубежье, осуществляя техническую помощь в виде связанных кредитов. Она может воспользоваться мировым опытом, когда

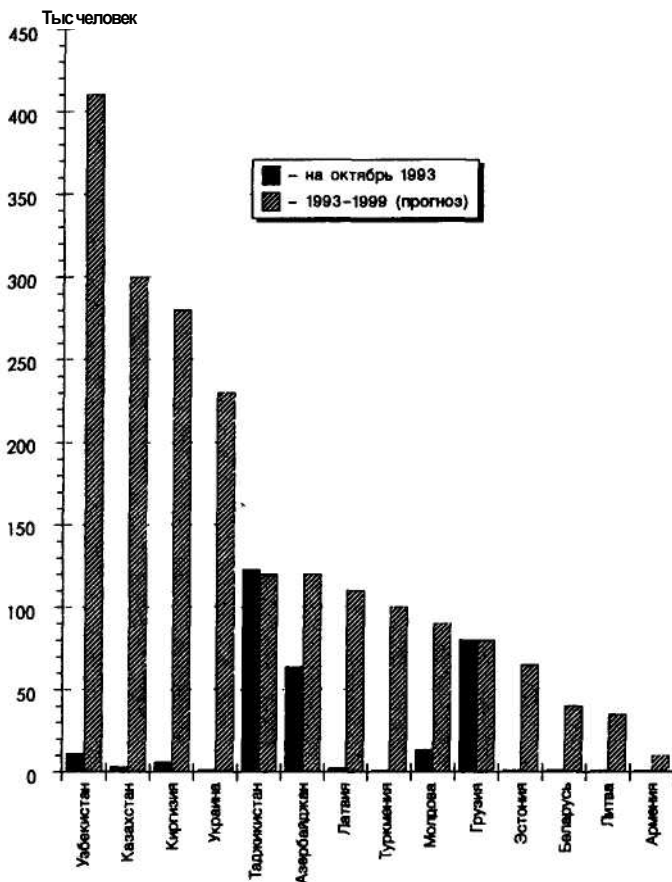

Рис. 5. Распределение беженцев (вынужденных переселенцев) в России по государствам выбытия, тыс человек

значительная часть технической помощи, оказываемая государственными или межправительственными организациями, идет на стимулирование внутреннего производства. Я подразумеваю связанные кредиты, по которым идут поставки готовой технической продукции, оплачивается труд собственных работников. В данном случае, скажем, российских специалистов, которые бы работали в ближнем зарубежье. И, видимо, следует обратиться к тому потенциалу, который из себя представляет русскоязычное население, выехавшее из зон конфликтов и находящееся сейчас в России в качестве вынужденных переселенцев. Эти специалисты знакомы с производствами не понаслышке, и их привлечение к восстановлению народного хозяйства ближнего зарубежья позволило бы решить и личные проблемы — ясно, что их семьи остаются в России и основные траты они будут осуществлять в России. Техническая помощь России позволила бы

решить несколько задач: во-первых, стимулирование собственного производства, во-вторых, сдерживание притока русскоязычного населения в Россию, и, в-третьих, облегчение ситуации на рынке труда, облегчение адаптации семей вынужденных переселенцев, которые прибыли в Россию из зон этнополитических и региональных конфликтов.

Вопрос: Что Вы думаете о вероятной квалификации российской помощи, о которой Вы сказали, теми или иными силами в республиках? Можно ли предположить, что в этих республиках найдутся достаточно мощные политические силы, которые будут квалифицировать помощь (в том виде, в каком Вы ее предполагаете) как русский неокOLONиализм?

Ответ: Я думаю, что в определенной мере такая реакция возможна, но люди в республиках, отвергающие такой подход, вынуждены будут искать альтернативы. Вопрос в том, есть ли эти альтернативы.

Вопрос: Каковы источники Ваших данных? Насколько достоверны данные о масштабах разрушений, об оценке их финансового выражения, количестве жертв? И второе. Вы называете миллионы людей, которые уже начали двигаться. Конечно, официальная статистика не раскрывает нам всего, 350 тыс. — это только беженцы, зарегистрированные в органах внутренних дел. Можно услышать такие высказывания — что ж, давайте, переезжайте, Россия может принять. К тому же сам эмигрант, беженец — носитель производственного начала, и мы, таким образом, с помощью этих людей возродим Россию. Как Вы оцениваете эту точку зрения? Как Вы считаете, насколько эта точка зрения исходит из официальных кругов? Реалистична ли эта политика?

Ответ: Я, если Вы не против, начну со второго вопроса. Такая точка зрения действительно высказывается. Но, к сожалению, она, на мой взгляд, не очень реалистична. В чем дело? Скажем, только для обустройства третьей части русскоязычной общины Средней Азии и Закавказья, — на мой взгляд, это достаточно реальная цифра притока иммигрантов до 2000 г., — так вот, только обустройство этих переселенцев в России потребует около 5 млрд долл, по тем нормам, которые предусматривает федеральная служба миграции. Это минимум минимум. Это нищенское существование. Не дай Бог, если в Россию хлынет поток беженцев. Да и этих денег просто нет. Поэтому тот подход, который я изложил, — это альтернатива: либо России вкладывать эти деньги здесь, в России, с прогнозируемым нулевым эффектом и неизбежной дестабилизацией социально-политической ситуации, либо их вкладывать в ближнем зарубежье. Этот подход в известной мере схематичен конечно же. Практически Россия будет вынуждена и осуществлять инвестиции в ближнем зарубежье, и разворачивать прием русскоязычного населения. Теперь, что касается первого вопроса. Приведенные данные — официальные, за исключением первого рисунка, где были даны и официальные, и неофициальные оценки. Их источник — комиссии при Совминах, Верховных Советах и т.д., и оценки эти делаются в республиках. Это касается и числен-

ности погибших, и величины материального ущерба. Правда, это данные разрозненные, относящиеся к разным датам, как правило, в рублях. Для удобства и единообразия они были мною переведены в долларовый эквивалент. Они конечно же достаточно условны. Скажем, оценка Северо-Осетинской стороной последствий осенних событий 1992 г. в пригородном районе — 11 млрд руб. И эта оценка базируется на данных Генпрокуратуры РФ. А оценки Ингушской стороны в 20 раз выше. Причем один из руководителей республики на мой вопрос: "Не кажется ли вам, что эти издержки очень высокие, соизмеримы чуть ли не с ущербом в Таджикистане?", сказал: "Ну, если вы считаете, что слишком высокие, пожалуйста, снизьте". Поэтому по Северной Осетии приведены официальные данные.

*А.И.Гинзбург,
кандидат исторических наук,
Институт этнологии и антропологии, Интерцентр*

Синдром национального меньшинства у русских

Волею судеб в бывших республиках Советского Союза оказались представители разных национальностей. В силу того что все пространство Союза воспринималось единым, неделимым, в каждой республике представители другой республики чувствовали себя в "единой семье народов". В течение длительного сосуществования в едином пространстве перемещения происходили постоянно с разной степенью интенсивности, но с неизменным ощущением, особенно в послеоктябрьский период, правомерности этих перемещений, связанных с разными периодами жизни страны (коллективизацией, индустриализацией и т.д.) В немалой степени этому способствовало то, что русский язык был (и остается) межнациональным языком, знание которого открывало возможность общения в любом городе или селе. Русский язык, кроме того, выполнял функцию государственного языка, что помогало национальностям, для которых русский язык стал родным, не ощущать необходимости в знании языка народа, на территории которого они проживали. Во всех республиках, за исключением, пожалуй, Прибалтийских, этнические меньшинства, как правило, довольствовались знанием русского языка. Впрочем, те, кто вполне адаптировались в данной республике и не собирались ее покинуть, усваивали быт, нравы и язык титульного народа. Некоторые признаки негативного отношения к русским, сложившегося в бывших республиках, проявились намного раньше. Правда, признаки эти еще не были обусловлены единым механизмом — синдромом, но они уже свидетельствовали, что болезнь не только появилась, но и прогрессирует. Однако в силу того, что русские в республиках

занимали довольно прочное место в экономике и в конечном счете определяли политику, они по-прежнему не хотели чувствовать себя национальным меньшинством, но постепенно вынуждены были уступить те позиции, где их приоритет был бесспорным. Наиболее дальновидные из них, особенно деятели науки, культуры, специалисты всех областей знаний в конце 60-х годов начали покидать республики. До распада СССР имелся определенный опыт и некая модель культурно-языковой адаптации меньшинства к окружающему этническому большинству. Этот опыт формировался преимущественно на основе общесоветской культурно-информационной системы.

В России и сегодня этнические меньшинства наиболее часто пользуются моделью культурно-языковой адаптации. Однако сфера распространения этой модели культурной адаптации резко сузилась: она перестала действовать в подавляющем большинстве стран зарубежья, что весьма осложнило проблему проживающих там русских, сформировав у них комплекс "национального меньшинства". Те представители нерусских народов (украинцев, белорусов и др.), которые в итоге этнокультурной адаптации стали носителями "советской" культуры и даже отчасти были ассимилированы русскими, в условиях ближнего зарубежья оказались в положении, близком к русским, и во многом разделяют их судьбу.

Отсутствие у русских, проживающих за пределами России, ощущения того, что они являются национальным меньшинством, было связано не только с полифункциональностью русского языка, но также с доминированием России и с особым местом, занимаемым русскими в этнической структуре Советского Союза, их огромной, относительно других народов, численностью и широтой расселения, а также их интегрирующей ролью. В этническом плане русские как бы пронизывали всю популяцию страны и, по сравнению с большинством других народов СССР, были наименее подвержены национальной замкнутости и бытовому национализму. Немаловажное значение имели и такие факторы, как особенности расселения и занятости русских в союзных республиках: как правило, они жили в крупных городах, в том числе в значительной части — в столицах республик, работая чаще всего в крупном промышленном производстве, особенно на предприятиях союзного подчинения.

Итак, благодаря особому месту русского этноса среди других этносов СССР, а также широкому приобщению большинства нерусских народов к русскому языку и культуре, универсальности этой модели культурно-языковой адаптации в инонациональной среде, русские в большинстве случаев не имели необходимого стимула к освоению языков, а в какой-то мере и культуры титульных народов союзных республик, не говоря уже о народах автономий. В результате русские, проживающие в инонациональной среде, не акцентировали внимания на проблеме сосуществования этносов с различным образом жизни и системой ценностей, сохранения национальной самобытности других народов. Это и послужило опре-

деленным основанием для обвинения их в имперских взглядах на другие народы страны.

Реальная действительность намного богаче и разнообразнее этих крайне обобщенных представлений. Социально-экономическая, политическая, культурно-языковая роль русских в каждой из республик, модели их культурно-языковой адаптации, в частности большая или меньшая степень адаптации к языку, культуре, образу жизни титульного народа, формировались под влиянием таких факторов, как: численность и доля русских в республике; особенности их расселения; соотношение социально-культурного статуса русских и титульного народа; мера культурно-языковой дистанции между русскими и титульным этносом; историческая глубина контактов между ними, в том числе давность проживания русских в среде данного народа. Названные здесь факторы, безусловно, действовали и на отношение местных этносов к русским.

Не останавливаясь на разнообразии форм и методов адаптации русских в инациональной среде, по существу он касался немногочисленной доли русских, проживающих в республиках.

После распада Союза русские вне России внезапно для себя и не по своей воле превратились из граждан единого государства в жителей новых независимых "национальных" государств. Представители самого большого и доминировавшего народа страны вынуждены были принять несвойственную им роль национального меньшинства. Естественно, что процесс их адаптации к новому положению не может быть простым, быстрым и однозначным. Он породил немало проблем как для самого русского населения нового зарубежья, так и для титульных народов независимых стран, возникших на территории бывшего СССР.

Только сейчас возникло понимание того, что разрыв сложившихся связей оказался не по силам всем. Стало ясно, что экономическая взаимозависимость настолько велика, что выживаемость каждой из них возможна только при сохранении старых связей. Кроме того, эйфория суверенитетов привела не только к разрыву единого экономического пространства, но и к культурной изоляции новых государств. Пришло отрезвление и осознание того неоспоримого факта, что за 70 лет в бывшем Союзе стараниями многих поколений русских и "русскоязычных" был создан уникальный симбиоз национальной и русской культуры, вошедший в мировой культурный опыт.

Исследования, проводимые группой сотрудников Института этнологии и антропологии РАН (в составе А.И.Гинзбург, Л.В.Остапенко, С.С.Савоскула, И.А.Субботиной), направлены на изучение русских как этносоциальной группы в странах нового зарубежья: Узбекистане, Киргизии, Эстонии, Литве, Молдавии. Пока нами обработаны материалы только по Средней Азии, поэтому далее я буду апеллировать именно к этому региону. В нескольких словах остановлюсь на тех этапах, или волнах, миграции русского и другого иноэтнического на-

селения в Сибирь и Среднюю Азию, которые происходили в послеоктябрьский период.

Первые волны миграции в Среднюю Азию были связаны с гражданской войной, когда из сел и городов России люди бежали в более спокойные и сытые края. Бежали от разорения помещики, квалифицированные специалисты, зажиточные мещане, ремесленники и др. В этот период не было целенаправленной и финансируемой политики переселения, и люди на свой страх и риск устраивались на новых местах. Новая экономическая политика на время успокоила население и сбила поднявшуюся волну миграции. Но начиная с 1929 г. все население страны вновь оказалось в постоянном ожидании перемен. Многие люди поняли в тот период, что Советская власть установлена всерьез и надолго и поэтому все то, чем они ранее обладали, не только перестает служить какой-то защитой, а, наоборот, может стать причиной преследования как их самих, так и их детей. Понимание этого заставляло людей бросать все и отправляться в далекие края.

Средняя Азия в этом отношении была благодатным краем. И люди с образованием, и те, кто не получили специального образования, но в силу домашнего воспитания знали иностранные языки, музыку, умели шить, вышивать, приезжали и здесь начинали новую жизнь. Мужчины же осваивали профессии бухгалтеров, счетоводов, некоторые даже делали карьеру.

Европейская община Средней Азии включала людей самых разных национальностей и социально-демографических статусов. Она жила по своим законам, мало пересекаясь с коренным населением края. Как правило, жили они в новой части города, и только самые малообеспеченные снимали квартиры в старых районах, удивляя своими нравами и обычаями коренное население. Однако никаких конфликтов между русскими и местным населением не было.

Следующий этап массовых переселений в Среднюю Азию был спровоцирован коллективизацией. Агрессивность проводимого реформирования села, безнравственность, захлестнувшая просторы России, поспричинение государством всяких человеческих установлений вызвали неоднозначную реакцию среди населения. Казалось, что оно все готово тронуться с мест, где многопоколенным потом окроплена земля, и бежать, не ведая дороги и цели. Часть сельских жителей России, тронувшихся с насиженных мест, осела в промышленных городах России. Другие, особенно те, кого не этапировали, но в любую минуту могли это сделать, скитались подолгу, испытывая все тяготы жизни, прежде чем осесть на местах своего нового обитания. Голод 1932—1933 гг. еще более обострил эту ситуацию. В Среднюю Азию приезжали люди, умеющие работать, но не желающие вновь осесть на земле. Они наводнили рынок рабочей силы городов. Много неописанных трагедий похоронено в землях их нового проживания. Здесь и тоска по родине, по крестьянскому труду и быту, здесь и затаенная злоба на власть, и внушенное детям отторжение от земли,

и стремление снова занять свое место под солнцем. Начавшаяся индустриализация поглотила этот поток — вновь прибывшие заполнили образовавшиеся рабочие места.

Следующий этап массовых переселений связан с Великой Отечественной войной. Средняя Азия приняла беженцев со всех частей России, Украины и других оккупированных территорий. Здесь работали заводы и фабрики, чувство сплочения было основным и всеобъемлющим. Коренное население оказывало всяческую помощь эвакуированным из оккупированных территорий, окружало вниманием и заботой детей, многие семьи усыновляли сирот, т.е. чувство семьи единой было характерно именно в эту тяжелую пору.

В этот период в Средней Азии быстрыми темпами шла индустриализация экономики за счет эвакуированных заводов и фабрик. Многие из них полностью остались в республиках со всем оборудованием и кадрами. Быстрыми темпами росла промышленность и в последующие годы, что, в свою очередь, вызвало новый приток жителей из других республик, особенно из России.

Но наступили 70-е годы, и курс на коренизацию кадров титульных национальностей, принятый X съездом РКП (б) в 1921 г., начал наконец давать ощутимые плоды. С этого периода в Средней Азии начался процесс медленного, но последовательного вытеснения пришлого населения, сначала с элитных должностей, а затем и с других конкурсных мест. И хотя процесс этнического вытеснения русских идет уже два десятилетия, тем не менее они не могут или не хотят играть роль национального меньшинства. Они оказались не подготовленными к новому порядку вещей всей предыдущей историей.

Следует отметить, что в Средней Азии многие народы осознавали себя меньшинством в силу исторической судьбы. К числу таковых можно отнести, например, корейцев, уйгуров, айсоров, турков-месхетинцев, бухарских евреев. Такие этносы, как армяне и евреи, в вопросе осознания себя национальным меньшинством занимают промежуточную позицию. Русские же и украинцы в Средней Азии до недавнего времени не ощущали себя национальным меньшинством.

Остановлюсь в нескольких словах на корейцах, которые были одномоментно переселены в Среднюю Азию с Дальнего Востока. Вначале корейцы заселяли пустующие земли и были сельскими жителями. В силу того, что земли, на которые их поселяли, перемежались с землями местного населения, они быстро усвоили язык и многие обычаи последнего, всегда помня при этом, что живут на землях узбеков или казахов. Переселяясь в города, корейцы осваивали русский язык, т.к. он считался более престижным. Но даже знание языка, обычаев народа и проживание на территории "махалля" — квартальной общины — не делали их ее равноправными членами. Примечательно, что русские, живущие в "махалля", гораздо быстрее признавались "своими", чем корейцы, усвоившие местный язык и нравы. В этой связи характерно мнение нашего респондента-корейца из "махалля" старой части Ташкента (исследование 1991 г.). По его словам,

даже принявший мусульманство кореец, считающий себя мусульманином, чисто говорящий по узбекски и думающий, что его принимают в "махалля" за своего, на самом деле не признается общиной "своим". Материалы нашего исследования свидетельствуют, что при всей кажущейся открытости узбекского общества, в действительности оно достаточно закрыто, и есть много индикаторов, по которым совершенно ясно проглядывают некоторые высокомерие и клановая нетерпимость по отношению к любому "человеку со стороны".

Синдром национального меньшинства у русских в инациональной среде — это дискомфортное состояние, в основе которого лежит дезадаптированность. Некоторые осознают это состояние, находят способы адаптации к ситуации и, хотя и не полностью, но в основном преодолевают этот синдром. Это чаще всего происходит тогда, когда сами выбирают страну, и уже сам факт осознанности выбора предопределяет усиление роли и значимости адаптивных функций. В обоснованности этой гипотезы мы убеждались многократно. Так, в Литве, в числе наших респондентов оказались русские, переехавшие в эту страну после путча из Москвы и Ленинграда. Их выбор был осознанным: они переезжали в другое государство, понимая, что будут там на положении национального меньшинства. Их поведение и установки на способы и цели жизнедеятельности в литовской среде резко отличались от наблюдаемых у других респондентов из числа местного русского населения. Так, мигранты последней волны чрезвычайно активно учили местный язык, искали точки соприкосновения с литовской средой, изучали ее обычаи и обряды, целенаправленно стремились адаптироваться к ней.

В целом проблема "синдрома национального меньшинства" чрезвычайно многогранна, неоднозначна и не может быть решена никакими указами, запретами и разрешениями. Сложные процессы, происходящие на территории бывшего СССР, не способствуют быстрейшему преодолению этого синдрома. Необходимо продолжить его изучение и по возможности находить наименее болезненные способы его преодоления.

Вопрос: Можно ли Вас понять таким образом, что основная причина миграции русских из Средней Азии — это специфика культурных стереотипов русского населения, а не объективная ситуация?

Ответ: Если говорить о русских, то объективные факторы их вытеснения, безусловно, есть, они были всегда. Конкурентность всегда существовала, но особенно резко она стала проявляться с 70-х годов. Многие русские в Средней Азии высказывают обиду по поводу того, что они много сделали на этой земле, добросовестно работали, а их отовсюду вытесняют, выталкивают. Из первого эшелона, из элиты правящей они были в основном вытеснены в 70-е годы, затем началось их вытеснение из других сфер. Сейчас есть большая опасность того, что в Узбекистане русские могут оказаться в том же положении, что турки-месхетинцы — им отведена ниша плохо оплачиваемых рабочих профессий. Не довольствуясь ею, русские пошли в торговлю.

А так как узбеки — это, в общем, торговые люди, то между ними и русскими может возникнуть ситуация довольно жесткой конкуренции.

Потенциальная миграция русскоязычного населения

Я хочу коснуться вопроса, к которому обращались и другие выступавшие — вопроса о возможных масштабах потенциальной миграции русского и русскоязычного населения. К сожалению, приходится пользоваться этим неблагозвучным термином, потому что кроме 25 млн русских, за пределами России живут, по крайней мере, 11 млн человек, которые, по советским стандартам, русскими не считались, но при переписи населения 1989 г. назвали своим родным языком русский. Скажем, человек, родившийся в Таджикистане, если у него в паспорте записано, что он украинец (потому что такая же запись была в паспортах обоих, а может быть, даже и одного из его родителей), считается украинцем. На самом же деле это обычно люди русской культуры, дети русской истории. Например, немцы, приглашенные в Россию еще в екатерининские времена, активно участвовавшие в освоении колонизируемых Россией земель, нередко утратившие немецкий язык и знающие только русский.

Эти люди, оказавшись за пределами Российской Федерации (а к ним надо добавить еще и представителей нерусских народов России, находящихся за ее пределами и сохранивших родной язык, например живущих в Узбекистане татар, считающих родным языком татарский), образовали "российскую диаспору". Мне кажется, что новая политическая ситуация делает неизбежной возвращение в Россию значительной части этой диаспоры. Подробно моя точка зрения изложена в статье, которая появится в журнале "Знамя" (1994 г. №1), сейчас я изложу ее очень коротко.

Я думаю, что возвращение части российской диаспоры в Россию не только неизбежно, но и, с точки зрения России, весьма желательно, по меньшей мере, по двум причинам.

Во-первых, по экономическим соображениям. Россия — слабозаселенная страна, ее демографический потенциал исчерпан, естественного прироста ее населения ожидать не приходится. К востоку от Урала живут всего 32 млн человек. Это — две Голландии. Даже европейская часть страны не очень населена. Плотность населения здесь на уровне США, но с Европой, конечно, не сравнить. Экономическое развитие России, несомненно, потребует миграции извне и, конечно,

наиболее естественно, чтобы в первую очередь приезжали представители российской диаспоры.

Во-вторых же, по соображениям, скорее, политическим. Сохранение русских анклавов в бывших республиках — я не говорю сейчас о таких, как Украина или Казахстан, но в Приднестровье, в Эстонии и т.д. — политически опасно и для этих стран и, может быть, особенно для России, в которой постоянно появляются призывы защищать права русских на иностранных территориях. В противовес такого рода призывам и ориентирующимся на них программам политиков типа Жириновского крупная национальная программа возвращения всех желающих — конечно, только желающих — в Россию могла бы иметь немалый политико-идеологический эффект, мобилизовала бы силы общества не на разрушительное милитаристское противостояние, а на решение мирных, созидательных задач.

Теперь вопрос о миллиардах, которые нужны для реализации такой программы. Развить эту тему подробно сейчас невозможно. Я хочу только сказать, что мы не первые, кому приходится решать подобную задачу. После второй мировой войны в Германию возвратилось из Восточной Европы, из разных стран огромное количество немцев. Только в ФРГ — 12,5 млн человек. К концу 40-х годов немцы-репатрианты составляли четверть всего населения как в ФРГ, так и в ГДР. Германия не была процветающим государством в это время, она была разрушена войной. Репатриация создавала большие нагрузки, внутренние напряжения, существовала опасность усиления реваншистских настроений. Тем не менее удалось переломить ситуацию и обратить то, что казалось минусами, в плюсы. Возвратившиеся в страну немцы в какой-то мере восполнили демографические потери Германии, стали одним из элементов того, что впоследствии называли "немецким чудом". Сыграла свою роль правильно выбранная экономическая политика, немалое значение имела и иностранная помощь — по плану Маршалла и по другим линиям. Я думаю, что и в нашем случае можно было бы рассчитывать на серьезную иностранную помощь. По отношению к нынешним экономическим возможностям стран, которые могли бы помогать России, это меньше, чем соизмеримая по масштабам помощь послевоенной Германии по отношению к тогдашним возможностям США. Понятно, однако, что всем нужна уверенность в том, что такая помощь будет использована действительно на решение созидательных задач, а не на подготовку чего-нибудь, вроде "последнего броска на юг".

Сейчас трудно с уверенностью предсказывать, как разрешатся все проблемы, вызванные к жизни превращением части граждан СССР в зарубежную диаспору, могут быть разные варианты. Возвращение части диаспоры в Россию — лишь один из них. Но он обязательно должен присутствовать среди других вариантов и внимательно рассматриваться при любых дебатах по поводу будущего России.

Панель 5

ВЕКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СДВИГОВ

Вопросы для обсуждения:

1. Роль культуротворческих групп в переходном обществе (проблема интеллигенции).
2. Сдвиги в ценностных приоритетах социальных групп.
3. Функции массовых коммуникаций в условиях социального слома: проблема массовой культуры.

*Ю.А.Левада,
доктор философских наук, ВЦИОМ*

Проблема интеллигенции в современной России

Как известно, проблема интеллигенции стала одной из центральных для истории, культуры и политики в России примерно полтора столетия назад. Еще Пушкин определил основные два измерения этой проблемы: "поэт и царь", "поэт и народ" (предполагается широкое понимание функции "поэта", но также и других вершин "треугольника"). Эта проблема всегда имела многообразные актуальные измерения. События последних дней (результаты выборов в Госдуму 12 декабря), как мне представляется, имеют самое прямое отношение к процессу изменения места интеллигенции в нашем обществе.

Вопрос о том, что происходит с интеллигенцией, не нов, уже несколько лет он ставится, например, в такой форме: что случилось с так называемой "перестроечной" интеллигенцией? Куда исчез тот голос, тот колокол, который пять—семь лет назад гудел, гремел, пробуждал — как казалось — страну? Остались те же люди, иногда они выступают, пишут, часто сами недоумевают по поводу происходящего — а голосов как будто не слышно. Многие из тех, кто будоражил и формировал общественное мнение во второй половине 80-х, говорят, что все пошло не так, не туда, хотя никто не может объяснить, почему так получилось. Перед нами кризис интеллигентского самосознания и самоопределения, кое в чем подобный наблюдавшемуся в 1909 г. в период знаменитых "Вех". Но кризис более глубокий, а значит, имеющий отношение к глубинным пластам нашего исторического и культурного существования. Или, иными словами, кризис, обнажающий фундаментальные устои общества. В прессе, на поверхности общественной жизни, сейчас почти такой же набор критических символов и

иллюзий, что и 80—90 лет назад: западники, почвенники, отрыв от народа, бездуховность и т.д. Но нет надежд на простые решения — они скомпрометировали себя.

Позволю себе использовать — только как иллюстрацию, как стимул для беспокойства и размышления — некоторые данные наших исследований. В чуть более спокойное время, в сентябре 1993 г., перед респондентами был поставлен вопрос: выражает ли сегодня интеллигенция интересы большинства народа? И мы (ВЦИОМ) получили ответ значительного большинства опрошенных, притом во всех социальных группах: "Нет, не выражает". Интересно, что такой ответ дают и слои, которые принято считать социальной базой интеллигенции (наиболее образованные), а особенно часто выражают такое мнение молодые люди, учащиеся. Несколько реже — наименее образованные люди. Так что здесь смешаны и критика, и самокритика, и отмежевание, а если брать самые общие оценки — то речь идет о негативной оценке, о девальвации самого термина "интеллигенция". Значит ли это, что прошли не только времена романтической героизации, но и времена идеологической (классовой, почвенной) критики интеллигенции; что пришло время "всенародного" отмежевания от нее?

Чтобы от примера перейти к более глубокому анализу проблемы, нужно очертить ее исторические рамки. Широко признано, что интеллигенция — исторический феномен российской жизни (в том числе, что очень важно подчеркнуть, российского общественного самосознания и самоопределения) XIX—XX вв., но никак не извечная категория социального устройства. В определенном смысле интеллигенция присутствует во всех модернизирующих обществах, выступает как важный агент модернизации. Различные страны были захвачены этими процессами в неодинаковых условиях, на различных этапах своего собственного развития. Россия была вовлечена в процессы модернизации на свой лад — сейчас неуместно разбирать это подробнее, — и это создало основу для появления особого, уникального феномена российской интеллигенции. Его никак не объяснить в терминах социальной структуры, как социальную группу с такими-то характеристиками и функциями — образование, просвещение, творчество и т.д. Феномен интеллигенции предполагает и морально-психологическую "нагрузку" (совесть, ответственность), и превращение социальной функции в миссию, почти сакральную: не просто обучать каким-то знаниям и ремеслам, но "нести свет", "хранить идеалы" и т.п. Реальные (объективистские) характеристики не существуют здесь без определенного способа интерпретации, понимания, приписывания, — как, впрочем, это бывает почти всегда с социальными феноменами.

Я уже упоминал, что тот контекст, в котором существует или может восприниматься феномен российской интеллигенции, — это треугольник (в определенном смысле, "магический треугольник"): власть — народ — интеллигенция. В нем все вершины связаны друг с

другом и просто не могут существовать одна без другой: они заданы некоторым общим представлением. Все это не "реальности" как таковые, а конструкты, компоненты определенного мировосприятия, и каждой вершине предписана миссия, без которой нет ни вершины, ни самого треугольника, а, значит, и остальных вершин. "Власть" наделялась мистическими чертами всемогущества, миссией универсальной заботы и универсального ключа ко всем социальным проблемам. "Народ" тоже ведь понимался как некая сакрально-социальная категория, как объект заботы, поклонения и страха. На интеллигенцию в этой схеме возлагалась функция хранения, распространения и трансляции универсальных культурных образов. И вот эта мыслительная схема, — конечно, имевшая свои глубокие исторические корни — задавала рамку движения всех основных направлений российской философско-социальной и философско-политической мысли (западной и почвенной, критической и апологетической, монархической и советской) в течение примерно полутора столетий. Именно в этих рамках интеллигенцию то осуждали, то оправдывали, то превозносили, то проклинали. И то, что называлось проблемой интеллигенции, на самом деле всегда было проблемой всего "магического" треугольника России модернизирующейся и сопротивляющейся модернизации.

Сегодня, как мне представляется, эта история закончена, т.е. рамка "треугольного" восприятия социальной действительности утратила силу. Это не осуждение, не оценка, это просто элемент анализа. Когда нынешние не вполне законные наследники почвенников пытаются судить интеллигенцию, а современные интеллигентные сторонники прогресса законно этим возмущаются, — спор продолжается на старом поле, в рамках того же "магического треугольника". Задача в том, чтобы из него выйти, поскольку рамка изжила себя.

Собственно говоря, "треугольник" был практически преодолен давно, на заре советского периода, в первое его десятилетие, хотя классическая мыслительная схема (или мифологема) существовала и даже порождала иллюзии относительно возможности вернуться к старым рамкам. Были прекрасные, достойные, интеллигентные люди, но не было интеллигенции как особого феномена и особого фактора социального действия. То, что официально именовалось интеллигенцией — то ли слой образованных специалистов, то ли допущенная к вершинам славы верхушка этого слоя, — фактически оставалось придатком и оружием государственного механизма. Как в тоталитарном обществе не существовало и "власти", обособленной от социальной иерархии. Как не было и "народа" как особого субъекта существования. Интеллигенция, наряду с двумя другими вершинами "треугольника", продолжала лишь воображаемое, фантомное существование. Когда-то В.Белинский горевал: у нас есть литераторы, но нет литературы. Можно было сказать (и повторить сегодня вновь), что у нас еще оставались интеллигенты, но не осталось интеллигенции.

Притеснения, о которых много написано, и приспособленчество, о котором пока сказано мало, сыграли свою роль в том, что была прер-

вана нить традиции. Но решающим, конечно, был другой фактор: исчерпала себя роль просветителей, культуртрегеров. Соответствующие функции приобрели массовые обыватели, институциональные формы (массовая школа, а потом и СМК).

На советскую, фантомную интеллигенцию (согласно "треугольной" мыслительной схеме) возлагалась функция привнесения более цивилизованных форм в отношения "власть — народ", хотя скорее всего достигалась лишь видимость цивилизованности, притом в интересах власти. "Треугольник" никогда не был равносторонним: во все периоды отечественная интеллигенция, служивая и оппозиционная, оказывалась близкой власти, зависимой от нее и заинтересованной в том, чтобы с помощью хамской и нецивилизованной власти защититься от еще более хамской толпы. Знаменитая фраза М.Гершензона (из "Вех") о том, что "мы", интеллигенты, вынуждены быть благодарны власти за то, что она с помощью своих штыков ограждает нас от народа, сохранила свое значение и в последующие времена.

Сейчас, по понятным причинам, много тревожного говорят о политическом популизме, одна из сторон которого всегда и везде состоит в том, чтобы натравить разъяренную толпу на интеллигентные группы, на институты цивилизации. Этот популизм был присущ советской, большевистской политике и идеологии во все ее времена — и в начале 30-х, когда провозглашалось общее наступление на "чуждые" элементы, и позже, в годы более селективных репрессий и поощрения "полезной" образованной прослойки. В советском варианте насилие "от имени народа" неизменно служило прикрытием насилия над народом.

Чем дальше от нас период разрушения этой системы — годы гласности и перестройки, — тем важнее разобраться в его реалиях и иллюзиях. Это годы взлета надежд и самообана, в частности и не в последнюю очередь — относительно интеллигенции и ее роли. В некотором смысле, гласность оказалась лебединой песней советской интеллигенции. Здесь, как мне кажется, было три главных иллюзии или "пучка" иллюзий.

Во-первых, о том, что наконец появилась долгожданная разумная и добрая власть — надежда всех отечественных мечтателей, в том числе и критически настроенных (диссидентов, например). Воплощением этой широко распространенной иллюзии был М.Горбачев, особенно в 1987—1989 гг.

Во-вторых, иллюзия о том, что в такой стране, как наша, (СССР — Россия) возможны разумные, плавные, хорошо запрограммированные перемены. Прямое их продолжение — современная полемика вокруг "шоковых" методов реформ.

И в-третьих, иллюзия относительно собственной (интеллигентской) роли в происходящем. Казалось, что "вольнотпущенная" интеллигенция может стать советником власти, соучастником принятия решений, автором спасительных программ и т.д. Этого не получилось. И не только потому, что вчерашних вольнодумцев

использовали не столько как советчиков, сколько как декорацию власти. Никаких программ не существовало, а благими пожеланиями и честными намерениями их нельзя было заменить. Где-то к 1990 г. стало ясно, что "разумная" перестройка зашла в тупик вместе со всем набором своих иллюзий. Началась эпоха кризиса интеллигентского духа, эпоха нарастающего разочарования и даже отчаяния. События шли своим чередом, массовые настроения испытывали какие-то волнообразные колебания, а кризис духа нарастал практически непрерывно. Его ступени можно обозначить тремя датами: конец 1991-го (конец Союза) и дважды в 1993-м (сентябрь и декабрь).

В золотые годы гласности на гребне волны была небольшая группа — несколько десятков, может быть, сотня-другая людей, как будто способных зажигать залы "клубных" собраний и питать воображение читателей прогрессивных журналов. Если перечитать сегодня статьи и сборники, которые играли самую возбуждающую роль в те прекрасные времена, видно, что дело было не столько в таланте авторов и богатстве их идей, сколько в состоянии общественной атмосферы. Атмосфера изменилась, иллюзии угасли. Пресса, недавно будоражившая общественное мнение, заполнена тоскливыми lamentациями, которые формируют не слишком приятный общественный фон. Сами по себе они, правда, не слишком заметны: нет ни изданий, ни авторов, выступления которых — с самой резкой критикой или самыми пылкими призывами — могли бы вызвать взрыв общественного интереса, как это бывало семь—восемь лет назад. Упадок тиражей и интереса к печатному слову, отсутствие "властителей дум", духовных авторитетов — признаки того, что кончилась эпоха общественных иллюзий, как старых, так и обновленных ожиданиями перестройки.

Одна из составляющих этого, в общем-то, неизбежного, процесса — изменение рамок движения общественного мнения и переоценка той "треугольной" схемы, о которой шла речь выше. События последних недель (потрясения, связанные с новым парламентом и новым кризисом реформаторского движения) можно рассматривать именно в этом плане: интеллигенция больше не способна формулировать универсальный образец ориентации, власть больше не делает вид, что претворяет в жизнь этот универсальный образец, а народ больше не делает вид, что следует за мудрым руководством. Это значит, что все вершины "треугольника" утратили свое содержание, и схема лишилась смысла. Об этом можно сожалеть или не сожалеть, но придется понять, что произошли существенные и необратимые изменения. Как бы ни оценивать иллюзии и реалии прошлого, вернуться к ним, по-моему, уже нельзя. Как ни далеко нам до "европейской" модели общества, как ни сложны переходные или фальшивые модели, между которыми нам, по всей видимости, придется долго плутать.

В "европейской" общественной модели нет пресловутого треугольника и соответствующей ему мифологии, в том числе и интеллигентской. (Потому и специфична российская интеллигенция.) Западного

интеллектуала отличает от нашего (не забудем, фантомного) интеллигента прежде всего независимость: он не из obsługi государства, а из независимого слоя, стоящего на собственных ногах, опирающегося на капитал своего знания, квалификации, таланта. Во-вторых, этот слой очень престижный и в смысле своих доходов, и в смысле статуса в обществе. И, наконец, это слой людей глубоко специализированных; это профессионалы своего дела, а не просто "интеллигентные люди", не просветители и не учителя жизни. В начальных классах школы бывают "учителя вообще", они же воспитатели, носители неисполненных родительских функций и пр.; в старших нужны специалисты.

Все это вещи известные, банальные. Не менее банальны и доводы в духе того, что это "не для нас" — по причине либо недоступности, либо бездуховности, безнравственности и пр. Не место и не время дискутировать в такой плоскости, тем более при помощи отдельных примеров. "Взрослая" модель общества всегда сложна, в частности, потому, что не допускает перенесения нравственной ответственности на "старших". Хотим мы того или нет, примерять придется какую-то из моделей "взрослого" общества с его разделением государственных функций и перенесением нравственной ответственности на уровень личности.

Драма российского общества и драма тех, кто считают себя интеллигентами, разворачивается на мучительно долгом переходе от инфантильности к зрелости.

Это относится и к сдвигам, которые стали очевидными в последние месяцы и проявились во время парламентских выборов. Голосование 12 декабря 1993 г. отличалось от голосования 25 апреля того же года не только результатами, но, как мне кажется, и характером действующих сил. В апреле еще сработала традиционная "советская" схема массовой поддержки власти со стороны народа (и не без помощи прогрессивной, т.е. поддерживающей реформы, интеллигенции). Надежда и привычное послушание суммировались в положительном для президента результате. Ориентация на эту схему, надо сказать, подвела нас и других исследователей, которые полагали, что колебавшаяся часть населения ко дню выборов расшевелится и проголосует велед за авангардом. Этого не случилось, произошло иное — мобилизация заметной части молчаливого большинства населения вокруг лозунгов радикального национал-популизма с фашизоидными "чертами лица". Критическая, даже агрессивная мобилизация — феномен новый, невиданный в нашей политической истории после 1917 г. В ее основе — разрыв того традиционно-советского и державшегося до последнего времени механизма массовой мобилизации, который когда-то называли "морально-политическим единством советского общества". В этот разрыв проникает новая угроза, новая социальная сила — агрессивно-организованная толпа. Нечто, подобное "восстанию масс", о котором писал Х.Ортега-и-Гассет.

Насколько серьезна и насколько долговременна эта угроза? В значительной мере это зависит от того, кто и что ей противостоит, как уравниваются общественные силы. Мы знаем, что в более или менее устойчивом, сбалансированном обществе 10—20% голосующих за каких-то экстремистов, авантюристов — довольно обычное явление, ничего страшного в этом нет. У нас же нет устойчивых социальных институтов, а те политические силы, которые как будто должны перевесить всякую "жириновщину", оказываются в состоянии растерянности и раскола. Это стало очевидно сейчас, но в действительности это не новое явление. В некотором смысле мы сейчас столкнулись с тем, чего заслужили, — неумением, неорганизованностью, растерянностью и, хуже того, податливостью в отношении очень опасных тенденций. Одна из них — квазипатриотическая. Интеллигенцию в России всегда считали носителем универсальных ценностей цивилизации, ее бранили (и в 1909, и в 1949 гг. и пр.) за космополитизм, отрыв от почвы. Сейчас мы наблюдаем, что дух обиженно-агрессивного патриотизма получил очень широкое распространение в обществе, в том числе среди наиболее образованных его слоев, среди молодежи, учащихся. И нет такой элитарной среды или группы, которая взяла бы на себя смелость громко предупредить общество о том, что это опасно. Соблазн "этнических чисток", соблазн силовых решений в обществе — во всех его группах, буквально во всех нынешних политических блоках — весьма силен. Это особая проблема, которая требует своего анализа. Понятно, что дезориентация тех, кто именует себя демократами, открывает двери самым темным и авантурным силам. Если демократия не имеет своей культурной и нравственной элиты, она вырождается в охлократию, в диктатуру политического авантюризма, который использует и мобилизует толпу.

*Алексей Берелович,
профессор, Сорбонна*

Новые ценности в постсоветском обществе

Для меня немного странно говорить о ценностях россиян, ибо я не живу здесь и лишен той возможности, которая у вас есть, а именно: посмотреть на себя и понять, каковы собственные ценности. Поэтому, как мне кажется, я в несколько странном положении. Тем не менее я хотел бы поделиться некоторыми соображениями и услышать, что вы об этом думаете. Я не буду долго останавливаться на таких очевидных фактах, как смена некоторых ценностей, изменение отношения к религии, на том, что верующие составляют уже не 20, а 50%, что такие основные понятия грядущей идеологии, как социальная спра-

ведливость, совершенно теперь исчезли, что такие символы, как Ленин, наполовину потеряли свою значимость. Рост притязаний молодежи, ценность денег: последние, судя по анкетам, несколько лет назад занимали последнее место у молодежи, а теперь — первое. Добавлю, что к этим анкетам (не ко всем, например, не к анкетам ВЦИОМа) я отношусь с определенным недоверием. В особенности когда дело касается анкет 80-х годов — когда респонденты говорили, что ценность денег для них на последнем месте, что они все готовы служить в советской армии, повышать свои знания и т.д. По-видимому, они отвечали тогда то, что соответствовало социальной норме, — и это несколько осложняет прослеживание эволюции ценностей. И, может быть, эти изменения (и это мой основной тезис), в общем, не так и велики. Хотя на поверхности, конечно, они прослеживаются, в частности, если речь идет о смене идеологических установок. Но если общество сохраняется, даже если его лихорадит, но все-таки оно не разваливается. А значит, многие системы тем не менее сохранились. И, например, очень показательно (по опросам ВЦИОМа), что элита говорит о спаде нравственности и отводит ему очень важное место в нынешних трудностях, а население, в общем, так не считает. То есть, по-видимому, в элитных кругах есть ощущение полного развала системы бывших ценностей, появления вакуума, но в более широких кругах это ощущение намного слабее. Как мне кажется, бывшая система ценностей была намного более сложной, многослойной, чем это часто представляется. Из этой многослойности и сложности старой системы, мне кажется, можно сделать два заключения. Первое — некоторые элементы старой системы ценностей сохранились. Второе, — даже если составные части этой системы ценностей изменились, то сама она сохранилась.

Попробую немного развить эту мысль. Прежде всего о тех элементах, которые могли сохраниться. Мне кажется, что сама официальная система ценностей, идеология, которая утверждалась этими ценностями, имела, как бы это сказать, "просветительское" происхождение. Есть французская поговорка, что "двуличие — это знак уважения порока к добродетели". Так вот, мне кажется, что официальная идеология была, так сказать, знаком уважения тоталитарной системы к демократии. То есть такие ценности, как свобода, демократия, человеческая жизнь и т.д., утверждались постоянно советской идеологией и опирались при этом на большую русскую культуру. На великую русскую культуру, а также на общечеловеческие ценности. И мне кажется, что именно в этом одно из объяснений легкого перехода из старой системы ценностей в новую. Старую систему упрекали в основном за несоблюдение своих же собственных норм. Вспомним диссидентское движение, которое в основном требовало соблюдения Конституции. Движение за права человека в основном упрекало власть за несоблюдение Конституции, как вы помните. Даже если видеть в этом лишь тактический шаг, то это, кажется мне, тем не менее очень значимым.

На втором этаже такой системы ценностей в более распространенном, менее идеологизированном и официально выраженном их слое было очень много чисто интеллигентских ценностей, таких, как презрение к деньгам, альтруизм, стремление взять на себя чужую боль, горение на службе и т.д. Это тоже позволило сделать легкий переход. Еще одна черта бывшей системы, которая, как мне кажется, облегчила переход — это полная противоречивость старой системы и то, что она была составлена из совершенно разных элементов, которые сосуществовали друг с другом. Такие, например, как соцреализм, который и реализм и в то же время что-то другое. Причем в зависимости от обстоятельств можно было оперировать любым из этих слагаемых. Или опираться на интернационализм, или, если нужно, говорить "великая наша Родина". Когда нужно — "рабочий класс" или, наоборот, "единый народ", — всегда можно было найти то, что нужно. "Равенство" и "каждому по заслугам"... и так — в любой провозглашаемой ценности. Поэтому сегодня отброшены лишь некоторые из этих элементов, другие же остались.

В 60—70-е годы получили распространение, в основном благодаря интеллигенции, ценности, которые в принципе официально не провозглашались или полупровозглашались, но терпелись. К их числу относились традиции духовности, уважения к старшим, честности и т.д. Я имею в виду волну деревенской прозы, которая, конечно, не считалась официальной идеологией, но которая поддерживалась и терпелась ею. Установка на семью, необходимость культурности, хороших манер и т.д., и т.д. Это вполне включалось в старую систему и поэтому могло довольно-таки безболезненно сохраниться. Более того, некоторые формы ценностей, подчеркивающие консерватизм, патриархальность и т.д., даже служили старой системе. Они были необходимы для сохранения консервативных настроений, удерживающих от перемен, поиска чего-то в будущем. Сейчас можно видеть, что позиции этих ценностей усилились, что некоторые из ценностей, перешедших из дореволюционной системы, включились в советскую систему и сохранились в нынешней.

Поражает распространенность установки на прошлое. Любовь к прошлому, прошлолюбие, не знаю, как еще сказать. Отсюда и возвеличение дореволюционной Руси, поиск ценностей в православной церкви и т.д. Это имело место еще задолго до нынешнего перехода, просто из некоторой периферии перешло в центр. Мне хотелось еще раз подчеркнуть многослойность структуры ценностей: существовала господствующая идеология с официальными, если можно так выразиться, ценностями. Но наряду с ценностями, воспринятыми и пропагандируемыми системой, утверждаемыми при помощи той части интеллигенции, которая обслуживала государство, были и другие, чисто интеллигентские, которые как бы не имели права на официальность, но которые также артикулировались, существовали и утверждались при помощи другой части интеллигенции. Это были две части одного целого, а не, как часто говорили, два совершенно разных мира.

Я не буду на этом останавливаться, поскольку общность черт этих двух ценностей очевидна. Но, помимо этих двух артикулируемых систем ценностей, существовала и неартикулированная система скорее не ценностей, а реальных социальных норм. То есть люди знали, что нужно говорить там, а что там, а вели себя по-третьему. По старой шутке: "думаем одно, говорим другое, а делаем третье". Например, деньги, личный успех, установка на индивидуализм. Я совершенно согласен с тем, что говорил два дня назад Герман Германович Дилигенский: не было коллективизма, был реальный индивидуализм, и основой была не столько система *двоемыслия*, а несовпадение *мнений и поведения*. Поэтому когда в конце 70-х годов у студентов спрашивали о престиже профессий (как делали в Новосибирске многие годы), то на первом месте оказывались постоянно ученый-физик, космонавт, врач и т.д. Когда же дело заходило до реальности, то, судя по некоторым отрывочным данным (никогда не видел обобщенных), то конкурс в коммерческое пту был намного больше, чем в педагогический институт.

И последнее — о сохранении структуры ценностей. Мне кажется, что само это сохранение раздвоенности, способности одновременно говорить одно, а делать другое помогает выживанию, а также объясняет, насколько быстро изменилась официальная идеология. Примером может служить новая норма — ходить в церковь или утверждать, что вы верующий. Это утверждение, на мой взгляд, оказывает не большее влияние на реальное поведение людей, чем предыдущее утверждение о том, что вы коммунист или придерживаетесь коммунистической морали. Если мы обратимся к соблюдению нравственных, сексуальных, каких угодно правил населением стран Запада, то увидим весьма значительную разницу между верующими и неверующими. Здесь, как мне кажется, ее просто нет. То есть различия остаются на уровне вербальных высказываний, не влияющих на реальное поведение.

И последнее. Тем не менее мне кажется, что реальные изменения в старой системе ценностей все же есть (хотя я много говорил о том, что не изменилось). Это то, что старая система ценностей, будь то официальная или неофициальная, выражалась интеллигенцией. Сейчас же интеллигенция потеряла эту монополию на ценности, на их утверждение. Поэтому, мне кажется, что ценности интеллигенции, как и сама эта группа, также уходят на периферию. Появляются другие субъекты, которые утверждают свои ценности, например, деловые люди утверждают свои, церковь — свои, политические круги — свои и т.д. Появляется, так сказать, многоценностная система. Раньше она тоже была, но она была невысказанной и носила, скорее всего, фрагментарный характер, а сейчас в самой публичной сфере существуют разные системы ценностей, каждая из которых высказывается, утверждается и т.д.

Этой потерей монополии интеллигенции и объясняется, наверное, что она ощущает сейчас полную потерю всяких ценностей. Что мне

кажется не совсем правильным. И чтобы вернуться к тому треугольнику, о котором говорил Юрий Александрович, отмечу, что, потеряв монополию на ценности, интеллигенция забыла, я бы сказал, и свою роль. То есть, потеряв, может быть, мифическую свою функцию говорить народу, что он должен делать, т.е. просвещать его и говорить власти, что она должна делать, т.е. окультурировать ее, интеллигенция должна вновь обрести забытую ею традиционную роль. Во всех обществах, как мне кажется, роль интеллигенции в том, чтобы утверждать некоторые нормы. Я попробую это объяснить. Когда начинают выгонять из города людей "кавказской национальности", интеллигенция должна сказать, что это не соответствует норме, что так нельзя. Ее роль — не просвещение народа, потому что, мне кажется, с потерей понятия "интеллигенция" должно исчезнуть и понятие "народ", которое также является мифом. Есть некоторые социальные нормы, которые общество должно соблюдать; если оно хочет существовать — они должны сохраниться. Мне кажется, что опасность сейчас в том, что те, которые не должны были бы молчать, потеряв монополию, просто уже и не умеют формулировать эти нормы.

Вопрос: Вы говорите о двух типах ценностей, которые как-то меняют свою пропорцию. А можно как-то охарактеризовать каждый из этих типов, назвать источники того и другого. Имеют ли они названия: общее или каждый из них?

Ответ: Название? Нет, я не знаю. Может, у них и есть название, но я его не знаю. Мне кажется, я называл не два типа, скорее, это был "слоеный пирог". Я старался сказать: мне кажется, что в советской системе основой структурирования была, конечно, официальность. Был официоз, был антиофициоз, связанный с ним, и было то, чего как бы совершенно не существовало. То есть официальные, неофициальные, но в то же время артикулированные, и просто неартикулированные ценности, которые не высказывались вслух, но служили некоторыми нормами в обществе.

Вопрос: А как быть с вашей замечательной идеей об уважении тоталитаризма к демократии? Я действительно очень высоко ценю эту мысль, и, наверное, не я один. Но Вы вот что скажите в связи с этим. По-моему, тоталитаризм как таковой безъязык. Рождаясь как тип отношений, как система властвования, он не имел своего собственного языка никогда. В наших условиях он обрел язык действительно, так сказать, просвещенческий, которым владела наличная на тот момент интеллигенция, скажем социал-демократия. Согласны ли Вы с этим?

Ответ: Я напрасно сказал "тоталитаризм" — не надо было употреблять это слово. Что я хотел сказать? Скажем, у большевизма был свой язык. Большевизм утверждался, говорил открыто, гордился тем, что делал, — очень короткое время. То есть очень короткое время говорили: "надо их истреблять", "надо ввести полевые суды" и т.д. Очень быстро начали все это одевать в одежды соблюдения всех мировых правил, например, правосудия. Дессидентов судили, и, что

очень показательно, судили за хулиганство. То есть я хотел сказать, что тоталитаризм использовал другой язык. Хотя этот язык был скорее смешанный.

Динамика нравственности как основа прогноза

Прогнозирование, которое могло бы рассчитывать на успех, на получение объективного результата, должно опираться на знание явных и, возможно, скрытых тенденций изменений.

Опыт изучения истории России позволяет предположить, что в истории страны важнейшей, влияющей на содержание воспроизводственного процесса переменной, которая может быть фиксирована, является смена господствующих массовых идеалов. Массовыми идеалами я называю определяющий пласт культуры, идеальное содержательное основание для массовой интеграции людей на основе общей интерпретации условий, средств и целей деятельности для формирования общих действий. Например, все общество может охватить стремление замкнуться в небольших локальных мирах или, наоборот, подчиниться вождю-тотему. Фактически эти идеалы являются формой выражения, квинтэссенцией системы фундаментальных ценностей, составляющей "ядро" культурной, поведенческой ориентации людей, определяющей их отношение к себе, другим людям и миру в целом. Такие идеалы всегда носят нравственный характер. В традиции веберовских "идеальных типов" подобные идеалы можно было бы признать задающими тот или иной тип человека (*homo economicus* и т. д.).

Изучение российской истории показывает, что в обществе складывалось определенное разнообразие этих идеалов. Прослеживается определенная логика изменений господствующих, т. е. наиболее значимых, массовых нравственных идеалов, культурно-нравственных устремлений, охватывающих большинство народа и ставших основой интеграции общества, государственности. Ритмы смены содержания господствующих идеалов могут быть положены в основу прогнозирования.

Исторически и логически исходным идеалом, системой ценностей в России является архаичный синкретический традиционный идеал, который, учитывая российскую специфику, можно назвать вечевым. Определяющей характеристикой этого идеала, его высшей ценностью является нацеленность на сохранение эффективности исторически сложившейся воспроизводственной деятельности на том уровне, который считают достаточным традиция и обычай. Основным лозунгом,

выражающим содержание вечевого идеала, можно считать требование жить так, как жили отцы и деды.

Под эффективностью социального воспроизводства я в данном случае понимаю способность общества или иного субъекта противостоять деструктивным, энтропийным процессам, противостоять вызову истории, способность сохранить самого себя во всем разнообразии своих функций. Снижение эффективности ниже определенного уровня приводит к дезорганизации субъекта, его разрушению, возможно необратимому.

Вечевой идеал носит синкретический характер. Его нерасчлененность препятствует структурированию отдельных элементов и форм, в результате чего становится невозможным осознанное изменение тех или иных форм социальных (хозяйственно-экономических в том числе) отношений с целью повышения эффективности деятельности. Эта особенность вечевого идеала прошла через века и сегодня представляет важный элемент жизни общества, в частности, препятствуя тем реорганизациям производства, которые необходимы для повышения его эффективности. Определение места и роли традиционного вечевого нравственного идеала в жизни современной России представляет проблему. Я полагаю, что несмотря на все изменения, имевшие место в стране, он является необходимой предпосылкой понимания российской истории, ее внутренним, никогда не исчезающим фоном вплоть до сегодняшнего дня.

Тем не менее, конечно, и возникновение государства, и усложнение общества на протяжении веков были факторами, способствовавшими распаду синкретического вечевого идеала на авторитарный и соборный. Истоками и той и другой формы (впрочем, как и исходной вечевой нравственности) было локальное догосударственное сообщество, отношения между его членами, отношения между самими этими сообществами. Авторитарный идеал характеризуется смещением центров значимого для соответствующего субъекта осмысления, интерпретации условий, средств и целей воспроизводства, принятия решений, ответственности за целое — вверх, ориентацией на большака, на первое лицо в сообществе, а затем и государстве. Соответственно этому вырабатывается и процедура принятия и реализации решений. Авторитарная нравственность неоднократно играла господствующую роль в стране. Например, в своих крайних формах авторитаризм утверждался на вершинах государственной власти в царствование Петра I, во время правления Сталина. В последнем случае изменения, приносимые иным историческим временем, новыми способами контроля и насилия над членами общества, привели к тому, что традиционный российский авторитаризм стал перерастать в тоталитарную форму. Умеренный авторитаризм господствовал во время правления Николая I, в период военного коммунизма, правления Брежнева.

Соборный идеал — оборотная сторона авторитарного. Можно говорить о том, что родившиеся на одной исторической и культурной почве, они представляют собой два полюса распадающейся вечевой

нравственности. Для соборного идеала характерно смещение центров осмысления власти, принятия решений и т. д. вниз, т. е. на уровень собрания большаков, глав крестьянских дворов, глав ведомств, регионов и т. д. Здесь возникает феномен вынесения решений "обща", "сдумавши", о чем писал, например Кавелин. Значение этой формы культурной практики до сих пор недооценивалось в русской исторической науке. Здесь большим влиянием пользовалась идея Карамзина, который считал самодержавие душой российской истории. Соборный идеал в различных модификациях периодически господствовал в политической культуре страны. Он нашел свое важнейшее выражение в тенденциях регионализации, локализме, т. е. организационном распаде, не компенсированном соответствующими внутренними скрепами, интеграцией на основе общей культуры, разделяемой обществом системы ценностей.

Господствующую роль соборной нравственности можно констатировать в Киевской Руси, на этапе распада Российской империи Романовых, на первом этапе существования советского государства. Сама форма советов была ярким проявлением соборной нравственности, однако она же могла мгновенно превращаться в свою авторитарную противоположность, которая как будто постоянно присутствовала, отесненная временно на задний план. Отсюда ясна амбивалентность обеих названных форм вечевого идеала. Они переходят друг в друга в определенных ситуациях, меняя тем самым важнейшие характеристики общества.

Однако в истории постепенно возникали и другие культурные ценности, другие типы нравственности и нравственных ориентаций. Важнейшим нравственным идеалом следует признать либеральный. Под либерализмом я имею в виду не только политическую теорию и практику, но прежде всего культурно-историческое, нравственное основание общественного воспроизводства, соответствующее определенной стадии развития человечества, саморазвития человеческой личности, институтов и отношений. Либерализм органически связан с либеральной цивилизацией, как традиционный вечевого идеала связан с традиционной цивилизацией. Либеральная нравственность является в определенных рамках противоположностью вечевого идеала и характеризуется превращением развития, повышения эффективности в высшую ценность. Здесь, в отличие от вечевого идеала, ценность измеряется способностью к повышению эффективности, способностью изменять значимые параметры сообщества, его культуры, отношений, создавать институты, нацеленные на повышение эффективности. Либеральный идеал носит достижительный характер, в частности, включает способность подчинять все формы организационных отношений достижению все более высокой эффективности в усложняющемся, динамичном мире. Протестантская этика с этих позиций есть всего лишь одна из конкретно-исторических форм проявления либеральной нравственности. Либеральный идеал, либерализм, опираясь на высшие достижения мировой культуры и науки, пытается разрешать все более сложные проблемы

общества, прежде всего противоречия между нарастающими потребностями в ресурсах и недостаточным пониманием необходимости формирования и освоения соответствующих форм труда, воспроизводства, способных удовлетворить эти потребности.

Однако слабость этого идеала, в отличие от вечевоего, заключается в ограниченности его почвенных сил в России, в отсутствии в обществе необходимой для господства либерализма критической массы людей, живущих на основе соответствующих ценностей. Либерализм впервые пришел к власти в России после краха монархии и второй раз — после краха государственности СССР. Сейчас наблюдается сложная мозаика различных типов и форм нравственности, которые либерализму удалось как-то объединить, формируя общие цели. Эту роль либерализма можно рассматривать как крайне важную характеристику нравственной атмосферы в стране, что, однако, не является достаточным для реализации, прочного утверждения либеральных ценностей, для их прорастания во всю толщу общества как социального субъекта изменений.

Возрастающее значение в стране имеет утилитарная нравственность — промежуточная, переходная форма от традиционных нравственных идеалов к либеральным. Утилитаризм широко известен в истории человечества и истории мысли. В России он формировался с большим трудом, складываясь в двух основных формах. Он возник еще в древности в процессе распада синкретизма, выделившись как результат развития взгляда на мир как на бесконечный набор реальных и потенциальных средств. В этом важное отличие утилитаризма от вечевоего идеала, который не вычленяет средства из синкретического целого, не отчленяет их ни от условий, ни от целей деятельности. Утилитаризм совпадает с либерализмом в оценке средств, но они принципиально расходятся в отношении к целям. Либеральный идеал превращает сами цели в подлежащую разрешению проблему, тогда как утилитаризм следует некритически воспринимаемым сложившимся целям. Утилитаризм возникает как умеренный, для которого характерно отсутствие осознанной связи между трудом и его результатами (что влечет неспособность превращать эту связь в подлежащую разрешению проблему). В умеренном утилитаризме преобладает стремление приобретать готовые блага, начиная с собирательства до социального иждивенчества как в локальном сообществе, так и в большом обществе, в современном государстве. Развитый утилитаризм характеризуется способностью подчинять труд, деятельность, отношения получению эффективного результата. Его можно рассматривать как отдаленного предшественника либерализма. Утилитаризм исторически был нацелен на приспособление к традиционному идеалу, но одновременно нес угрозу его разрушения. Сложность исторического пути России приводит к возникновению особых гибридных идеалов. Потребность в них возникает в результате глубокого культурного и социального раскола, характеризующего общество. Этот раскол приводил и приводит к тому, что новые слож-

ные проблемы вынуждены решать вместе разные слои, следующие различным, возможно, противоположным системам нравственности. Например, индустриализация, строительство нового государства осуществлялись людьми разных культур, тяготевшими к разным нравственным основаниям и идеалам и руководствовавшимися подчас противоположным отношением к государственности. Эти гибридные идеалы, несмотря на весь привкус искусственности, неорганичности, который несет в себе даже само слово "гибридность", выполняют необходимую социальную функцию — они являются одной из форм попытки общества объединить людей, разделенных разными, возможно, противоположными ценностями таким образом, чтобы они не знали, не подозревали об этих различиях, принимали их за несущественные, малозначимые. Особенно масштабная попытка такого рода была сделана в условиях господства большевизма, когда официальная идеология была нацелена на отождествление массового, тяготеющего к синкретизму сознания с элементами расчлененного, глубоко рефлексированного мышления, делалась попытка отождествить народную правду и истину науки. При этом достижения науки использовались для попыток имитировать синкретизм, формировать систему псевдосинкретизма. Современные политические партии, пытаясь усилить свое влияние на разные группы, также стихийно или осознанно формируют гибридные идеалы. Это означает включение в их арсенал несовместимых между собой, но приемлемых для разных групп идей; абстрактность принципов, допускающих различную, даже противоположную интерпретацию; а затем работу, обосновывающую тождество этих различий (например, миролюбие, равенство Прав народов и одновременно — стремление к присоединению новых территорий), попытки "доказать", что это одна и та же идея.

Было бы неверно рассматривать перечисленные нравственные идеалы как случайный набор. В последовательной смене господствующих идеалов можно видеть определенную устойчивую логику, что само по себе создает основу для прогнозирования смены господствующих нравственных идеалов.

*Б.В.Дубин,
ВЦИОМ*

Культурная динамика и массовая культура сегодня

Общую рамку для понимания сдвигов в области культуры, и прежде всего массовой, я предлагаю видеть в нескольких взаимосвязанных процессах, особенно остро проявившихся в последние полтора-два года. Эти процессы охватывают большинство населения, его самые многочисленные (хотя и не все) группы и слои.

Во-первых, год от года, месяц за месяцем растут неоднозначность, проблематичность устойчивых и привычных контуров коллективной идентификации (речь идет не об их "крушении", а именно о разложении, частичной трансформации, переосмыслении их места и удельного веса в коллективном сознании). Прежде всего это относится к рамкам державы (Советский Союз) и надэтнической общности (советский народ), но для русских — и к формам этнического самопричисления. Во всех этих и подобных им случаях государственно-политическая составляющая — осевая в конструкции коллективного самопонимания для целых десятилетий — ослабевает, уходит на задний план, приобретает превращенный вид.

Пространства общей, меж- и надгрупповой символической солидарности сужаются. Идет передвижка идентификационных фокусов и полей — от общегосударственных и всенародных к групповым (локальным, профессиональным), а затем и к более сложным, промежуточным, симбиотическим формам. Они сочетают как бы заново активизированные в условиях неопределенности традиционные аскриптивные характеристики (прежде всего — возраст и пол) с новым понятием о статусе. В него входит не только уровень достижений, (что обычно), но и объем, и направленность аспираций, высокая или, напротив, заниженная оценка настоящего и будущего времени, своих сил и возможностей. Это компонент не психологический, а социальный, он связан со стереометрической оценкой других партнеров и групп, со всей проективной структурой взаимодействия, встроен в нее. Для нынешней ситуации показательно, что эти, отчасти традиционалистские значения, во-первых, закрепляются и воспроизводятся техническими средствами современных массовых коммуникаций, а во-вторых, имеют ситуативный или, по крайней мере, рассчитанный на краткую перспективу характер.

Второй процесс — сокращение репертуара общих авторитетов и символов, падение объема их совокупной поддержки, изменение структуры коллективного символического пантеона (типов значимости и характера, значения его составляющих). По данным шести опросов ВЦИОМа "Новый год" (1988—1993), исследований "Культура", "Русские" и др. можно видеть, как редет список общих для респондентов символических событий и фигур, и лидирующие в списках героев года представители реформаторского руководства (Горбачев), их политические симпатизанты (Тэтчер, Буш, Коль) и оппоненты (Ельцин) сменяются героинями телесериалов, ведущими телешоу и т.д.

К тому же из-под рассыпающегося общего календаря и кристаллизующегося нового набора масскоммуникативных героев и сенсаций начинают все отчетливей проступать события и фигуры иных уровней. Среди них, например, уровень локальных ориентиров и коммуникаций — уровень города, региона. Растет — особенно у молодежи — значимость структур межличностного общения, роль ближайших референтных инстанций, опосредующих воздействие бо-

лее общих авторитетов, либо, напротив, компенсирующих их недостаток. Наконец, кристаллизуется — в разных слоях разный — уровень более высоких, собственно культурных, надэмпирических авторитетов. Речь идет не только о фигурах и образах традиционных христианских верований, характерных сегодня скорее для старших и менее образованных групп, но и о магических или неоязыческих "силах", более привлекательных для молодежи (астрология, хиромантия и т.п.).

Третий процесс — сужение для многих (хотя, опять-таки, не для всех) групп населения их временных горизонтов. Дело здесь не только в свертывании перспективных ориентаций при растущей социальной и культурной неопределенности, в расхождении между ретроспективным и перспективным планами существования, между отношением к современности и ближайшими видами на будущее, но и в переоценках самого места этих векторов мысли и действия в сознании, в картине мира. Эта переоценка и возникающие в ее ходе и результате конфигурации (самочувствие, представления об объеме и характере имеющихся ресурсов, в том числе — познавательных и символических, наличие или отсутствие у респондентов контроля над происходящим либо, напротив, чувство своей подконтрольности посторонним силам того или иного порядка — от государственных до "нездешних") в обобщенном и субъективно-ощутимом виде результируют для индивидов происходящее, выступают основой (одной из основ) для нового группового сплочения и идентификации.

Понятно, что при этом многократно возрастает роль достаточно нестабильных, ситуативных, отмеченных групповой символикой и окрашенных групповыми эмоциями компонентов действия, растет и значимость умений правильно "считывать" эти новые и подвижные символические коды, как бы включать и выключать время, в широком смысле слова — пользоваться им. Отсюда нынешняя ценностная нагрузка на "шанс", который, как напоминает реклама, не надо "упускать"; притом шанс можно понимать как в условно-игровом смысле (удача), так и во вполне реальном агрессивном ключе (демонстративный напор, "хапок"). Отсюда же — новое "чувство жизни", аффективное переживание настоящего, распространяющиеся из молодежных кружков и их сленга представления о "кайфе" или, напротив, "ломе".

Итак, за последние годы можно наблюдать достаточно бурное вторжение, а то и навязывание, набора образцов и значений, маркирующих статус, образ жизни, планы и ориентиры ряда новых социальных фигур, групп или сред. Нельзя сказать, что эта символика и ее семантика настолько непривычны, что попросту непонятны большинству. Скорее, они были социально-запретны и по-другому ценностно маркированы, а теперь — впервые для всех поколений и групп общества разом — стали в таком масштабе разрешены и даже предписаны, притом нередко с самого высокого государственного уровня. Если говорить о персонажах, которые приобретают при

этом в общественном мнении статус образца и имеют сегодня благодаря средствам массовой коммуникации наиболее отчетливое символическое воплощение, то это "молодежь" (подчеркнуто независимая — неконформистская или просто "без предрассудков") и "предприниматели". Фигурой растожествления, отталкивания (негативной идентификации), полюсом, противостоящим и тем и другим, выступает так называемый "совок".

Это с одной стороны. А с другой, — приходится констатировать остро переживаемый многими группами дефицит коллективных символов. Привычные для них "старые" символические конфигурации теряют общественный авторитет и все чаще маркированы негативно, "новые" — чужды и по жизненному опыту и по идеологической окраске, те же, которые как-то соединяли и гармонизировали бы "старое" и "новое", отсутствуют. Политическая сфера с идеологией и символикой прежнего советско-партократического типа, как уже говорилось, теряет свою интегрирующую, пусть хотя бы по видимости, роль. Но и массовая по объему, срочная по характеру политическая мобилизация и реидеологизация периода перестройки с ее кодексом умеренно-критической и отчасти диссидентской интеллигенции уже к 1990 г. выявила свои идейные, социальные и человеческие лимиты. Теперь и этот кодекс (и слой его носителей) переживают разложение.

В этих условиях, кажется, единственной общей для большинства групп сферой, претендующей на то, чтобы соединять символические ориентиры различных социальных образований и в этом смысле опосредовать взаимодействие разных уровней, структур, отсеков общества, проецируя их на некую плоскость коллективного сознания, выступает опять-таки сравнительно новая система, на наших глазах формирующаяся как независимый аспект существования социума, — система массовых коммуникаций. Ее роль и состоит в том, чтобы задавать этот общий уровень, план условного сопоставления ценностей и символов разных слоев и групп, разного генезиса и семантики техническими средствами, представляя и транслируя их одновременно на самые многочисленные (хотя бы в потенции) аудитории. Можно сказать, что сами группы — как старые, так и новые — если чем и удовлетворены сейчас, то это в первую очередь каналами массовой коммуникации. По нынешним условиям, они нуждаются в новой ценностной легитимации и наново конституированы образцами массовой культуры и СМК, которые придают образу группы или фигуры, их символике собственно общественное, публичное звучание. Причем деятельность каждого из этих каналов пересекается с другими и отображается ими. Далее они, как бы экстрагировавшие наличный социальный символизм (состав и символический пантеон различных групп), в свою очередь, ретранслируются или опосредуются каналами межличностной коммуникации, лидерами мнений и т.д.

Новым, набирающим силу компонентом системы массовых коммуникаций в наших условиях является реклама. Она — не просто

канал коммуникации или один из передаваемых по ним текстов. Сегодня едва ли не важнее та модальность воздействия на реципиента (и модель взаимодействия как такового), которую она с собой различимо несет. Перечислю лишь некоторые ее особенности: по замыслу она — игровая, но по смыслу императивна, и адресованность ее педальрована, ее тон жизнеутверждающ и отстаивает — порой достаточно бесцеремонно — ценности совершенствования и перемены; она демонстрирует символы успеха и призывает к персональному выбору, но нередко безальтернативна и безапелляционна, аффективно-окрашена, а то и явно аффективирована. Если освобождающиеся от государственного диктата и цензуры СМИ составляют сегодня новое социальное пространство взаимодействия групп, то реклама, можно сказать, придает им позитивную ценностную наполненность, определенное культурное качество. Причем рекламная "интонация" окрашивает в последнее время не только сообщения СМИ, но и другие планы существования и сегменты общественной жизни.

Среди этих последних, опять-таки на наших глазах сложившихся как признанные и относительно независимые сферы, или "режимы" поведения, я бы выделил три типа. Все они заданы границами пространства и времени, что составляет важную характеристику взаимодействия в их рамках.

Один тип, исключительно групповой и в основном ориентированный на внутреннее сплочение "своих" и коллективную разрядку, тип назову "нишей": примером его является "тусовка" — форма, эффективно работавшая и прежде, но публично легализованная и растиражированная лишь теперь. Другой обозначу как "зону": такова уличная жизнь больших городов, в последние два года ставшая место сверхоживленных и типично городских (анонимных и т.п.) коммуникаций, публичного показа и обозрения символики "другой жизни", образцов альтернативного существования, новых возможностей, а отчасти и достигнутого статуса. Третий — "ситуация", или "кампания". Речь идет о кратковременном и, так или иначе, организованном, хотя и не обязательно запланированном процессе типа публичных митингов, шествий, демонстраций, выборов.

Фактически каждому россиянину, а уж тем более жителю города, приходится с большой частотой, если не ежедневно, оказываться в сфере воздействия каждого из перечисленных типов публичного поведения с их простейшей ролевой структурой ("крутой" лидер, "новичок", "зевака", "чужак"), символикой и т.д. Соответственно здесь активизируются и отыгрываются многие значения из репертуара СМИ. И напротив: телевидение, газеты, радио не только транслируют обращающиеся в этих рамках символы, но нередко и строят свою работу на подобных стандартах. Отсюда — ощутимое вторжение "улицы" на страницы газет и экраны телевизоров, известная их "бульваризация".

В целом массовая культура несет наиболее общие представления о нормах достижения коллективно значимых целей или ценностей (ни

те, ни другие сами по себе в их специфике она не обсуждает). Важно при этом, что речь всякий раз идет не просто о тех или иных отдельных благах или средствах их достижения, но об определенном жизненном пути (биографии, ее ценностно-нагруженном отрезке, значимом повороте), либо же о модусе существования, образе жизни, который эти блага гарантирует, либо, напротив, дорогу к ним закрывает. Я хочу сказать, что, может быть, самое важное здесь — даже не конкретный образец, рецепт поведения, а представление о человеке и его "подлинном" существовании. Но прежде чем говорить о семантике наиболее популярных сегодня образцов массовой культуры, стоит отметить несколько обстоятельств, характерных именно для теперешнего ее существования в наших условиях.

Во-первых, едва ли не вся она сегодня — книги и фильмы, товары и фирмы — помечена как "чужая". Чаще всего это значит иностранная. Но для многих (а может быть и для большинства) групп фактически ту же роль могут играть демонстративные признаки молодёжности образцов либо роскоши и недоступности рекламируемого стиля жизни. Дело здесь не в зарубежном происхождении, а в отмеченности самого рубежа, барьера, отделяющего от повседневной "реальности". Дистанция подчеркивается, чем и задается притягательность. Раздражение более чем четырех пятых российских респондентов рекламой в СМК есть, так или иначе, негативное признание рекламируемой ценности при естественном протесте против вынужденности этого признания.

Во-вторых, образцы массовой культуры фигурируют в упаковке "высокой". Иначе говоря, они оценены из иной культурной перспективы. Так твердый переплет и обязательный супер для одноразовых произведений, вышедших на Западе — и очень давно! — в карманном формате и мягкой обложке, отсылают к представлениям о "настоящей" книге, характерным для начинающих книгособирателей (о том же говорит и уровень их цен). Дистанция демонстративно подчеркивается и здесь, причем имидж "высокого" парадоксальным образом воспроизводит более низкую ценностную позицию реципиента. "Культура" для такого взгляда это всегда "чужое". В конечном счете перед нами отчуждение от себя, от прежней нормативно заданной идентичности. Для потребителя оно выступает механизмом сдвига, адаптации к меняющемуся окружению. Вместе с тем здесь в самом устройстве как бы "заимствуемого" культурного образца удержана прежняя и уже, кажется, отвергнутая носителем норма. Только теперь она сохраняется в виде двойственного, неявного, символически-превращенного и внутренне конфликтного отношения и к себе, и к образцу, и к изменению собственной ситуации. (Фактически то же самое происходит при обратном процессе — инфильтрации массовой культуры в традиционно закрытые для нее сферы, скажем, в интеллигентскую прессу с ее теперешней, едва ли не тотальной цинической "чернухой" и хамоватым "стеблом": здесь "чужое" это всегда "антикультура".)

Данные опросов ВЦИОМа последних двух лет показывают, что читательский и зрительский интерес большинства групп населения сфокусировался на нескольких комплексах. В обобщенном виде я бы обозначил центральный для каждого из них проблемный узел как "случай" ("судьба"), "аффект" и "иное" ("запредельное"). В жанрово-тематическом плане этот интерес сосредоточен на сравнительно узком наборе. Среди книг это детектив (чаще других читают 36%), историческая литература (24), приключения (20) и любовные истории (19). Среди передач телевидения — наиболее массового канала сегодня — это новости (72), сериалы (63), эстрада (39), лотереи, викторины (33), криминальная хроника (29). Среди более популярных газет явно выделились городские (их чаще всего читали за последние два месяца 58% опрошенных), "Аргументы и факты" (39), "СПИД-Инфо" (21), "Комсомольская правда" (18) и "Труд" (14).

Мир массовых коммуникаций при этом достаточно явственно делится в соответствии с двумя факторами — полом и возрастом реципиентов. Так, эстрада — полюс интересов молодежи, особенно женщин (до 60% их предпочитает смотреть именно эстраду), а новости — людей пожилых (до 84—85%). Спорт и криминальная хроника — предпочтения мужчин наиболее активного возраста до 40 лет (40—41%). Особенно явственно разделились по этим признакам предпочитаемые газеты ("новые" выбирает молодежь, "старые" — чаще пожилые читатели) и радиостанции ("кнопки" предпочитают старшие, "волны" — молодые).

Если обобщить представление о человеке, которое несут сегодня СМИ, то я бы сказал, что главный персонаж здесь — "человек пробоющий" ("человек игры" или "человек шанса"). При этом состояния, которые ему предлагается попробовать, несут характерную Двойственность. Если это "иное", то оно может быть прекрасным или ужасным. Если аффект — то полным растворением в другом или выплеском агрессии. В целом можно сказать, что чувствительное и brutальное тоже стратифицированы сегодня по осям возраста и пола. Пристрастия к криминальной хронике, крутому детективу, фильмам ужасов характерны для более молодых мужчин, притом чаще — со средним образованием, средними доходами, а стало быть — с нецивилизованной и не реализовавшейся в работе и семье энергией, недостаточным уровнем социальной стратификации. Молодые же женщины либо принимают вместе с образованием мужские роли и тогда разделяют мужские пристрастия (скажем, к детективу или фантастике), либо предпочитают мелодраматический аффект, но тогда уже делят это предпочтение со старшими. Причем в центре их интересов — более традиционная ипостась женской роли (жена и мать). Характерно, что их привлекают именно сосредоточенные на проблемах семьи телесериалы, а не любовные романы: женщины более старших возрастов, даже образованные, их чаще всего не читают.

Два слова для итога. Массовая культура — это система символической адаптации к происходящим переменам. Причем адаптации такого типа, которая рутинизирует ход и смысл этих перемен. В нынешних СМК (даже в "Новостях") важна именно устойчивая, день за днем воспроизводящаяся рамка, нормализующая и легализующая то, что происходит (ведущий, заставки, структура передачи и т.п.). Характерно, что даже столь экзотические, по нашим понятиям, темы, как, например, эротика, вносятся не маргинальными группами экспериментирующей молодежи и богемы, а анонимными центральными каналами массовой информации.

Перерабатывая символические миры различных групп, отечественная массовая культура сегодня соединяет продукты разложения прежних систем и новые промежуточные образования, опосредующие по смыслу и непривычные по составу. Их отличает семантическая разнослойность и внешняя утрировка, "перехлест" — известный феномен переходных эпох, когда с очевидным для строгого вкуса безобразием сочетается несомненная, а порою и назойливо демонстрируемая витальность. Так, пестрота нынешних вывесок соседствует с запущенностью домов и мостовых, а та — с видимой ролевой активностью людских масс.

Подобный мир рождает собственных виртуозов. Он экспансивен и привносит свои тона даже в традиционный образ героя. Скажем, в имидж политика: возникает ампула демагога. Думаю, массированное телевоздействие вкупе с эксплуатацией черт удачливого и бесцеремонного шоумена в немалой мере предопределили фигуру триумфатора на последних выборах (конечно, здесь надо различать масскоммуникативные факторы успеха и его отнюдь не игровые политические последствия).

*В.И.Борзенко,
кандидат технических наук,
Институт проблем управления*

**Религия в посткоммунистической России:
новая евангелизация 1000 лет спустя***

1988 г., когда 1000-летие крещения Руси было отмечено как общенародный праздник, можно назвать переломным в отношениях церкви и государства. Священники впервые были допущены в больницы и тюрьмы. Примерно в это время и появилась возможность применять технику массовых опросов для изучения ситуации в области религии, отношения к церкви и т.п.: люди начали говорить

* Более подробно см.: Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1993. №8. С.5—7.

то, что думают. Сказанное подтверждается тем фактом, что авторы наиболее реалистических публикаций до 1989 г. по социологии церковной жизни, такие, как игумен Иннокентий Павлов (Социологические исследования. 1987. №4) и А.Бессмертный (Вестник РХД. 1988. №153), предпочитали опираться не на результаты исследований, а на экспертные оценки.

Регулярные исследования ВЦИОМа, проводимые с 1989 г., позволяют достаточно полно описать ситуацию, а также динамику ее развития.

Особое место занимает большое исследование в рамках международной программы ISSP, проведенное в 1991 г. по различным аспектам религии и охватившее около 3 тысяч россиян. В соответствии с данными этого исследования, более 90% верующих относят себя к Русской православной церкви, поэтому наш анализ может выявить лишь проблемы, связанные с православием.

Прежде всего обращает на себя внимание контраст между значительным числом россиян, считающих себя верующими (их доля возросла с 1989 по 1993 г. примерно в полтора раза и составляет, в зависимости от формулировки вопроса, 40—50%), и малым количеством людей, следующих важнейшим нормам церкви относительно частоты причастия, участия в богослужении, в работе приходской общины и т.п. Это означает, что несмотря на доверие и симпатию со стороны общественного мнения к религии, к вере, "религиозно-магическую" настроенность россиян, собственно церковная жизнь делает лишь первые шаги.

Об изменениях за четыре года свидетельствуют распределения ответов в табл. 1.

Таблица 1

Считаете ли Вы себя верующим, и если да, то какого Вы исповедания? (В % к числу опрошенных)

Варианты ответов	Декабрь 1989 г. ок. 1300 человек	Сентябрь 1993 г. 1930 человек
Не считаю себя верующим	65	40
Считаю себя православным	30	50
Другие исповедания	2—3	3—5

Теперь выясним, как обстоит дело с такими показателями, как Доля крещеных, частота посещений церкви, частота причастий. В конце 1989 г. крещеными оказались около 60% россиян, а в конце 1992-го — уже более 75%. Однако в церковь они почти не ходят. Как Известно, в годы советской власти почти все церкви были разрушены, поэтому для многих россиян путь от дома до ближайшего храма занимает много часов, а то и дней. Сейчас это положение постепенно исправляется, однако людей, регулярно посещающих церковь, пока немного (см. табл. 2).

Таблица 2

Как часто Вы ходите в церковь? (В % к числу опрошенных)

Варианты ответов	Весна 1991 г. ок. 3000 человек	Весна 1993 г. ок. 2000 человек
Раз в месяц и чаще	5	5
От 1 до 10 раз в год	20	35
Никогда	65	45

Как видим, лишь 10% считающих себя верующими ходят в церковь хотя бы раз в месяц. Но самый яркий показатель разрушенности церковной жизни — число причастий: в 1990 г. хоть раз причастились лишь 7% россиян, а в 1992 г. — 10%, т.е. лишь каждый пятый из назвавшихся православными! (До 1917 г. был порядок, по которому православный, не приступавший к причастию в течение года, переставал считаться членом церкви.) Рекомендуемой же обычно минимальной частоты причастий — раз в месяц — придерживаются не более 1%. Важно отметить, что частота причащения практически не зависит от возраста респондента.

В то же самое время религиозные настроения достаточно распространены (см. табл. 3).

Таблица 3

Верите ли Вы в реальность... (весна 1991 г.)

Варианты ответов	Да	Скорее, да	Скорее, нет	Нет	Сводный показатель*,
	X ₁	x ₂	X ₃	x ₄	
...библейских чудес	16	16	19	30	-16
...дьявола	10	15	20	37	-30
...жизни после смерти	15	18	20	30	-16

Соответствующие сводные показатели для весны 1993 г. равны +4, +2 и +8. Эти данные показывают, что теперь и в чудеса, и в дьявола, и в бессмертие россияне чаще верят, чем не верят. Однако число верящих в астрологические прогнозы и в приметы еще больше. Религиозная грамотность россиян вообще оставляет желать лучшего: например, лишь 10% из них смогли верно указать национальность апостолов Андрея и Петра, а 25% считали, что они были русскими.

Следует сказать несколько слов о зависимости доли верующих от возраста. В целом доля верующих среди молодежи несколько ниже, чем в старших возрастных группах, но выше, чем в средних. Однако среди москвичей, которые вообще более религиозны, чем жители других городов и сел, доля верующих среди молодежи выше, чем во

* Сводный показатель вычисляется по формуле: $X_1 + 1/2X_2 - 1/2X_3 - X_4$.

всех других возрастных группах. Кроме того, если в старших возрастных группах россиян доля верующих выше среди менее образованных, то у молодежи картина обратная: среди более образованной молодежи России верующих больше, чем среди менее образованной (см. рис.1). Приведенные цифры, разумеется, относительны, однако выявленная ими тенденция подтверждается данными и других исследователей.

Характерна также сильно выраженная зависимость значения религии для респондента от рода его занятий. Наконец, если в старших возрастных группах доля верующих женщин существенно выше, чем верующих мужчин, то в группе молодежи такого перекоса почти нет. Таким образом, можно в некотором смысле утверждать, что "новое поколение выбирает веру", хотя пока еще неясно, насколько оно будет следовать своему выбору.

Чрезвычайно высок уровень доверия к церкви и патриарху Алексию II — даже среди неверующих он выше, чем к любой другой государственной или общественной структуре. Вполне доверяют РПЦ около 50%, а не доверяют — не более 10% всех россиян. Соответствующие цифры для адептов других исповеданий — 17 и 19%.

Еще более важны данные по вопросу о роли религии лично для респондента: в одном из опросов было представлено на выбор более 10

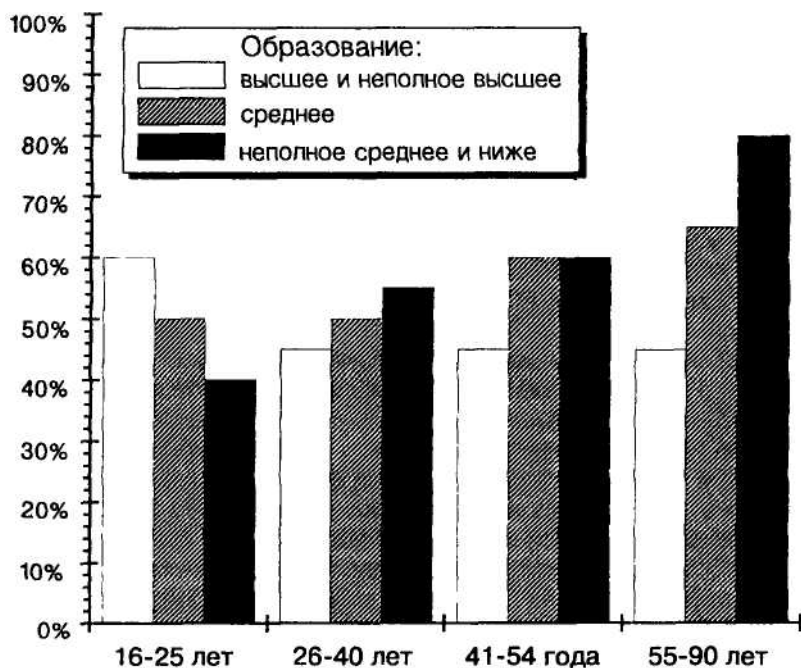

Рис. 1. Доля считающих себя православными (в %), январь 1993, 1640 человек

всевозможных вариантов ответа. Из них верующие чаще всего выбирали вариант "религия побуждает меня задумываться о смысле жизни и смерти" и "религия делает меня более терпимым". Неверующие, естественно, чаще всего выбирали вариант "религия не играет роли в моей жизни", но на втором и третьем местах у них также оказались указанные выше ответы. Это говорит о высокой степени согласия в обществе по вопросу о роли религии.

В опросах ВЦИОМа многократно задавались вопросы, позволяющие сравнить демократичность, терпимость и приверженность к не-репрессивным ценностям верующих и неверующих. Как известно, главными "гуманизирующими" факторами являются образование и возраст, т.е. более репрессивно и авторитарно сознание менее образованных и более пожилых людей. С другой стороны, средний возраст верующих несколько выше, чем неверующих, а образование — ниже. Естественно было бы ожидать, что верующие более склонны к репрессивным оценкам. Однако это не так: фактор веры как бы компенсирует факторы образования и возраста. Действительно, если исключить из рассмотрения наименее образованных и самых пожилых, то окажется, что верующие более терпимы и демократичны, чем неверующие.

В последнее время часто высказываются вполне понятные опасения, что православие может занять место коммунизма и атеистического материализма в качестве государственной идеологии. Эти опасения усугубляются выступлениями политических лидеров национал-патриотической ориентации и некоторых представителей церкви. В этой связи чрезвычайно важно отношение россиян к перспективам огосударствления православия. В исследовании дважды задавался вопрос: "Должны ли, по-Вашему, православные в России иметь какие-либо законные преимущества перед атеистами и людьми другой веры?". Отвечают "да" и "скорее, да" не более 10—15% опрошенных, причем этот процент практически одинаков и у православных, и у верующих других конфессий.

В то же время более половины опрошенных россиян считают, что решать важнейшие государственные вопросы правительство должно совместно с представителями церкви, и лишь четверть — что церковь не должна участвовать в принятии таких решений.

С другой стороны, с тем, что "в Россию должен вернуться царь", согласны в той или иной степени не более 10—15% россиян, а национал-патриотов поддерживают лишь 2—3 %.

Эти и некоторые другие данные говорят о том, что общественное мнение в России ратует за независимые партнерские отношения церкви и государства. Оно не склонно к монархизму и тем более к православному тоталитаризму.

Итак, сложившаяся ситуация характеризуется:

— достаточно низким уровнем религиозных знаний и церковной активности населения при доле крещеных более 75%;

— исключительно высоким и стабильным уровнем доверия к РПЦ во всех слоях общества;

— высокими показателями декларируемой, но ни к чему не обязывающей веры в Бога, загробную жизнь и т.п.;

— опережающим ростом доли верующих (православных) среди образованной молодежи, лиц с высшим образованием, москвичей;

— низким уровнем стремления к огосударствлению православия.

Сказанное позволяет предположить, что новая евангелизация, т.е. христианское просвещение и воцерковление в России, как и 1000 лет назад, начинается с наиболее культурных слоев общества и потребует значительных усилий для широкого распространения. В то же время, организация значительной доли верующих вне РПЦ (и местами — ислама) представляется маловероятной.

Почему россияне проголосовали за Жириновского?

Из выступлений на симпозиуме я хотел бы обратить внимание на очень важную реплику Алексея Береловича: "Нельзя говорить об итогах выборов: "Вот народ теперь себя показал". Надо вникнуть в условия, которые вынудили людей голосовать за Жириновского". А для них характерно отчаянье. И нужно хорошенько подумать, прежде чем решить, кто "сдурел": Россия или власть.

Приводятся данные, что в некоторых регионах процент голосов, поданных за Жириновского, высок. В частности, в Сибири. А какая там жизнь? В какие невыносимые условия поставлены работники ВПК, крестьяне, северяне? Столичный бомонд склонен не замечать их, перефразировывая известные слова МЛомоносова: "Российское могущество прирастать будет *за счет* Сибири". А сибирякам это не нравится почему-то. Почему в этих условиях мы должны отказываться в вынужденной мудрости позиции: за Конституцию (т.е. против хаоса и анархии), но против авторитарных замашек президента? То есть, говоря иными словами, "на то и Жириновский в Думе, чтобы Ельцин не дремал". По-моему, мы неправильно оцениваем и историческую роль нашей интеллигенции. Это пошло от партийного подхода к ней. Я не собираюсь строить новую концепцию роли интеллигенции. Но, мне кажется, необходимо различать в ней по крайней мере две группы: 1) тех, кто захвачен политическими страстями, всегда на авансцене, всегда возле власти, чтобы выслужиться и поживиться (или свергнуть власть и опять же поживиться); и 2) собственно интеллигенцию — учителей, врачей, инженеров, богословов — тех, чьим трудом создавались и множились духовные и моральные ценности, и которые всегда ощущали нужность себя и своей работы для жизни народа так, как это чувствует хлебороб. Политические

пристрастия и их не минуют, но они для них вторичны, вроде легкой сыпи, которая быстро проходит, ибо главное для них — строить, лечить, учить, сеять разумное, доброе, вечное.

Они строили жизнь и при царе, и при большевиках. Новая власть после 1917 г. ненавидела их не менее, чем эмигрантов, и уничтожала как социально чуждых. Но в них таится залог будущего процветания, как об этом недавно справедливо писал Жилов в журнале "Новый мир". И горе нам, если мы проигнорируем, недооценим их. Ибо сейчас, когда наш государственный корабль попал в шторм, те захваченные политическими страстями представители первой группы лишь мечутся с одного борта на другой, усиливая дифферент судна, а второй группы — придают ему устойчивость.

Говоря об интеллигентах такого рода, я имею в виду и чиновников, бюрократов. Читая "Дневник писателя", мало известное, к сожалению, у нас произведение Федора Михайловича Достоевского, я обратил внимание на его разговор с бюрократом. Последний отстаивал необходимость своего сословия, ибо полагал, что это скелет в живом организме и без него все рассыплется. Ф.М.Достоевский не соглашался с бюрократом, полагая его фигурой уходящей, но все же неожиданно для читателя, вдруг признал, что была в его словах "какая-то грустная правда".

Вот нынче и мы, проведя годы в героической борьбе с бюрократом, похоже, вынуждены будем согласиться со словами Достоевского, если, конечно, иметь в виду не хапугу, не взяточника, а нормального в веберовском смысле бюрократа. Без него нам, как, впрочем, и другим странам, в ближайшем будущем не обойтись. И важно не "ликвидировать" его, а цивилизовать. Ведь борьба с ним ведет к тому, что на смену одному старому бюрократу приходят десять некомпетентных новых.

Такое дифференцированное отношение к нашей интеллигенции необходимо, без него мы не преодолеем российской привычки вместе с водой выплескивать и ребенка.

И.Е.Дискин,
доктор экономических наук,
Институт социально-экономических проблем народонаселения

Об особенностях модернизации в России

Я хотел бы оттолкнуться от одного тезиса, высказанного Юрием Александровичем Левадой, который мне представляется принципиально важным. Это тезис о том, что интеллигенция российская, как специфическое образование, есть продукт модернизации. Но я хотел бы его дополнить — дальше начнутся наши расхождения с Юрием Александровичем. С моей точки зрения, она есть продукт не вообще модернизации, а того специфического ме-

ханизма модернизации, который длительное время доминировал в нашей стране и ряде других стран. Вчера я проводил различие между парадигмой идеолого-телеологической, т.е. когда берутся идеологическим образом сформированные конструкции и предлагаются в качестве целей общественного развития. Дальше весь процесс модернизации состоит в воплощении, внедрении, имплантации в общественную жизнь. При этом типе модернизации проблема всех субъектов — адаптация к этим механизмам, встраивание, освоение этих рамок и проч. При таком типе модернизации мы всегда будем страной "псевдо", страной этикеток, страной, где всегда будет огромный зазор между институциональными формами и реальными механизмами социального действия. Когда профессор Бирман спросил, "движемся ли мы в сторону Запада?", я могу ответить: "Нет, при таком способе модернизации не движемся". Потому что это будет всегда имитация модернизации, а не сущностное продвижение. Я всегда говорил, что подлинная модернизация западного типа начинается тогда, когда на сцену выходит другая парадигма развития — рационально генетическая. Решение проблем "здесь и сейчас" становится гораздо важнее, чем выбор абстрактных целей развития; когда вопрос о том, какая модель лучше — шведский социализм или американский капитализм — является предметом бессмысленных споров интеллектуалов, а основная масса людей начинает осваивать новые реальные механизмы социального действия. И вот сегодня в нашей стране сложились социокультурные предпосылки для реальной смены парадигмы развития. В этом смысле Россия находится на переломе. Идеолого-телеологическая парадигма исчерпалась. Два года назад, у меня просто глубокое удовлетворение, 2 года назад я написал в "Литературной газете" статью "Последнее оболъщение России", где говорил о том, что выдвигание либерального идеала в качестве цели развития России бесперспективно, во-первых, и является причиной краха российской интеллигенции, во-вторых. То, что сегодня Юрий Александрович зафиксировал этот крах, я считаю очень симптоматичным. Разрыв между идеалом и массовыми формами социокультурного действия неизбежно должен был привести к этому результату. Я еще раз подтверждаю последние слова той статьи о том, что условием Вхождения в западный тип модернизации является исчезновение с арены российской интеллигенции как специфического образования. На смену ей должен прийти другой тип социальных агентов.

Что меня сегодня вдохновило? И Алексей Берелович и Борис Владимирович Дубин говорили о том, что внизу идет мощный процесс рутинизации, освоения новых механизмов социального действия, но что обрывается связь — возникает глубокое недоверие к средствам массовой коммуникации, хотя на них смотрят как на образцы. Но это не есть способ копирования, идет самостоятельное освоение социального пространства по образцам, как это происходит и в другом типе трансформации. Принципиальное различие, которое я хотел бы ввести и которое было введено сначала господином Ельциным в его

предвыборной кампании, а потом, другими способами и символами, господином Жириновским. Оба они говорили: "Я, сам вождь, решу за вас, предлагаю вам простые решения, я знаю, как сделать, пойдите за мной — и все будет хорошо". Таким образом, первое различие — "вождь за меня", как первая оппозиция, и "я сам решу свои проблемы", как вторая. Это различие двух парадигм общественного развития, и тот факт, что все-таки огромное большинство россиян проголосовало за позицию "Я сам за себя", говорит о том, что произошел фундаментальный сдвиг в социокультурном базисе, который открывает очень большие надежды.

Сегодня говорилось об отсутствии массовых широких рамок идентичности, которые могут, которые какой-либо вождь может накрыть своей рамкой, об отсутствии базы для сильной мобилизации одним вождем. И это является, на мой взгляд, вторым, очень утешительным выводом, который говорит о том, что для перехода от фашизоидной ситуации к фашизму у нас сегодня еще очень мало предпосылок. Дальше они могут возникнуть при одном условии: если реально проводимая сегодня политика, реальные социально-экономические условия и дальше будут подпитывать фашизоидную ситуацию. Тогда, конечно же, возможен опять откат на ситуацию "вождь за меня" и превращение фашизоидной ситуации в фашизм.

Что же, собственно, в этой ситуации, на этой развилке, делать? В этой связи я хотел бы напомнить тему симпозиума "Куда идет Россия?" "Куда идешь?" ... вспомните, кто и кому задал этот вопрос и в какой ситуации? Петр уходил из Рима, где складывалась крайне неприятная, как мы бы сказали, социальная ситуация. Господь встал у него на пути, и Петр вернулся в Рим. Так вот, первым условием является наше возвращение в Рим. Вернуться в свою страну и задавать те нравственные нормы, которые и смогут снизить уровень пошлости. Для того чтобы скрепить рутинизацию некоторыми внутренними нравственными рамками, нужна скрупулезная тщательная работа. Это первое. А второе условие в том, что для этого должны быть скрепы социальной структуры, что необходима тщательная работа, чтобы встали на ноги российские элиты, которые будут держать внешнюю рамку общества.

*В.В.Радаев,
кандидат экономических наук,
Институт экономики РАН, Интерцентр*

О роли интеллигенции

В докладе Юрия Александровича Левады, который, на мой взгляд, является одним из наиболее интересных выступлений на нашем

симпозиуме, зафиксированы элементы духовного кризиса и разложения в среде интеллигенции, т.е. тех, кто был властителем дум в течение последнего десятилетия. И на этой основе делается вывод в том числе о том, что прервалась цепь трансляции влияния интеллигенции на массы.

Насколько в принципе существенно влияние интеллигенции на народ и каковы механизмы этого влияния — вопрос слишком сложный, чтобы его касаться мимоходом. И потому я предпочту остаться в рамках достаточно поверхностной альтернативы. Итак, если предположить, что пять—семь лет назад влияние интеллигенции на народ было неощутимым, а доверие к ней принципиально низким, то отсутствие таковых сегодня не является великой бедой — в этом случае просто снимается сам предмет обсуждения. Если же мы полагаем, что влияние интеллигенции на народ и доверие к ней принципиально возможны и, более того, существенны как фактор социальной динамики, если мы уверены, что данный фактор работал, скажем, пять лет назад, то не должны ли мы учитывать возможность того, что он продолжает работать и сегодня?

В последнем случае мы обязаны допустить, что выдвигаются (или уже выдвинулись) другие группы интеллигенции, другие посредники, использующие иные схемы трансляции значений и символов. Но эти схемы пока игнорируются теми, кто производит сегодняшние социологические замеры. Не исключено, что среди интеллигенции появились иные герои — те, кого Б.В.Дубин весьма удачно, на мой взгляд, назвал "героями рутинизирующей эпохи". Кто идет за этими героями? Предположительно, люди среднего возраста, среднего положения, средних способностей, типичные люди массы.

После декабрьских 1993 г. выборов много толкуют о В.Жириновском. Жириновский на общем фоне — явление абсолютно частное. Тем не менее он интересен — интересен в первую очередь тем, к кому апеллирует. А апеллирует он именно ко "второй волне" различинцев, которую я пытался характеризовать днем раньше. Судя по всему, это и есть основа его электората. Жириновский говорит (разумеется, не буквально): "Переделы не завершены! И вы — простые, заурядные люди, "второй эшелон" — еще имеете шанс получить свою долю, урвать кусок немного зачерствевшего пирога". Эти схемы примитивны, грубы? Да. Мы сами не хотим использовать подобные схемы? Нет. Но достаточно ли это основание для того, чтобы изначально вычеркивать Зюгановых и Жириновских из кругов российской интеллигенции? И не может ли быть так, что в лице Жириновского российская интеллигенция увидела один из своих собственных образов и, отшатнувшись, просто не желает его признавать?

О современной роли интеллигенции

В сжатой форме я хотел бы высказаться насчет интеллигенции в четырех тезисах. Очень коротко.

Тезис первый. То, что мы рассматриваем в качестве заката традиционной модели русской интеллигенции, в действительности есть возвращение к нормальности. Возвращение к нормальности в том смысле, что на полупериферии мировой системы, не только в России, но и в Восточной Европе, Латинской Америке, в Индии, в Китае, интеллигенция играла роль эрзацмодернизатора, ввиду отсутствия реальных социальных прослоек, которые могли бы быть носителем данной идеологии. По поводу этого я бы отметил два момента. Первый: что уменьшение роли традиционной интеллигенции, я бы сказал, российского и восточно-европейского типа, не является признаком трагедии. Я скорее назвал бы это возвращением к нормальности, приближением периферии к полупериферии, может быть, к каким-то более универсальным образцам воспроизводства. Думаю, что здесь происходит профессионализация во всех сферах деятельности, включая политическую, и что основным символом, или сутью, или основой этой профессионализации, является появление новых структур разделения труда в обществе. Кроме того, классы, в их узком политическом понимании, исчезают. Это закономерный и естественный процесс.

Второй момент: здесь многие говорили о восстании против интеллигенции. Думаю, что как в России, так и в странах Восточной Европы, можно разграничить два типа восстания. К первому отнести "восстание масс", связанное с Жириновским, о чем многие здесь говорили. Но есть более существенное восстание, которое имеет место, как мне кажется, в России и в весьма яркой форме проявляется в Восточной Европе, — это восстание нового среднего класса против интеллигенции. Совершенно очевидно, что те литераторы, представители гуманитарной интеллигенции, диссидентства и т.д., которые в 1988—1989 гг. пришли к власти в ряде стран Восточной Европы, за три года не только потеряли власть, но вылетели из парламентов, исчезли из публичной жизни. Появился новый класс политических младенцев — представители среднего класса, определяющие тон политических дебатов. Мне кажется, что это (может быть, не в такой драматической форме) происходит и в России. И когда многие уважаемые выступающие здесь и в других местах, где встречается российская интеллигенция, с обидой говорят о ситуации, о восстании масс против интеллигенции, то, думается, они имеют ввиду именно это восстание нового среднего класса против традиционной модели интеллигенции.

Третий тезис касается поколенческой проблемы в этом восстании. Я думаю, мы все-таки должны отдавать себе отчет в том, что

интеллигенция имеет общие российско-восточно-европейские корни. Но в том виде, в котором она сейчас существует, ее можно представить как составную часть, я бы сказал, советского культурного универсума, советского культурного космоса. С распадом, демонтажом этого советского космоса происходит деградация и его составных элементов. Совершенно очевидно, что демонтаж сопровождается очень резким поколенческим разрывом. Безусловно, молодежь больше подвергается, как я бы сказал, "демонтажу" или более чувствует его, чем остальные слои населения. Поколенческий аспект проблемы выражается в том, что новое поколение об этой интеллигенции, о бывших ведущих представителей интеллигенции периода позднего госсocialизма не хочет знать вообще. И здесь речь идет не просто о бывшей партийной интеллигенции, об интеллигенции легитимизаторской. Я думаю, что здесь возникает ситуация, аналогичная бывшей интеллигенции-жертвы, интеллигенции борцов Сопротивления и т.д. Здесь все-таки существуют культурные пары. Российская, восточно-европейская, польская, чешская, венгерская интеллигенция играла роль жертвы и борца, Давида, который борется с бюрократическим Голиафом. Но дело в том, что с исчезновением Голиафа теряет смысл и путь Давида. Кого интересует Давид, если нет Голиафа? Я думаю, это очень существенный момент.

Четвертый тезис. Я думаю, его можно отнести к проблеме социальной технологии. Я думаю, что во всех вариантах, о которых мы говорили, — досоветских, советских и постсоветских — интеллигенция все-таки искала для себя какую-то социальную нишу. И эта ниша была, так сказать, "советской" нишей хоть для борцов Сопротивления, хоть для кого. Теперь она исчезла. И проблема заключается в том, чтобы найти новую нишу. Возвращаясь к дискуссии первого дня нашего симпозиума, я хотел бы сказать о том, что в России отсутствует определенный элемент, кусочек политического спектра — социально-демократический. Об этом здесь говорят так просто, как о нехватке какой-то краски. Я же думаю, здесь речь о совершенно другом. С одной стороны, я вижу настоящий политический класс, который пытается выразить, я бы сказал, какие-то элементы классических либеральных, интеллектуальных и политических ценностей. Может быть, даже идеалистических. С другой стороны, я вижу здесь массы, которые по-прежнему сидят и мечтают о каких-то коллективистских элементах. Ведь, в конце концов, религиозное возрождение, неонационализм — все это я отнес бы к поискам утраченного коллективизма. И здесь я вижу не просто отсутствие какого-либо кусочка горизонтального спектра, а вертикальный разрыв. Нет перехода, нет "переключателя" от коллективистских потребностей и бывшей системы ценностей общества к теперешнему политическому классу, которому это не нужно. Факт остается фактом, — может возникнуть ситуация, когда эта дыра, которая обозначалась просто как горизонтальная, превращается в вертикальную черную дыру, которая может разорвать всю политическую ткань общества. Я не вижу

необходимых передаточных механизмов. Речь идет о том, чтобы найти адекватные культурологические, идеологические инструменты, в каком-то плане решить вопрос социальной технологии.

*Ю.Н.Давыдов,
доктор философских наук,
Институт социологии РАН*

Уточнение понятия "интеллигенция"

Я хотел бы сказать буквально несколько слов. С точки зрения уточнения понятий, особенно когда мы говорим об интеллигенции. Все время хочется вспомнить о том двойственном впечатлении, которое производит вообще слово "интеллигенция". Вы, наверное, помните, — еще Макс Вебер в одной из статей о русской революции сказал, что это понятие неприемлемо в западных странах, это — ситуация самой России. И понять это можно, исходя из того, как сами представители интеллигенции себя идентифицируют. По-моему, рекомендация Вебера была очень серьезна, но мало кто этой рекомендации внял. А как определяла себя интеллигенция? Интеллигент Струве очень четко сказал, выразив и себя прошлого, на которого он посмотрел глазами умудренного опытом интеллигента: "Интеллигенция русская определяется социологически через понятие отщепенца". Это, во-первых, отщепенство от царя, во-вторых, отщепенство от религии и, в-третьих, как это ни парадоксально, отщепенство от народа (именно потому, что, по логике Струве, это было отщепенством от религии). Так вот, в данном случае он делает следующий чисто социологический вывод: это ведет к отщепенству от образованного сословия (что на бытовом, так сказать, уровне подтверждается в революционном движении, которому он сам положил начало раньше Ленина). Интеллигенция уже тогда, — предвосхитив точку зрения

Левады, сказал Струве, — зашла в тупик. И задача интеллигенции заключается в том, чтобы перестать быть интеллигенцией. Вернуться в образованное сословие. К сожалению, все сложилось таким образом, что, сначала разгромив интеллигенцию, ее в условиях тоталитаризма вернули в образованное сословие и сделали своей служанкой. С одной стороны, это было возвращением, но каким возвращением... Такое насильственное возвращение вновь раскололо интеллигенцию с самой собой. Это было служилое сословие, но в состоянии внутренней эмиграции и внутренней оппозиции по отношению к тем, кому служило. Подобное состояние усиливалось, и в 60-е годы этот раскол стал особенно заметен — раскол интеллигенции как служилого сословия с самой собой. Она начала воевать с властями предержажными, но и с самой собой, как служилым элементом. (Здесь уместны образы Давида и Голиафа.) Дальше происходит вот что. Возьмем сначала перестроечный, потом постперестроечный период. Интеллигенция, если и не приходит к власти, то начинает предлагать власти целый ряд идей, которые та принимает. И более того, многие из межрегионалов, прежних диссидентов и т.д. становятся, так сказать, теневыми великими визириями властей предержажных, т.е. заканчивается борьба с собой. В целях прежней самоидентификации интеллигенция начинает настаивать на других противопоставлениях, в первую очередь на своей антирелигиозности. Но и с этим дело не получается. Интеллигентность начинает размываться религиозностью самого разного типа, которая, так сказать, проникает в ее собственный состав. Остается одно. Интеллигенция начинает противопоставлять себя, по-прежнему, народу. Самая большая опасность, если она обретет себя в этом, — тогда проявится еще одна трагедия нашей интеллигенции.

*Ю.М.Голанд,
кандидат экономических наук,
Аналитический центр по социально-экономической политике при
администрации президента*

Нужна ли поддержка государства?

Причиной моего выступления является, прежде всего, выступление И.Дискина. Он высказал довольно широко распространенное мнение о том, что все идет нормально, что люди, наконец, стали надеяться на себя. И когда они будут надеяться на себя, то они не пойдут ни за каким вождем, и вообще все будет хорошо. То, что надо надеяться на себя, это правильно. И люди, находящиеся в зале, наверное, так и поступают. И, наверное, у них это получается. Но если мы говорим о том, как широкие слои населения могут реально выйти из кризиса, "надеясь только на себя", то тут надо понимать, что

происходит на самом деле. Если вы работаете в науке, в образовании, а у вас сокращается финансирование, то "надеяться на себя" — это значит сменить свою профессию, это значит перейти на какой-то совершенно другой стиль жизни. Поэтому те "колесники" или "челноки", о которых здесь говорили, мне напоминают мешочников военного коммунизма. Когда началась НЭП, это быстро прекратилось, потому что началась нормальная торговля. Если бы у нас была и сейчас торговля нормальная, то не было бы такой сильной дифференциации в ценах, при которой выгодными становятся операции колесников. С общественной точки зрения, это только растрата человеческих сил. Но, главное, ошибочно думать, что все могут сами выйти из кризиса, и государство при этом может занять позицию: я за вас никакой ответственности не несу. Когда вы закрываете крупный оборонный завод в Сибири, то куда же люди должны идти? Как именно они должны "надеяться на себя", что они должны делать? Я опять возвращаюсь к 20-м годам, когда инженеры во время гражданской войны были вынуждены делать зажигалки и продавать их на рынке. А потом, когда начался НЭП и некоторое восстановление, возникла проблема, как вернуть их на производство, причем не просто на рядовую, а на ответственную работу. Никто не хотел идти. Людей, которые уже сменили образ жизни, потом нелегко вернуть назад.

Теперь об утверждении, что государство и интеллигенция — это Давид и Голиаф и что сейчас якобы Голиаф исчез. Вот я как раз не уверен, что он так уж исчез. Может быть, вам так кажется, потому что исчез тот механизм воздействия, тот повседневный контроль, который был раньше. А на самом деле государство — оно как было некой чуждой обществу силой, так, я думаю, и сейчас остается. Я под словом государство имею в виду прежде всего правительство. Если оно ведет политику, не думая реально о каждом человеке, исходя из неких совершенно абстрактных идеалов, то оно остается тем же Голиафом, хотя и в несколько преобразенном виде. Поэтому задача интеллигенции как Давида тоже остается, она просто приобретает другую форму. Вот как раз это нам надо было бы здесь обсуждать: что можно сделать? Здесь рисовали мрачные перспективы, говоря о социальных, национальных, экономических проблемах. Можно исходить из того, что это есть некий естественный процесс, и сделать ничего нельзя, кроме как в нем, в этом процессе находить свои ниши, устраиваться как каждый может. Это один подход. И каждый из нас, на самом деле, так в общем и поступает, вынужден так поступать. Но, кроме того, у интеллигенции есть и другая задача — думать не только, как самому выйти из этого положения (об этом мы вынуждены думать), но думать и более широко, потому что кто еще думает в широком плане, кроме интеллигенции? Ей такая функция предназначена. Мне кажется, что первостепенная обязанность власти — создавать условия для того, чтобы каждый мог находить свою нишу. Если она эту задачу не выполняет, то интеллигенция должна привлекать к этому внимание.

Ценностный реванш в современном российском обществе

Мне хотелось бы обратить внимание собравшихся на три ключевых понятия, звучавших сегодня в выступлениях Ю.А.Левады, А.Береловича и Б.В. Дубина — "интеллигенция", "ценности", "массы". С их помощью действительно можно описать и понять векторы сегодняшних культурных сдвигов в российском обществе. Я попробую показать взаимосвязи этих трех категорий на материале трудовых ценностей, занимающих одно из центральных мест в нашей культуре.

Анализ нормативных текстов периода "развитого социализма" (источниками служили учебные пособия по политэкономии социализма) позволил выделить две оси, две системы оппозиций, в пространстве которых строилась официально санкционированная система трудовых ценностей. *Первая* из них — это противоположность "материального" и "духовного", т.е. инструментального отношения к труду как к источнику средств для потребления (прежде всего "материального") и отношения к труду как к самостоятельной ценности, приносящей человеку удовлетворение самим своим процессом и его непосредственными результатами ("коммунистическое отношение к труду", согласно официальной доктрине). *Вторая* ось — это противоположность индивидуального и общественного, т.е. труда ради общественного блага и ради удовлетворения собственных интересов работника.

Всем присутствующим, конечно, ясно, что в рассматриваемой системе координат официальная социалистическая идеология одобряла полюс "духовности" в первой паре оппозиций и полюс общественного блага во второй. Но вот что примечательно, — и именно ключевые слова сегодняшних докладов заставили меня осознать это обстоятельство — идеологически санкционированными трудовыми ценностями при социализме были, оказывается, ценности, характерные для образованного класса, для интеллигенции.

Действительно, прежде всего люди квалифицированного труда ценят труд как таковой, возможность самореализации в нем, ибо их работа такую возможность реально предоставляет. Известно также, что благо других людей, благо народа — это, по выражению С.Л.Франка, традиционный "символ веры русского интеллигента"*.

И вот удивительным образом получилось, что хотя сама интеллигенция была в достаточно сложных отношениях с властью, ее ценности ока-

* См.: Франк С.Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) — В кн.: Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 174.

зались весьма подходящими, выгодными для властей и официально санкционировались как обязательные для всех групп занятого населения. Таким образом, ценности сравнительно немногочисленной группы населения навязывались всем.

У меня есть основания говорить о навязывании, поскольку эмпирические данные, полученные в середине 70-х годов, показывают, что уже в этот период для наиболее массовых групп занятого населения реально приоритетными были не духовные, а вполне материальные ценности, и лидирующей среди них была ценность высокого заработка. (Мы опираемся на неопубликованные результаты исследования рабочих 12 промышленных предприятий Ленинграда, проведенного в 1976 г. под руководством В.А.Ядова.)

Я думаю, что подобный конфликт между навязываемыми извне "высокими" ценностями и ценностями, реально значимыми для широких слоев населения, существовал и в других сферах жизни, — например в сфере свободного времени, в образовании и т.п. И вот те ценностные изменения, которые произошли в последние годы и происходят сегодня и о которых говорили здесь Ю.А.Левада, А.Берелович и Б.В.Дубин, это, в частности, бунт против того давления на людей, навязывания им элитарных ценностей, которые имели место в течение нескольких десятилетий.

Прежде всего, если иметь в виду *первую* пару оппозиций, мы наблюдаем сегодня реванш материальных потребностей против духовных, тела против духа, телесного "низа" против "верха". Понятно, что в этом общем победном наступлении участвуют, вместе с "другими побуждениями, и вырвавшиеся на волю сексуальные импульсы и агрессивные инстинкты.

В рамках *второй* пары оппозиций тоже резко изменились, просто перевернулись, социально санкционированные приоритеты: следование частному, личному интересу обладает сегодня гораздо более высоким престижем, чем следование общественному. Меняется стиль осознания человеком самого себя и предъявления себя окружающим. Что такое, с этой точки зрения, реклама, которую мы в таких количествах сегодня видим и слышим? Это же каждые тридцать минут рядовые граждане и созданные ими предприятия хвалят себя, рассказывают другим о своих достоинствах и преимуществах, одновременно давая понять, что скромность больше не является одной из лучших черт характера советского человека.

Указанные изменения сопровождаются также социальной реабилитацией денег и личного богатства и превращением их в ценностные доминанты населения. Понятно, что это необходимое условие "материализации" и приватизации ценностной сферы человека.

Ценностный реванш, как и всякий другой, идет, конечно, с огромным перехлестом. Но как бы мы ни относились ко многим его проявлениям (а они, порой, просто чудовищны), мы должны понять логичность, неизбежность, а в каком-то смысле и правомерность подобных культурных изменений. Их психологическим механизмом

часто является осознание людьми своих ценностей и импульсов, которые в течение многих лет были просто вытеснены из сознания. В том числе и из сознания интеллигенции, и для нее сегодня тоже характерны описанные выше векторы ценностных изменений.

Все, что говорилось выше, скорее относится к *целям и результатам*. Но радикальные изменения происходят и в отношении к *способам и стилям* достижения жизненных целей. Как показывают наши исследования выпускников школ, одновременно с ростом потребительских притязаний в прямо противоположном направлении изменилась готовность молодых людей преодолевать различные трудности на пути их достижения*. Сходные по смыслу результаты получены Ю.А.Левадой при сравнении ответов российских граждан на один и тот же вопрос — "Что нужно, чтобы добиться успеха в жизни?" — в 1988 и в 1992 гг. Как оказалось, и у взрослого населения частота ответов "упорно и целеустремленно работать" резко — с 45 до 32% — снизилась. В то же время столь же резко возросла частота ответов — "уметь вертеться" и "иметь связи с нужными людьми"**. Таким образом, распространенной ценностью становится высокая индивидуальная эффективность деятельности, и в частности достижение более высоких потребительских стандартов ценой меньших трудовых усилий и тягот.

И здесь тоже в глаза бросаются не столько нормальные, сколько девиантные формы проявления данного сдвига: распространение мошенничества, полуправильных и нелегальных форм приватизации собственности и т.п. Но это лишь крайние (и, к сожалению, уродливые) формы естественного реванша ценностей индивидуальной эффективности, которые были десятилетиями задавлены "затратной" идеологией и моралью, требовавшей от человека упорного труда и высочайшей самоотдачи и в то же время подавлявшей большинство его естественных потребностей и предлагавшей лишь минимум благ для их удовлетворения. Иными словами, речь идет о реванше интенсивных индивидуальных стратегий по отношению к доминировавшим прежде экстенсивным.

Ярким символом новых ценностей стало одно из самых распространенных сегодня в России технических новшеств — я имею в виду тележки на колесах для перевозки небольших грузов. Это простое устройство как раз и обеспечивает возможность более эффективной деятельности, которая к тому же чаще всего направлена на удовлетворение индивидуальных материальных интересов. Замечательно, что в этом предмете, основной деталью которого является вертящееся колесо, воплощен одновременно и метафорический, и буквальный смысл популярной сегодня жизненной позиции "уметь вертеться".

* См.: *Магун В.С., Литвинцева А.З.* Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е гг. М., 1993.

** *Левада Ю.А.* Векторы перемен: социокультурные координаты изменений / Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1993. № 3. С. 5—9.

Остается только пожалеть, что в анкетной формулировке, идущей из прежней эпохи, она выражена в терминах, имеющих отрицательную моральную окраску.

Заключение ведущего

Согласно инструкции, я в качестве ведущего должен генеральски надуть щеки и сделать некоторое заключение. Я не буду его делать. Я просто позволю себе, как участнику дискуссии, высказать мысли, которые у меня в этой связи возникли. Кажется, в Англии есть такое выражение: "Small is beautiful" — "малое прекрасно". Перефразируя его, применительно к нашей дискуссии, можно сказать: "Middle is beautiful" — "среднее прекрасно". Мне кажется, порой анализ требует доведения мысли до крайности, требует абсолютного разведения понятий. Здесь говорилось о противоположности соборно-вечерного и либерального подходов. Полезно и нужно пользоваться этим противопоставлением. Но в живой жизни это все-таки все соединено. Ахиллес не может догнать черепаху только в аппории Зенона. В реальности он ведь ее легко опередит. Мне кажется, что помнить об условности многих противопоставлений особенно важно сейчас, потому что те условия, в которых мы находимся (и здесь я вспоминаю вчерашнюю дискуссию о социальной структуре), создают особенно благоприятные предпосылки для взаимодействия и сосуществования крайностей, быстрого перехода одной в другую.

Это напоминает ту особенность строения земной коры, в соответствии с которой в одних и тех же областях складчатости в одни геологические эпохи образуются высочайшие горы, а в другие — самые глубокие впадины. Конечно, всякая аналогия только поясняет, а не доказывает. Я хотел подчеркнуть с ее помощью, что переходное время, в котором мы живем, неизбежно рождает двойную социальную структуру. Вчера о ней много говорилось, перечислялись новые и старые группы. Мне кажется, стоило бы обратить внимание вот на какое обстоятельство: переходность не только в том, что есть старые, слабеющие и какие-то новые группы. Самое сложное, а может быть, одно из самых важных, то, что каждый из нас или, по крайней мере, большинство находятся одновременно в этих двух структурах, а может быть даже в нескольких социальных структурах. Одновременно в нескольких социальных группах, взятых, в сущности, по одному и тому же основанию. Данные столь замечательного мониторинга,

публикуемые Интерцентром и ВЦИОМом, показывают, какую роль для многих играет сегодня вторая работа. И она зачастую может оказываться совсем иной с точки зрения социальных условий. Интеллигент предпринимает тысячи всяких торговых комбинаций, превращаясь в бизнесмена. Наемный рабочий вечером выступает в роли мелкого хозяина. Банкир с тоской думает о временах, когда он был инженером. Эта ситуация в каких-то случаях относительно проста, в каких-то случаях вторая работа является просто дополнительной к основной, а в других случаях, наоборот: главное — вторая работа. Чаще всего человек еще сам не ощущает, какая из этих работ главная. И это создает ситуацию, когда за две недели может поменяться все социальное мироощущение человека. "Впадина" выпячивается и превращается в Монблан, или наоборот.

Еще один момент. Евгений Николаевич Стариков в последнем своем, очень возбуждающем, но, я бы сказал, не самом вдохновляющем выступлении говорил о естественном возмущении ружья, из которого перестают стрелять. При этом под ружьем он разумел человека, делающего ружья. Я-то думаю, что пока мы все сидим здесь, наш долг, если хотите, подавлять в себе "и ружье", и личное возмущение. Пытаться, так сказать, встать над сиюминутными страстями. С этой точки зрения, я думаю, очень полезно рассматривать злобу дня в долговременной перспективе, помня, так сказать, о большой волне истории. Здесь упоминали Ю.Корякина. Он в свое время как-то сказал, что "наконец-то понял, что не только у нас уши не растут выше лба". Если мы будем думать не о 1910—1915 г., а, скажем, о Новом времени в целом, то увидим, что, по большому масштабу, Россия идет тем же европейским путем. И заявления о коренной противоположности России и Запада выглядят в этом масштабе явным преувеличением. В XIX в. немецкая или итальянская публицистика рассуждала о гнусности Запада, о чуждости западных идей подлинному германскому духу и т.п. Почвенность — этот термин ведь не в России родился. Насколько я понимаю, он родился в этой самой "Германии туманной" и оттуда к нам пришел. Я не знаю, были ли такие настроения во Франции, но заведомо их не было, кажется, только в Англии. Все остальное уже не Запад. Конечно, бессмысленно и глупо думать о буквальном повторении. И те, кто пытаются говорить о принципиальной особости России, бессознательно паразитируют на подлоге, на том, что ситуацию в России, говоря о Западе, буквально сравнивают с каждой конкретной страной и доказывают очевидное несовпадение. А вот если говорить о модельных, о схематичных характеристиках, то оказывается, что речь идет просто о разных этапах, которые разные страны европейской цивилизации (включая Россию) проходят в разное время. При таком подходе сравнение с Западом показывает, в общем, одну и ту же последовательность этапов. И то, что говорилось сегодня Левадой о смерти интеллигенции, относится к России так же, как к Западу. Опять-таки, не будем доводить эти выводы до безумия. Давид ведь был не просто паразитом Голиафа, и даже не только

царем, он еще был псалмопевец. Эта функция, вообще-то говоря, остается. Или, по крайней мере, может быть востребована.

То, что Россия при всех различиях все-таки повторяет общеевропейскую последовательность исторического движения, рождает оптимизм. Только будем помнить одно, что всегда есть опасность срыва. Как в детском лото, когда вы попадаете в какую-то точку, вы можете начать этот порочный круг сначала. В этой связи я не могу полностью согласиться с тем, что "на то и Жириновский, чтобы Ельцин не дремал". Это попытка лечить головную боль посредством отрубания головы. Это все-таки слишком рискованная вещь. Я не буду утверждать, что движение Жириновского в полном смысле слова фашизм, но это нечто, очень похожее на него, нечто, из чего может выйти фашизм. Если фашисты берут власть, добром они потом ее не отдадут. Это уже не щука в море, бодрящая карася. Это те ядовитые сине-зеленые водоросли, от которых потом не освободишься.

Панель 6

ТАК КУДА ЖЕ ИДЕТ РОССИЯ?

Вопросы для обсуждения:

1. Особенности современного этапа развития российского общества.
2. Альтернативные сценарии развития, вероятность их реализации.
3. Объективные предпосылки выбора сценария развития.
4. Субъективные факторы выбора сценария развития.

*М.Я.Гефтер,
кандидат исторических наук*

**Россия завтрашнего дня: прообраз Мира, какой может —
в равной мере БЫТЬ и НЕ-БЫТЬ***

*Тезисы доклада***

1. На исходе XX в. не открытие: Вселенная конечна. Небеспредельна жизнь, как и одно из ее порождений — вид *Homo sapiens*. Вопрос времени. Однако что это в сравнении с реальными напастями, подстерегающими людей? Добившийся потрясающих успехов в продлении сроков индивидуального существования, человек достиг еще большего в досрочном пресечении жизни себе подобных. Убийство правит бал на земле. Кто осмелится утверждать, что трупы на пользу, что этнические и им подобные чистки есть всего лишь проявление видовой гигиены, предохранительный клапан, уберегающий от совместной экологической и демографической угрозы? Заостряя проблему до нравственной очевидности, мы выходим на более глубокие ее слои.

Вряд ли можно счесть простым совпадением, что именно тогда, когда произошел глубочайший перелом и "равнодушная" приррда в

* Вид Номо действительно загнан в угол. Точнее: сам себя загнал. Пропускаю (в сжатых пределах тезисов доклада) "промежуточные" соображения и предваряю итог: в составе нынешней предвечной коллизии не столько недостаточность ответов и предлагаемых выходов из положения, сколько коренной изъян вопрошания. Мы не дотягиваем до *Вопроса*. Упор на "опасности" (пусть даже "смертельные") вуалирует их природу: показанность собственно человеческому развитию.

** В связи с тем, что устное выступление М.Я.Гефтера на симпозиуме не повторяло тезисов доклада, редакторы сочли нужным опубликовать как тезисы, так и выступление.

качестве сырья для деятельного развития вида стала уступать место собственным ресурсам человека, со всей беспощадностью выступил наружу конфликт между планетарным масштабом человековершения и невозможностью воплотить его в единственной форме, имя которой **ЧЕЛОВЕЧЕСТВО**. Будет ли натяжкой, если все препоны, ошибки, кровопролития, структурные кризисы и т.п., которые сегодня переживает Мир, мы объединим в нечто цельное и сопоставимое лишь с первофеноменом человека, с первопосылкой его? (Речь не просто о миллионнолетнем процессе выкарабкивания из животного состояния, а о порыве, принципиально превосходящем всю совокупность предпосылок.)

"В начале было **СЛОВО**". Но мы знаем, что люди говорят на множестве языков. Не исключишь, что человек и спасся этим от самого себя, что "момент", когда он явился, был заявкой на *творческую уникальность антропо-различий*, притом не раз и навсегда данных, а обновляемых циклами становления, возвратами **НАЧАЛ**, а стало быть, и повторами **КОНЦОВ**, и ими-то прежде всего. Ежели таковы не только цена, но и условие человеческого развития, то не оно ли, развитие, сегодня под ударом? Согласимся: движение "концами" израсходовало и дискредитировало себя. Следует ли из этого, что исчерпано и **ДВИЖЕНИЕ НАЧАЛ**, что отныне смыслом человеческого существования является квалифицированное, поддерживаемое и контролируемое (совместно?) status quo? (Предельное и нарочитое упрощение: "что хорошо "Дженерал моторс", хорошо и Америке, что хорошо Штатам, хорошо и "остальному" Миру"? Ну а если не "...моторс", а "рыночная демократия" по Клинтону? Разница, что и говорить, существенная, но фундаментальная ли? Далеко ли ушел от подобного упрощения модный фукуяма, не говоря о его российских адептах?)

2. Историк у показано вдвигать проблему в событийную рамку. Для меня предгибельная коллизия связана и напрямую, и окольно с "холодной войной" — с тем, что люди миновали, и с тем, что застряло в них: несвободой ради самосохранности. Поколения, принявшие за норму императив "гарантированного взаимного уничтожения", способны ли выйти на поприще Выбора, не испытав освобождающих конвульсий? Смирительная рубашка, правда, еще в запаснике. Но антракт налицо. И в эту "ментальную" паузу ворвались страсти, у которых в родословной века буквальность Мира почти вплотную соединилась с распродажей и дележом одного из арсеналов жизнеуничтожения и с соблазнами превращения блока-антагониста в универсальную политическую величину.

Это — реальность, содержащая шанс умиротворения, а равно и шанс умножения конфликтов с их убийственной силой, как и перемен в жизненной ситуации миллионов людей, теряющих обжитую "нишу". Это абсурд превращения средств, по самому происхождению лишенных цели, в квазицель, которая, ввергая геополитику в человеческую повседневность, силится увековечить первую и обесмыслить вторую. Где же выход?

Он, по-моему убеждению, там же, где первочеловек, но с кардинальной поправкой: тот, "первый", обреченный по правилам эволюционной выбраковки, из обреченности же сотворил себя. Прорвался (шаг за шагом) в а-эволюционную историю. Изобретя будущее, им опредметил прошлое. Теперь — иначе. Другая обреченность. И времени не только в обрез, оно иное. С обратным переводом стрелок исторических в эволюционные. Отрекаясь от "будущего", человек уступает и "прошлое" — преддверие себе и пьедестал. Все земные "прошлые" — вместе и рядом, но не санкционированной однозначностью, а как проблемное поприще, как предмет деятельности, ориентированной на жизнетворящие различия. Мир сужается до оптимума добровольных и естественных локусов и в каждом из них раздвигается до голограммы всей Земли. Если угодно, — постутопия, впитавшая и классическое "место, которого нет", и свое осуществленное *анти*. От реального абсурда — сквозь абсурдную реальность...

Кому-то, вероятно, сказанное покажется лишенным практического ("здорового") смысла. Что ж, я буду с теми, кто испытывает сомнение, но также и с теми, кто так или иначе верит в достижимость *Мира миров*. Гамлетовское "быть или не быть" сегодня прочитывается не мною одним как "НЕ-БЫТЬ или БЫТЬ". Везде. Но у нас в России — особенно. В России, только что пережившей 3—4 октября.

3. Россия, на наш взгляд, — пограничье той новоевропейской цивилизации, что содержала в себе заявку на человечество. Что это означает в интеллектуально-духовном, материальном и конкретно-историческом, психологическом и ментальном смыслах? "Пограничье" — понятие лишь отчасти историко-географическое и пространственное, оно существеннее, важнее, ибо Европа идею человечества территориализовала, национализировала, ставила на почву отечеств, отдельных культур (имевших немало сходных черт, но вместе с тем развивавшихся со значительной степенью автономности). Россия оказалась тем пространственно-временным континуумом, в котором виделась идея человечества в наиболее близком приближении к собственному воплощению и вместе с тем в наиболее отторгаемом, поскольку идея эта здесь не могла осесть на почву, очерчиваемую национальными границами, и не могла воплотиться в тот треугольник "государство — гражданское общество — нация", который, претерпевая всякие изменения, катаклизмы, срывы и воспроизведения, дал в конечном счете современную интегрирующуюся Европу в рамках западного мира, что стоит перед проблемой: может ли он остаться в собственных границах, отказываясь от того, чтобы *быть всем на Земле*, или же должен отыскать какую-то особую мировую функцию, чтобы стать и остаться всем на Земле.

Как эта проблема ставится в России? Почему Россия оказалась наиболее тесно приближенной к тому, чтобы воплотить в себе программу — заявку — идею человечества, и в силу каких причин именно она нанесла идее этой если и не последний, то сокрушительный удар? С этой точки зрения рассматривается вопрос — была ли *альтер-*

натива коммунизму? Почему коммунизм — именно коммунизм, а не европейский социализм — национализирован, территориализирован, социал-демократизирован и т.д.? Почему в России именно коммунизм оказался принятым — не только в результате учиненного насилия (подобное утверждение — банальность), но почему был он присвоен, укоренился? И почему здесь именно он потерпел свое столь сокрушительное поражение, какое сейчас в огромной степени определяет лик Восточной Европы, Евразии как таковой и более всего — самой России?

4. Возможны разные направления в поиске ответов на такие вопросы. Скажем, немаловажен ракурс рассмотрения победы во второй мировой войне как предпосылки крушения коммунизма. Имеется в виду приобщение территорий, что не могли быть ассимилированы, адаптированы сталинской системой до конца, хотя вместе с тем и не могли быть введены в ее состав на существенно суверенных, автономных и альтернативных началах. Прежде всего потому, что система отторгала альтернативу, а проделав чудовищную операцию по приведению этих территорий в состояние выравненного единства с Союзом, каким он вышел из всех своих предшествующих катаклизмов (коллективизации, террора и т.д.), тем же самым закладывала взрывчатку в самую систему нивелировки, как будто бы убиенная альтернатива в конечном счете и детонировала систему. С этой точки зрения, сталинистской системе для своего сохранения холодная война была показанней, чем той противостоящей стороне, которая в конечном счете и выступила инициатором холодной войны как защиты от экспансии. Вместе с тем холодная война привела к таким переменам мира разного свойства, которые обрекали самую сталинскую систему на вырождение, на агонию и т.д. Поэтому первый и неотвратимый шаг выхода из холодной войны должен был быть сопряжен с крушением системы. И по закону обратного хода вещей убиенная альтернатива не могла уже ограничить себя неживыми знаками старой границы СССР. Она вошла внутрь СССР. С этой точки зрения попытки удержать территорию системы поддержкой левых режимов, псевдо-социалистических, африканских и азиатских социализмов и прочих — была последней и деградирующей фазой. Процесс с ускоряющейся силой шел в обратном направлении и оборвался на Афганистане. Он перешел внутрь самого СССР.

5. Что означает переход процесса внутрь СССР? Беловежский парадокс: чтобы устранить одного обанкротившегося человека, потребовалось упразднить Советский Союз. Так это или не так? Внешне выглядит так, а на самом деле?

Что есть нынешний захлопнутый однополюсный мир? Почему я полагаю, что Россия — прообраз мира, *которого может не-быть?* Потому что мир может не состояться как *сообщество равнозначных различий*.

Может не состояться. В силу целого ряда причин, о которых следует говорить особо. Почему он может не состояться?

Потому что есть гигантская нивелирующая тенденция, которую отвергать смешно. Она действует не только насилем. Она действует англоязычием, определенной ментальной моделью и т.д. и т.п.

Есть и другой момент — причина, почему он может не состояться, мир равноразных. Цивилизации, ушедшие вперед в достатке и уровне жизни, противостоят другим, которые, не достигая такого уровня, могут двинуться на вселенский передел. Вселенский "черный передел", употребляя российский термин, не исключен. Это в России может быть или нет? Может ли у нас творчески осуществиться мировая нивелирующая тенденция? Это открытый вопрос. Дело даже не в том, что Ельцин обладает специфическими свойствами характера, а у Гайдара — приверженность к Пиночету. Просто вопрос ставится так: может произойти сказанное или не может? Или оно наталкивается на сопротивление?

И второе: внутри самого СНГ, внутри России, в рамках нового объединения может ли возникнуть тенденция предальтернативных войн, когда, не достигая альтернативности в развитии, попытаются решить конфликтные ситуации с помощью силы? Россия ли за счет Украины, Азия ли за счет России? Это открытый вопрос, и в частности доходящий до реалий нынешнего дня. Например, Россия, которая выполняет либо функции объединенных наций на территории СНГ, либо действует как Россия, вторгающаяся во внутреннюю жизнь уже объявивших свою независимость государств. Что будет дальше? Согласится ли с этим население России, имея в виду неизбежные человеческие жертвы, согласятся ли свободные страны? Вот, пожалуйста, грузинский вариант. Что — мы возвращаемся в XIX, XVIII вв., куда мы возвращаемся? Христианские страны Грузии хотят быть с Россией, а горские народы, которые явили пример неколебимого отпора русской экспансии, могут вернуть нас ко временам Шамиля, Хаджи-Мурата. Почему это исключено?

Россия — специфическая, быть может, самая опасная экологическая ниша мира. Россия — демографически уязвимая развивающаяся страна с минусовым приростом населения. Такого в мире нет. Есть развивающиеся страны, которые не знают, как остановить приток рождаемости, и есть развивающаяся страна, у которой население убывает...

Таким образом, идя по этому заявленному ходу размышлений, мы приходим в итоге к резюме: только став миром внутри себя, человеческое пространство Евразии может из перспективы *не быть* перейти в статус перспективы *быть*, этим оказав воздействие на движение мира в его уже уход от возможности НЕ-БЫТЬ к надежде на БЫТЬ.

Устное выступление

Я крайне сожалею, что по нездоровью не мог быть на первых днях работы этого симпозиума, который, по отзыву такого строгого и взыскательного человека, как мой друг Моше Левин, был весьма про-

дуктивным и интересным. Вероятно, я бы вобрал в свое выступление нечто от имевшей здесь место дискуссии, но уже ничего не поделаешь. Кроме того, если иметь в виду тему, мною заявленную, я как-то исчерпался до известной степени в тезисах и понимаю, что регламент не позволяет мне развернуть содержащиеся там идеи. Поэтому позвоьте мне не идти по собственным тезисам, а высказать некоторые соображения и замечания, которые существенны для меня и, мне хочется думать, существенны и для присутствующих. Прежде всего, нужен ли историк вот этому ученому сообществу, которое пытается приподнять хотя бы краешек завесы над тем, что нам в России и нам на земле предстоит? Ибо в этом состоит мое убеждение: то, что предстоит России, — это то, что затронет в буквальном и самом широком смысле существование и жизнь людей на земле. Так же, как я убежден и в другом: мы с вами из собственных бед, из собственной непроходимой путаницы, из собственного ожесточенного непонимания не выберемся, если не откроем свое внутреннее окно в мир и не услышим не только его доблести, его материальные блага и духовные завоевания, но не услышим его страдания, его трудности и не опознаем вместе с ним общие наши тупики.

Так вот, если иметь в виду, что люди, посвятившие себя экономике, экологии, люди, ринувшиеся в свежую для нас область политологии — чего-то близкого власти или антиподного ей, что этим людям, которые хотят увидеть неминуемое уже, жестко запрограммированное полученным нами наследием, нашими предками, от коих не уйти. Что из неисключенного, в том числе не исключенного не только в бедах, но и возможностях, и что, наконец, из непредсказуемого, что из этой комбинации неминуемого, неисключенного и непредсказуемого, которая, собственно, и образует собой человеческое существование, то, что мы называем историей, что из всего этого может быть предметом для историка? Что, собственно говоря, он может вам сказать и что вы хотели бы от него услышать?

Историк — отчасти счастливая, но больше несчастная фигура современности. Ему очень трудно уйти от соблазна мыслить параллелями, аналогиями, вызывая из прошлого тени людей, которые терпели поражения или одерживали временные победы и которые как будто бы начисто сметены сейчас свежим потоком существования. Не обманем ли мы вас, обращаясь к этим теням, к этим призракам, к этим параллелям, к этим аналогиям в мире и в России, которые, если вдуматься и взглядеться, существенно, фундаментально не похожи на давно и даже недавно предшествующие, даже если оставаться в пределах XX в. Чтобы не быть абстрактным, я хочу эту мысль проиллюстрировать достаточно расхожим тревожным и существенным примером. Сейчас не ходит с уст 33-й год: Германия 33-го — Гитлер на пороге власти, веймарская республика на пороге гибели; мир на пороге фашистской экспансии; высоколобая Европа накануне своей духовной катастрофы, своей оскорбительной и поразительной беззащитности перед наглостью упрощенного представления о мире и

о людях, которая именовалась фашизмом, перед лицом этой беспомощности, которую европейские люди выкупили потом жертвами и духом сопротивления.

Может быть, впрямь мы с вами здесь, в России, и здесь, в Москве (сколько дней прошло после 3-го и 4-го октября, и сколько часов прошло после последней сводки о выборах?), может быть, мы и впрямь веймарцы 33-го года? Я бы не хотел уходить от этого поставленного вопроса. Я хотел бы лишь избежать его расхожести. Я бы хотел сказать, что наше положение все-таки лучше, и хотел бы поделиться своей мыслью о том, что в чем-то оно хуже. Лучше, потому что все-таки есть опыт прошлого. Все-таки есть мертвые, "живые мертвые", у которых нам есть чему поучиться. Хуже, потому что мы не хотим учиться. Потому что мы мечемся между двумя полюсами — ностальгической затверделостью, затверженностью прошлого и другим полюсом, где это прошлое выбрасывается с поразительной, я бы осмелился сказать, самоубийственной легкостью. Я отклоняю в силу этого прямую параллель. Я хочу сказать, что есть несколько существенных моментов, которые отличают нас от той сравнительно небольшой страны Европы, которая чуть не поставила на колени всю Европу вкупе с Евразией. Отличие состоит в том, что у нас как бы меньше социального отчаяния, без которого, без этого "питательного бульона" фашизм не пришел бы к власти. Утилизируя это социальное отчаяние и участь его искоренить, облегчить и заместить скоротечным благополучием, предоставляя человеку улицы, вчера униженному, чуть не растоптанному кризисом, потерявшему в нем самого себя; пытаюсь реваншировать, вернуть ему уверенность в себе за счет права вытаптывать другие человеческие души и человеческие существования, фашизм компенсировал, фашизм проблемно опережал даже высокую мысль. И если мы будем говорить о фашизме применительно к себе или обращаясь к опыту Европы, имея в виду только те виды разбоя, бандитизма или грядущей экспансии, то мы утратим основной пункт необходимого сопоставления и сравнения.

Что вам может сказать историк? Он может искать параллель, но может также настаивать на непохожести. Непохожесть же состоит не только в том, что существование фашистов (пусть мне покажут страну мира на глобусе XX в., в которой не было бы фашистов), еще не означает торжества фашизма, одно прямо не переходит в другое. Для того чтобы одно перешло в другое, нужна проблемная капитуляция демократии, при которой она позволяет жизненным проблемам, касающимся рядового человека, уходить в другой лагерь, а вместе с ним уводить миллионы.

Сдается, что все-таки мы живем в России, в стране, в которой погибло много альтернативных, предальтернативных возможностей, но в мысли которой, в духовном наследии которой есть непочатые ресурсы альтернативного мышления. Есть ресурсы внутреннего мышления масштабами и категориями человечества. Того внутреннего мышления, того разговора с миром напрямую, того шефства, по выра-

жению Белинского, ситуации, когда человек маловежественный, из вторых рук бравший европейскую философию, объявляет себя в тяжбе с Вселенной, с Филиппом II и инквизицией. Мы, имеющие опыт русской, российской тяжбы с человечеством и имеющие опыт тяжбы с этой тяжбой, опыт последнего времени, неужели мы не сможем собраться с мыслью, чтобы предьявить произрастающему из глубин человеческого страдания и спекуляции на утраченном миродержавии фашизму, чтобы противопоставить ему опыт этих двойных тяжб, тяжбы с человечеством по поводу его жертв и тяжбы с этой тяжбой, которая принесла нам столько утрат и братских могил?

Вопрос, который я хотел бы перед вами поставить, и от которого, мне кажется, не может уйти историк, — это вопрос о несходстве в ключевой проблеме, о природе этого несходства. Конец XX в. — это предгибельная ситуация людей. Человек — и не в обход того, что именуют прогрессом, и не в обход того, что именуют развитием, — после этого пришел к возможности вселенского самоубийства. Эта возможность может быть реализована не только ядерной смертью, эта возможность может быть реализована страшной волной поборников эгалитарного равенства, когда миллиарды молодых восстанут во имя передела богатства человеческого против стареющих и замыкающихся в себе развитых стран. Оно, это коллективное самоубийство, возможно не только когда неотделимая от человека потребность в равенстве переиначится в ненависть к неравенству, что почти синонимично и вместе с тем глубоко враждебно этой потребности в равенстве. Ненависть к неравенству уже в нашей отечественной истории правила бал. Ненависть к неравенству способна править бал на земле. В этой связи вправе ли мы считать, что может сложиться такая ситуация, когда человек не исчезнет, но перестанет быть самим собой?

У меня от молодых лет такое воспоминание, которым я хочу поделиться. Был в Москве конгресс сторонников мира, неинтересный конгресс, но на нем были интересные люди, интересные выступления. Я помню, как в секции науки ученый из Индии, говоря о неуловимых дальних скрытых последствиях радиации, говорил о том, что вот эти будущие люди (как он сказал, "полумухи-полулюди") даже не смогут вспомнить, кем были их предки. Меня потрясли тогда эти слова, и я не думаю, что они устарели по отношению к сегодняшнему дню. Есть две стороны у этой проблемы. Разрешите мне их только назвать, иначе я погрязну в длинном разговоре, нарушающем регламент. Одна сторона — это человек утрачивает прошлое. Другая — история перестает быть тем, чем она была по своему назначению, по своей сути. И этот образ, который разделяли представители разных течений и лагерей, образ лестницы, идущей вверх, не без шагов назад, не без спадов, срывов и зигзагов, но тем не менее неминуемо идущей вверх, этот образ — он покидает землю. Где мы находимся: на верхней ступени смотровой площадки? Куда дальше? Дальше некуда. Историческая земля достигла своих пределов: космос не для нее, не для истории. Что же,

вместо этой лестницы, идущей вверх, мне ближе герценовская идея концов и начал, разъясняющая видимую непрерывность ново-европейского и раздвинувшего свои пределы на земной шар развития. Видимую непрерывность этого развития, видящего историю как некое движение, состоящее на каждом этапе из концов и начал. История не однажды возникла, история много раз возникла. Она начиналась как бы сызнова, притом путешествуя по земному лику, передвигаясь и охватывая собою новые территории. Вне истории — это не оскорбление, вне истории — это не характеристика чего-то низкого. Это естественно. Это сопротивление экспансии истории. Сопротивление, которое идет из недр человеческой повседневности, склонной к благородному повторению самой себя. И идет из тех регионов, которые оказались вне этой лестницы, идущей вверх, испытывая, скорее, изъязны этого движения и превращаясь в доноров этого движения, но не переставая от этого быть самобытными организациями. И понятие циклизма вовсе не беднее и вовсе не меньше, чем понятие восходящего и поступательного развития.

Но, придерживаясь этой герценовской и иной мысли, которая в моей жизни сыграла в 50—60-е годы спасительную роль, я тем не менее ставлю такой вопрос: а если мы находим подтверждение этому движению концов и начал предшествующей истории, то не израсходовались ли ресурсы этого движения? Если мы говорим, что нет начал, которые бы не включали в себя концов, что концы неистребимы, неперенны и обязательны, то, стало быть, мы нехотя признаем и прогресс концов, их нарастающую силу. И не пришли ли мы к XX в., когда концы масштабом энергии самоутверждения стали превосходить начала? Приведа человека к ситуации, при которой он и отказывается платить цену частичной гибели за такое развитие и не может найти иного выхода из этой ситуации, как раздвоив самую проблему и озадачившись "развитием по принципу статус-кво". Значит, не пришли ли мы к тому, что нынешнее человечество может себя спасти, если обретет какие-то формы статус-кво развития? Но ведь это тоже непонятно, что значит статус-кво развития? Что это значит? В статье с нашумевшим названием "Конец истории" американец японского происхождения Фукуяма предложил нам мысль о том, что, собственно говоря, нынешняя, населенная людьми земля уже почти пришла или вовсе пришла к единственности человечества в одном экземпляре, подлежащего лишь тиражированию, по отношению к которому все виды цивилизации могут быть не больше, чем вариант. Казалось бы, ведь это так. Казалось бы, то, что называет президент Клинтон "рыночной демократией", завоевывает все новые и новые территории на земле. Может быть, действительно оно завоеует всю территорию, может быть, действительно, сегодня есть 3—5 тигров, завтра их будет 10—15, а потом "отиграет" вся земля? Может быть, действительно, человечество в этом единственном тиражируемом экземпляре, по отношению к которому все остальное только варианты, обретет таким образом благоденствие? Может быть, это осуществимо,

и в силу осуществимости желательно? Я не стану настаивать на том, что это неосуществимо. Хотя мог бы целый ряд доводов предложить в пользу отклонения. Я хотел бы сказать, что люди, которые прошли, кто раньше, кто позже, через марксизм, широко пользовались понятием "способ производства", понятием, мне кажется, не истратившим до конца своего смысла, но исчерпавшим то содержание, которое в это понятие мы вносили, как категория, которая разъясняет собою и изнутри порождает собою все формы человеческого бытия. Но мы знаем, что это не так. Мы знаем, что кроме способа производства есть более глубокое, к сожалению, еще мало проработанное нами понятие — способ человеческой жизнедеятельности. И при некоторой идентичности и близости способы производства и способы человеческой жизнедеятельности могут радикально расходиться. И если эти способы человеческой жизнедеятельности будут как-то сметены цивилизацией единственного экземпляра, то род человеческий, может быть, потеряет, некоторых из самых свирепых нынешних своих напастей, но он, по моему убеждению, утратит и всякую способность к развитию. История была попыткой человека построить существование на приоритете единства. Я полагаю, что то, что сейчас произрастает из разных форм сопротивления этой единственности, в том числе даже диких и страшных форм, когда на арену истории выходит новая злобная фигура убийцы поневоле, — я полагаю, что даже здесь таится некоторый источник того, что люди сумеют перенести акцент на различия. И то, что мы именуем иностранным словом "ментальность" (может быть, за неимением адекватного русского слова), выйдет наружу как главный смысл существования и, разнообразясь в своих формах, даст основание альтернативному миру. Миру, который будет не только в одной-единичной точке альтернативы, а выстроит мир, себя, жизнь, сотрудничество, взаимодействие на основе этой вторящейся и двигающей себя альтернативности. На базе равноразных различий, которые могут быть и опасными. Но даже самые опасные менее опасны, чем унификация. Это можем сказать мы, пережившие самый жуткий в XX в. опыт сталинского вытаптывания различий. Опыт, который продолжает жить в нас, в наших напастях, в политике, во власти и в противодействии этой власти.

Несколько коротких замечаний. Одно замечание относится к "холодной войне". Мне кажется, что мы недооцениваем "холодную войну" не как эпизод, а как, если угодно, метафизическую категорию, в которой XX в. себя завершил, поставив под сомнение все ему предшествующее и самого себя. Я не стану говорить сейчас о происхождении "холодной войны", у которой не единственный источник и не единственный (хотя первый) автор — Сталин, и не единственный, но первый пострадавший — это Советский Союз и те страны, которые оказались в результате второй мировой войны прикрученными к его, Советского Союза, существованию. Я хотел бы сказать, что "холодная война", достигшая своего пика в равенстве того, что физики и военные

называют "гарантированным взаимным уничтожением", вплотную подвела людей к той абсурдной точке, когда им остается во имя отстранения от себя ядерной смерти согласиться на жизнь ради самосохранения. Проблема состояла, а отчасти и состоит, в том, что человек выжить долго в этом состоянии не мог.

Но "холодная война" — это не только девальвация ядерной смертью всех видов идеологизированных гибелен, которые завещала история. "Холодная война" — это еще и выход из "холодной войны". И опасности этого выхода — конвульсии высвобождения человека из жизни ради самосохранения, конвульсии, которые образовали пустоту, заполняемую жаждой человека выйти из ситуации заложничества. Мне кажется, что мы упрощаем катящиеся по всему миру волны суверенности, все эти множасьи горячие точки, — мы упрощаем, трактуя их только в терминах взбесившегося этноса. Это еще и попытка заместить вот эту самую заисторическую простоту и пустоту, выйти из ситуации заложничества. Не подготовленный к выходу из заложничества человек невольно отдается во власть того, что было заложено в него первоначально. Нет ничего более первозданного и первоначального в человеке, чем самоутверждение через убийство, самоопределение через чужого. Эта проблема решается ли?

Андрей Дмитриевич Сахаров предполагал, что выход из "холодной войны" (а он был сосредоточен на этой мысли) допустим и возможен только в образах и смыслах конвергенции. Он понимал при этом под конвергенцией не просто сближение общественных устройств, имеющих разное происхождение. Он имел ввиду конвергенцию систем, которые обесмыслили себя гарантией взаимного уничтожения. Вот это новое, появившееся в них, может быть выравнено через формы сотрудничества, через глобальную конверсию, через сложную перестройку человеческого сознания на основах принципиально другого сотрудничества. Я думаю, что это благородная концепция. Я не буду сейчас говорить о таких ее формах, как всемирное правительство, или наделение Объединенных Наций чрезвычайными полицейскими функциями; о тех формах, которые связаны с сохранением смиренной рубашки для разбушевавшихся горячих точек и выходящих из международной дисциплины народов. Я думаю, что эта концепция — она недостаточна по природе, и что на смену ей идет то, что я позволю себе назвать таким вычурным термином, как дивергенция несостоявшегося человечества.

Идея человечества покидает землю, люди заново расщепляются, но они выходят к новым различиям и к возможности сотрудничать и работать различно, вкладываясь в различия не в порядке толерантности и терпимости по отношению к тому, что ты — не я, а вкладываясь стремлением и желанием сделать другого именно "не я", как первичным и императивным условием существования. Вот эта дивергенция несостоявшегося человечества, мне кажется, еще не нашла своей внятной формы, своего внятного языка, и поэтому она начинает легко говорить чужим языком: тезки Петра Степановича Верховен-

ского, того, так сказать, вундеркинда из города Верного, которого зовут Жириновский. Таких людей немало и у других. К этому голосу, мне кажется, следует прислушаться хотя бы потому, что я, например, не услышал ни одного голоса, который был бы способен в полемике опрокинуть дикую простоту предложенных им России путей существования.

И последнее. Мне кажется, что человек в России не может ни заглянуть в завтрашний день, ни нормально существовать в дне сегодняшнем, если он быстро забудет то, что пережила Москва 3 и 4 октября. Я не буду сейчас говорить об этих событиях, об их тайнах, загадках, страшных сторонах, о сокрытии жертв, об оскорбительных моментах умолчания, о большой лжи упрощения и большой лжи замалчивания. Я надеюсь, что одним из первых актов будущего парламента будет создание комиссии, которая исследует эти события во всей их полноте и воздаст не только должное всем соучастникам этих событий, но и окажется способной посмотреть в их глубины и истоки. Я хотел бы сказать в плане своей темы только об одном: нет однозначного определения этим событиям. Нет, это не был просто фашистский путч. Нет, это не был народный мятеж. Нет, это не было только безвластие во всевластии, которое способно, втягивая в себя тысячи людей, довести их до поголовного умопомешательства. Нет, это не были только сообщающиеся сосуды провокации. Это еще было опасное заложничество людей, лишенных альтернативы. Это было в основе или в первоисточке своем столкновение насмерть между людьми августа 1991 г., которые из того события вынесли ложную и опасную идею, что все достижимо. И поэтому все доступно. Люди, которые убивали друг друга 3 и 4 октября, те, кто давали команду на огонь поражения, — это люди, которые уверовали, что все доступно им и все поэтому достижимо. Мне кажется, что если мы не преодолеем этой ситуации заложничества, имеющей глубокие корни, имеющей свою ментальную физиономию, ситуации, в которую втянуты не только те, кто пытался как бы поднять руку на демократию, но и те, которые, вероятно, искренне желая защитить демократию, сами оказались заложниками заложников, — то мы вряд ли сможем не только продвинуться к дню завтрашнему без новых утрат и без новой крови, мы не сможем даже заглянуть в этот завтрашний день.

Позвольте мне кончить, быть может, на личной, и простительной для возраста, ноте. Считанные дни назад Италия и вместе с ней люди на Земле проводили в последний путь Федерико Феллини. Незадолго перед этим, уже на больничной койке, Феллини дал последнее интервью и рассказал журналисту свой сон. Ему приснилось, что он, Феллини, доставляет сам себе письмо. И когда он открывает конверт, он обнаруживает там чистый лист бумаги. Я не думаю, что нет ничего на свете, кроме чистого листа бумаги. Но я хотел бы вам сказать, что я тоже чувствую себя человеком, вынужденным чистый лист бумаги, слышащим некоторый призыв: заполни его собой. И когда человек начинает его заполнять, то он видит, что это не чистый лист, что там

тайнопись, выходящая наверх, что там водяные знаки, что там голос живых мертвых, которые не только не должны быть забыты; они должны быть призваны нами на помощь. Без их содействия, без их действия, без их духовного опыта мы с вами не выполним не только обязательств перед собою, обязательств, сколько-нибудь достойных жизни, но мы можем закрыть дорогу для последующей жизни, для тех, кто следует за нами.

Вопрос: Михаил Яковлевич, одна из центральных идей Вашего выступления — это попытка сформулировать ситуацию взаимного заложничества. Так нельзя ли более аналитически подойти к этому понятию?

Ответ: Вы знаете, я сразу скажу о какой-то конкретной вещи и от нее перескочу к более общей. Я вернусь к 3—4 октября. Я полагаю, что с двух сторон, находившихся в схватке, те люди, которые принимали решение, были в этой ситуации заложничества. Как она была создана, я не хочу сейчас говорить. Представление о том, что можно однозначно определить каждую сторону, разбивается фактами. В каждой стороне были свои экстремисты, были свои умеренные, были нормальные и порядочные люди, которые потерялись и не могли обрести свое лицо. В каждой из сторон нейтральные становились отчасти заложниками умеренных, а умеренные становились заложниками тех, кого, по терминологии горячих точек, называют "полевыми командирами". В Белом доме в конце концов взяли верх "полевые командиры". А кто были "полевые командиры" у противоположной стороны, это должно показать более детальное расследование. Но Вы думаете, что с другой стороны их не было? Я повторяю, я ни на чем не настаиваю. Я предполагаю это. Но от этого я хочу перейти к большему и к дальнейшему. Дело в том, что человек не может обрести возможность выбора в одиночку. Он не может обрести возможность выбора и стадно. На переходе, на перепаде от одного до другого состояния и возникает вот эта ситуация заложничества, в которой надо разобраться. Интеллигенция хочет демократии. Человек улицы хочет получить хлеб без очереди и по несколько более дешевой цене. Кто в каких соотношениях находится (те и другие)? Я определяю это как ситуацию заложничества. Я считаю, что ситуация заложничества чревата альтернативой. Если нет способности выйти на альтернативу, если люди находятся во власти только тех возможностей, которые зафиксированы ими как существующие или запрограммированные политиками, или запечатлены стихийным возмущением, то тогда ситуация заложничества может перейти и в стадию взаимного отторжения. Весь вопрос в том, чтобы это признать, и, мне кажется, что этот угол зрения позволяет увидеть нечто и найти некоторый человеческий ресурс для движения навстречу друг другу. Мне очень близок афоризм Витгенштейна, который говорил, что "понимание — это всего лишь частный случай непонимания, непонимание между людьми естественно, а понимание — это тяжкая работа, которую, если мы не делаем, то естественность непонимания

переходит в фазу взаимного отторжения". Мне кажется, что это едва ли не ключевой вопрос сейчас на земле, мне кажется, что в России он просто на острие ножа.

Современная российская ситуация в свете веберовской типологии капитализма

Сегодня, когда мы все чаще слышим разговоры о том, что наши реформы (а, точнее, реформаторы) не достигли тех целей, какие ставили перед собой люди, их намечавшие, а затем и получившие власть, позволившую им приступить к практическому осуществлению своих реформаторских замыслов, вновь и вновь возникает один и тот же вопрос, который логичнее было бы поставить в тот момент, когда эти "новые цели" только еще формулировались. А именно вопрос о теоретически артикулированном (или, как предпочли бы сказать сегодня, "научно отрефлексированном") *смысле* тех самых общих представлений и понятий, с помощью которых эти цели определялись и конкретизировались, очень быстро становясь идеологемами и просто пропагандистскими клише как раз по причине его изначальной неопределенности. (Это был тот самый "брезжущий смысл", который в свое время восславили наши доморощенные структуралисты, противопоставив его декартовскому требованию смысловой "ясности и отчетливости" отправных теоретических понятий.)

Пожалуй, вряд ли кто будет нынче всерьез спорить с тем фактом, что еще в ходе "перестройки", по мере того как перестроечное сознание все дальше ("Дальше, дальше, дальше...", согласно названию одной из перестроечных пьес) заходило в своем радикализме, выдвинулись в центр общественного сознания два ключевых слова, вокруг которых и консолидировалась идеологически и политически наша демократическая общественность. Речь идет о словах-лозунгах: "демократия" и "капитализм", которые в период "реформ" (предложенных демократами, пришедшими к власти, вместо "не оправдавшей себя перестройки") поначалу были, что называется, "у всех на слуху". Хотя второе из упомянутых слов — в духе "позднеперестроечных" времен — нередко все еще фигурировало в виде своего рода эвфемизма: "рыночная экономика", "предпринимательство" и т.д., но главное идеологическое преобразование нашего общественного сознания наконец-то совершилось. Вместо диады "социализм и демократия", которая улаждала наш слух в послесталинские десятилетия, прикрывая реальные процессы, происходившие "под ковром" разлагавшегося тоталитаризма (каковой обнаруживал тенденцию "мирного перерастания"

в авторитаризм), мы получили дихотомию "демократия и капитализм". И чем менее серьезно звучала в предперестроечный период для наших ушей упомянутая диада, в которой благие пожелания переплетались с откровенным враньем и беспардонным цинизмом, тем более серьезно воспринималась (во всяком случае, в "раннереформаторский" — назовем его так — период) сменившая его дихотомия.

Два этих слова — "капитализм" и "демократия" — так часто употреблялись вместе, что наша общественность (включая научную, не говоря уже об идеологической и журналистской) приучилась рассматривать их как нечто органически нерасторжимое: "близнецы-братья", если воспользоваться поэтическим оборотом, автоматически всплывающим в нашем сознании. Подлинная демократия — в переводе на язык политической экономии — это и есть капитализм, точно так же, как сам он — в переводе на язык современной политологии — это и есть демократия (и конечно же подлинная). Дальше этих — совершенно бездоказательных, ибо "само собой разумеющихся" — утверждений, превратившихся в незыблемые постулаты, не двигалось (за все время наших реформ) ни идеологическое, ни — что совсем уж прискорбно — научно-теоретическое официальное сознание.

О том, чтобы проанализировать содержание "и", соединяющего капитализм с демократией (или, наоборот, демократию с капитализмом), речь всерьез уже и не могла идти, особенно после того, как дихотомизирующее "и" как-то незаметно для нас превратилось в отождествляющее "есть": А есть Б.

Символом нерасторжимой связи этих двух понятий, автоматически превращавшийся в их тождество, стало третье понятие: "гражданское общество", столь же симпатоматичное как для нашего позднеперестроечного, так и для раннереформистского демократического сознания. Ибо содержанием этого понятия было утверждение *единства* — опять-таки доходящего до тождества — политической *свободы* (демократии) и *свободного* рынка (капитализма). И хотя понятию "гражданское общество" повезло у нас в научно-теоретическом отношении гораздо больше, чем понятию "демократии", а особенно — "капитализма" (не говоря уже о вышеупомянутом "и", сопрягающим первое понятие со вторым), поскольку гражданскому обществу было посвящено немало специальных исследований, появившихся в последние годы, — его роль "утешителя" и "примирителя" в нашем идеологизированном сознании остается прежней. Мастодонты радикал-демократии (причем не только из среды идеологов-публицистов, но и из среды теоретиков, специализированных в области политэкономии) по-прежнему апеллируют к понятию "гражданского общества", спеша с его помощью задраить щель, раскалывающую то самое "и", которое должно было "сливать воедино" демократию и капитализм вопреки очевидной дихотомичности этих двух перекрещивающихся и пересекающихся понятий.

А между тем о дихотомии, по крайней мере, "дистанцирующей" их друг от друга, говорит, во-первых, тот факт, что сама проблема де-

мократии возникла и конкретизировалась исторически задолго до того, как капитализм (в современном, а вернее, марксистском смысле, в каком употребляют это понятие радикально-демократически ориентированные экономисты) стал решающим фактом истории Нового времени. Во-вторых, тот факт, что само понятие "гражданского общества" возникло и откристаллизовалось лишь в эту эпоху, тогда как практически-политическая и философски-теоретическая проблематика демократии имела к тому времени, если говорить о европейской культуре, едва ли не два тысячелетия за своими плечами. Наконец, тот факт, что в момент своего возникновения и кристаллизации — в концепциях Гоббса и Локка — понятие "гражданского общества" оказалось в двух диаметрально противоположных отношениях к понятию демократии: негативном у первого и позитивном у второго. Мы уже не говорим о последующей эволюции теоретического содержания понятия "гражданского общества", когда оно, борясь за особый статус политэкономического или социологического понятия, утверждало свой научный "суверенитет" вообще "по ту сторону" всякой политики и права и таким образом утрачивало преимущественную связь с проблематикой демократии. Однако тем более остро встает вопрос об отношении понятия "гражданского общества", еще не "разгруженного" от (по крайней мере, теоретически непроясненной) его связи с проблемой политической демократии, к понятию "капитализма", и прежде всего о *самом этом "капитализме"*.

Нетрудно заметить, что это понятие употребляется не только нашими публицистами, но и экономистами-теоретиками в традиционно- (я бы даже сказал — догматически) *-марксистском* смысле, — и это несмотря на явное стремление откеститься, или, по крайней мере, "дистанцироваться" от него, отстаивая свое либерально-демократическое свободомыслие. Правда, в соответствии с новым духом времени здесь появился само собой разумеющийся нюанс, который, впрочем, не меняет теоретической сути дела, свидетельствуя лишь об идеологической и политической (но не научной) благонадежности авторов, произносящих, что называется, "всуе" слово капитализм. Там, где Маркс ставил знак "минус", не упуская случая заклеить "капитал, Его Препобабие" (как любили у нас говорить вслед за В.Маяковским), теперь этот знак тщательно переправляют на "плюс", а то и вовсе ставят вместо него экзотически-*восклицательный*, наивно полагая, что из-за этой "переоценки ценностей" (на эмоционально-идеологическом уровне) произойдет переворот, или, по крайней мере, "контрпереворот" (учитывая, что один переворот здесь уже был) *в науке*. А совершить подобную "теоретическую операцию" нашим реформаторам-экономистам было тем легче, что ведь, как известно, и сам "основоположник марксизма" грешил небольшевицкой "амбивалентностью" в отношении к капитализму: идеологическая ненависть к нему плохо, а подчас, очень плохо скрывала гегельянский восторг К.Маркса перед его "всемирно-исторической" мощью, заставлявший вспомнить о восторге Гете перед мощью Та-

мерлана, уложившего на алтарь прогресса "мирады жизней", "растоптанных" конями воинственных кочевников.

О том, что речь у наших нынешних радикалов от политэкономии шла вчера, во времена "шоковой терапии", и идет сегодня о *специфически-Марксовом* понимании капитализма, а не о том, какое мы встречаем у Адама Смита и Давида Рикардо, на которых норовим нынче ссылаться (причем опять-таки, скорее по идеологическим, чем по строго научным соображениям), выразительнее всего свидетельствует приверженность наших реформаторски — точнее было бы сказать, *революционистски* — настроенных экономистов *сугубо марксистской* теории "первоначального накопления". Речь идет о своеобразной "ад хок" концепции, навеянной "Утопией" Т.Мора, но отнюдь не идеями "Исследования о природе и причинах богатства народов" и конечно же не рикардианскими "началами политической экономии и налогового обложения". О теории первоначального накопления, с помощью которой К.Маркс хотел "прирастить" к стволу *либеральной* политической экономии (заимствовавшей, как известно, свой основополагающий принцип — идею *труда* как "субстанции" стоимости — у основоположника *классического либерализма* Д.Локка) диаметрально противоположный принцип: *марксистскую теорию насилия* — как "повивальной бабки", стоящей у постели Истории, рождающей новую "общественную формацию".

Напомним, что эта концепция так полюбилась в свое время российским большевикам, что они положили ее в фундамент своей "экономической политики", возведя на нем и "политику индустриализации", и "политику коллективизации". И вот, несмотря на совершенно очевидную чудовищность и кровожадность этой "политики", обнаружившей свою историческую несостоятельность, мы наблюдаем склонность нынешних радикал-экономистов (и даже известных и уважаемых драматургов, у которых обнаружилось вдруг запоздалое "влечение" — "род недуга"? — к ортодоксальному марксистскому "способу мышления") применить эту теорию к нашим, с позволения сказать, "реалиям", пытаясь оправдать, что называется, "исторически" те откровенно бандитские способы, какими сколачиваются у нас сегодня мультимиллиардные состояния, поражающие воображение даже самых "видавших виды" из наших западных коллег.

Весь этот уголовный "беспредел", весь этот "экономический" бардак получает благозвучное название "первоначального накопления" капитала, каковой (конечно же!) будет вложен в нашу промышленность, которая "завалит" наш город высокосортными потребительскими товарами, отвечающими "западным стандартам". Как видим, "насильственный элемент", действительно определивший своеобразие марксистской экономической теории, берется сегодня на вооружение учеными и публицистами, убежденными в своем либерализме, однако *фактически* используется — ими же — для оправдания вовсе не либеральных вещей, пахнувших той же самой большой кровью, какой они пахли во времена первых опытов применения

Марксовой "теории первоначального накопления" к нашим "реалиям".

В основе этой — явно запоздалой — любви наших радикальных экономистов к этой специфически-Марксовой теории* лежит, кстати сказать, и нечто более глубокое, чем склонность к историческим *аналогиям* — столь же удобным (для идеологического оправдания происходящего), сколь и поверхностным с теоретической точки зрения**. Речь идет о мировоззренческом "родстве душ", которые оказались одинаково невосприимчивыми к *диссонансу*, образуемому совмещением в теории "первоначального накопления" двух гетерогенных принципов — эволюционистски-прогрессистского и революционистски-активистского, волюнтаристского. Причем оба этих момента (не говоря уж об их "синтезе") находились в противоречии и с подходом того же Адама Смита, на которого мы так любим сегодня ссылаться, уклоняясь от необходимости сослаться на действительно (хотя и "тайный") источник своих экономических воззрений.

Согласно первому из названных принципов, "период первоначального накопления" находится в "естественно-исторической" связи с "эпохой капитализма" — "связь", о которой у Адама Смита не могло быть речи не только потому, что он не испытывал нужды в ссылках на насилие, говоря о "первоначальном накоплении", но и потому, что он в своей экономической теории тяготел скорее к типологизирующему подходу, чем к тому, который впоследствии (уже на рубеже XVIII — XIX вв.) был назван "эволюционным". Что же касается волюнтаристского революционизма с его апелляцией к политическому насилию, то он вообще не был свойствен Адаму Смиту, который строил свою экономическую теорию отнюдь не за счет отказа от "нравственной философии", в центре которой он поставил свою "Теорию нравственных чувств".

Однако наиболее очевидным непреодоленным марксизм наших нынешних приверженцев идеи "капиталистического развития" становится в тот момент, когда мы сопоставляем их понимание капитализма с теми его толкованиями, которые принадлежат *действительно серьезным и последовательным* теоретическим противникам автора "Капитала". Например, с толкованием этого понятия у Макса Вебера — экономиста и социолога, основательно штудировавшего важнейшие работы К.Маркса, признававшего его

* У А.Смита не было такой теории, а был лишь *чисто теоретический* постулат, предполагавший "первоначальное накопление" (источником которого он считал "сбережение", взятое в самом общем виде) как "исходный пункт" капиталистического производства. Как это ни парадоксально, но *теорию* "первоначального накопления" создал именно автор "Капитала", задавшийся вопросом о *внеэкономических* причинах возникновения капитализма как определенной "общественной-экономической" формации, а тем самым вставший перед парадоксальной (для него) проблемой *нетрудовых* источников возникновения стоимости, субстанцией которой он (вслед за А.Смитом) считал труд, и только труд.

*• Не говоря уже о том, что и сама эта "аналогия" проводится с теми "историческими фактами" накопления, "необходимую" связь которых с генезисом *промышленного капитализма* все еще предстоит доказать.

неоспоримые теоретические заслуги, но в то же самое время предлагавшего концепцию капитализма, радикально отличающуюся от Марксовой в аспекте *социологическом*, т.е. именно в том, с каким связывается сегодня *наименее оспоримый* вклад автора "Капитала" в теорию капитализма. Как известно, повод М.Веберу акцентировать отличие своего — социально-философского и экономико-социологического — понимания капитализма от марксистского (отмеченного тем же интересом) неоднократно давал Вернер Зомбарт, его коллега и соредактор по журналу "Архив социальной науки и социальной политики", тяготевший к Марксовому представлению о капитализме и его истории, — о чем он неоднократно говорил и писал, причем не только в полемике со своим соредактором-оппонентом.

Единственное, чем представление В.Зомбарта об *истории* капитализма отличалось от ортодоксально-марксистского, — это стремлением несколько расширить его хронологические рамки (за счет позднего средневековья) и круг европейских предшественников и теоретических "предвосхитителей" (самых отдаленных из них он усматривал в поздней античности). Однако от этого не менялось сколько-нибудь существенно ни его представление о социально-экономической структуре капитализма, остававшееся традиционно марксистским, ни сам способ подхода к его рассмотрению, который оставался, как и в "Капитале", в конце концов все-таки скорее эволюционно-формационным, чем структурно-типологическим (как это было у М.Вебера).

Впрочем, существовал один пункт, в котором В.Зомбарт оказывался тем не менее ближе к своему коллеге и оппоненту, чем к почитаемому им К.Марксу. Этот пункт связан с идеей *исторической уникальности* капитализма как *специфически-западного* "изобретения", откристаллизовавшейся у В.Зомбарта и М.Вебера под влиянием "идиографизма" Баденской школы неокантианства, теоретическим манифестом которой стал фундаментальный трактат студенческого друга М.Вебера — Г.Риккерта "Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки". Однако если В.Зомбарта этот виндельбандовски-риккертовский "идиографизм" лишь утверждал в унаследованном от К.Маркса убеждении в том, что возможен принципиально лишь *один-единственный* "вариант" капитализма, который и мог-то обрести реальность лишь на западно-европейской почве, то для М.Вебера были здесь, что называется, "возможны варианты", исследование каковых и привело его к существенному *расширению* понятия "капитализма вообще" и, наоборот, к радикальному *сужению* понятия "европейского капитализма".

Согласно М.Веберу, и К.Маркс со своей теорией первоначального накопления (впрочем, не только с нею), и в В.Зомбарт со своим стремлением "расширить хронологию" — специфически-европейского капитализма — *спутывали* по крайней мере *два* типологически различных капитализма, принимая их за *один и тот же*. Один из

них, осмысляя который (разумеется, не без далеко идущего влияния классиков английской политической экономии), К.Маркс и разработал свое эволюционно-генетически истолкованное, теоретическое представление о капитализме, каковое В.Зомбарт попытался истолковать идиографически — как уникальное явление западной цивилизации, а не как необходимый этап "естественно-исторического" прогресса поступательно движущегося человечества. И другой капитализм, который не совпадает с тем, какой *на самом деле* имел в виду К.Маркс, ни хронологически, ни географически. Хотя, разумеется, обе эти *типологически различные структуры* могут пересекаться в тех или иных "точках" пространства-времени (вспомним "хронотоп" М.М.Бахтина) и даже взаимодействовать, переплетаться друг с другом, что и может служить поводом для их ошибочного отождествления и подведения под одну и ту же *монистически толкуемую* социально-экономическую категорию.

Один из этих типов капитализма, который мы имеем право назвать *современным* в широком социально-философском смысле этого слова, поскольку с ним связана та самая "современность", в какой мы еще живем и каковая до сих пор определяется странами, задающими нынешнему миру сегодняшние "стандарты цивилизации", возник на Западе в XVII в. как высокопродуктивный промышленный капитализм, методически добывающий свою прибыль на путях внедрения и расширения *массового производства* продукции, *жизненно необходимой* для неуклонно растущего населения европейских стран. И другой, который точнее было бы назвать *архаическим*, поскольку он возник задолго до современного капитализма, причем не только в Европе, где предпочитал искать отдаленные предназначения и истоки *нынешнего* капитализма В.Зомбарт, но прежде всего — и главным образом — в неевропейских странах: в Древнем Китае, Древней Индии и т.д.

Определяя "дух (современного) *капитализма*" в первой из своих статей на эту тему, положившей начало его классическому труду "Протестантская этика и дух капитализма", Вебер делает следующее характерное примечание к этим словам: "Мы имеем здесь, конечно, в виду капитализм как специфически западное современное рациональное предпринимательство, а не существующий во всем мире в течение трех тысячелетий — в Китае, Индии, Вавилоне, Древней Греции, Риме, Флоренции и в наше время — капитализм ростовщиков, военных поставщиков, откупщиков должностей и налогов, крупных торговых предпринимателей и финансовых магнатов"*. Характеризуя то же типологическое различие современного и архаического капитализмов в историко-генетическом аспекте (в другом примечании, опять-таки направленном против В.Зомбарта), автор "Протестантской этики" пишет: "Все источники того времени (речь идет о временах У.Петти. — Ю.Д.) без исключения характеризуют

* Вебер М. Избранные произведения. М. 1990. Далее в скобках указываются номера страниц данной книги.

пуританских *сектантов* — баптистов, квакеров, меннонитов — как представителей либо неимущих, либо мелкобуржуазных слоев общества и противопоставляют их как крупному торговому патрициату, так и финансистам авантюристического склада. Однако именно в этой мелкобуржуазной среде, а не в кругах крупных финансистов — монополистов, поставщиков и кредиторов государства, колонизаторов и promoters — возникло то, что *характеризует* капитализм Запада: специфически буржуазная организация промышленного труда внутри частного хозяйства" (268). Речь идет в данном случае об одном из мест "встречи" двух типологически различных капитализмов, которая, как подчеркивает М.Вебер в аналогичной связи, далеко не всегда протекала бесконфликтным образом (260).

Как видим, категорическое утверждение В.Вебера — "Капитализм существовал в Китае, Индии, Вавилоне в древности и в средние века" (74), которое неизменно шокировало марксистскую ортодоксию уже в самом начале "Протестантской этики" (в разделе, посвященном "Постановке проблемы"), вовсе не относилось к числу случайных заявлений автора этой книги. Как свидетельствуют неоднократные, с упорством и настойчивостью повторяемые сноски к ее основному тексту, посвященные полемическому развитию темы двух типологически различных капитализмов, она внутренне — органически — сопряжена с центральной идеей "Протестантской этики" — идеей специфики современного капитализма, предвосхищенной (и во многом predetermined) историческим своеобразием его генезиса.

"Для нас, — пишет М.Вебер, резюмируя суть своей постановки вопроса в "Предварительных замечаниях" к своему трехтомному "Собранию статей по социологии религии" (первый том, половину которого заняло новое издание "Протестантской этики", вышел в год его смерти — в 1920-й), — в чисто экономическом аспекте главной проблемой является не капиталистическая деятельность как таковая, в различных странах и в различные периоды меняющая только свою форму: капитализм по своему типу может выступать как авантюристический, торговый, ориентированный на войну, политику и связанные с ними возможности наживы. Нас интересует возникновение *буржуазного промышленного* капитализма с его рациональной организацией *свободного труда*, а в культурно-историческом аспекте — возникновение западной *буржуазии* во всем ее своеобразии, явление, которое, правда, находится в тесной связи с капиталистической организацией труда, но не может считаться полностью идентичным ей" (53).

Однако, расшифровывая этот "культурно-исторический аспект" социологически (работа, которую продолжал Вебер в последующих томах трехтомника, а также в незавершенном труде "Хозяйство и общество"), автор "Протестантской этики" все дальше отходит от *чисто формальной* типологизации "капиталистической деятельности", в связи с чем открываются возможности толковать эту

типологию *более содержательным* образом. К этому подталкивает М.Вебера *содержательно-социологическое* наполнение понятия современного капитализма (в добавление к чисто экономическому), начало которому было положено все той же "Протестантской этикой", а также веберовской "антикритикой", постоянно побуждавшей автора переходить от "культурно-исторического" анализа генезиса капитализма к социологическому определению его сути. При этом разные типы архаической "капиталистической деятельности" — торговая, спекулятивная, ростовщическая, финансовая и т.д. — начали обнаруживать общие черты, отличающие ее от "капиталистической деятельности" *современного* типа.

Во-первых, это не производительный, а *потребительский*, в лучшем случае, — чисто *распределительный* характер "капиталистической деятельности". Во-вторых, это деятельность, для возникновения которой *не требуется* определенный нравственно-религиозный *переворот* (реформация). Для того чтобы она возникла, достаточно определенной степени *разложения* господствующей религиозности, позволяющей *дистанцироваться* от нее. Известного рода скептицизм, не предполагающий возникновения чего-то нового взамен разлагающегося этоса, а, вернее, *индифферентизм*, обеспечивающий "этическую нейтральность" этого рода "капиталистической деятельности" ("деньги — не пахнут"), — вот что необходимо для его возникновения. Отсюда, в-третьих, своего рода "автоматизм", с каким возникает этот род "капиталистической деятельности" каждый раз, когда рыночные отношения достигают определенной степени развития, не предполагающей, кстати сказать, качественного изменения существующей формы и структуры производства. Он "индифферентен" и к ней, а потому приживается в условиях доминирования самых разнообразных производственных форм и структур, в особенности же — в "интермедиях", образующихся между ними. Все это, вместе взятое, и обеспечивает то, что у нас принято называть "стихийностью" генезиса и развития капитализма, хотя в точном смысле этот эпитет применим именно к архаическому капитализму, в отличие от современного, о "стихийности" возникновения и эволюции которого можно говорить лишь весьма условно, противопоставляя ее — идеологически толкуемой — "планомерности" построения и функционирования тоталитарно-"социалистической" экономики.

Наконец, в-четвертых, для "капиталистической деятельности" архаического рода характерно то, что она разлагает те социокультурные формы, в "порах" которых возникает, *не создавая новых*, чего нельзя сказать о современном капитализме, который утверждался взамен разлагаемых или вытесняемых им структур и формообразований "традиционного общества" как действительно новая социально-культурная "формация" со своим собственным продуктивно-творческим принципом — принципом богоугодности промышленного труда, профессионального долга и ответственной инициативы. И

действительно: на основе современного типа "капиталистической деятельности" возникла целая цивилизация, тогда как архаический род аналогичной деятельности, хотя и приводил подчас к "сколачиванию" огромных капиталов и накоплению "несметных сокровищ", однако не мог предложить *миросозидательного* принципа — из тех, что порождают целые социальные миры. И для того, чтобы *негативная* энергия "капиталистической деятельности" архаического типа была хоть как-то укрощена и использована в созидательных целях, нужно было подчинить ее более высокому принципу, который и выдвинул современный — продуктивный, промышленный — капитализм. В значительной степени это ему удалось, хотя "борьба за признание" (вспомним это гегелевское выражение) между ним и архаическим капитализмом, в ходе которой осуществлялось "культивирование" последнего, вновь и вновь обнаруживавшего черты дикости и варварства, продолжается до сих пор, причем — "с переменным успехом".

Таким образом, на заднем плане "различных типов" архаической "капиталистической деятельности" прорисовалось то общее и определяющее, что позволяет их все, вместе взятые, сопоставить с современным типом капитализма, интерпретируя это сопоставление не генетически-эволюционно, как это норовил делать даже В.Зомбарт, испытавший искушение неокантианским идиографизмом, а структурно-типологически, что предполагает и соответствующий — остроконфликтный — характер их взаимоотношений, когда им случается "встретиться" в одном и том же "хронотопе". Вот почему, интерпретируя веберовскую типологию капитализма в содержательно-социологическом ее аспекте, мы получаем возможность говорить прежде всего о двух "родах", или основополагающих "типах", капитализма — архаическом и современном, относя все то, что связано у М.Вебера дальнейшей (формальной) типологизацией архаической "капиталистической деятельности" *как таковой*, к типизации второго порядка: выделению "подтипов". Например: подтип, связанный с чисто "авантюристической" (разбойничьей или, как сказали бы сегодня, криминально-"мафиозной") деятельностью по образованию капитала; преимущественно торговый (перепродажа готовой продукции, уже кем-то созданной, включая и перепродажу краденого), исключительно ростовщический (продажа и перепродажа денег и сдача их "в наем"); главным образом крупно-"финансовый" (связанный с субсидированием государства, откупом налогом, военными поставками) и т.д. и т.п. Все эти подтипы "капиталистической деятельности" архаического типа, вновь и вновь детализируемые и уточняемые, упоминаются М.Вебером каждый раз, когда он противопоставляет этот специфический род деятельности тому, который выдвинул, освятил и поставил по главу угла современный капитализм, родившийся именно в Европе и именно в XVII в. нашей эры.

Хотя вместе с разговором об особенностях архаического капитализма мы ушли, казалось бы, в совсем уж "седую древность", на самом же деле, сами того не заметив, углубились в актуальную —

прямо-таки злободневную — проблему. В самом деле, разве такие элементы капиталистической "архаики", как авантюрно-мафиозный капитализм, торгово-спекулятивный, ростовщически-"финансовый" и т.д., не воспроизводятся у нас в массовом масштабе под крылышком "экономической реформы", — причем *прямо пропорционально* падению промышленного производства и пауперизации населения страны? Любопытно, что в нашем общем *сознании* (в отличие от "научного" сознания наших особенно радикальных экономистов, обнаруживающих здесь принципиальную слепоту) при характеристике того нового, что внесла в нашу жизнь "экономическая реформа", звучат те же *ключевые слова*: криминальный капитализм, спекулятивный капитализм, торгово-перекупочный капитализм, "прихвизаторский" капитализм и т.д.

В то же время слова и понятия, которые обозначили бы *развитие* промышленного капитализма, если и встречаются в нашем нынешнем обиходе, то, как правило, со знаком "минус" — в качестве прискорбных констатаций продолжающегося *отсутствия* такового в *сколько-нибудь значимых* размерах. Это отсутствие поражает своим "звонением" тем более, что для возникновения у нас капитализма современного типа созданы, *казалось бы*, вполне благоприятные "стартовые условия" (если иметь в виду, разумеется, Марксову схематику "первоначального накопления"). С одной стороны, число миллионов (если считать в долларах) и миллиардеров (если считать в рублях), поражающее даже выдавших виды западных наблюдателей, свидетельствует о том, что в стране уже создан — благодаря неустанным заботам "властей предрежущих" — стартовый капитал, который *мог бы*, будучи вложенным в промышленность, привести к упомянутому развитию. С другой стороны, тотальное падение промышленного производства прежнего типа, больше напоминающее его развал (который поначалу готовили сознательно — вспомним предреформенные манифесты наших радикал-экономистов, — а теперь просто не могут остановить), обеспечивает *вроде* "зеленую улицу" для такого развития.

Однако "экономического чуда" не произошло: спекулятивно-ростовщический и торгово-авантюрный капитал "не пожелал" устремиться в промышленность. (Да и какой дурак откажется от прибыли, измеряемой сотнями (и даже тысячами) процентов, ради сакраментальных шести процентов, из-за которых, по словам К.Маркса, капиталист (западного типа, как уточнил бы М.Вебер) готов разбиться в лепешку?) А если он и совершал туда кавалерийские набеги, то вовсе не для того, чтобы, вложив свои деньги в промышленность, издыхающую без инвестиций, развить ее — "на новой социально-экономической базе", — но только затем, чтобы распродавать ее по кускам как металлолом "зарубежным партнерам". И складывается вполне обоснованное впечатление, что действительно новое, внесенное в нашу жизнь демократами-реформаторами и лидерами, приведенными ими к власти, заключается в решительной победе торгово-

авантюрного капитала над промышленным, представляющей собой исторический реванш капитализма архаического типа, который еще на заре Нового времени был побежден (и подчинен) современным, высокопродуктивным капитализмом. Удастся ли нашей "больной", как ее сегодня называют, экономике оправиться от этого катастрофического поражения (сравнимого лишь с тем, какое нанесла националистическая реакция*, прикрывавшаяся демократическим лозунгом "суверенитета", стране в целом), покажет будущее.

Историческое познание и российский кризис (Краткое методологическое введение)

Кризис нельзя изучить и понять только из "самого себя". Это не значит, что для этого надо жить за границей. Дело в выработке соответствующей перспективы. Имеется в виду, конечно, перспектива историческая, но подходы нужны разные — и синхронные и диахронные — т.е. усилия всех социоисторических наук.

Что касается именно истории, то сначала свое прошлое надо воссоздать (многие говорят "построить", хотя это слово опасно). Кандидатов "воссоздавать" соответствующее прошлое много. При этом исторической наукой совершаются злоупотребления в целях политико-идеологических манипуляций. Это сама по себе большая тема в истории исторической науки.

Не менее важно то, что при самой серьезной работе одна интерпретация — дело очень редкое, почти невозможное. Кроме того, присутствие идеологий в этой сфере неискоренимо, но этим сами ученые должны уметь овладевать. По крайней мере, они должны оборонять историю от монополии одной идеологии и поползновений власть имущих. Это касается всех наук, и особенно социальных, но все они должны быть заинтересованы в обороне от зажимщиков и невежд именно истории, которая является более уязвимой в контексте идеологической борьбы. Борьба за "историческую память" наций, классов и личностей — неотъемлемая часть политической борьбы и культурно-политических процессов.

Русско-советский исторический процесс, или, проще, "ход истории", — сложный путь, состоящий из переплета противоречивых течений. Тут и периоды динамического развития, и спады, и, что особенно надо отметить, случаи распада и движения вспять. Для

* Кстати сказать, вдохновляемая тем же самым мафиозно-авантюрным и торговщическим капитализмом, который на окраинах бывшего СССР оформился и откристаллизовался гораздо раньше, чем в Центре.

таких явлений пользуюсь терминами "примитивизация" или "архаизация", после которой иногда наблюдалось возобновление динамики. Но и динамики были разные: случаи особенно сложные состояли в динамике "с вывихом", т.е. пропитанной частично результатами "архаизации". Я имею в виду, например, гражданскую войну, где целые пласты культурно-этических установок двинулись вспять. Можно сослаться и на другой пример "архаизации", а именно на сталинизм: система истинно аберрационная, обладающая огромной динамикой в сфере индустриального развития и насаждения культурно-политических институций, но тем не менее система "архаическая" в культурном, политическом и моральном отношениях, хотя и пользующаяся современными техно-научными средствами. Такое переплетение "модернизма" с примитивизмом современных идеологий и не самых просвещенных исторических традиций не является беспрецедентным, тем не менее анализ сталинизма — дело непростое и в то же время нужное, в том числе и для изучения современного кризиса.

Отметим одно явление политической жизни, которое воспроизводится во время переходных и кризисных периодов русской истории. Имеется в виду трудность, которую испытывали российские политические системы, когда и общественное мнение, и объективные условия требовали "приоткрыться", т.е. расширить сферу политических прав, дать возможность широким кругам принять участие в политическом процессе — и выйти таким образом из кризиса. Так обстояло дело после 1861 г. С одной стороны, шла эмансипация от прямого подчинения дворянству, которая сопровождалась сохранением опосредованного подчинения тому же дворянству и усилением подчинения правительственной бюрократии. Причем приостанавливается намечаемая реформой тенденция включения крестьян в общий со всеми гражданами режим судебной и имущественной юрисдикции Свода законов. Один британский историк говорил даже, что в 1861 г. произошла не эмансипация, а что-то вроде замены одной формы крепостничества другой. Даже если это не совсем точно, все же сама мысль помогает уяснить суть происходящего.

1905-й — еще один хороший пример той же трудности двинуться в направлении демократизации. Обещание расширения демократических прав, данное октябрьским манифестом, было нарушено последующими разгонами очередных Дум и их практическим укрощением. Начало и конец 1917-го, введение НЭПа и замена ее сталинским курсом, опыт десталинизации при Хрущеве, опыты реформ вокруг 1965 г. и их последующая атрофия — все это примеры той же неспособности избавиться от определенных препон, тормозящих выход страны на другой путь развития.

Можно разрешить эту трудность введением не особенно определенного, но все же реального понятия "груза истории", довлеющего над страной. Имею в виду тенденцию рецидива отставания, наблюдаемого иногда параллельно с периодами политического ожесточения или застоя. "Отсталость" взята здесь в кавычки, потому что она диктуется

извне, — тем не менее это могучий фактор и помеха. Итак, рецидив отсталости наблюдался в России не раз и в разных формах. Интересная разновидность этого феномена наблюдалась в конце НЭПа (страна успешно восстанавливала свою экономику, приближаясь к уровню лежащему... позади!). Другой формой отставания был сталинизм — особенно в период полного его загнивания. Еще одна разновидность наблюдалась в период мнимого расцвета сверхдержавной мощи, выражаясь в таких явлениях, как растущий упадок эффективности капиталовложений, слабость технического обновления и т.п.

В результате сегодня мы являемся свидетелями опять и фактического, и тем более потенциально глубокого и тревожного отставания. Этот "груз истории" и целую вереницу "недоделок" истории можно изучать и формулировать разными методами. Но надо предварительно оговориться, что мы не разделяем здесь обитающей интерпретации российского движения как не меняющегося в своей основе. Утверждается, что за реформами обязательно следуют контрреформы, которые аннулируют все нововведения. Хочу подчеркнуть, что повторяемость некоторых синдромов не значит, что ничто не меняется и есть просто одна *Russie Eternelle*. Это слишком сентиментально. Во-первых, история не состояла из одних кризисов. Если проследить точки подъёмов и взлетов, то оказывается, что хотя тезис "реформа—контрреформа" заслуживает внимания, его импликация, что Россия топчется на одном месте, — ложная. Малограмотная аграрно-крестьянская страна стала грамотной городской структурой с довольно современным социально-профессиональным профилем (и можно прибавить целый ряд других черт, которых раньше не было), и поэтому говорить о том, что страна не меняется, не имеет смысла.

Поэтому синдром отставания и периодические попятные движения не разрешают заключить, что Россия просто отсталая страна — все гораздо сложнее и интереснее. Россия — не "четвертый" или "третий" мир, хотя она может туда скатиться. Можно этот факт проследить на примере русских эмигрантов, приезжающих на Запад. Даже не зная языка, но пройдя советские школы, они не уступают уровню населения соответствующих слоев любой страны.

Прежняя система, несомненно, вела в направлении требований века — но у нее на уровне политических структур, точнее, на уровне ее "политической экономики", оказался серьезный вывих. Именно это было причиной, на мой взгляд, появления того "груза истории", который действительно продолжал и продолжает давить. Поэтому нужно говорить о текущих трудностях как вытекающих не только из кризисов, болячек и попятных движений прошлого, но и из динамики и достижений прошлого. И кризисы, и динамика, и недоделки тех и других передавались в настоящее и накапливали те "механизмы торможения", которые, в свою очередь, накапливали элементы застойности, пока не разразился полный кризис системы.

Каковы эти "недоделки" и "тормозы" прошлого и каково их наследие? Для построения одной из возможных исследовательских стра-

тегий можно выделить именно цепь кризисов прошлого (в сравнительном освещении), обращая особое внимание на проявления "гармошки", т.е. переплета динамизма с "отливами", и подключить результаты такого размышления к изучению текущего кризиса. Выбор подобной стратегии даст множество тем для семинаров и исследований. Не исключено, что в результате такого исследования внимание будет привлечено к следующим явлениям преемственности.

А. Во-первых, это продолжающийся "экстенсивный" характер развития России, когда научно-технический компонент растет, но сохраняется ориентация на количество и роль малоквалифицированного труда, развитие идет вширь и гораздо меньше — вглубь. Так строился Санкт-Петербург (хотя со временем столица добилась и "качества" усилиями государства и элит). Так разворачивались пятилетки (элемент массовой ручной "рабсилы"), так велась война ("наступай, во что бы то ни стало") и т.п. Расточительная по своему характеру индустриализация оставила глубокое наследие. Сверхцентрализм, которым система отличалась, полагался больше на механическое соединение частей (региональных, национальных) и слабо развивал связи органические, горизонтальные.

Б. С этим же централизмом связаны последствия и наследие "механической" или "неорганической" урбанизации — тема сложная, над которой у вас здесь работали, имеются и исследования, и ее знатоки.

В. Приверженность к "безрыночности" связана с первым пунктом. Она стала основой бюрократизации и вширь и вглубь — здесь глубины было вдоволь, — и последствия этого были тоже разнообразные и роковые. Система вырастила и оставила в наследие кадры, часть которых проникнута тенденцией к авторитарному решению сложных задач, особенно в ситуациях кризисных. Сам характер сверхцентрализма создавал именно такие ситуации и такие приемы их решения. Ибо это был централизм, который порождал "многоцентрие" — вроде мести Немезиды, — где за практикой и нуждой в согласовывании скрывалась борьба могущественных ведомств, которые поглотили партию, расшатали кажущееся могущество Центра, который потерял власть, — именно потому что имел ее, казалось, слишком много. Центр потерял способность формулировать и проводить политику, выдвигать способных руководителей, заставлять "машину" вести дело в желаемом направлении. В истории такое бывает: система выглядит как могучая скала, а фактически это ледник, который начинает таять.

Последующий почти беспрецедентный распад системы был результатом потери способности приспособиться к усложнению внешнего мира и своего же общества. Система создавалась в крестьянской стране — а это ведь было еще недавно — и довела свое существо до, своего рода, "совершенства", т.е. развития полного своего потенциала, до его самоуничтожения. Чем "совершеннее" она делалась, тем меньше соответствовала общественному развитию. Таким образом, по исте-

чении сорока лет она очнулась, в каком-то смысле, в совершенно другой стране (напомним, что вся история системы не старше жизни одного пожилого человека. Если ему было 80 лет в 1985 г., то он мог участвовать в гражданской войне).

Г. Отсутствие в системе достаточно очерченных политико-экономических структур, которые могли бы облегчить переход к другой системе, — еще одно очень весомое наследие прошлого. Многие думали, что, например, сам черный рынок перестроится в "белый", — но эта надежда оказалась иллюзией. Система очень "удачно" вытравляла альтернативные формы — еще один пример ее "совершенства", хотя некоторые пункты опоры для перехода к другой модели существовали и можно было бы поговорить об этом. Но это особая, большая тема.

Разгадка многих из этих проблем, влияние недоделок, деформаций, кризисов, мешающих выходу России к системе, обладающей способностью "самопроизводного" экономического и политического развития (в сторону демократии, конечно, потому что авторитаризм, который витает над страной, пока еще обладает такой способностью "самопроизводства"), кроется именно в специфических чертах политических форм, в практике и идеологии советской "государственности", в ее политической экономии, в негативной диалектике централизма. Имеется в виду своеобразная черта сверхцентрализма, который в конечном счете стал расточительным, вплоть до самоуничтожения. Из таких черт и теневых явлений советской государственности, в немалой степени имеющих более глубокие корни, проистекал и основной изъян, состоявший в неспособности открыто и полно интегрировать и привлекать к политическому процессу широкие слои населения через углубление их прав и автономий, включая, конечно, и право на экономическую инициативу. Некоторые права все же приобретались, но явочным порядком, скрытно, и они частенько попадали в нечистые руки. Отсюда еще одно наследие, иногда называемое "мафиозностью".

На фоне этих замечаний можно подумать и об опасностях, и об альтернативах развития, и о соответствующих политических программах. Развал системы произошел удачно — без революции и без гражданской войны, удачно, и интересно было бы найти причину этому явлению, опровергающему разные пессимистические пророчества. Возможно, что причиной явилась социальная структура, которая до сих пор не содержала слишком острой классовой дифференциации и контрастов (они возникают именно сейчас). Некая политическая нейтральность армии? Незаинтересованность бывших аппаратчиков в том, чтобы перебить друг друга? Если такой фактор имеется, то и его стоит проанализировать... Программы действия должны строиться на хорошей диагностике ситуации, которая является следствием именно "недоделок", главных структурных изъянов прежней системы и даже более отдаленных событий истории.

1. Если прежний режим был "государством без политической системы" — понятие, которое я предлагаю для случаев, когда государственная машина не обставлена социальными участниками политического процесса, — то надо строить именно *политическую* систему как залог крепости государства.

2. Если тот режим стоял на всемогуществе бюрократии и исключал свое общество из политики и из экономики, то здесь особую роль сыграла безрыночность системы, которая была фактором и бюрократизации, и выталкивания нечиновничьих инициаторов из экономики. Поэтому надо воссоздавать то, чего не хватает, а именно — рынок. Но лозунг "свободного рынка" (хотя и звучит хорошо) сеет иллюзии. Нельзя рынок оставлять "свободным" — это может закончиться катастрофой. Его необходимо создавать, но в то же время ему надо ставить рамки, регулировать. Свобода, включая свободу предпринимательства, дается людям не рынком.

3. Прежняя система строила на понятии "государственности" как абсолюта — на гипертрофии государства и Центра. Нужны государство, контролируемое свободным и жизнеспособным обществом, и экономика, регулируемая и государством, и обществом. Добавим еще крепкие и жизнеспособные регионы — без них даже крепкий Центр явится центром отсталой системы.

4. Прежняя система была запретительной — она "не допускала". Идти надо в направлении широкого раскрепощения, короче — ориентироваться на общество.

Составление политических программ на такой или другой основе должно осуществляться динамическими партиями и движениями и их руководителями. Подобное явление пока еще находится в зачаточной фазе, — оно не может быть создано по заказу. Ослабление нововведенных парламентарных форм происшествными августа 1993 г. углубило политическую апатию и, возможно, укрепило в некоторых кругах настроя на авторитарные решения худшего типа, т.е. без опоры на политическую активность общества.

Можно обрисовать создавшееся положение таким образом: центральной проблемой является экономика, а выход из ситуации упирается в политику в широком смысле слова, что включает и действующие идеологии. Заметим еще, что существующий аналитический дефицит, от которого страдают общество и интеллигенция, должен быть включен в круг "политики", без которой трудно выйти из тупикового положения. Итак, характер развала прежней системы — при слабости или отсутствии альтернативных структур — оставил стране свои недуги, а также и аппаратчиков (хотя они, конечно, не все сделаны под одну мерку), а вместе с тем и задачу создания новых политико-экономических структур. Синдром, как говорят англичане, "курицы и яйца" намекает на всю "нерешаемость" задачи, ибо без экономики нет государства (нет системы), без государства не может быть экономики — особенно экономических реформ. Но хотя найти решение нелегко, "нерешаемость"

мые" задачи — это умозрительные конструкции сочинителей произведений для театра, в истории какие-то выходы находятся, хотя, возможно, не все они хороши.

В советской истории, как и на Западе, многое зависело и зависит от соотношения, взаимодействия двух частей "неразрешимого" уравнения — государства и экономики, а в другой формуле — "плана и рынка". Рыночность сама по себе есть тоже идеология, которая вряд ли воссоздаст политически активное общество. Она не создаст и здоровой экономики. Современная экономика гораздо сложнее понятия рынка, будь он даже "свободным", — кавычки здесь намекают на суть проблемы. Слишком свободный рынок является убийственным для демократии. И экономика и государство — институты социальные. Это в некоторых кругах или забывают, или сознательно скрывают. С другой стороны, соотношение этих институтов может быть разным, может порождать разные системы идеологии и теории. Создание приемлемого соотношения кажется мне сейчас самым важным, пока это не будет понятно, примитивизация жизни сохранится. На основе программ, предлагающих свои версии соотношения (что, конечно, включает и социальный облик общества, и его этические нормы), можно возродить политико-идеологическую жизнь, призвать молодежь к политике, возратить веру и энергию людям постарше. В этом суть демократии и демократизма.

Проблема "аналитического дефицита" заставляет задуматься о роли науки в опознании кризиса и помощи в его преодолении. Дело в том, что прежняя система изучалась очень мало или очень слабо: В то же время советская наука вряд ли имела достаточно достоверное знание западных систем. Эта встреча "двух неизвестных" создает добавочные трудности в преодолении кризиса. Не случайно анализ слишком часто подменяется разоблачениями (иногда того, что давно уже разоблачено), притворяющимися анализом. Это дело опасное. О так называемом "антикоммунизме", который очень часто фигурирует в разоблачительной литературе, не говорили как о системе, а называли его идеологией или контридеологией. Система, которая обанкротилась, требует других категорий. Если критику вести с бесплодных позиций, можно докатиться до воссоздания диктатуры, которая пользуется другим идеологическим соусом. Но сущность дела не в соусе, а в том, что диктатура сохранит главный порок прежней системы — исключение общества из политики и из экономики, даже если она (диктатура) будет объясняться в любви к рынку. На этот счет не должно быть иллюзий.

Прошлое надо изучать. Разоблачение — это, в основном, одноактная пьеса. Правильна ли, например, формула, что советская история была "экспериментом", от которого "нужно отказаться раз и навсегда"? Вряд ли. Это сама по себе несложная идеологическая конструкция. Появление на огромном пространстве целой группы однотипных режимов, даже без помощи СССР, трудно приписать экспериментированию. Это целая историческая формация, этап, и появ-

ление таких систем вряд ли случайно. Они вырастают из запросов времени и обстоятельств. Другое дело, что в них было заложено "тупиковое" направление — система повернула так, что не совсем выросла в новые структуры, которые она сама и создала. Она прошла мимо своего века, запуталась где-то на повороте. Может, на повороте 1929 г.? Подождем, что получится в Китае, с его сегодняшним супер-Нэпом — тогда будет много добавочных аргументов для разговора на эту тему. Во всяком случае, российский кризис и трудность его преодоления есть результат того вывиха, который допустила прежняя система.

До сих пор мы говорили о политике и о науке, но нельзя забывать о происходящем стихийно на огромных просторах, где люди не только отчаиваются и ноют, заняты не одним только выживанием, хотя и это важно, и в этом тоже проявляется сила. Я имею в виду накапливающуюся огромную практику разного рода организаций, инициатив на местах и в Центре, на разных поприщах общественной жизни. Есть немало случаев, когда наблюдается интерес и к политике, и к политической деятельности, несмотря на распространенность апатии или просто неуверенности в очень широких кругах. В этих стихийных действиях заложен огромный "строительный материал" будущей системы. Но кто будет строить? Частично эти же стихийно растущие деятели. Понятием "элит" надо пользоваться осторожно, так как оно уже имеет нехороший привкус, — мол, эти группы используют позиции для защиты собственных привилегий. Но дело, конечно, не в самом слове. Инициативные лидеры — это важнейший национальный капитал. Они существуют, их надо изучать, выращивать, поддерживать. Наука и научные учреждения — не единственная, иногда не главная кузница кадров. Но она может помочь привлечь внимание к этому вопросу. В сложной ситуации лидеры нужны, но можно их очень легко обескуражить. Перед ними, перед учителями, журналистами надо поставить вопрос о необходимости возродить в молодежи интерес к политике, призвать ее к участию в ней. И опять дело в вожаках, в лицах, пользующихся престижем. Разве таких больше нет? Не верится.

Наука призвана помочь выйти из тупика и самой выбраться из него быстрее, чем другие. Наука не всегда и не во всем зависит от денег или от количества кадров, особенно когда дело не в лабораториях. Поиски альтернатив требуют увеличения знаний о том, что действительно творится в стране и в мире, требуют и концептуализации этих фактов. Вклад науки, включая историческую, должен быть сделан срочно. Момент мне кажется таким, когда идеи и концепции могут сыграть огромную роль. Мы знаем, что для науки и научных кадров необходимо время, чтобы вырасти и опереться. Говорить о том, что это нужно "срочно", звучит как будто несерьезно. На самом же деле ускоренный процесс, отвечающего на зов времени интеллектуального развития, творческого мышления, не есть утопия. Такое уже случилось не раз, включая и Россию.

Заключение ведущего

Несколько слов в заключение первой половины настоящей панели. Ее напористое название "Так куда же идет Россия?" содержит предположения, что на предыдущих заседаниях ответ на этот вопрос не был найден, а вот сейчас мы наконец его отыщем. Первое предположение, разумеется, верно, а что касается второго, то его лучше не понимать буквально. Даже целая серия симпозиумов, подобных нашему, на него не сможет дать обоснованный ответ. Мы выслушали ряд интересных соображений, замечаний, которые заслуживают того, чтобы над ними подумать.

Мне представляется важной мысль М.Я.Гефтера о необходимости разнообразия в обществе. Мы долго прожили под гнетом принудительного равенства, которое на самом деле никогда не было равенством, а, скорее, тенденцией к всеобщему единообразию. Сейчас мы как будто от этого ушли, хотя неясно, куда именно. В том же эмоционально насыщенном докладе М.Я.Гефтера отмечено, что не всякое разнообразие жизнеспособно и желательно. Погоня за разнообразием ради него самого, за "плюрализмом ради плюрализма" ничего хорошего не приносит (свежий пример: голосование по партийным спискам при отсутствии реальных партий). Разнообразие может превратиться в отношения некоего заложничества разных сил. Те сцены "площадного" заложничества, которые разыгрывались в Москве прошлой осенью, в известном смысле можно считать моделью заложничества российской судьбы: не в том беда, что существует противоборство каких-то сил, а в том, что они слабо дифференцированы друг от друга, зависят друг от друга. В этих условиях ни одна сторона не может победить, но проиграть зато могут все.

Вопрос последнего периода, как мне кажется, — есть ли у нас, после многообразных попыток и неудач, какая-то почва под ногами, какая-то дорога, по которой можно идти? Нельзя историю, не только нашу, описывать как осуществление чьих бы то ни было планов, мечтаний и пр. И двести, и четыреста лет назад строились теории, рисовались идеалы, ставились прекрасные цели, но никогда никакие идеалы в своем первоначальном виде не реализовались. Всегда получалось нечто иное, то, что могло произойти, а не то, что придумывали. Так было и так будет с нами.

Полезно напоминание Ю.Н.Давыдова о том, что уже во времена Вебера—Зомбарта обсуждались различные модели капитализма. С тех пор накопился новый опыт капиталистического развития и в Америке, и в Европе, и в "третьем мире", да и сами представления об обществе, которое окрещено было капиталистическим, получили развитие. Сейчас можно было бы насчитать значительно больше мо-

делей капитализма, а также смешанных, гибридных, переходных и т.п. типов.

Хочу повторить одну рискованную мысль, которую мне случалось высказать ранее. Многим кажется, что наша социальная действительность стала хаотичной, иррациональной, антитеоретичной и пр. Но разве она не была таковой и ранее? Не скрывалась ли под личиной нашего прогресса, нашего застоя, нашего катастрофизма такая же хаотичность? И не определяют ли весь этот беспорядок, борьба, бестолковщина, отчаяние тот самый тип развития, на который мы — по крайней мере, в обозримом будущем — обречены? Мы всегда в этом столетии двигались вперед через уничтожение собственного прошлого, собственных предшественников. И всегда рывками, шатаниями, "через пень-колоду", никогда не ровным и светлым путем. Сейчас со всех сторон приходится слышать: не надо было и начинать, не стоило дергаться (в 1985-м и позже), хорошо бы вернуться на десять лет назад, на сто, на восемьсот и т.д. и либо жить привычной исконной жизнью, либо плавно, разумно, аккуратно двигаться к чему-то специфическому. Этого нельзя сделать, и никогда нельзя было сделать. Развитие шло через рывки и метания, потому что не могло идти иначе, потому что не было сил, способных разумно или хотя бы просвещенно-деспотически его направить. И сейчас их нет.

Это значит, что придется и дальше двигаться подобным, не слишком удобным образом. И ведь нельзя говорить, что все обвалилось, ничего не осталось. И дело вовсе не в той поверхностно-спекулятивной активности, которую можно заметить простым глазом на любом углу. Имеются ведь и другие средства наблюдения, имеются исследования, статистика. Взятые вместе, они позволяют судить о том, что существует тенденция стабилизации, приспособления, освоения людьми "рыночной" жизни. А тотальный "плач на реках Вавилонских" — тоже один из устойчивых элементов сегодняшней действительности. Столь же характерный для нее, как бравурные мелодии далеких 30-х и 40-х.

В одном соседнем государстве, которое уже тысячу лет отделяет и сближает Россию с Европой, — в Польше, история которой всегда была полна безобразий, насилия, авторитаризма, безвластия, сервизма, героизма, коррупции и пр., и пр. — было в ходу такое изречение: "республика держится беспорядком" (*Rzecz Pospolita nieporzadkiem stoi*). На более современном физикалистском языке этот тип порядка можно назвать статистическим, броуновским. И именно этот тип порядка, через нарушения, противостояние, уравнивание противоположных тенденций, — наш и нашим останется. Понятно желание иметь пророков, титанов духа или хотя бы просто разумных правителей, пусть деспотичных. Но шансов на их появление нет, условий для их поддержки не видно, и потому Россия обречена идти через хаос и благодаря хаосу. Куда же? Если не к гибели, то к каким-то более нормальным формам жизни...

Возможность прогноза социокультурной динамики России

Как я уже пытался показать в своем первом выступлении, в основе смены господствующих нравственных идеалов в стране лежит определенная логика. Ее важным элементом является существование нравственных идеалов в форме дуальных оппозиций, их переходящих друг в друга полюсов. Подобная дуальность — закономерность организации любой культуры. Такими амбивалентными дуальными оппозициями выступают соборный и авторитарный, вечевой и либеральный идеалы, умеренный и развитый утилитаризм. Сюда можно отнести и всегда поляризованные гибридные идеалы. Система этих идеалов не существует как некоторый абсолют, диктующий своим схематизмом ход истории. Она сложилась в силу определенных причин, факторов, которые могут меняться. Учет этих факторов в принципе может позволить не только прогнозировать возможную логику изменений по исторически сложившейся схеме, но и изменение самой этой схемы.

Дуальный механизм нравственности, как и культуры в целом, есть механизм осмысления явлений, механизм их нравственной оценки. Для обозначения быстрой, логически моментальной смены одной нравственной оценки на противоположную я использую термин инверсия. Полярная переоценка явлений или событий происходит в результате того, что первая оценка приводит к негативным последствиям, порождает у соответствующего субъекта (возможно, у миллионов людей) дискомфортное социально-психологическое состояние. Это вызывает эмоциональную реакцию, возможно массовую и резкую, которая и является движущей силой инверсии, оборачивания нравственного идеала. Например, некогда царь рассматривался как центр мира, логическая и психологическая "точка", обеспечивающая комфортное существование подданных, как высшая культурная, нравственная, религиозная ценность, воплощение правды. Однако в случае массового осознания неспособности царя сохранять сложившийся порядок это не исключало возможности переоценки его роли, признания в царе антихриста, главного помещика, чиновника, эксплуататора и т. д. , что означало мысленное превращение его из воплощения добра в воплощение зла. Такую же судьбу пережила и советская власть, превратившись из светлого царства добра и справедливости в нечто никому не нужное, средоточие зла. Это оборачивание происходит периодически, порождая смену направленности внутренней политики власти, которая пытается (возможно, недостаточно адекватно, но это уже другая проблема) сохранить порядок и обеспечить социальное воспроизводство. Соборная анархия первых месяцев советской власти сменилась умеренным авторитаризмом

военного коммунизма, а последний — промежуточной попыткой компромисса в форме стремления достичь согласия основных социальных сил общества. Банкротство этого курса породило инверсию перехода к крайнему авторитаризму и т. д.

При этом могут происходить изменения и в других значимых переменных: "господство натуральных отношений — господство товарно-денежных отношений", "господство центра — усиление влияния периферии, регионов", "господство города — усиление влияния деревни", "господство народной правды — надежда на мудрость ученых, начальства" и т. д. Смысл этого инверсионного оборачивания в том, что человек использует для осмысления, нравственной оценки противоположные полюса дуально организованного, накопленного культурного богатства, т. е. в инверсии заложена безграничная возможность манипулирования накопленным культурным потенциалом. Инверсии, охватывая все общество, порождают гигантские исторические циклы, обладающие значительной силой исторической инерции.

Однако исторические изменения происходят и через постоянные попытки человека выйти за рамки сложившейся культуры, сформировать новый результат, преодолевая противоположность полюсов дуальной оппозиции. При этом формируется новый результат, включающий потенциал каждого из полюсов, но превосходящий ограниченность каждого из них и обоих вместе. Этот выход за рамки исторически сложившейся культуры, системы отношений означает формирование новых элементов культуры, новых отношений и т. д., т. е. качественного развития человека, его деятельности. Я называю подобную логику медиационной. Если инверсия порождает циклы социокультурной динамики, циклы истории, то медиация обеспечивает прогрессивное развитие.

Сложность, которую следует преодолевать при прогнозировании, заключается в том, что движение от прошлого- к будущему формируется как общая результирующая инверсии и медиации. Понятно, что если результаты инверсии в определенных рамках прогнозировать относительно просто, то результаты медиации носят значительно менее определенный характер. Конкретный анализ массы исторических фактов, событий, тенденций и процессов, однако, способен снизить безграничную неопределенность исторического будущего. Прогнозирование макросоциокультурных тенденций возможно прежде всего в связи с тем, что в истории России инверсионные изменения устойчиво преобладают над медиационными. Результатом оценки этого устойчивого соотношения будет признание преобладания циклической формы социокультурной динамики над прогрессивной. Прогрессивные формы изменений оказываются оттесненными на задний план, но тем не менее медленно накапливаются в толще общества, изменяя и тип личности, нравственности, отношений, и образ, и стиль жизни, и занятия населения. Это не исключает, впрочем, того, что иногда прогресс "пытается" резко усилить свои

масштабы и значимость. Действуя позади, внутри циклов, прогрессивные формы изменений как бы постоянно накапливают потенциал для будущей попытки выйти на первый план в качестве определяющей формы изменений. Практически до сих пор, как показывает анализ исторического материала, это приводило к устойчивым модификациям инверсионных циклов, определенных устойчивых цепочек нравственных идеалов.

Я придерживаюсь точки зрения, что модифицированные инверсионные циклы образовали два полных периода истории России: первый — с начала государственности до гибели монархии; второй совпадает с господством большевизма и оканчивается вместе с крахом СССР в 1991 г. Затем начался третий период, динамика которого и является непосредственным предметом прогнозирования.

Прежде всего подлежит прогнозированию сам характер, нравственные основания этого очередного цикла истории. Опыт российской истории заставляет выдвинуть гипотезу, что третий цикл, возникший как инверсионное отрицание предшествующего советского цикла, есть ответ на антилиберализм, на массовое насилие, на далеко зашедшую попытку подчинить хозяйство натуральным отношениям, ответ на господство абстрактного интернационализма, нивелирующего специфику народов, этносов, на тоталитарную концентрацию власти в сакральном центре. Этот ответ может выразиться в господстве либерализма в обществе, включая ослабление по отношению к прошлому, стремления решать все проблемы массовым насилием, а также в росте этнического самосознания, нарастании локализма. Первый этап нового цикла подтверждает это предположение. В стране установилась либеральная власть, удалось избежать гражданской войны, возможной как результат прямого столкновения между господствующим либерализмом и вечевыми силами. Трагическое кровопролитное столкновение между ними в октябре 1993-го было локальным и может рассматриваться как прививка от гражданской войны, впрочем не безусловная. Анализ перехода к новому циклу, который был осуществлен мною до наступления соответствующих событий, позволил прогнозировать инверсионного типа попытку замены натуральных отношений на рыночные, активизацию этнических ценностей в разных формах, распад могучей империи, включая собственно Россию.

Основным содержанием инерции истории является прежде всего система ценностей, их нравственная основа, которую можно рассматривать лишь как исходный пункт движения цикла, как некоторую идеальную комфортную точку, открывающую возможность для определенных форм жизни, для определенных ответов на вызов истории. Но парадокс такого рода инверсионных переходов заключается в том, что они непосредственно создают не реальность общественных действий субъекта, но лишь нравственную, культурную, психологическую возможность, которую общество еще должно реализовать, — практически, функционально воплотить в жизнь. Опыт истории России показывает, что, в особенности в условиях зрелого

раскола при Петре I, каждый из появившихся в результате очередной инверсии господствующих идеалов выявлял свою неспособность стать основой формирования комфортного мира, функционирующего общества. Ограниченная функциональность господствующих нравственных идеалов, а потому и затяжной кризис "модернизации вдгонку", мучающий российское общество достаточно длительное историческое время, объясняются невозможностью в изменяющемся мире в значительных масштабах опираться на результаты инверсии, т. е. на давно сложившееся культурное богатство. Этот перекокс объясняется слабостью медиации, отставанием ее способности наращивать качественно новые массовые пласты культуры, адекватные нарастанию сложности проблем, масштабам вызова истории. Именно это приводило к последовательному банкротству каждый из господствующих идеалов, к очередной инверсии.

Из этого следует, что господство либеральных ценностей в третьем цикле не носит фатального характера. Нет гарантий его сохранения вопреки собственной ограниченности. Не следует забывать, что в истории России циклы приводили к отрицанию той нравственной основы, на которой они возникали. Вечное, соборное начало первого цикла нашло свое отрицание в либерализме реформ 1861 г., в либеральной власти, возникшей в феврале 1917 г. Соборная советская система, ставшая господствующей в октябре 1917 г., была отринута сталинским тоталитаризмом, а затем движением к либерализму на этапе перестройки. Либерализму, занявшему сегодня господствующее положение в стране, угрожают серьезные опасности, и он может преодолеть инерцию истории, собственную ограниченность лишь величайшим творческим напряжением, постоянной самокритикой, осознанием ограниченности своих возможностей в расколотом долиберальном обществе, гибельности для либерализма примитивных инверсионных решений. Результаты выборов 12 декабря 1993-го — грозное предупреждение российскому либерализму, всей стране, что исторический шанс реализации господства медиационного по своей природе нравственного либерального идеала может быть утерян.

Важнейшей проблемой прогноза является динамика третьего периода. Здесь следует попытаться оценить возможность очередной реализации исторически сложившегося модифицированного инверсионного цикла, вероятность отступления от этой модели в результате нарастания значимости медиации. Изучение российской истории показывает, что цикл, начинающийся с вихря локализма, на втором этапе переходит в господство умеренного авторитарного идеала. Нужно признать, что исторический опыт нового цикла заключается в том, что господствующий нравственный идеал не создал основы для эффективного функционирования общества. Массовое дискомфортное состояние чревато очередной инверсией. Отсюда высокая вероятность реализации инерции истории, т. е. перехода ко второму этапу, для которого специфично господство умеренного авторитарно-

го идеала. При этом, однако, следует учитывать, что такая возможность пока сочетается с господством либерализма, хотя и весьма абстрактного, не проработанного на всех уровнях общества. Практически это означает возможность сочетания либерализма и авторитаризма, возможность господства либерально-авторитарного идеала, опыта которого в России еще не было. Его господство, если он будет иметь место, может сочетаться с ориентацией на создание предпосылок для либерально-почвенного идеала (см. : *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 3. С. 161—163).

Все опасности, которые несет переход к авторитаризму, широко обсуждаются в печати. При этом часто упускается из виду важность не только того, что что-то абстрактно хорошо, а что-то плохо. Главный вопрос — что является возможным на базе исторически сложившегося массового опыта, каковы реальные возможности в определенные сроки этот опыт углубить, поднять на новый уровень, в частности стимулировать почвенные основы либерализма. Очевидно, существует и другая возможность: отхода власти от либерализма, утверждения авторитарно-либерального идеала, который можно рассматривать как ответ инверсионного типа на господство соборно-либерального идеала (там же. С. 5, 344—347). Авторитарно-либеральный идеал — нечто совсем иное, чем либерально-авторитарный. Если сердцевиной последнего является стремление утвердить либеральные ценности, образ жизни, используя нелиберальные средства, то авторитарно-либеральный идеал является в значительной степени попыткой массового авторитаризма вечевого типа использовать либеральные средства, т. е. науку, технику, для утверждения архаичных ценностей, возможно пронизанных в той или иной степени умеренным утилитаризмом (что усилилось в XX в.).

Важной задачей прогноза является выявление реальных сдвигов ментального характера в господствующей массовой культуре, произошедших в период господства советской системы и продолжающихся в последующие годы. Они в конечном итоге определяют реальное соотношение инверсии и медиации, возможность как отклонений от исторической инерции под давлением роста медиации, так и гуманизации, либерализации содержания самих переходов от одного этапа к последующему.

Есть основание предполагать, что главные изменения, имеющие определяющее значение для углубления прогноза, заключаются в усложнении в массовом сознании дуальной оппозиции: "вечевой-утилитарный идеал". Люди все больше следуют по пути, главным образом, умеренного и, отчасти, развитого утилитаризма, но одновременно, в особенности в условиях кризиса, при возрастании трудностей, продолжают, как и раньше, обращаться к вечевым формам коллективизма как источнику получения ресурсов от государства, колхозов, предприятий, спонсоров и т. д. Здесь становится все более явным возрастание значимости гибридного идеала, сочетающего архаичное иждивенчество с ростом индивидуализма, который в массе своей не

поднялся до активного творческого отношения к поиску новых, более эффективных форм труда, деятельности, требующих активного отношения к сложившимся отношениям. Но именно этому противостоит приверженность к сложившимся формам культурной практики как источнику благ. Способность людей жить, принимать решения в условиях расколотой дуальной оппозиции вечевого коллективизма и атомизированного индивидуализма представляет собой узловую проблему дальнейшей социокультурной динамики.

Важнейшей переменной, анализ которой необходим в дальнейшем прогнозировании, является столкновение между умеренным и развитым утилитаризмом. Значение последнего в том, что прогресс развитого утилитаризма является реальной основой для рыночных отношений. Однако этот идеал наиболее острым образом вступает в конфликт с массовой уравнительностью, с господствующими представлениями о справедливости, что может иметь трагические последствия для страны. Его можно проследить в деревне с конца прошлого века, он завершился коллективизацией, которую можно рассматривать как разгром малейших тенденций к развитому утилитаризму.

Одновременно этот идеал вступает в конфликт с традиционным прелюением перед сложившимися отношениями людей, пытаясь подчинить отношения представлениям об эффективности. Так как в обществе слабы юридические традиции, процедуры замены одних отношений другими, эта деятельность достаточно часто выходит за рамки форм, нравственно приемлемых для общества, т. е. приобретает криминальный характер.

Важным предметом прогнозирования является возможность формирования идеологических форм нового синтеза, учитывающих имевшие место сдвиги в массовом сознании, соответствующий этому синтезу прогноз политической власти, а также приемлемую для этого синтеза меру допустимости рыночных отношений.

Особой задачей является прогноз всех этапов в рамках третьего цикла, а также прогноз, выходящий за его рамки. Для последнего прогноза важно дальнейшее углубление понимания места и роли советского цикла в истории России, рассмотрение его как результата исторического процесса и одновременно как предпосылки будущего.

Важнейшее значение имеет разработка методологии прогноза роста в рамках каждого этапа дискомфортного состояния критической массы групп, в частности важность специфических факторов этого процесса, например реальное значение изменений жизненного уровня. Не исключено, что в определенных рамках оно имеет меньше значения, чем, например, массовое представление о нарастающем хаосе. Переход дискомфортного состояния в очередную инверсию — узловой пункт прогноза.

В центре прогноза стоит проблема возможности выхода страны из промежуточного состояния между двумя цивилизациями, преодоление раскола полюсов дуальной оппозиции: "вечевой идеал—либе-

ральный идеал", возможность удержаться от сползания к архаике, включающей дезиндустриализацию, дезурбанизацию, сдвиг в народнохозяйственной структуре в сторону более простых и требующих менее квалифицированного труда отраслей, утрату интеллектуального потенциала, наиболее продвинутых производств, распад духовной элиты и т. д.

Прогноз не может не учитывать мировых тенденций, однако с учетом способности страны может реально их осваивать, превращать их в реальное содержание массового сознания и деятельности.

Куда идет Россия: взгляд из ближнего зарубежья

Куда идет Россия? Ответ на этот вопрос предполагает анализ российской действительности и истории наших дней с возможно более разных углов зрения. На нашем симпозиуме российская действительность высвечивалась преимущественно двумя лучами: взглядом изнутри и из дальнего зарубежья. Хотелось бы расширить аналитическое поле взглядом из ближнего зарубежья. Поскольку я представляю Армянский Интерцентр, т.е. ближнее зарубежье, позвольте мне это сделать.

Известно, что после распада Советского Союза карта мира обогатилась рядом новых государств. Это — Россия, правопреемница СССР, страны Балтии, с наибольшей из возможных степеней независимости от России, и другие страны с более ощутимой зависимостью от нее. За последние два года все эти страны, каждая в отдельности и все вместе, прошли определенный путь. Несмотря на все разнообразие конкретного, все эти пути могут быть обобщены в трех парадигмах: путь развития стран Балтии, путь России и путь других независимых государств ближнего зарубежья. Как соотносятся эти парадигмы? Исчерпывающий ответ на этот вопрос — дело будущего. Однако уже сейчас обнаруживается отличие траектории республик Балтии и синхронность траекторий других разбегающихся частей бывшего СССР. Чтобы убедиться в существовании такой синхронности, достаточно взглянуть на этапы пройденного ими пути. За недостаточностью времени, я только обозначу эти этапы.

Сначала был уход бывших республик, попытка освоить собственное географическое, политическое и психологическое пространство, изменить идеологические и внешнеполитические ориентации, разорвать традиционные экономические и социальные узы. Следствия этого ухода для республик не заставили себя долго ждать: кризис энергии, галопирующая инфляция, коллапс многих отраслей про-

мышленности, резкое падение уровня жизни и мизерность продовольственного пайка, безработица, острые социально-политические и этнические конфликты...

Далее следовала попытка расширить лимиты своей свободы. Бывшие республики делали это по-разному. Обращались к странам Запада, пытались войти в какие-то блоки, получить статус стран "третьего мира", воспользоваться возможностями, открываемыми международными организациями, и т.д. Резюмируя этот момент в жизни новых государств, можно сказать, что лишь немногим из них удалось серьезно расширить лимиты своей свободы. Более или менее результативными оказались, в основном, те государства, которые, обладая значительными энергетическими ресурсами и технологическим потенциалом, в то же время не были отягощены глубокими социально-политическими и национальными конфликтами.

Судя по реалиям, для подавляющего большинства республик плата за право быть свободными оказалась непомерно высокой, а желание укрыться под зонтом мирового сообщества от невзгод перехода в разряд суверенных стран — малореализуемым.

Сейчас наблюдается как бы возврат бывших республик к России. Одни делают это молча, достойно, как Беларусь, другие — громко, шумно, с покаянием, с претензиями, как Грузия, третьи — обставляя свой возврат множеством условий, как это делает Украина, четвертые — так, как будто они и не уходили, как это делает Армения, защищая собственную границу и в то же время южные рубежи и интересы России в этом регионе.

Можно сказать, что в социально-психологическом плане результаты этого отрезка пути оказались весьма положительными для России: в республиках усилились интегративные устремления и наметилась тенденция восстановления позитивных установок и доверия к ней. В подтверждение этой гипотезы я хотела бы представить вашему вниманию ответы на три вопроса, которые выявляют уровень доверия к США и к России, из анкеты репрезентативного социологического исследования (выборочная совокупность 1000 респондентов в 90 точках Армении):

1) Насколько вы верите, что Россия и США способны ответственно подходить к решению мировых проблем?

Ответы:

очень верю — 16,5% (для США), 21 % (для России);
отчасти верю — 36,0% (для США), 39% (для России);
не очень верю — 33,0% (для США), 29% (для России);
не верю совсем — 9,6% (для США), 5,8% (для России).

2) Как Вы считаете, к какой из сторон в Нагорно-Карабахском конфликте более благожелательны США и Россия?

Ответы:

благожелательны к Армении — 19,3% (для США), 33,2% (для России);

благожелательны к Азербайджану—12,5% (для США), 6,9% (для России);

одинаково беспристрастны к обоим — 29% (для США), 23% (для России);

защищают лишь собственный интерес — 27% (для США), 28% (для России).

3) Сделали ли США и Россия достаточно или недостаточно для того, чтобы помочь разрешить карабахский конфликт?

Ответы:

достаточно — 24,8 % (для США), 41,1 % (для России);

недостаточно — 33,8% (для США), 33,4% (для России);

вообще ничего — 20,0% (для США), 12,0% (для России).

Приведенные ответы свидетельствуют о более высоком уровне доверия армянского общественного мнения к России, чем к США.

Итак, "уход от России" не состоялся. Резюмируя итоги первых шагов по пути реализации, а может быть, и демонстрации новыми независимыми государствами своего суверенитета, можно сказать, что они завершились осознанием жесткой лимитированности собственных возможностей, а также пределов экономической и политической свободы и, как следствие, готовностью войти в новый союз с Россией.

Какова же была траектория движения России? Наблюдая за этой траекторией из ближнего зарубежья, можно прийти к заключению, что Россия также прошла определенную часть пути, и хотя этот отрезок пути еще не завершен, все же можно наметить его некоторые итоги. Кажется, что Россия преодолела соблазн вернуться к модели унитарного государства, как государства русского этноса. О том, каковы будут контуры нового федерального устройства России, можно судить по тому факту, что слово "суверенитет" исчезло из ее новой Конституции, т.е. Россия пытается строить новую модель своего федерализма не на этнической базе.

Наблюдая российскую внешнюю политику из ближнего зарубежья, можно сделать также вывод, что в России пока не отдано предпочтения какой-либо одной из имеющихся трех альтернатив. Отмечу, что традиционная для России нерешенность проблемы доминирующей ориентации ограничивала и раздваивала пути развития российской государственности на всем протяжении истории. Сегодня нерешенность проблемы внешнеполитических ориентаций на деле оборачивается множественностью субъектов власти. Здесь уже не раздвоение, а растроение, если так можно выразиться, т.е. действуют три субъекта власти: внешнеполитическое ведомство, генералитет России и новая финансово-экономическая элита, которая ратует за сохранение единого экономического и правового пространства, не разделенного административными барьерами. У каждого из них своя концепция будущего России, свои внешнеполитические приоритеты, свои сферы и средства политического давления. Это троєвластие (в лучшем случае — двоевластие) будет сохраняться до тех

пор, пока не будет выбрана доминирующая ориентация. Как мне кажется, многократно повторявшуюся на симпозиуме мысль о том, что Россия есть некая евразийская страна, в принципе можно рассматривать в русле поисков ответа на вопрос о доминирующей ориентации России.

В России пока не выработалось единого мнения и о том, включает ли роль правопреемницы СССР какую-либо стратегию и какие-либо обязательства по отношению к республикам бывшего СССР, и как будут строиться взаимоотношения России с этими республиками.

Если внимательно изучить историю наших дней, то, несомненно, можно обнаружить, что первой из Союза ушла Россия. (Это предмет отдельного разговора, выходящего за рамки данного выступления.) Экономические, политические и социальные последствия этого ухода для России оказались не столь драматичными, как для республик, хотя они были весьма ощутимы. А прожитое врозь время оказалось недостаточным для того, чтобы дать однозначный ответ на вопрос, нужно ли России стремиться к политической интеграции, к восстановлению или построению союза с ныне де-юре независимыми странами, некогда составлявшими единое целое, и каков может быть модус их совместного существования. С одной стороны, желание сбросить жернова с собственной шеи и освободиться от функции опеки над странами, весьма отягощенными отсутствием ресурсов, бедностью и конфликтами. С другой — понимание прочности связывающих с ними уз, в самом широком смысле этого слова, того, что многолетнее пребывание в роли метрополии оставило шрамы в экономике и менталитете самой России, что отторжение "порога первой защиты" не может пройти бесследно для ее благополучия. Эти и многие другие сомнения затрудняют выработку стратегии в вопросе о необходимости союза. Однако лавина событий последних лет не оставляет времени для раздумий. Поэтому России придется, еще не выработав стратегию, с одной стороны, формировать живой организм союза, который будет соответствовать желаниям России и амбициям новых независимых стран, и с другой, — прилагать усилия для синхронизации развития, в частности придерживать процессы, происходящие в странах ближнего зарубежья. Конфликты, которые сегодня имеют место практически на всем протяжении границы России, также способствуют синхронизации траектории развития республик и России, что отнюдь не отрицает внутренней обусловленности этих конфликтов.

В Армении высказывается точка зрения, что мы явились свидетелями третьей мировой войны, которая имела целью ослабление и уничтожение СССР. Она имела несвойственную войнам мирную форму, и ее цель была достигнута — СССР остался в прошлом. В этой связи хотелось бы обратить внимание на странную особенность нашего симпозиума: в этом зале ни разу не была проанализирована деятельность США, не произносилось даже имя этой страны, этого важного фактора мировой политики, этой доминанты, диктующей сегод-

ня очень многое в мире и в самой России. Даже феномен Жириновского объяснялся только изнутри, хотя очевидно, что он обусловлен не только тем, что избиратели России индифферентны к фашизму. Достаточно вспомнить, что Жириновского выбирали районы высоко развитого ВПК и поддерживают те политические силы, которые заинтересованы в том, чтобы к власти пришло правительство, проводящее определенную внешнюю политику. Думаю, что мы уделили слишком мало места анализу причин нарастающего изоляционизма России.

Несколько слов о тяге России к скачкам. На мой взгляд, уже заметны некоторые симптомы преодоления болезненной тяги к скачкам, и есть много аргументов в пользу того, что дальше Россию ожидает более спокойное развитие, по крайней мере отсутствие таких зигзагов, которыми богата ее истерия. Но, по-видимому, ей не удастся на данном этапе преодолеть волонтаризм власти, вследствие устойчивого пристрастия к реакционным социальным технологиям и отсутствия в стране контроля над властью.

Традиции *насилия* и социальной конфронтации были составной частью политической культуры России на протяжении довольно долгого периода. Они лежат и в основе современных социальных технологий. Следует признать, что Россия 90-х, не решив проблемы экономические, не сформировав деятельного субъекта реформ, не создав гражданского общества, не сумев освоить традицию достижения национального согласия, вновь вынужденно обращается к технологии *насилия*, т.е. к той социальной технологии, которая эксплуатировалась ею на протяжении веков. По всем признакам, в России технология насилия интернализирована на уровне общественного сознания и на уровне социального управленческого действия. Как вы думаете, каков был ответ на успех партии Жириновского? Интеллигенция сформировала антифашистский блок. Это означает, что конфронтационное сознание подталкивает процесс формирования противопоставленных полюсов и созревания ситуации, в которой эти полюсы придут в столкновение. В настоящее время в России, по сути, нет серьезного противодействия использованию силы в качестве средства разрешения политических и этнических противоречий, нет активного миротворческого действия, которое могло бы погасить действующие этнические конфликты. Более того, война рассматривается и используется как максимально эффективное многофункциональное политическое средство.

И последнее. Поиски ответа на вопрос "Куда идет Россия?" предполагают многоаспектные междисциплинарные исследования. Такие исследования могли бы быть осуществлены в Центре временным творческим коллективом, включающим исследователей из стран СНГ, ибо понять то, что происходит в России, без знания того, что происходит в других странах СНГ, в принципе вряд ли возможно, поскольку это было единым пространством, и сегодня оно развивается по единым канонам.

Развитие как продукт интеллектуальной деятельности

Я хочу попытаться расставить некоторые акценты в обсуждаемой проблеме чуть иначе, чем они звучали сегодня и на предшествующих заседаниях.

Сфера моих интересов — история, и, подходя к оценке будущего развития России со "всемирно-исторической" точки зрения, ориентируясь на опыт развития разных стран и народов на протяжении последних двухсот лет, я бы условно и схематично выделил три набора факторов, которые определяют ход развития той или иной страны.

Первое, и самое простое, — это природно-климатические факторы. С этой точки зрения я не вижу особых проблем для России. Конечно, бананы у нас не растут и бывает достаточно холодно (не Средиземноморье, одним словом). Но все же у нас достаточно полезных ископаемых, включая нефть, — конечно, не так много, как в Саудовской Аравии, но зато у нас есть еще и лес, и много чего другого. В общем, налицо некий средний уровень природно-климатических факторов — скорее благоприятный, чем неблагоприятный для развития.

Ко второй группе я бы отнес социокультурные и психологические факторы. Здесь я тоже не вижу для России каких-то особых трудностей или специфических проблем. Конечно, у нас отсутствует протестантская этика, зато нет кастовой системы; быть может, присутствует избыточная рефлексия, свойственная русскому характеру, зато отсутствует чрезмерная болтливость и экспансивность поведения, свойственная романским народам; а некоторая природная склонность лежать на печи, особенно зимой, компенсируется отсутствием сиесты. В целом, я не вижу в рамках этой группы каких-то особых преимуществ или каких-то противодействующих факторов, препятствующих нормальному развитию страны. У российского народа, как показывает опыт последних лет, имеется и предпринимательский дух, и природная энергия. У нас в целом достаточно низкий уровень национальных и этнических конфликтов (не говоря уже о расовых), — некоторые очаги напряженности, конечно, существуют, но все же у нас нет тамиллов и сингалов.

Наконец, третья группа факторов, — интеллектуально-институциональные. Позволю себе высказать мнение о том, что развитие той или иной страны есть в значительной мере продукт интеллектуальной деятельности. Не только в сфере производства и создания материальных благ, — речь идет об интеллектуальной деятельности в самом широком смысле, включая создание политических структур, гражданского общества, правовой системы, партийных систем и т.д. и т.п. Именно интеллектуальные факторы и

будут, на мой взгляд, определять специфику развития России в ближайшие годы.

Должен сказать (и здесь я позволю себе позаимствовать тезис, который выдвинула моя коллега Ирина Савельева в одной из своих работ), что идея, согласно которой только Россия в XX в. *строила* общество, в данном случае социализм, не вполне верна. По существу, все западные общества построены. Развитие западной цивилизации в течение двух последних веков, со времен Просвещения, являло собой результат не только стихийных процессов, божественного провидения или природной эволюции, но в первую очередь абсолютно сознательной интеллектуальной деятельности.

Подчеркну, что я говорю именно об интеллектуальной деятельности, а не о том, чем занимается интеллигенция. Здесь я хотел бы на минуту отвлечься, вернуться к сегодняшней дискуссии об интеллигентах и процитировать Василия Шукшина. В его замечательной повести "До третьих петухов", где действуют литературные персонажи, Онегин говорит, обращаясь в Илье Муромцу и к казачьему атаману: "Только не делайте, пожалуйста, вид, что только вы одни из народа. Мы тоже — народ". Я всегда считал, что те, кто занимается интеллектуальной деятельностью, безусловно, являются частью народа, — более того, лучшей его частью. Для меня никогда не существовал обрисованный Ю.А.Левадой треугольник "власть—интеллигенция—народ", быть может, потому, что у меня нет комплекса неполноценности перед слесарем — я сам в состоянии починить кран.

Так вот, интеллектуальная деятельность в России меня как раз и беспокоит больше всего. Целый ряд негативных характеристик современного состояния этой сферы хорошо известны — это и смещенность образования в естественно-техническую сторону, и крайне низкий уровень знаний в общественных науках, и "утечка мозгов", и т.д. На практике это выражается как в отсутствии научных идей, потребных для выработки программы развития, так и в крайне низком уровне интеллектуальной деятельности политиков, занимающихся непосредственной реализацией реформ.

В экономических терминах эти негативные характеристики отражают плачевное состояние предложения интеллектуальной продукции, необходимой для "построения" общества или его развития и трансформации. Но в последнее время выявился и необычайно низкий уровень спроса на интеллектуальную продукцию, в частности, со стороны правительства. Как известно, для проведения реформ само правительство не обязательно должно быть семи пядей во лбу (хотя и здесь существует некий минимально допустимый уровень). Как показывает исторический опыт реформ в разных странах, главное для правительства — это умение мобилизовать имеющиеся в обществе интеллектуальные ресурсы, использовать уже имеющийся интеллектуальный продукт или стимулировать его создание.

Конечно, при отсутствии собственного интеллектуального продукта возможен и другой путь — его "импорт" из-за рубежа. Таков был, в

частности, опыт проведения реформ в послевоенной Японии, когда созданием новой политической, правовой и экономической системы занимались сотни американских советников. Речь не идет об отрывочных советах отдельных зарубежных "экспертов" или стохастических метаниях между отдельными элементами опыта других стран, как это происходит сейчас у нас, а о систематической и достаточно масштабной и комплексной работе, требующей, в том числе, значительных финансовых затрат. За мозги надо платить.

Прочитую еще одно высказывание, принадлежащее американскому историку Сидни Хуку. Говоря о том, почему то или иное событие в истории не происходило, он писал: "Иногда не хватало героя, иногда — лошади, иногда — подковы, но чаще всего — не хватало ума, прежде всего для реализации имеющихся объективных возможностей".

При отсутствии адекватных интеллектуальных усилий, т.е. при недостаточном предложении и спросе на интеллектуальную деятельность, Россия очень быстро превратится в то, что принято называть "мировой полупериферией" (используя выражение И.Валлерстайна). Будущее развитие России в этом случае, к сожалению, выглядит довольно однозначно. У нас сформируется относительно отсталая структура экономики, будет сохраняться высокая степень дифференциации доходов, соответственно высокая степень социальной напряженности, сохранится низкий уровень развития гражданского общества, правовой и политической системы, для которого характерна нестабильность политических режимов, и мы так и будем болтаться как фиалка в проруби...

*Л.А.Гордон,
доктор исторических наук,
Центр сравнительных социально-политических
и экономических исследований*

Ретроспективы и перспективы переходного времени*

Тема кризиса российского общества, естественно, занимает сегодня ведущее место в исследованиях ученых, в рассуждениях публицистов и журналистских публикациях. Явные хозяйственные неудачи, отчетливо ощущаемые всеми, привели к тому, что, как правило, в центре анализа оказывается именно экономическая составляющая кризиса.

Однако, по нашему мнению, речь идет о кризисе перехода от одного общественного строя к другому; такой переходный кризис является

* В выступлении использованы материалы, подготовленные совместно с Н.Плискевич.

всеобщим; экономическая составляющая имеет в нем ничуть не большее значение, чем политическая, социальная, этическая, культурная, бытовая и т.п. Переходный кризис означает наступление "смутного времени", когда колеблются, меняются, подвергаются потрясениям не отдельные элементы, а все общество в целом. При этом природа государственного социализма делает переходный кризис особенно глубоким и сложным. Путь от государственного социализма к рыночно-демократическому обществу связан с преодолением специфических трудностей, по-видимому, несравнимо больших, чем трудности, например, буржуазных революций. Особую сложность представляет обеспечение относительно мирной реформации, более или менее плавного демонтажа государственного социализма. Между тем, плавность тут нужна гораздо больше, чем это было в эпоху буржуазных революций, хотя бы потому, что катастрофный потенциал современного производства стократ превосходит технические опасности прошлого века.

Обусловлено это многими обстоятельствами, главное из которых можно было бы определить как своего рода избыточную прочность государственно-социалистической конструкции. Пожалуй, нет в мире общества, которое базировалось бы на столь всеобъемлющем огосударствлении. В госсоциалистической системе нет автономии социальных подсистем — экономики, политики, культуры и т.п. Все ее составляющие переплетены самым тесным образом, буквально сращены друг с другом. Когда Н.Рыжков в одном из своих последних выступлений в качестве главы правительства СССР восклицал, что из-за разрушения идеологии рухнет экономика, он был прав. Та экономика не могла существовать без той политики и той идеологии. Соответственно крайне трудно, почти невозможно преобразовать госсоциализм по частям, сначала в одной сфере, потом в другой. Именно в этом главная сложность постепенного демонтажа системы государственного социализма, высокая вероятность стихийного срыва планомерных реформ в катастрофический кризис. Правда, опыт китайских реформ свидетельствует, что попытка реформирования госсоциалистической экономики при сохранении политических и идеологических устоев системы не является вовсе безнадежной. Однако платить за такую попытку приходится дорогой ценой, в том числе ценой крови и репрессий. К тому же — и это главное — китайское политическое руководство обладало и обладает достаточной властью и авторитетом, чтобы заставить аппарат, номенклатуру проводить реформу, несмотря на то что она в значительной степени противоречит их непосредственным интересам. В этом смысле опыт Китая подтверждает, что плавный, начинающийся с экономики демонтаж государственного социализма возможен лишь в случае, когда сама государственно-социалистическая система еще не вступила в фазу "дряхления". Такие преобразования могут быть осуществлены, когда номенклатуры еще не сплотилась в класс, не осознала своих особых интересов, когда ею еще не завоевана та степень самостоятельности,

которая позволяет сопротивляться приказам "сверху", когда жестко централизованное руководство экономикой еще не переродилось в "экономику согласования", в некий "бюрократический рынок" и т.д.

Подобные условия существовали в нашей стране разве что в 40—50-е годы, и не исключено, что, если бы тогда руководство СССР начало коренные экономические преобразования, они могли протекать также относительно плавно, как это происходит в нынешнем Китае. (Другое дело, что в Советском Союзе в то время отсутствовали иные предпосылки реформ — прежде всего, не было политической верхушки, готовой начать их.) Но в 80-е годы, когда у нас обозначился поворот в сторону коренной перестройки общества, возможность политического центра заставить номенклатуру осуществлять экономические перемены, подрывающие ее (номенклатуры) положение, были уже несравнимо меньше, чем в Китае (или СССР на предшествующем этапе).

Разумеется, все это кажется ясным теперь, с учетом того, что мы знаем о случившемся после 1985 г. Десять лет назад стратегия преобразований, начинающихся с экономики, вероятно, казалась "капитанам перестройки" вполне реалистической.

Абстрактно мыслимые варианты развития советского общества в середине 80-х годов удобно представить в предлагаемой на рис. 1 схеме координат логического пространства, в рамках которой легко систематизировать реальные исторические альтернативы того времени. Здесь мы видим как бы четыре "полюса" возможных изменений. По вертикали расположена альтернатива в экономической сфере — рыночная либо административно-плановая экономика, по горизонтали — социально-политический выбор: либо политическая и социальная демократия, федерализм, интернационализм, сближение с Западом, либо авторитарный режим, социальный патернализм, унитарное государство, национализм, противостояние Западу. Соответственно в этом пространстве выделяются четыре логически возможных варианта осуществления преобразований:

— одновременное проведение рыночных реформ и демократизации;

— полный отказ от экономических и политических новаций, возврат к сталинизму (ни рынка, ни демократии);

— социально-политические перемены при сохранении основ госсоциалистической экономики (социальная демократия без рынка);

— рыночные реформы при длительном сохранении прежней политической и идеологической системы (рынок без демократии).

Реальный ход событий в конце 80-х — начале 90-х годов (рис. 2) позволяет думать, что именно последний вариант, т.е., по сути дела, "китайский путь" первоначально представлялся вождям перестройки наиболее желательным и реальным. Во всяком случае, вплоть до конца 1987 г. основные реформаторские усилия концентрировались в экономической сфере. Была провозглашена программа ускорения, предполагавшая, по сути, проведение структурной перестройки на-

Рис. 1. Возможные варианты развития советского общества в середине 80-х годов

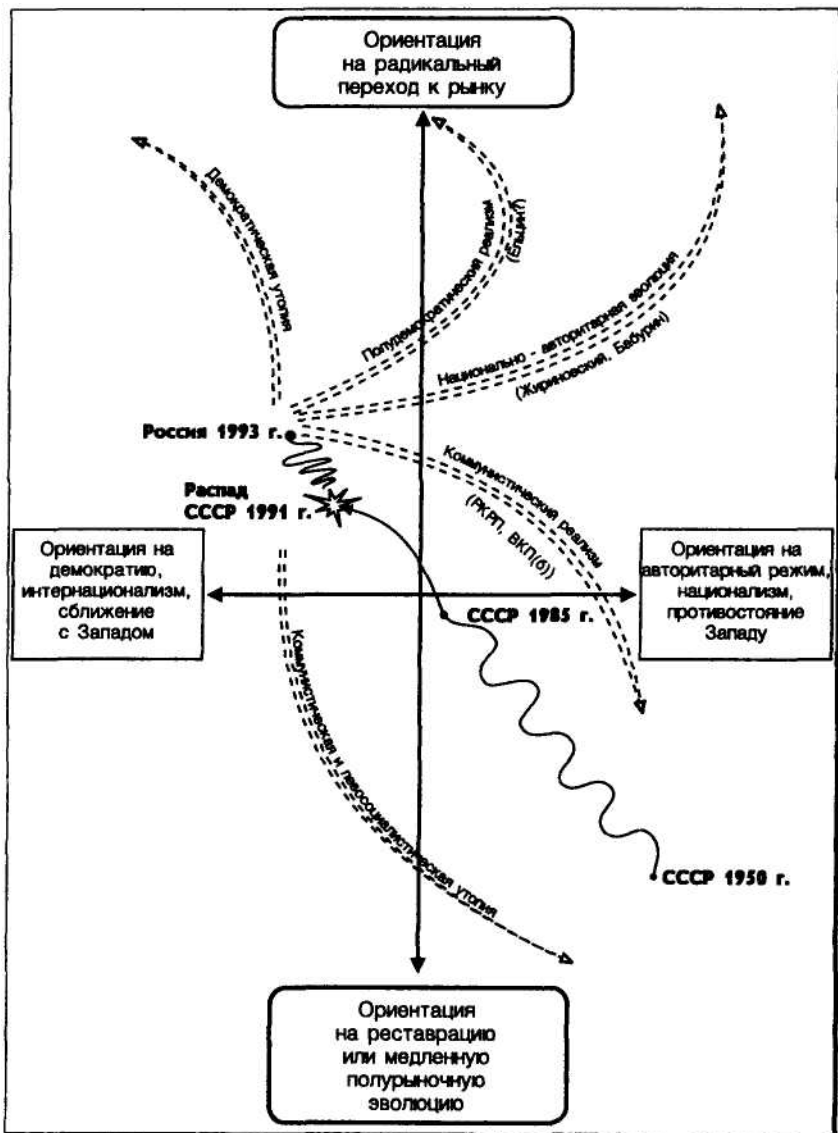

Рис. 2. Реальный ход событий в конце 80-х — начале 90-х годов

шего чрезмерно "утяжеленного" народного хозяйства. Лето 1987 г. ознаменовалось принятием пакета решений, которые, в случае выполнения, должны были стимулировать самостоятельность и активность предприятий, создать предпосылки рынка.

Однако по причинам, о которых говорилось выше, быстро обнаружилась невозможность движения по такому пути. Административно-командный аппарат сразу же почувствовал, что начинающиеся реформы противоречат его интересам. Фактический срыв экономических преобразований, провозглашенных летом 1987 г., свидетельствует об этом как нельзя более ясно. Между тем у политического центра (и здесь отличие от Китая) не достало сил подавить сопротивление номенклатуры авторитарными методами. В этих условиях продолжение перестройки можно было бы обеспечить, только дополнив экономические реформы политическими переменами, способными преодолеть стихийное сопротивление номенклатуры и бюрократии. Фактически стратегию по преимуществу производственно-экономической реформы пришлось заменить на стратегию осуществления комплексной политической и экономической реформы, в которой политическая составляющая оказывалась пред условием экономических преобразований. Как известно, такая стратегия была закреплена летом 1988 г. на XIX конференции КПСС.

Однако с переходом к одновременным политическим и экономическим преобразованиям сразу же стала сказываться особая взаимозависимость политики и экономики в советском обществе. Сперва управляемая, затем, буквально через несколько месяцев, ставшая уже неуправляемой демократизация общества повела к неуправляемому распаду партийного станového хребта политической системы со всеми опасностями реального распада устоев общества. Тем самым был дан мощный импульс процессу распада экономики и государственности вообще. В каждом районе, в каждой клеточке социума отказывались служить прежние механизмы. Партийные секретари теряли авторитет, их переставали слушать, и вся система начинала буксовать.

Говоря о распаде государственности в ходе политических и экономических перемен, мы вовсе не хотим осудить людей, которые решились осуществлять эту линию. Наоборот, поворот к политическим переменам мы считаем величайшей заслугой Горбачева и его соратников. Иного пути для преодоления номенклатурного сопротивления в то время просто не было. В обществе начали развиваться демократические институты, огромное влияние на развитие событий оказала гласность, впервые за десятилетия появившаяся относительная свобода слова. Все это как раз сделало возможным дальнейшее развертывание преобразований. Можно долго рассуждать об ошибках перестройки, просчетах Горбачева, о том, что издержки этого периода могли бы быть значительно меньшими, искать виновников и т.д. и т.п. Но при этом, как представляется, нельзя забывать главного — сам распад государственности, потеря

управляемости в каждой клеточке общества были, увы, неизбежной платой за то, что слом системы госсocialизма начался слишком поздно, когда эта система уже окостенела и потеряла возможность плавного самопреобразования. Соответственно неизбежной оказывалась и особая глубина переходного кризиса, в том числе и переходного кризиса экономики. Более того, с самого начала наш кризис перехода, распада государственного социализма был не просто экономическим, а общесоциетальным кризисом, охватывающим все стороны общественной жизни. А потому экономические проблемы в нем не являются главными и, значит, чисто экономическими методами его не победить.

Из сказанного не следует, что расширение рыночных реформ с начала 1992 г. было неверным. Положение в конце 1991 г. было таково, что иного выбора фактически не было. Линия Ельцина — Гайдара представляется в основном правильной, и сравнение России с тем, что происходит в большинстве других бывших советских республик, свидетельствует об этом достаточно ясно. Главная слабость этой линии обусловлена не субъективными ошибками, но объективной природой кризиса, тем обстоятельством, что она проводилась и проводится в обстановке необычайного ослабления, если не распада, государственности.

Одним из самых злокачественных проявлений такого распада стала гигантская криминализация общества, нарушение самих устоев общественной жизни. Преступность у нас приобрела такие формы и масштабы, что стала подменять государство, прежде всего в сфере становления рыночных отношений. Криминализация рынка представляет собой сегодня естественную реакцию общественного организма на отсутствие нормального государственного вмешательства. Вместо милиции "защиту" торговцев осуществляет рекетир, взыскать долги коммерсанту легче не через суд или арбитраж, а с помощью обращения к преступному миру. То есть преступные группы начинают выполнять в обществе функциональную роль, которую не в силах выполнить государство. Опасность подобной ситуации очевидна.

Поэтому главным сегодня представляется формирование новой государственности в каждой клеточке нашего общества, новое соединение его существующих и создающихся кусков и элементов в полноценно функционирующий организм.

К сожалению, как свидетельствует история, воссоздание государственности после революций никогда не бывает безоблачным. Это всегда болезненный процесс. Кроме того, надо помнить, что нигде и никогда становление демократии не происходило мгновенно; этот процесс всегда шел постепенно, занимая целые исторические эпохи. Высказанные еще в конце 80-х годов утверждения А.Миграняна и И.Клямкина о неизбежности периода авторитаризма между тоталитаризмом и развитой демократией представляются теоретически корректными и справедливыми.

Другое дело, что в исторической реальности такая последовательность в чистом виде, как правило, невозможна. Реальный исторический процесс всегда связан с прорывами вперед и последующими отступлениями, накоплением сил и созданием условий для новых прорывов, с остановками, укреплением достигнутого, и т.д. Поэтому требования немедленной и полной демократии в начале революционных перемен столь же естественны, как и тенденция к усилению власти на выходе из революции, когда главным становится восстановление порядка и нормальной государственности. Понятно, что установление стабильности и порядка в конце революционных потрясений связано с тем или иным ограничением демократии, с усилением элементов авторитарности в политической системе. Это обстоятельство определяет реальные варианты, реальные выборы, открытые перед нами в 90-е годы (см. рис. 3).

Совершенно утопическими в нынешних условиях представляются как политика дальнейшего одновременного проведения экономических и политических реформ, так и попытки отказа от экономических реформ при сохранении демократии. Реальный смысл сегодня имеют лишь варианты, связанные с возрастанием авторитарных тенденций при продолжении экономических реформ или отказе от них. Здесь мы видим три возможных пути.

Прежде всего, это путь коммунистического реализма, связанный с резким усилением авторитарности, отказом от экономических реформ и переходом к националистически-изоляционистской ориентации в международных отношениях (отличие от коммунистической утопии безрыночной демократии). По сути, это путь реставрации госсocialизма. Возможен и другой вариант крайнего авторитаризма, сочетающийся с рыночными преобразованиями государственно-капиталистического типа, а также с крайним национализмом (вариант, характерный для ЛДПР, РОС и т.п.). Оба эти варианта имеют много общего, отсюда вероятность союза сил, их составляющих. Но существенные различия, скорее всего, сделают такой союз не слишком прочным.

Думается, для человека демократических убеждений два названных варианта представляются неприемлемыми. Есть и еще один, более приемлемый для демократа и в то же время реалистичный вариант развития событий. Это вариант развития в полуавторитарном режиме, не закрывающим пути возвращения на демократические рельсы (а потому предполагающий его относительную кратковременность), связанный с продолжением экономических реформ и углублением политики вхождения в мировое сообщество. Последний момент чрезвычайно важен: гарантию удержания авторитаризма на умеренных позициях нам может обеспечить только всесторонний союз с устойчивыми демократическими обществами. Развитие по такому варианту, как представляется, может быть обеспечено в рамках только что принятой Конституции.

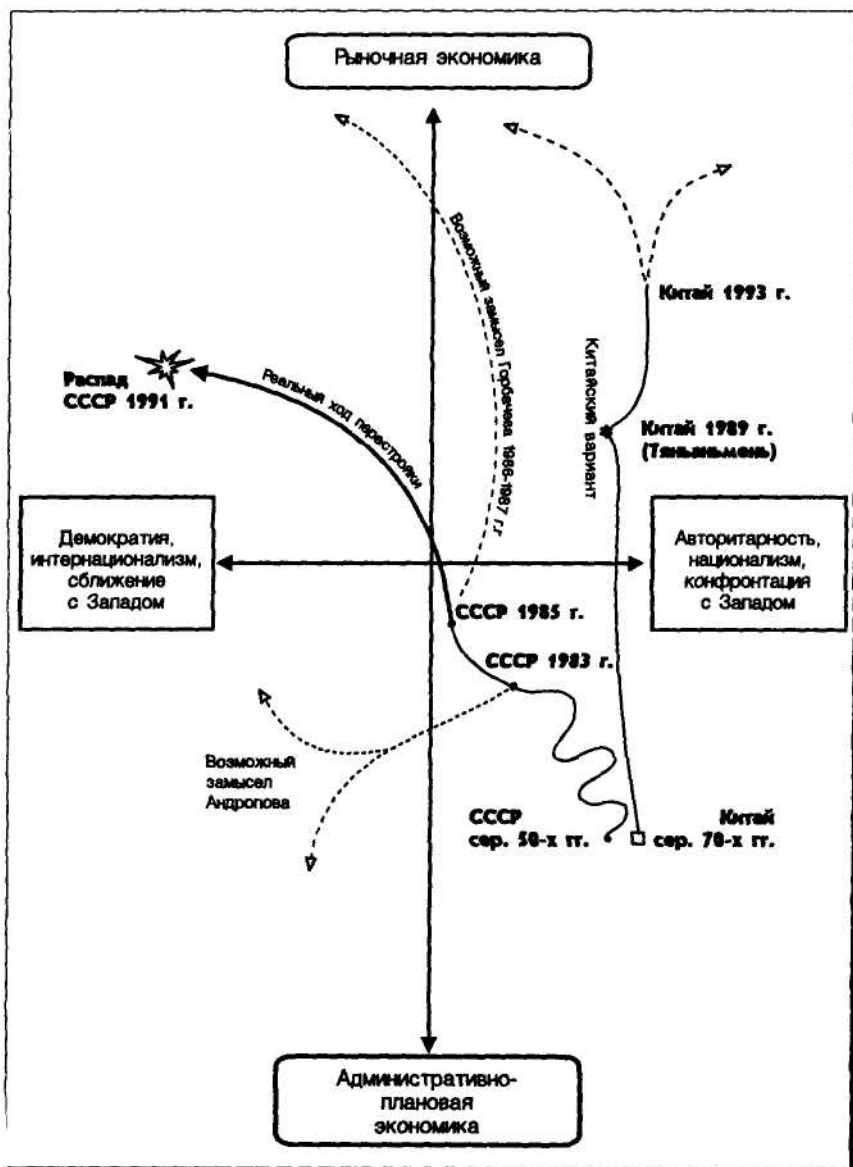

Рис. 3. Реальные варианты, реальные выборы, открытые перед нами в 90-е годы

Естественно, такой вариант таит в себе серьезные угрозы. Полуавторитарный режим может очень легко превратиться в режим совершенно авторитарный, а то и реставраторский. Поэтому поддержка его демократическими силами может иметь только условный и критический характер. Поддержка эта предполагает одновременные усилия общественности, направленные на развитие самостоятельных институтов гражданского общества, рабочего движения, демократического движения интеллигенции и т.п. В ситуации, когда полноценная демократия невозможна и полуавторитарному режиму противостоят лишь еще худшие авторитарно-националистические варианты, такая критическая поддержка дает все же надежду избежать самого плохого и сохранить возможности последующего возврата к полноценной демократизации общества.

Спектр сценариев для Российской Федерации

Я собираюсь тезисно указать на некоторые сценарии, которые мне видятся возможными; в целом эти сценарии отвечают на вопрос: Российская Федерация (РФ) — это "СССР сегодня"? Мне кажутся не вполне законными экономические, социологические, этнические и прочие рассуждения, если в них не оговаривается то, что в точных науках называется "граничными условиями". Предполагаются какие-то тренды, но не оговаривается, будет ли внешняя рамка — пределы Государства Российского — неизменной или она будет существенно меняться. Видимо, стоит это учитывать.

Какова в геополитическом аспекте нынешняя ситуация Российской Федерации? (Подчеркиваю: Российской Федерации, а не России, потому что последнее слово слишком когнитивно нагружено и его пространственные пределы не вполне понятны.) В одном отношении, в одних определениях, вполне строгих, Россия намного шире Советского Союза, в других определениях она во много раз меньше Российской Федерации.

Первое. *Политическое и (или) геополитическое пространство многоуровнево*, в нем действуют фрагменты Советского Союза, власти Российской Федерации и одновременно регионы многих уровней. И иностранные государства вынуждены с этим считаться, устанавливая, скажем, контакты по поводу спорных с Японией островов с Москвой, с Владивостоком, с Сахалином, с иными островами и т.д. Это — многоуровневое *полисубъектное пространство*. В этом пространстве все сильнее доминируют горизонтальные отношения, в том числе и отношения центра с регионами. Это не отно-

шения принуждения, это отношения договоренности, сделки, торга (административного, разумеется), и так далее. Какие бы формы регионализация ни принимала, она продолжается и углубляется. Опыт моих полевых поездок этого года показал, что она гораздо глубже проникала в самую повседневную и обыденную жизнь, чем это можно зафиксировать, но это продвижение никоим образом не осознается и не вербализуется. Здесь образуется довольно опасный зазор между картиной, которая представляется из Москвы, и картиной, которая имеет место внизу.

Второе. *Приватизация* протекает отнюдь не только и не столько в экономической сфере, она носит тотальный характер. Приватизируются сами властные институты на местах. Можно говорить о *приватизации всего административно-территориального деления*. Речь идет как об уступках территорий между областями, которые обсуждаются во многих случаях, по которым есть экономические интересы, так и о преобразовании целых городов, как административных единиц, в фактические корпорации — известный случай с городом Кисловодском, который, кстати сказать, приведен в такой идеальный порядок, что я сначала принял его за декорацию для съемок какого-то фильма из западной курортной жизни. Все это говорит о том, что сама стандартная модель государства, к которой мы неявно привыкли, не срабатывает.

Следующее и последнее из описания ситуации. Из истории хорошо известно, что была очень долгая война "за испанское наследство", хотя само наследство было очень простым, его легко было описать. Там были территории, были определенные, если не ошибаюсь, торговые преференции и вопросы престолонаследия. Вот, собственно говоря, и все. Стран — участниц было мало, но тем не менее война продолжалась долго. Я сначала публицистически, а потом и более строго ввел по аналогии понятие "советского наследства". *Идет борьба за советское наследство*. Многочисленные конфликты, совершенно неизбежные, — это борьба за советское наследство.

Теперь перечислю некоторый спектр сценариев. Но прежде должен сделать утверждение, которое не могу обосновать рационально-эмпирическим образом, — это некоторое профессиональное видение. Оно совпадает с видением коллег по проблематике совершенно других профессиональных ориентаций. Есть общеизвестные представления о точках бифуркации. Интуитивно представляется, что сейчас бывший Советский Союз (или Российская Федерация, это не очень существенно) *проходит очередную область бифуркации*. Пока идет прохождение этой области, могут сочетаться самые противоречивые тенденции, но, когда эта область будет исчерпана, процессы, которые ныне дополняют друг друга, станут альтернативами. Возникнет спектр сценариев. Речь идет о *прогнозировании в типологическом смысле*, т.е. об указании целостного генерализованного спектра, покрывающего поле возможных событий, но никак не о предсказании единственной (самой вероятной) траектории. Каждый из ниже-

описанных обобщенных сценариев ныне фрагментарно реализуется в практике действий Центра РФ (даже локализуясь в конкретных властных структурах и "подпирающих" их силах) и отчасти программно манифестирован. Однако осознанный выбор конкретной стратегии основной стратегией какой-либо явной политической силой (тем более Центром РФ), по-видимому, не происходит. Ниже кратчайше описываются сценарии, а также фундирующие и проявляющие их феномены. Сценарии упорядочены так, что *"несрабатывание" предыдущего увеличивает возможности реализации всех последующих*. Последующий сценарий имеет предпосылкой и событийной основой реализации последствия неудачи-невозможности предыдущего.

1. *Реванш (СССР), борьба РФ за "советское наследство"*. Восстановление управленческой вертикали, ремилитаризация, попытки военного контроля основной части СССР, перманентные конфликты; силовые акции против регионов РФ. Значительная часть масс, особенно живущих вне своих этнорегионов, ВПК и вооруженные силы — база сценария; имперский шовинизм — его поверхностное выражение. Возможен краткосрочно в острой форме, не создавая даже квазистабильности, что затем резко актуализирует иные сценарии. Выражается в ряде военных операций вне РФ, поддержке (де-факто оккупации) спорных территорий типа Приднестровья, Абхазии.

2. *Мир регионов и Центр-посредник*. РФ ассоциируется с Москвой и выступает в функции посредника между регионами РФ, членами СНГ, остальным миром, вооруженными силами как суверенным де-факто компонентом (возможно, с собственными территориями). Формальное единство территории РФ сохраняется при постепенной суверенизации периферийных регионов (возможно, по модели Чечни). Регионы, независимо от деклараций, имеют приоритет на своей территории в большинстве сфер. Функции Центра — валютно-финансовые, судебно-посреднические, формально-правовые, военно-"миротворческие" и т.п. Основа сценария — объективно присущая несоветскому российскому пространству высокая централизация (особенно коммуникаций), сохраняющаяся дополнительность экономик отдельных частей, невозможность быстрой достройки всеми регионами структуры до функционально полной; очень значительная ниша функций посредничества и согласования действий регионов при условии их реального суверенитета.

Процессы и акции, называемые экономическими реформами, здесь двусмысленны в точном смысле слова: деэтактизация— (приватизация) размывает регионы как целостные клубки, но, с другой стороны, именно "реформы" ведут ко все более глубокому просачиванию полномочий и собственности вниз. Полевые наблюдения автора показывают, что даже объективно заинтересованные в централизованном единстве РФ регионы уже внутренне регионализуются; существующее административно-территориальное деление все более размывается. Непреодолимая ирреалистичность властей Центра вряд ли позволит им занять вакантную ролевую нишу стабилизатора процесса

региональной фрагментизации. (Найдется ли влиятельная властная структура, которая сможет осуществлять функции обеспечения плавности в "распаде" РФ?) В пользу сценария, который кажется алармистским, работают факторы временные и скоро исчерпывающие свое действие: незавершенность регионализации СССР (РФ едина во многом именно поэтому), слабая (пока) активность внешних центров экономико-политического тяготения, быстро преодолеваемая информационно-технологическая зависимость регионов, крах экономик большинства соседних республик и пр. Против сценария работает процесс дифференциации регионов. По-видимому, такой ход событий наиболее желателен для основных иностранных государств, крупного бизнеса РФ (однако часть его, заместившая государственно-распределительные органы, ориентирована вполне империалистически).

3. *РФ — рыхлая надстройка* над, в очень разной, мере самостоятельными регионами (частью — государствами), но сохраняющая контроль над стратегическими вооруженными силами. Реализация сценария как этапа в среднесрочной (5—10 лет) перспективе представляется весьма вероятной в силу, прежде всего, начавшегося и очень быстро (хотя и малозаметно) идущего процесса диверсификации регионов, нарастания контрастов в условиях жизни и экономики в них. Практика прохождения службы новобранцами в своих регионах, становящаяся нормой, имеет следствием регионализацию большей части силовых структур; а фактическая легализация частных вооруженных формирований может сделать регионы более равными партнерами Центра, чем то можно сейчас представить. Для описания этого сценария уже нет должных понятийных средств: представления о законе, государстве и его территории, суверенитете и т.д. не работают, но заменить их, похоже, пока нечем. В такой ситуации конфликты становятся перманентными, причем большая часть их уже никак не контролируется Центром. Возможно, что часть региональных элит ориентируется ныне именно на такую ситуацию, явно не соглашаясь на первый и уже не надеясь на второй сценарий. Важным "мотором" тут будет намечающаяся регионализация крупных республик бывшего СССР, части которых — потенциальные участники коалиций с регионами РФ (сшивание лоскутов Союза без единства и Центра).

4. *Минимальная Россия*. Сохранение РФ как государства на небольшой части прежней территории при полной самостоятельности остальной. (Сугубо предварительно — эта территория, в общем, замкнута линиями "западная граница РФ — Воронеж — Вятка — Норильск — Сев. Ледовитый океан", включая несколько стратегически неотъемлемых анклавов. Впрочем, и в таких границах государство достаточно велико, чтобы быть обеспеченным ресурсами и потенциалом внутренних различий и напряжений.) Контуры "новой РФ" определяются дислокацией стратегических сил, ресурсно-промышленной базой, "распадом" ряда регионов и (или) изменением их границ, конфликтами. В выше рассмотренных сценариях формаль-

ное сохранение пределов государства совмещалось с изменением его характера; здесь же — противоположная ситуация. РФ как складывающийся государственный организм возможен только ценою "жертвы" большей части территории и сохранения ресурсов, ныне расходуемых на реализацию идеологемы "великая держава". Существенно, что возникает почти моноэтническое государство, однако с очень значительными внутренними культурными (субэтническими) различиями, гигантской ролью столицы, что создает внутреннее напряжение и даже здесь провоцирует сепаратизм окраин. (В свою очередь, внутренняя динамика, включая политику, может воспроизвести весь спектр.) В отличие от других сценариев (первый из которых основан на инерции властных структур, а второй и третий — на мощной спонтанной регионализации), условия реализуемости этого сценария совершенно особые; он требует реалистичной консолидированной воли властей Центра РФ, их резкого "отрезвления". На остальной территории РФ события протекают по нижеследующему сценарию: возможно образование на нынешней территории несколько сравнительно крупных "государств". Возможно, что сужение сферы политического доминирования Центра РФ (домена Москвы) активизирует консолидацию территорий вокруг нескольких ядер (центров и (или) регионов), пока более ориентированных на противостояние Центру, нежели на полирегиональную интеграцию. (Глубокие процессы пространственной фрагментации оказываются ведущими к исторически уже имевшим место ситуациям. История полицентрической геополитической структуры на Восточно-Европейской равнине уже имела место.) Вероятно, целостность многих регионов вне новой РФ будет проблематизирована, что соответствует реальности и других сценариев (спуск регионализации на ранг ниже).

5. *Регионы — каждый за себя.* Возникает множество практически самостоятельных, равноправных государств-регионов (их коалиций), частью ассоциированных со смежными странами; Центра нет; стратегические силы суверенизируются и регионализуются. Москва из резиденции Центра становится собственно регионом, *городом-государством*, претерпевая наиболее радикальные изменения. В пространстве сложно и динамично сочетаются союзы, коалиции и конфликты, процессы глубокой дезинтеграции и реинтеграции. "Срезание" высших рангов административной иерархии десоветизирует пространство и его структуры, позволяя культурной почве восстановиться. Однако, учитывая приватизацию административно-территориального деления, возможны варианты регионально-монополистического капитализма с жесткой конкуренцией регионов-"монопольей". (Сценарий можно интерпретировать как максимально полную реализацию спонтанного компонента геополитической событийности и одновременно как "победу" линии диверсифицированного развития.) Сценарий неизбежен, если последовательность событий пройдет мимо возможностей иных сценариев.

Ныне сочетаются, реализуясь как тенденции (отчасти элементы политики— Центра РФ), фрагменты всех сценариев, но ситуация неустойчива; видимо, близка точка бифуркации, после которой эти (подобные) сценарии станут альтернативными. В определенном смысле линейная цепь потенциально замыкается: новая интеграция представляется реальной лишь как *постцентрализованная ситуация*, когда будут исчерпаны властно-силовые центростремительные и центробежные тенденции и политики, т.е. произойдет самоопределение территорий в самом широком смысле.

Заключительное слово

С моей точки зрения, суммировать богатство этого симпозиума и невозможно, и не нужно. Вместо того, чтобы повторяться, пытаюсь делать это, правильное просто подумать о сказанном. И мне, как и другим, хочется подумать об этих трех днях, которые, я думаю, обогатили каждого. Меня, во всяком случае, они решительно обогатили и оставили во мне (как, я думаю, и в других) заряд того, о чем стоит подумать не только день или два, но достаточно долго. Эти дни также оставили в нас какое-то чувство связи, взаимной заинтересованности, независимо от согласия взглядов. Ведь взаимный интерес ученых очень часто возникает и при несогласиях, поскольку эти несогласия связаны с серьезным отношением к серьезным проблемам, с тем, что люди стараются понять, разобраться, мысленно двигаться куда-то.

Я думаю, что в течение этих трех дней мы слышали разные точки зрения, был сделан новый анализ, было представлено довольно много нового материала, прозвучали и разные научные языки, и разные способы понимания проблем. Было рассказано также, что, на мой взгляд, очень важно, о вкладах разных дисциплин в общую проблематику, разных подходах, которые эти дисциплины создают, а также о разных срезах одних и тех же проблем. И это тоже важно для того, чтобы понять, как жить по-новому.

Я хотел бы коротко сказать о том, что является для нас делом профессии и жизни, о тех характеристиках науки, которые выявились на этой встрече. В центре этого вопроса стоит особый ритм науки, особые характеристики отношений ученых и тот факт, что мы — особая группа людей, которая занимается особым делом. Мне кажется, что в России последних лет это чувство личности научного процесса в большой мере потерялось. Его забили частично текучкой, где люди мчатся вприпрыжку, чтобы побыстрее сказать что-то громкое;

забили выкриком, который заменяет собой размышление, если не ругательством, которое заменяет цивилизованный разговор, критическое размышление о том, как продвинуть вперед наше понимание проблемы. И в этом смысле особый ритм науки очень сильно чувствовался в этом зале. И у меня было не только чувство удовольствия от того, что я многому научился, но также ощущение воссоздания в какой-то мере нормальных форм взаимодействия ученых, которые очень часто терялись в последние годы. Мне довелось присутствовать на многих конференциях, которые не были похожи на встречи ученых, это качество где-то терялось.

Но признать, что у ученых особый ритм работы и жизни (когда это делается по-настоящему), — значит, одновременно признать, что у нас и особые опасности. Это, во-первых, упрощенчество, когда кажется, что "все просто". Я должен сказать, что такая нота прозвучала здесь раз или два — позиция, которая меня всегда выводит из себя — "это все просто". Я думаю, что это позиция чиновников или генералов, а для ученого — "это" всегда "не просто". И вопрос углубленности в проблему, и подход к ситуации с принятием трудности, а не ясности ее понимания, когда "все это не просто", с моей точки зрения, централен. Поясню на примере, что я имею в виду, когда говорю о борьбе с упрощением, о необходимости перебороть упрощение. Я думаю что теории разных видов прогресса — один из важных компонентов научного упрощенчества, которое убивает мышление, — это мысленная линия из "преисподней средневековья" в "величие сегодняшнего дня". И по этой линии где-то натканы разные общества, причем русское общество отстало. Его надо немножко подтолкнуть, и все будет хорошо. Если хотите, это яркий пример грубого упрощенческого мышления. А ведь большинство россиян пока принимает или одну, или только другую обратную ей точку зрения. Мы должны отбиваться от этого всеми силами.

Второй элемент, с которым борется это настоящая наука, — это спекуляция, построенная на фактах, взятых, так сказать, с потолка. Я думаю, это относится к трем четвертям того, о чем говорится в данную минуту в России. Согласно Витгенштейну, когда нечего сказать, надо молчать. По-моему, о трех четвертях того, о чем говорится в России, следовало бы молчать, потому что на самом деле говорящие не знают, в чем дело. Причем, не знают не потому, что еще не успели проанализировать (хотя это тоже существует), но потому, что нет самых базовых фактов, самой базовой статистики, и ее никто не намеревается собирать. Вместо этого приходят и говорят: "А я думаю, что..." Подобное "я думаю, что" находится в центре обсуждений предмета и моего исследования: развития сельского хозяйства и крестьянства России. Эта страна, которая до конца 20-х годов возглавляла крестьяноведение всего мира, сейчас просто безобразно безграмотна в понимании своего сельского хозяйства и сельского населения, и ничего не делается, чтобы перебороть это. Нет никакой группы, которая где-то пробовала бы серьезно разобраться в этой проблеме, говоря

себе: "ну, хорошо, пусть не теперь, но хоть на следующий год мы это поймем". И когда начинается действительно новый анализ, то чаще его делают иностранцы, что еще более потрясает меня.

Еще один элемент, который российская наука, с моей точки зрения, должна перебороть, — это претензия на роль пророка, у которого есть ответ на все вопросы, потому что он специалист в определенной области. Он отвечает на такие вопросы, как, скажем, какова душа русского народа. Или — каково будущее России вообще, хотя он специалист, скажем, по индустриальному развитию. С этой позицией пророка часто соседствует и окрик бюрократа, вместо серьезного размышления и дискуссии. Это идеология быстрого передвижения, отношение к науке командира взвода пехоты: "У тебя 24 часа, ты что оглядываешься, побыстрее давай результаты!" А для нас "оглядываться" — самое главное. Сидеть, смотреть в окно и размышлять, потому что без этого никто науки не создавал и не создаст.

И последнее, на что я обращаю внимание, это "обида на факты". В последние дни в России прошла новая волна обиды на факты. Одним политикам не нравится их народ, который их, понимаете ли, подвел. Не они, политики, не сумели понять, не сумели разобраться, не умеют работать политически, создавать партийно-политические системы. Нет, это русский народ оказался глуп, вот что произошло. Дело же жизни ученых — не обижаться на факты, а размышлять о них и понимать их, и делать это профессионально, не от случая к случаю, а систематически, что всегда означает медленно. Это значит жить с пониманием сложности, амбивалентности отношений, жить в мире, в котором существуют разные возможности. Это трудно, но это надо принять. Подобный подход означает понимание возможности разных альтернатив развития, способность создавать новые понятия, собирать новые факты и на этой базе строить новые концепции.

Я думаю, что симпозиум в какой-то мере продвинул нас во всех этих направлениях. Я сторонник научного минимализма. Я не верю в решения, которые окончательны для науки, не верю и в симпозиумы, которые все решают и отвечают на все вопросы. Но если мы начали двигаться в сторону понимания важности проблемы, ее трудности, богатства ее содержания как для нас, так и для страны, то мы сделали что-то важное. И у меня глубокое чувство удовлетворенности тем, что мы в эту сторону продвинулись, работая в условиях симпозиума, т.е. вместе. И мы расстанемся с чувством, что опять сможем встретиться, продолжать работать вместе. Поэтому то, что произошло, есть элемент не только настоящего, но и будущего: ясно, что есть место для дальнейших симпозиумов по данной проблеме, что участники этой дискуссии захотят снова встретиться. Ясно и то, что надо печатать материалы симпозиума, чтобы расширить круг людей, которые на эти темы спорят. И я уверен, что здесь никто не будет против этого возражать, потому что мы заканчиваем симпозиум с общим чувством удовлетворенности, хотя каждый, наверно, найдет слабости и в его

организации, и в том, как он проходил. Эти недостатки, конечно, будут исправляться, но они не главное в нашем деле.

В заключение я хочу сказать о том, что Интерцентр намерен делать дальше. Мы кончаем первый год работы. Мы посвятили этот год попытке создать мультидисциплинарный научный центр, который строится на фундаментальных долгосрочных исследованиях и медленном размышлении, где не спешат. Это означает создание таких условий для ученых, где их никто не толкает, и где администрация существует для ученых, а не ученые для администрации. И кажется, что удача этого эксперимента подтверждается данным симпозиумом: мы создали структуру, которая работает. Причем это не статика, мы уже движемся дальше, потому что "на огонек" сходятся все больше людей. Как много интересных проектов вышло на нас в течение этого года! Люди сходятся, приносят проекты по проблемам, о которых мы никогда не думали, и часть из них мы можем осуществить. Новые задачи, новые мысли, новые организации, новые семинары — все это идет на нас волной, куда более сильной, чем то, что мы можем осуществить, но часть этого осуществить мы можем. А в центре наших планов на будущее — создание университета, западного по структуре и российского по составу. Университета, который даст нам, я надеюсь, не только возможность собирать ученых, но и готовить новых ученых. И продвигать вперед дело науки не только взаимопомощью, но также созданием нового поколения исследователей.

Все мы прошли недавно через напряжение выборов и последующих политических событий. Но я хотел бы предложить вам вот какой лозунг: "Правительства приходят и уходят, а наука остается". Об этих правительствах забудут, а университеты будут продолжать действовать. Правительства выдерживают две недели или два года, а университеты держатся 600 лет и больше. И в этом суть нашего дела.

*Теодор Шанин,
профессор Манчестерского университета,
сопрезидент Интерцентра, Англия*

Заключительное слово

С моей точки зрения, суммировать богатство этого симпозиума и невозможно, и не нужно. Вместо того, чтобы повторяться, пытаюсь делать это, правильное просто подумать о сказанном. И мне, как и другим, хочется подумать об этих трех днях, которые, я думаю, обогатили каждого. Меня, во всяком случае, они решительно обогатили и оставили во мне (как, я думаю, и в других) заряд того, о чем стоит подумать не только день или два, но достаточно долго. Эти дни также оставили в нас какое-то чувство связи, взаимной заинтересованности, независимо от согласия взглядов. Ведь взаимный интерес ученых очень часто возникает и при несогласиях, поскольку эти несогласия связаны с серьезным отношением к серьезным проблемам, с тем, что люди стараются понять, разобраться, мысленно двигаться куда-то.

Я думаю, что в течение этих трех дней мы слышали разные точки зрения, был сделан новый анализ, было представлено довольно много нового материала, прозвучали и разные научные языки, и разные способы понимания проблем. Было рассказано также, что, на мой взгляд, очень важно, о вкладах разных дисциплин в общую проблематику, разных подходах, которые эти дисциплины создают, а также о разных срезам одних и тех же проблем. И это тоже важно для того, чтобы понять, как жить по-новому.

Я хотел бы коротко сказать о том, что является для нас делом профессии и жизни, о тех характеристиках науки, которые выявились на этой встрече. В центре этого вопроса стоит особый ритм науки, особые характеристики отношений ученых и тот факт, что мы — особая группа людей, которая занимается особым делом. Мне кажется, что в России последних лет это чувство особости научного процесса в большой мере потерялось. Его забили частично текучкой, где люди мчатся вприпрыжку, чтобы побыстрее сказать что-то громкое;

забили выкриком, который заменяет собой размышление, если не ругательством, которое заменяет цивилизованный разговор, критическое размышление о том, как продвинуть вперед наше понимание проблемы. И в этом смысле особый ритм науки очень сильно чувствовался в этом зале. И у меня было не только чувство удовольствия от того, что я многому научился, но также ощущение воссоздания в какой-то мере нормальных форм взаимодействия ученых, которые очень часто терялись в последние годы. Мне довелось присутствовать на многих конференциях, которые не были похожи на встречи ученых, это качество где-то терялось.

Но признать, что у ученых особый ритм работы и жизни (когда это делается по-настоящему), — значит, одновременно признать, что у нас и особые опасности. Это, во-первых, упрощенчество, когда кажется, что "все просто". Я должен сказать, что такая нота прозвучала здесь раз или два — позиция, которая меня всегда выводит из себя — "это все просто". Я думаю, что это позиция чиновников или генералов, а для ученого — "это" всегда "не просто". И вопрос углубленности в проблему, и подход к ситуации с принятием трудности, а не ясности ее понимания, когда "все это не просто", с моей точки зрения, централен. Поясню на примере, что я имею в виду, когда говорю о борьбе с упрощением, о необходимости перебороть упрощение. Я думаю что теории разных видов прогресса — один из важных компонентов научного упрощенчества, которое убивает мышление, — это мысленная линия из "преисподней средневековья" в "величие сегодняшнего дня". И по этой линии где-то натяканы разные общества, причем русское общество отстало. Его надо немножко подтолкнуть, и все будет хорошо. Если хотите, это яркий пример грубого упрощенческого мышления. А ведь большинство россиян пока принимает или одну, или только другую обратную ей точку зрения. Мы должны отбиваться от этого всеми силами.

Второй элемент, с которым борется это настоящая наука, — это спекуляция, построенная на фактах, взятых, так сказать, с потолка. Я думаю, это относится к трем четвертям того, о чем говорится в данную минуту в России. Согласно Витгенштейну, когда нечего сказать, надо молчать. По-моему, о трех четвертях того, о чем говорится в России, следовало бы молчать, потому что на самом деле говорящие не знают, в чем дело. Причем, не знают не потому, что еще не успели проанализировать (хотя это тоже существует), но потому, что нет самых базовых фактов, самой базовой статистики, и ее никто не намеревается собирать. Вместо этого приходят и говорят: "А я думаю, что..." Подобное "я думаю, что" находится в центре обсуждений предмета и моего исследования: развития сельского хозяйства и крестьянства России. Эта страна, которая до конца 20-х годов возглавляла крестьяноведение всего мира, сейчас просто безобразно безграмотна в понимании своего сельского хозяйства и сельского населения, и ничего не делается, чтобы перебороть это. Нет никакой группы, которая где-то пробовала бы серьезно разобраться в этой проблеме, говоря

себе: "ну, хорошо, пусть не теперь, но хоть на следующий год мы это поймем". И когда начинается действительно новый анализ, то чаще его делают иностранцы, что еще более потрясает меня.

Еще один элемент, который российская наука, с моей точки зрения, должна перебороть, — это претензия на роль пророка, у которого есть ответ на все вопросы, потому что он специалист в определенной области. Он отвечает на такие вопросы, как, скажем, какова душа русского народа. Или — каково будущее России вообще, хотя он специалист, скажем, по индустриальному развитию. С этой позицией пророка часто соседствует и окрик бюрократа, вместо серьезного размышления и дискуссии. Это идеология быстрого передвижения, отношение к науке командира взвода пехоты: "У тебя 24 часа, ты что оглядываешься, побыстрее давай результаты!" А для нас "оглядываться" — самое главное. Сидеть, смотреть в окно и размышлять, потому что без этого никто науки не создавал и не создаст.

И последнее, на что я обращаю внимание, это "обида на факты". В последние дни в России прошла новая волна обиды на факты. Одним политикам не нравится их народ, который их, понимаете ли, подвел. Не они, политики, не сумели понять, не сумели разобраться, не умеют работать политически, создавать партийно-политические системы. Нет, это русский народ оказался глуп, вот что произошло. Дело же жизни ученых — не обижаться на факты, а размышлять о них и понимать их, и делать это профессионально, не от случая к случаю, а систематически, что всегда означает медленно. Это значит жить с пониманием сложности, амбивалентности отношений, жить в мире, в котором существуют разные возможности. Это трудно, но это надо принять. Подобный подход означает понимание возможности разных альтернатив развития, способность создавать новые понятия, собирать новые факты и на этой базе строить новые концепции.

Я думаю, что симпозиум в какой-то мере продвинул нас во всех этих направлениях. Я сторонник научного минимализма. Я не верю в решения, которые окончательны для науки, не верю и в симпозиумы, которые все решают и отвечают на все вопросы. Но если мы начали двигаться в сторону понимания важности проблемы, ее трудности, богатства ее содержания как для нас, так и для страны, то мы сделали что-то важное. И у меня глубокое чувство удовлетворенности тем, что мы в эту сторону продвинулись, работая в условиях симпозиума, т.е. вместе. И мы расстанемся с чувством, что опять сможем встретиться, продолжать работать вместе. Поэтому то, что произошло, есть элемент не только настоящего, но и будущего: ясно, что есть место для дальнейших симпозиумов по данной проблеме, что участники этой дискуссии захотят снова встретиться. Ясно и то, что надо печатать материалы симпозиума, чтобы расширить круг людей, которые на эти темы спорят. И я уверен, что здесь никто не будет против этого возражать, потому что мы заканчиваем симпозиум с общим чувством удовлетворенности, хотя каждый, наверное, найдет слабости и в его

организации, и в том, как он проходил. Эти недостатки, конечно, будут исправляться, во они не главное в нашем деле.

В заключение я хочу сказать о том, что Интерцентр намерен делать дальше. Мы кончаем первый год работы. Мы посвятили этот год попытке создать мультидисциплинарный научный центр, который строится на фундаментальных долгосрочных исследованиях и медленном размышлении, где не спешат. Это означает создание таких условий для ученых, где их никто не толкает, и где администрация существует для ученых, а не ученые для администрации. И кажется, что удача этого эксперимента подтверждается данным симпозиумом: мы создали структуру, которая работает. Причем это не статика, мы уже движемся дальше, потому что "на огонек" сходится все больше людей. Как много интересных проектов вышло на нас в течение этого года! Люди сходятся, приносят проекты по проблемам, о которых мы никогда не думали, и часть из них мы можем осуществить. Новые задачи, новые мысли, новые организации, новые семинары — все это идет на нас волной, куда более сильной, чем то, что мы можем осуществить, но часть этого осуществить мы можем. А в центре наших планов на будущее — создание университета, западного по структуре и российского по составу. Университета, который даст нам, я надеюсь, не только возможность собирать ученых, но и готовить новых ученых. И продвигать вперед дело науки не только взаимопомощью, но также созданием нового поколения исследователей.

Все мы прошли недавно через напряжение выборов и последующих политических событий. Но я хотел бы предложить вам вот какой лозунг: "Правительства приходят и уходят, а наука остается". Об этих правительствах забудут, а университеты будут продолжать действовать. Правительства выдерживают две недели или два года, а университеты держатся 600 лет и больше. И в этом суть нашего дела.